МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

1848—1889

—

А. ФЕТА.

ЧАСТЬ II.

Москва. 1890

Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

1864—1889

ЧАСТЬ II

I.

Свиданіе съ Ѳ. И. Тютчевымъ.—Смерть Дружинина.—Письма.—Дмитрій Кирилловичъ.—Поѣздка на Тимъ.—Поѣздка въ Петербургъ.—Гр. Алексѣй Толстой.—Посѣщеніе Новоселокъ.—Сергѣй Мартыновичъ.

По поводу послѣдняго моего свиданія съ Ѳ. И. Тютчевымъ въ январѣ 64 года, не могу не привѣтствовать въ моемъ воспоминаніи тѣни одного изъ величайшихъ лириковъ, существовавшихъ на землѣ. Я не думаю касаться его біографіи, написанной, между прочимъ, зятемъ его Ив. Серг. Аксаковымъ. Тютчевъ сладостенъ мнѣ не столько какъ человѣкъ, болѣе чѣмъ дружелюбно ко мнѣ относившійся, но какъ самое воздушное воплощеніе поэта, какимъ его рисуетъ себѣ романтизмъ. Начать съ того, что Ѳедоръ Ивановичъ болѣзненно сжимался при малѣйшемъ намекѣ на его поэтическій даръ, и никто не дерзалъ заводить съ нимъ объ этомъ рѣчи. Но какъ ни скрывайте благоуханныхъ цвѣтовъ, ароматъ ихъ слышится въ комнатѣ, и гдѣ бы и когда бы вы ни встрѣтили мягкихъ до женственности очертаній лица Ѳедора Ивановича съ открытой ли головой, напоминающей мягкими и перепутанными сѣдинами его стихи:

«Хоть свѣжесть утренняя вѣетъ
Въ моихъ всклокоченныхъ власахъ...»

или въ помятой шляпѣ задумчиво бредущаго по тротуару и волочащаго по землѣ рукавъ поношенной шубы, — вы бы угадали любимца музъ, высказывающаго устами Лермонтова:

«Я не съ тобой, а съ сердцемъ говорю».

Было время, когда я раза три въ недѣлю заходилъ въ Москвѣ въ гостинницу Шевалдышева на Тверской въ номеръ, занимаемый Θедоромъ Ивановичемъ. На вопросъ: „дома ли Θедоръ Ивановичъ?“ камердинеръ нѣмецъ, въ двѣнадцатомъ часу дня,—говорилъ: „онъ гуляетъ, но сейчасъ придетъ пить кофей“. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ Θедоръ Ивановичъ приходилъ, и мы вдвоемъ садились пить кофей, отъ котораго я ни въ какое время дня не отказываюсь. Какихъ психологическихъ вопросовъ мы при этомъ не касались! Какихъ великихъ поэтовъ не припоминали! И, конечно, я подымалъ всѣ эти вопросы съ цѣлью слушать замѣчательныя по своей силѣ и мѣткости сужденія Тютчева и упивался ими. Помню, какою радостью затрепетало мое сердце, когда, прочитавши Θедору Ивановичу принесенное мною новое стихотвореніе, я услыхалъ его восклицаніе: „какъ это воздушно!“

Зная, что въ настоящее время онъ проживалъ въ Петербургѣ, въ домѣ Армянской церкви, я сказалъ Як. Петр. Полонскому, бывшему въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ съ Тютчевымъ,— о желаніи проститься съ поэтомъ, отъѣзжающимъ, какъ я слышалъ, въ Италію.

— Это невозможно, сказалъ Яковъ Петр.,— онъ въ настоящее время дотого убитъ роковой своей потерей, что только страдаетъ, а не живетъ, и потому дверь его закрыта для всѣхъ.

— По крайней мѣрѣ, сказалъ я,—передай ему мой самый искренній поклонъ.

Въ первомъ часу ночи, возвращаясь въ гостинницу Кроассана, я, вмѣстѣ съ ключемъ отъ номера, получилъ отъ швейцара записку. Зажигая свѣчу на ночномъ столикѣ, я, при мысли сладко задремать надъ французскимъ романомъ, намѣренъ былъ предварительно, уже лежа въ постели, прочесть и записку. Раскрываю послѣднюю и читаю: „Тютчевъ проситъ тебя, если можно, придти съ нимъ проститься“. Конечно, я черезъ минуту былъ снова одѣтъ и полетѣлъ на призывъ. Безмолвно пожавъ руку, Тютчевъ пригласилъ меня сѣсть рядомъ съ диваномъ *есъ*, на которомъ онъ полулежалъ. Должно быть его лихорадило и знобило въ теплой комнатѣ отъ рыданій, такъ какъ онъ весь покрытъ былъ съ

головою темно-сѣрымъ пледомъ, изъ подъ котораго виднѣлось только одно изнемогающее лицо. Говорить въ такое время нечего. Черезъ нѣсколько минутъ я пожалъ ему руку и тихо вышелъ. Вотъ что позднѣе разсказывалъ Тургеневъ о своемъ свиданіи съ Тютчевымъ въ Парижѣ:

„Когда Тютчевъ вернулся изъ Ниццы, гдѣ написалъ свое извѣстное:

«О этотъ югъ, о эта Ницца!...»

—„мы, чтобы переговорить, зашли въ кафе на бульварѣ и, спросивъ себѣ изъ приличія мороженаго, сѣли подъ трельяжемъ изъ плюща. Я молчалъ все время, а Тютчевъ болѣзненнымъ голосомъ говорилъ, и грудь его сорочки подъ конецъ разсказа оказалась промокшей отъ падавшихъ на нее слезъ“.

Міръ праху твоему, великій поэтъ! Тѣнь твоя можетъ утѣшиться! Недаромъ ты такъ ревниво таилъ свой пламень, ты навсегда останешься любимцемъ избранныхъ. Толпа никогда не будетъ въ силахъ понимать тебя!

Помню, въ одномъ письмѣ Л. Толстой пишетъ:

„Ѣхавши отъ васъ, встрѣтилъ я Тютчева въ Черни и четыре станціи говорилъ и слушалъ, и теперь, что ни часъ, вспоминаю этого величественнаго и простаго и такого глубоко настояще-умнаго старика“.

Еще въ предпослѣднюю поѣздку мою въ Петербургъ, я навѣщалъ тяжело больнаго А. В. Дружинина, и хотя онъ видимо радовался посѣщенію всѣхъ искреннихъ друзей своихъ, но посѣтителямъ (сужу по себѣ) было крайне тяжело видѣть ежедневное и несомнѣнное разрушеніе этого когда-то добродушнаго и веселаго человѣка. На этотъ разъ, не успѣлъ я остановиться въ гостинницѣ рядомъ съ Боткинымъ, какъ въ тотъ же день узналъ о смерти Дружинина, точно я нарочно подъѣхалъ къ его похоронамъ. Проводивши въ день погребенія усопшаго изъ дому, мы тѣснымъ кругомъ собрались на отпѣваніе въ церковь Смоленскаго кладбища. Очевидно, приличіе требовало, чтобы при отпѣваніи присутствовалъ и Некрасовъ, сумѣвшій въ это время разсориться со всѣмъ кружкомъ, за исключеніемъ Вас. Петр. Боткина. Никогда я

не забуду холоднаго выраженія пары черныхъ бѣгающихъ глазъ Некрасова, когда, не кланяясь никому и не глядя ни на кого въ особенности, онъ пробирался сквозь толпу знакомыхъ незнакомцевъ. Помню, какъ торопливо бросивъ горсть песку въ раскрытую могилу, Некрасовъ уѣхалъ домой; а родные покойника пригласили насъ на поминки въ кладбищенской гостинницѣ. Здѣсь, пока еще не всѣ собрались къ столу, я прочелъ Тургеневу свое стихотвореніе, написанное подъ первымъ впечатлѣніемъ, прося его по обычаю сказать, стоитъ ли оно того, чтобы его прочесть публично?

„Вы видите, я плачу, сказалъ Тургеневъ,— это лучшая похвала стихотворенію; но всетаки слѣдуетъ исправить стихъ: ты чистымъ донесенъ въ могилу, такъ какъ доносятъ *до*, а не *въ*. Видѣли ли вы, господа, сказалъ онъ, какъ я смотрѣлъ на Некрасова? Я какъ будто говорилъ ему: „видишь, я могу прямо смотрѣть на тебя, я передъ тобою не виноватъ; а твои глаза бѣгаютъ, боясь встрѣтить чужой взглядъ“.

Вскорѣ послѣ похоронъ, мы съ Василіемъ Петровичемъ уѣхали въ Москву, гдѣ пробывши трое сутокъ,—онъ снова возвратился въ Петербургъ.

Тургеневъ писалъ изъ Петербурга отъ 25 января 1864 г.:

„Ну-съ милѣйшій Аѳ. Аѳ., прибыли вы благополучно въ первопрестольный градъ вмѣстѣ съ прелестными старцами Мерике *) и Донъ-Базиліемъ. Черкните-ка словечко да пришлите Масловскія письма. Но представьте, какой я оказался телятиной! Вмѣсто чепуховатой г-жи З—й, мнѣ бы слѣдовало отвезти васъ купно съ романсами къ г-жѣ А., и вы бы насладились! Вчера я показалъ ей два первыхъ напечатанныхъ романса, и она ихъ такъ пропѣла *сразу* и такъ аккомпанировала, что я растаялъ. Что значитъ настоящая музыкальная нѣмецкая кровь!—Эта и грамматику знаетъ и въ риторикѣ сильна. Кстати, она чуть не влюблена въ Василія Петровича и хочетъ устроить для него квартетъ съ Рубинштейномъ, Давыдовымъ, Венявскимъ... четвертый персонажъ будетъ чуть ли не сама Святая Цецилія. И романсы она хо-

*) Въ бытность мою въ Петербургѣ, Тургеневъ подарилъ мнѣ книжку стихотвореній нѣмецкаго поэта Мерике.

четъ спѣть всѣ торжественно. Будетъ хорошо, а альбомъ вы получите немедленно, какъ только онъ выйдетъ.

„Прочелъ я послѣ вашего отъѣзда „Поликушку“ Толстаго и удивился силѣ этого крупнаго таланта. Только матеріалу ужь больно много потрачено, да и сынишку онъ напрасно утопилъ. Ужь очень страшно выходитъ. Но есть страницы поистинѣ удивительныя! Даже до холода въ спинной кости пробираетъ, а вѣдь у насъ она уже и толстая, и грубая. Мастеръ, мастеръ!

„Юный редакторъ „Библіотеки для чтенія“ проситъ меня узнать отъ васъ, не будетъ ли съ вашей стороны препятствія къ перепечаткѣ вашего стихотворенія изъ Московск. Вѣдомостей въ статьѣ о Дружининѣ, долженствующей явиться въ первомъ номерѣ его журнала? А вы, злодѣй, оставили: „донесенъ въ могилу“.

„Кланяйтесь добрымъ пріятелямъ, а главнѣйшее Вашей милой женѣ. Будьте здоровы.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

Боткинъ писалъ изъ Петербурга 2 февраля 1864 г.:

„Сегодня справляемъ тризну по Дружининѣ обѣдомъ, въ которомъ участвуютъ всѣ знавшіе его близко.

„Дай Богъ вамъ благополучно доѣхать до Степановки. Сегодня были выборы въ члены комитета литературнаго фонда. Я нарочно поѣхалъ туда, еще въ первый разъ; реакція противъ нигилизма и демагоговъ, слава Богу, оказалась полная. Въ предсѣдатели общества избранъ баронъ Корфъ и т. д.

„Я вынулъ экземпляръ записокъ объ Испаніи, чтобы послать его въ Вятку, и забылъ. Сдѣлай одолженіе, попроси переслать его ко мнѣ въ Петербургъ; мнѣ надо сдѣлать на немъ надпись: я такъ обѣщалъ.

Вашъ *В. Боткинъ.*

На этотъ разъ, возвращаясь въ Степановку зимнимъ путемъ до Орла въ дилижансѣ, мы не могли заѣхать въ Ясную Поляну. Въ деревнѣ мы снова попали въ то колесо бѣлки, въ которомъ бѣготни много, но успѣха никакого.

Боткинъ писалъ изъ Петербурга 26 февраля 1864 года:

„Продолжительное молчаніе ваше начинаетъ меня тревожить. Послѣ перваго вашего письма изъ Степановки, я не имѣлъ отъ васъ никакого извѣстія. Между тѣмъ все уже готово къ моему выѣзду заграницу. Скажу вамъ, что я имѣю намѣреніе ѣхать черезъ Варшаву и останусь тамъ нѣсколько дней взглянуть на это гнѣздо убійствъ и ненависти къ Россіи. Изъ Вѣны я буду писать къ вамъ. Вы же напишите мнѣ въ Вѣну, poste restante, да ты, пожалуйста, явственнѣе пиши адресъ и не такъ связно и размашисто, какъ ты пишешь обыкновенно. Я не могу еще положительно сказать, когда я выѣду, можетъ быть вначалѣ будущей недѣли. Наканунѣ отъѣзда я напишу вамъ.

27 февраля.

„Слава Богу! вчера вечеромъ получилъ отъ тебя письмо, изъ котораго вижу, что вы здоровы, и въ Степановкѣ все обстоитъ благополучно. Итакъ, я ѣду черезъ Варшаву. Надѣюсь, что ничего дурнаго не случится со мною. Можетъ быть вы назовете глупостью пускаться въ этотъ взволнованный край и въ такое время, когда по всѣмъ слухамъ дѣйствія революціонной партіи должны несомнѣнно усилиться. Но русское чувство теперь уже не оскорбляется въ Варшавѣ, какъ было нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, да и наконецъ мнѣ хочется взглянуть на этотъ городъ, гдѣ можно нанимать убійцъ по цѣлковому за человѣка. Я останусь тамъ дня четыре, потомъ въ Берлинъ.

„Я выѣзжаю 2 марта. При моей ненависти къ полякамъ, какое впечатлѣніе произведетъ на меня Варшава? Я буду тамъ съ Н. А. Милютинымъ. Все мнѣ будетъ любопытно тамъ: и враждебный городъ, и военная жизнь, и общій строй умовъ, и отголоски борьбы.

„Иванъ Сергѣевичъ уѣхалъ отсюда 22 февраля и, вѣроятно, прежде будущей зимы сюда не будетъ. Затѣмъ прощайте и не поминайте меня лихомъ.

Преданный вамъ

В. Боткинъ.

Тургеневъ писалъ:

Парижъ, 31 марта 1864 г.

„Любезнѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ, надобно непремѣнно намъ возобновить нашу переписку; и не потому, что мы имѣемъ пропасть вещей сообщить другъ другу, а просто потому, что не слѣдуетъ двумъ пріятелямъ жить въ одно и то же время на земномъ шарѣ и не подавать другъ другу хоть изрѣдка руку. Вы только обратите вниманіе на слѣдующій рисунокъ:

вѣчность ——— *а* ——— *вѣчность...*

„Точка *а* представляетъ то кратчайшее мгновенье, въ теченіи котораго мы живемъ; еще мгновенье, и поглотитъ насъ навсегда нѣмая глубина нихтзейна... Какъ же не воспользоваться этой точкой? Разскажу я вамъ, что я дѣлалъ, дѣлаю и буду дѣлать, и жду отъ васъ, что вы также поступите со мною.

«Покинувъ градъ Петровъ, я въ Баденъ поспѣшилъ
«И съ удовольствіемъ тамъ десять дней прожилъ.
«На брата посмотрѣть заѣхалъ я во Дрезденъ
«(Какъ у Веригиной на насъ съ привѣтомъ лѣзъ Денъ,—
«Вы не забыли, чай?—Но въ сторону его!)—
«Я въ Баденѣ, мой другъ, не дѣлалъ ничего,
«И то же самое я дѣлаю въ Парижѣ,
«И чувствую, что такъ къ природѣ люди ближе,
«И что не нуженъ намъ ни Кантъ, ни Геродотъ,
«Чтобъ знать, что устрицы кладутъ не въ носъ, а въ ротъ.
«Недѣльки черезъ двѣ лечу я снова въ Баденъ;—
«Тамъ травка зеленѣй, и воздухъ тамъ прохладенъ,
«И шепчутъ горъ верхи: «Гдѣ Фетъ? гдѣ тотъ поэтъ,
«Чей стихъ свѣжѣй икры и сладостнѣй конфектъ?
«Достойно насъ воспѣть одинъ онъ въ состояньи»...
«Но пребываетъ онъ въ далекомъ разстояньи!»

„Однако довольно дурачиться. Напишите мнѣ, что вы подѣлываете, что Борисовъ? Я получилъ отъ него очень милое письмо, на которое еще не отвѣтилъ, но отвѣчу непремѣнно.—Весна у насъ начинается, но какъ-то медленно и

вяло; дуютъ холодные вѣтры, и не чувствуется никакой нѣги, которую вы такъ прелестно воспѣвали. Я откладываю свои работы до Бадена; но, кажется, я только самого себя обманываю. Здѣсь я написалъ только статейку короче воробьинаго носа для предполагаемаго праздника Шекспировской трехсотлѣтней годовщины, да еще разсказецъ, тоже прекоротенькій, который я намахалъ въ два дня. Кстати: вы должны сочувствовать Шекспировской годовщинѣ: сдѣлали бы и вы что-нибудь!

„Ну, а Степановка все на томъ же мѣстѣ и процвѣтаетъ?— Что посаженныя деревца? А прудъ? Богъ дастъ, всю эту благодать я увижу въ нынѣшнемъ году. А пока будьте здоровы и веселы; дружески жму вамъ руку и кланяюсь вашей женѣ.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ*.

Боткинъ писалъ изъ Вѣны отъ 12 апрѣля 1864 года:

„Милые друзья! Мнѣ даже трудно и начинать разсказывать тѣ впечатлѣнія, которыя сдѣлала на меня Варшава, гдѣ я прожилъ десять дней. Однимъ словомъ: жгучій польскій вопросъ я чувствовалъ тамъ во всей ядовитой его силѣ. Довольно хоть сколько нибудь разумѣть дѣло, которое задумали поляки, чтобы всякій русскій человѣкъ почувствовалъ неизгладимую обиду. Когда нибудь послѣ разскажу. Въ этой мрачной картинѣ не обошлось и безъ комическаго. Я поѣхалъ изъ Варшавы на Бромбергъ, то есть чрезъ еще не безопасную мѣстность. Какой чертъ вздумаетъ этой дорогой ѣхать заграницу! И дѣйствительно, меня приняли за поляка, ѣдущаго съ фальшивымъ паспортомъ, арестовали, до гола раздѣли и обыскали, держали подъ карауломъ. Вся эта исторія продолжалась часовъ пять, пока не получена была отвѣтная телеграмма изъ ближайшаго городка, что я вовсе не тотъ, кого слѣдовало арестовать и проч. Варшавскія впечатлѣнія имѣли для меня тотъ результатъ, что я цѣлую недѣлю прохворалъ въ Берлинѣ. Куда мнѣ съ моими хилыми нервами пускаться на такія впечатлѣнія, какъ, напримѣръ, застрѣленный и плавающій въ крови русскій жандармъ, котораго увидѣлъ я въ Вилановѣ, верстъ 5 или 7 отъ Варшавы, куда

я съ нѣсколькими знакомыми поѣхалъ, запасшись револьверами и взявши человѣкъ семь конвоя. Но обо всемъ этомъ разскажу уже въ Степановкѣ, потому описывать не въ состояніи, ибо нервы тотчасъ приходятъ въ раздраженіе.— Получилъ ваше письмо здѣсь—и спасибо. Теперь уже адресуйте мнѣ въ Парижъ. Завтра ѣду изъ Вѣны въ Тріестъ и Венецію. Оттуда напишу вамъ. Я непремѣнно намѣренъ вернуться въ Россію въ концѣ нашего мая и уже не позже начала іюня. Прощайте.

Вашъ *В. Боткинъ.*

Венеція.
22 апрѣля 1864 г.

„Завтра будетъ недѣля, какъ я здѣсь; видѣлъ все, что хотѣлось видѣть, и хочу написать къ вамъ нѣсколько строкъ. Наслажденіе, производимое дѣйствительными произведеніями искусства, невозможно ни съ чѣмъ сравнить. И что удивительно, эти наслажденія не требуютъ непремѣнно молодости и свѣжести чувствъ; я теперь въ 52 года, кажется, гораздо полнѣе и глубже ощущаю ихъ, нежели во время моей молодости. Нынѣшній разъ я особенно обращалъ вниманіе на произведенія, сдѣланныя въ эпоху, когда древняя литература и древнее искусство начали проникать въ средневѣковыя воззрѣнія Итальянцевъ и породили тотъ стиль, который вообще извѣстенъ подъ названіемъ стиля Возрожденія (Renaissence). Для изученія этого благороднѣйшаго стиля, Венеція представляетъ множество произведеній во всѣхъ родахъ, хотя природа человѣческая остается одинаковою во всѣ времена, но воззрѣнія его на міръ очевидно измѣняются, и вотъ эти то измѣненія ни въ чемъ такъ ощутительно не запечатлѣваются, какъ въ произведеніяхъ искусства. Удивительно то, что искусство каждой эпохи имѣетъ свою красоту. Видно, что во всѣ времена и во всѣ эпохи,—какъ только человѣкъ начнетъ съ любовью смотрѣть на предметъ или на мысль свою и воспроизводить ее не въ соотношеніи къ другимъ предметамъ, но исключительно для нея самой, какъ будто-бы въ ней заключалась вся сущность міра, — такъ непремѣнно

явится произведеніе, которое невольно притягиваетъ къ себѣ всякаго, у кого есть сколько нибудь живое чувство. Человѣкъ развлеченъ и потерянъ въ этомъ общемъ, среди котораго онъ живетъ, а искусство индивидуализируетъ то, изъ чего состоитъ эта масса общаго, и за это люди любятъ искусство. Они любятъ его за то, что въ каждомъ предметѣ искусство умѣетъ открывать значеніе, организацію и красоту. И это равно относится и къ поэту, и къ архитектору. Но вотъ въ чемъ бѣда, что рѣдко родятся люди, которые способны *такъ* смотрѣть на предметы, любить ихъ для нихъ самихъ, а не по отношенію ихъ къ другимъ предметамъ. Это-то и называется *объективнымъ* взглядомъ на вещи. Изъ боязни напустить тебѣ еще бо̀льшаго туману,—я больше не стану говорить объ этомъ. Одно только скажу, что безъ труда не бываетъ наслажденія. Ничего человѣку не дается легко и сразу. Мнѣ по крайней мѣрѣ все дается съ трудомъ; да я думаю только то и прочно, что пріобрѣтено съ трудомъ.

„Прелестнѣйшее впечатлѣніе сдѣлала на меня Вѣна, гдѣ я пробылъ шесть дней. Мягкіе нравы, элегантность жизни, старая укоренившаяся цивилизація, средневѣковой характеръ города, что-то умягченное, пріятное, чувственное, которое втягиваетъ въ себя и не даетъ думать ни о чемъ на свѣтѣ, кромѣ vivere memento,—вотъ какое впечатлѣніе сдѣлала на меня Вѣна. Берлинъ выражаетъ только одну сторону Германіи: Берлинъ мастерская, дѣловая контора Германіи,—онъ смотритъ въ будущее, а Вѣна въ прошедшее и наслаждается своимъ нажитымъ добромъ, своею блестящей аристократіей.

„Отсюда я ѣду въ Виченцу посмотрѣть на постройки Палладіо; тамъ находится много дворцовъ и домовъ, построенныхъ имъ. Гармонія и сочетаніе размѣровъ, вотъ сущность архитектурной красоты, но опять-таки всякая эпоха имѣетъ свои сочетанія размѣровъ и свою гармонію. Никто такъ не чувствовалъ и не воспроизводилъ красоту римскихъ зданій, какъ Палладіо. Но это не было однимъ подражаніемъ, тутъ чувствуется самобытная фантазія. Его зданія имѣютъ въ себѣ что-то чувстенное, роскошное, цвѣтущее, какая-то полнота и красота формъ женщины, только перешедшей тридцать лѣтъ. Только богатая и цвѣтущая Италія и именно Ве-

неція 16-го вѣка могла произвести такого архитектора вмѣстѣ съ своимъ Тиціаномъ и Веронезомъ.

„Первые христіане старались истреблять храмы и изображенія языческихъ божествъ, и потомъ эти же самые христіане черезъ 1400 лѣтъ пришли почти къ обожанію этихъ же языческихъ произведеній. Вотъ вамъ и историческій прогрессъ! Но существуютъ и будутъ писаться различныя философіи исторіи, чтобы по силамъ давать всему разгадку и выводить необходимость всего этого. Въ сущности же никто не можетъ освѣтить эту бездонную бездну человѣческаго мрака.

„Здорова ли Степановка? Не смотря на полноту и роскошь ощущеній, которыя я испытываю здѣсь, я всетаки съ какой-то теплою и тихою радостью думаю о моемъ скоромъ возвратѣ въ Степановку. Во второй половинѣ мая я надѣюсь быть уже въ Парижѣ и, посѣтивши Баденъ, повидаюсь съ Тургеневымъ, а тамъ и въ Россію. Но я надѣюсь еще получить отъ васъ письма въ Парижѣ.

Вашъ *В. Боткинъ.*

Парижъ.
21 мая 1864 г.

„Милые друзья, вчера была недѣля, какъ я въ Парижѣ. нужно было заказать бѣлье, платье и проч., и я могу выѣхать отсюда 24-го утромъ въ Баденъ, навѣстить Тургенева, гдѣ пробуду только одинъ день. При такой поспѣшности, въ какой я теперь нахожусь, и не слѣдовало бы заѣзжать, но какъ же не навѣстить пріятеля! Здѣсь стоятъ такіе невыносимые жары, что я совсѣмъ ослабѣлъ, да къ этому еще хлопоты,—и безъ слуги, просто выбился изъ силъ. А все спѣшу для того, чтобы пораньше пріѣхать въ Степановку. А сколько хлопотъ мнѣ предстоитъ въ Петербургѣ! Пріисканіе и наемъ квартиры, заказъ мебели и проч. Не знаю, какъ я со всѣмъ этимъ справлюсь. Авось все это я успѣю сдѣлать въ недѣлю, и тотчасъ въ Москву, гдѣ пробуду дня три. Но я буду еще писать изъ Петербурга. Прощайте.

Вашъ *В. Боткинъ.*

27 мая 1864 г.
Петербургъ.

„Не знаю, что будетъ дальше, а я вотъ и добрался до Петербурга благополучно и спѣшу написать вамъ нѣсколько строкъ. Я дорогой прихворнулъ — простудился. Желательно бы получить отъ тебя вѣсточку. Буду торопиться какъ только можно. Главный вопросъ теперь о квартирѣ: нужно пріискать ее теперь, а осенью будетъ поздно. Лучше адресуй мнѣ письмо въ Москву на имя конторы, да не будетъ ли порученій, я бы ихъ выполнилъ аккуратно. Я пріѣхалъ вчера вечеромъ".

28 мая.

„Вчера получилъ твое письмо изъ Москвы. Все это дѣло проклятой мельницы. Радуюсь, что могли отложить его до октября. Сегодня пускаюсь на отысканіе квартиры. Это для меня страшная обуза, — который никогда еще не жилъ на квартирѣ. Машинку для дѣланія мороженаго, разумѣется, куплю и привезу съ собою. Здѣсь только что начинаютъ переѣзжать на дачи, которыя нынѣшнее лѣто останутся наполовину пустыя; — множество поѣхало заграницу, не смотря на ужаснѣйшій курсъ. Повѣрьте, друзья, рвусь къ вамъ всѣмъ существомъ своимъ. Уже я слышу самые похвальные отзывы о статьѣ твоей „Изъ деревни". Вчера Абаза говорилъ, что прочелъ ее съ великимъ удовольствіемъ и ждетъ съ нетерпѣніемъ продолженія. Ржевскій точно также. Значитъ нравится всѣмъ порядочнымъ и дѣльнымъ людямъ. Кромѣ того, Абаза находитъ въ ней „что-то необыкновенно пріятное". Онъ не умѣлъ назвать вещь по имени: *поэтическое*. Да я и не читая увѣренъ былъ въ этомъ. Все это обязываетъ тебя непремѣнно продолжать, да съ этимъ ты и самъ согласишься. Такого ли мнѣнія Катковъ? Да я въ Москвѣ поддамъ ему пару. Впрочемъ, если онъ заартачится, то я предложу Дудышкину. И мнѣ какъ хочется пописать, да не знаю, хватитъ ли силъ.

„Вчера уже началъ пріисканіе квартиры, но цѣлый день прошелъ въ тщетныхъ поискахъ. Большихъ квартиръ въ восемь, девять и т. д. комнатъ много, а порядочныхъ неболь-

шихъ нѣтъ. Что-то будетъ сегодня? Обнимаю васъ крѣпко. Досвиданія.

Вашъ навсегда *В. Боткинъ.*

Слѣдующее письмо Тургенева изъ Баденъ-Бадена уже застало Боткина въ Степановкѣ:

6 іюня 1864 г.

Соборное посланіе
двумъ обитателямъ Степановки
отъ смиреннаго
Іоанна.

„Любезнѣйшій Фетъ!
На ваше риѳмованное
И милѣйшее письмо
Отвѣчать стихами
Я не берусь;
Развѣ тѣмъ размѣромъ,
Который съ легкой руки
Гёте и Гейне
Привился у насъ и сугубо
Процвѣлъ подъ перстами
Поэта, носящаго имя
Фетъ!
Размѣръ этотъ легокъ,
Но и коваренъ:
Какъ разъ по горло
Провалишься въ прозу,
Въ самую скудную прозу,—
И сиди въ ней,
Какъ грузныя сани
Въ весенней зажорѣ! —
Ну-съ, какъ-то васъ боги
Хранятъ

„Почтеннѣйшій Боткинъ! Мнѣ слѣдовало бы также ударить въ струны лиры, чтобы достойно воспѣть письмо твое, сейчасъ полученное мною, въ которомъ ты такъ графически описалъ женщину-медика! Да, братъ, новыя пошли безобразія! Видно, судьба какъ только замѣтитъ, что люди признали какую-нибудь штуку каррикатурой, безобразіемъ, она сейчасъ распорядится такъ, чтобы эту же штуку поставить на пьедесталъ: покланяйтесь, молъ, дурачье! Воображаю я твою фигуру передъ этой Дульцинеей!

„Мнѣ очень жаль, что ты занемогъ въ Петербургѣ и квартиру не нашелъ по вкусу: ты

На лонѣ обширной
  Тарелки,
Посрединѣ которой
Грибомъ крутобокимъ
Степановки милой
Засѣла усадьба? —
  Надѣюсь — отлично;
Теперь же явился
Къ вамъ оный премудрый
Странникъ и зритель,
Зовомый Васильемъ
Петровичемъ Боткинымъ.
Онъ въ ваши предѣлы
Стремился, какъ рьяный
  Конь.
И всѣ наши просьбы,
Наши жаркія убѣжденья
Презрѣлъ; такъ ужасно
  Ему захотѣлось
Поѣсть вашихъ пулярокъ
Съ рисомъ и трюфелями,
Которыя запиваются
  Шампанскимъ,
Здѣсь,—увы!—неизвѣстнымъ.
Признаться, не прочь бы
И я побывать тамъ.
Но очень это ужь далеко.
А я здѣсь остался
Въ цвѣтущемъ Эдемѣ
  Баденъ-Бадена,
Въ которомъ однако
Вотъ уже болѣе мѣсяца
Царствуетъ противнѣйшій
Холодъ и вѣтеръ;
Льютъ дожди
Съ утра до вечера,
И вообще всякая гадость
  И пакость

нашелъ однако Дмитрія: *) развѣ онъ тебѣ не помогъ? Впрочемъ, теперь, вѣроятно, уже все рѣшено.

„Если ты наткнешься на какую нибудь статью въ Россійскомъ журналѣ, которая покажется тебѣ интересною, сдѣлай одолженіе, вырѣжь и пришли.

„Анненковъ пріѣдетъ сюда 25-го числа—черезъ недѣлю.

„Желаю тебѣ всего хорошаго, крѣпко жму твою руку и кланяюсь Марьѣ Петровнѣ.

Твой

Ив. Тургеневъ.

P. S. „Что слышно объ „Эпохѣ?“

*) Ниже будетъ о немъ говориться.

Совершается на небѣ.
Что-то у васъ?
Но не смотря на все это,
Я процвѣтаю
Здоровьемъ:
Только ноги пухнутъ,
Пузырь болитъ,
Ноетъ правый вертлюгъ
Отъ ревматизма;
Затылокъ трещитъ
Отъ геморроя,
И глаза плохо видятъ;
Я жъ, не унывая.
Пью какую-то мерзкую воду
Засимъ прощайте,
Землянику ѣшьте,
Тетеревовъ лупите
И меня поминайте.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

Князь Одоевскій писалъ мнѣ отъ 16 іюня 1864 года:

„Дошло ли до васъ, почтенный и любезнѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ, письмо мое отъ 1-го сего іюня, гдѣ я писалъ вамъ о вашемъ дѣлѣ и что оно на очереди 12-го іюня? Я не получилъ отъ васъ отвѣта. Оно слушалось 12-го; послѣдовало *разногласіе;* и оно пойдетъ вскорѣ въ Петербургъ на консультацію. Какъ жаль, что вы мнѣ не прислали никакого отвѣта. Мнѣ бы очень нужно было знать: неужели Шеншинымъ не было сдѣлано никакого движенія послѣ рѣшенія Временнаго Отдѣленія Земскаго Суда отъ 10 сентября 1860 года? Въ дѣлѣ вскользь находилось извѣстіе, что Шеншинъ *жаловался* Уѣздному Суду, но въ чемъ состояла жалоба и когда она была—въ дѣлѣ нѣтъ. Что сдѣлалъ Уѣздный Судъ—также неизвѣстно. Если Уѣздный Судъ отказалъ, то Шеншинъ жаловался ли въ Гражданскую Палату и притомъ когда? Всѣми этими свѣдѣніями вамъ необходимо запастися,

Отдѣленіе БАН

имѣть съ бумагъ, Шеншинымъ поданныхъ, копіи и дать имъ ходъ. Буду съ нетерпѣніемъ ожидать вашего отвѣта.

Вамъ душевно преданный

Князь В. Одоевскій.

P. S. „Какъ бы хорошо, если бы вы помирились съ вашимъ противникомъ; дѣло идетъ въ затяжку, а между тѣмъ онъ ловкій мошенникъ, ограждаетъ себя всѣми формальностями, которыя, впредь до аппеляціоннаго рѣшенія, въ настоящемъ моментѣ дѣла—суть вещь существенная. Да какъ вы ведете и ваше аппеляціонное дѣло? есть ли у васъ знающій юристъ, съ коимъ бы вы могли посовѣтоваться? Ибо сущая бѣда съ просителями не юристами“.

Я не успѣлъ сказать, что Василій Петровичъ на этотъ разъ привезъ не итальянца, а Дмитрія, о которомъ Тургеневъ упоминаетъ въ своемъ письмѣ. Перелистывая книгу жизни, я съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаюсь на личности этого Дмитрія, который, прослуживши съ примѣрной ревностью къ дѣлу и безукоризненной честностью Василію Петровичу Боткину (а угодить послѣднему было далеко не легко),—перешелъ какъ бы по наслѣдству къ меньшому брату Боткина М. П., у котораго до конца своихъ дней служилъ подъ именемъ Дмитрія Кирилловича. Если покойная Варвара Петровна Тургенева сумѣла въ средѣ окружающей ее прислуги образовать хотя одного Дмитрія Кирилловича, то честь ей и слава. Дмитрій Кирилловичъ (будемъ называть его такъ) настолько понималъ французскій языкъ, что говорить при немъ на этомъ языкѣ не значило говорить тайно. Посѣтители, столько разъ подробно описывавшіе Тургеневское Спасское, не могли не замѣтить темныхъ ширмъ, покрытыхъ прекрасными акварельными букетами. Эти букеты рисованы Дмитріемъ Кирил. Когда Варварѣ Петровнѣ подавали утромъ особенно понравившійся ей букетъ цвѣтовъ, она приказывала Дмитрію поставить его въ воду и затѣмъ срисовать. По поводу Дмитрія Кирилловича, передо мной возникаетъ смутный образъ Варв. Петр. Тургеневой, столь многократно выставленной

«На диво черни простодушной»...

Я никогда лично ея не зналъ; но благодаря частымъ разсказамъ о ней Ник. Ник., далеко не представлялъ ее себѣ той безсердечной женщиной, какою она изображена въ нашей литературѣ. Выше мы имѣли случай говорить о бывшихъ слугахъ Варвары Петровны: зубномъ врачѣ Порфиріи, слугахъ Ивана Сергѣевича: Иванѣ, Захарѣ и наконецъ Дмитріи. Кромѣ невыносимаго болвана Ивана, всѣ они сохранили извѣстный оттѣнокъ школы и преданія; но въ этомъ смыслѣ Дмитрій Кирилловичъ былъ замѣчательнымъ явленіемъ, которое, къ сожалѣнію, выступило передо мною во всей значительности только въ настоящее время, т. е. много лѣтъ спустя послѣ его смерти. Такое запоздалое объясненіе былыхъ образовъ приводитъ мнѣ на память несравненный монологъ въ началѣ IV акта II-й части Фауста, выступающаго изъ облака.

Тутъ прежнее, давно прожитое, проносится съ небывалою полнотой и красотой передъ созерцательнымъ окомъ воспоминанія. Я всегда удивлялся Дмитрію Кирилловичу, какъ идеальному слугѣ, никогда не тяготившемуся избыткомъ или чернотою работы. Слѣдуетъ прибавить, что никто его не побуждалъ своими требованіями; все, что нужно въ домѣ, довѣренномъ его попеченіямъ, онъ зналъ лучше самого хозяина и безъ суеты умѣлъ все такъ приладить, чтобы необходимое въ данную минуту было у него подъ рукою въ наилучшемъ видѣ. Стоило вамъ однажды переночевать при услугахъ Дмитрія Кирилловича, чтобы вы уже всегда находили ваши вещи въ самомъ удобномъ для васъ порядкѣ. Надо прибавить, что и у Вас. Петр., и у Мих. Петр. Боткиныхъ Дмитрій Кирил. бывалъ одинъ на всю квартиру, и надо было видѣть порядокъ, въ которомъ содержались квартиры, не взирая на ежедневныхъ посѣтителей. Вернувшись какъ нибудь въ неурочное время, вы могли застать далеко уже немолодаго Дмитрія Кирилловича въ бѣломъ фартукѣ на суконной подстилкѣ стоящимъ на подоконникѣ и тщательно обмывающимъ губкою оконныя стекла. Разъ только въ жизни пришлось мнѣ услыхать восклицаніе ропота изъ устъ Дмитрія Кирилловича. Я останавливался въ Петербургѣ у Василія Петровича въ домѣ Өедорова, непосредственно соединенномъ

черезъ дворъ съ Англійскимъ клубомъ. По условію Боткинъ посылалъ ежедневно за своими обѣдами въ клубъ, что, конечно, находилъ во всѣхъ отношеніяхъ болѣе удобнымъ. Но затрудненіе, получить на кухнѣ клуба обѣдъ, увеличивалось, если за послѣднимъ приходили въ самый развалъ многочисленныхъ клубныхъ гостей и притомъ требуя не одного, а нѣсколькихъ обѣдовъ. Василій Петровичъ, любившій обѣдать внѣ дома, по временамъ приглашалъ къ себѣ своихъ пріятелей, но съ такимъ разсчетомъ, чтобы, въ зависимости отъ помѣщенія и сервизовъ, число обѣдающихъ не превышало десяти человѣкъ. Не удивительно, что, при разнообразныхъ интересахъ и кратковременномъ моемъ пребываніи въ Петербургѣ, я не входилъ въ механизмъ холостаго хозяйства Боткина. Я видѣлъ, что обѣдъ подавался превосходный и. не взирая на зимній переходъ изъ клуба, совершенно горячій; но я только позднѣе узналъ, что въ собственной кухнѣ у Дмитрія Кирил. горѣли спиртовыя лампы, на которыхъ принесенныя блюда ожидали своей очереди. Всякій хозяинъ знаетъ, какое сложное дѣло при нынѣшней сервировкѣ раздвинуть столъ, солидно заправивъ вставную доску, во избѣжаніе, какъ это случается, печальнаго крушенія, и поставить передъ каждымъ кувертомъ цѣлый наборъ разнородной хрустальной посуды,—если все это исполняется въ однѣ руки.

Однажды Василій Петровичъ пригласилъ пріятелей обѣдать. Помню, что въ числѣ ихъ былъ несравненный поэтъ и мыслитель Ѳ. И. Тютчевъ. Разнообразная закуска красовалась на буфетѣ, а накрытый столъ сверкалъ граненымъ хрусталемъ. Вдругъ въ корридорѣ раздался звонокъ, и совершенно неожиданно вошли два новыхъ посѣтителя. Василій Петровичъ, подбѣжавши ко мнѣ, шепнулъ: „скажи Дмитрію, чтобы онъ спросилъ два лишнихъ обѣда“. Прошедши по направленію къ неизвѣстной мнѣ кухнѣ, я тотчасъ догадался, что Дмитрій въ клубѣ, и что его надо ожидать по задней лѣстницѣ. Черезъ минуту слышу шуршаніе домоваго ключа въ замочной скважинѣ, дверь отворяется, и передо мною Дмитрій, восходящій съ двумя судками, и за нимъ съ такими же судками неизвѣстное мнѣ лицо, оказавшееся проживающимъ у Боткина мѣсячнымъ извощикомъ.

— Дмитрій, сказалъ я подымавшемуся ко мнѣ слугѣ, — пришли два гостя, и Василій Петровичъ требуетъ двухъ добавочныхъ обѣдовъ.

— Господи! застоналъ Дмитрій. — Что-жь тутъ-то дѣлать!?

Какихъ усилій стоило Дмитрію разрѣшеніе новой задачи — не знаю; но мы обѣдали въ числѣ двѣнадцати человѣкъ, какъ ни въ чемъ не бывало.

Нѣсколько лѣтъ спустя, когда, по смерти Василія Петровича, Дмитрій Кирил. служилъ уже у Михаила Петровича, я не могу забыть слѣдующаго момента. Собиратель майоликъ Мих. П. Боткинъ приглядѣлъ на аукціонѣ графини Кушелевой дорогое итальянское блюдо съ похищеніемъ Елены. Въ извѣстный день Боткинъ входитъ со сдержаннымъ торжествомъ, а за нимъ Дмитрій Кир. въ завязанной салфеткѣ несетъ драгоцѣнное блюдо, нимало не скрывая своего восторга. Хотя я смѣло могу сказать, что никогда не встрѣчалъ такого образцоваго служителя, но не могу промолчать о немъ, какъ о выдающемся явленіи изъ далеко непривлекательнаго типа нашихъ слугъ. Типъ этотъ вообще представляетъ раболѣпное униженіе передъ непосредственной возможностью тычка съ одной стороны и высокомѣрное презрѣніе при возможной безнаказанности. Выдающимся признакомъ неблаговоспитанности служитъ злоупотребленіе благодушнымъ обращеніемъ. Увы! — эта черта не одной только прислуги и не къ ней одной приложимо слово: забываться. Никакое любезное обращеніе не могло ни на минуту поколебать спокойнаго убѣжденія Дмитрія Кирилов. и измѣнить его ровнаго, свободнаго и почтительнаго тона. Онъ видимо допускалъ любезность высшихъ только до извѣстныхъ предѣловъ. Такой благовоспитанности Дмитрія Кирилловича могли бы позавидовать многіе.

Толстой писалъ отъ 15 іюля 1864 года:

„Милый другъ, Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Тоже два слова. Жена диктуетъ: весь домъ боленъ. А я отъ себя прибавляю: и начинаетъ выздоравливать. Ваше приглашеніе всѣхъ порадовало. Мы переглянулись съ женою и съ Таней (свояченицей), улыбнулись всѣ: „а вотъ бы славно! поѣдемъ къ Фетушкѣ, ей-Богу“. И поѣхали бы, коли бы не горловая боль

Тани, отъ которой она была въ опасности и теперь лежитъ, и не болѣзнь Сережи, и не восьмой мѣсяцъ беременности Сони, причемъ, обдумавъ здраво, не слѣдуетъ предпринимать такія поѣздки. Я же желаю и надѣюсь быть. Пока душевно кланяюсь Марьѣ Петровнѣ и Василія Петровича обнимаю. Отъ Дарки черная сучка черезъ три недѣли къ вашимъ услугамъ. Досвиданья.

Л. Толстой.

Словно недостаточно было одного безконечнаго, мельничнаго процесса, ближайшій Тимской сосѣдъ мой, старый полковникъ, вызывалъ меня письмомъ на совѣщаніе для принятія мѣръ противъ претензій государственныхъ крестьянъ на нашу дачу. Не удивительно, что любознательный Василій Петровичъ, совершенно незнакомый съ нашей проселочной русской жизнью, съ удовольствіемъ схватился за мысль ѣхать съ нами на Тимъ самымъ походнымъ способомъ, т. е. въ одной коляскѣ, съ поваромъ Михайлой на козлахъ рядомъ съ кучеромъ. Къ счастію, въ то время въ 10-ти верстахъ отъ насъ находилась почтовая станція, гдѣ можно было нанять лошадей до постоялаго двора съ вольными ямщиками. Это обстоятельство дозволило намъ, рано выѣхавши, пріѣхать еще засвѣтло въ нашу новую Тимскую усадьбу, въ которой, при освѣжительномъ лѣсномъ ароматѣ, не оказалось ни одной мушки. Василій Петровичъ поселился въ одной изъ большихъ комнатъ, выходящихъ въ залу, и восторгамъ его не было конца, при панорамѣ, открывавшейся съ обрыва берега, на который была обращена терраса нашего домика. Къ этому надо прибавить отличную уху, которою кормилъ насъ Михайла, необычайно чистую и легкую воду, бившую изъ родника въ нѣсколькихъ шагахъ отъ балкона, и замѣчательную стройность и красоту брюнетовъ крестьянъ. Возвращаясь съ обычныхъ прогулокъ, Боткинъ не переставалъ приходить въ изумленіе отъ красиваго восточнаго типа мужчинъ рядомъ съ бѣлокурымъ, курносымъ, финскимъ типомъ женщинъ. Понятно, что остроносый и смуглый типъ сохранился подъ Ливнами на бывшемъ пути Золотой Орды; но странно, что этотъ типъ нимало не сообщился женской половинѣ народонаселенія

Условившись съ полковникомъ К. насчетъ совмѣстнаго образа дѣйствій по притязаніямъ крестьянъ, я рѣшился вернуться домой. По пріѣздѣ въ Степановку, мы нашли письмо Тургенева отъ 26 іюля 1864 г. изъ Баденъ-Бадена:

„Любезнѣйшій Аѳ. Аѳ., я вообще часто думаю объ васъ, но въ послѣдніе два-три дня особенно часто, ибо читалъ „Изъ деревни“ въ Русскомъ Вѣстникѣ и ощущалъ при этомъ значительное удовольствіе. Правда, просто и умно разсказанная, имѣетъ особенную прелесть. Сверхъ того я вспомнилъ, что не отвѣчалъ на ваше послѣднее письмо, и вотъ я и принялся за перо.

„О себѣ не имѣю ничего сказать особеннаго, но вопреки извѣстной дипломатической фразѣ: „pas de nouvelles,—bonne nouvelle“—подвергался нѣкоторымъ непріятностямъ: страдалъ зубами (невралгіей) жестоко въ теченіи трехъ недѣль, потомъ простудился; однако теперь поправился и ужь мысленно готовлюсь къ охотѣ, которая начинается у насъ черезъ мѣсяцъ. А вы, мой батюшка, уже колотили тетеревовъ? Я отъ Борисова узналъ, что вы съ Боткинымъ отправились на мельницу „ѣсть рыбу“. Дай Богъ вамъ хорошій аппетитъ! Поклонитесь отъ меня Василію Петровичу.

„Стихотвореніе ваше очень мило.

„Засимъ отъ души васъ обнимаю, кланяюсь усердно вашей женѣ и великому Д. Базиліо и остаюсь

преданный вамъ

вѣчно Баденскій житель *Ив. Тургеневъ*.

Убѣдившись изъ письма Одоевскаго объ окончательномъ переходѣ мельничнаго процесса изъ московскаго сената въ Петербургъ въ консультацію, при министерствѣ учрежденную, мы рѣшили съ Василіемъ Петровичемъ спѣшить ему на помощь въ Петербургъ. Мнѣ было пріятно, что Василій Петровичъ съ такимъ же беззавѣтнымъ чувствомъ стремился въ Ясную Поляну, въ которой мы по дорогѣ провели самый пріятный день. Изъ Москвы мы поѣхали въ Петербургъ вмѣстѣ съ Василіемъ Петровичемъ, и въ вагонѣ при видѣ своего знакомаго онъ воскликнулъ:

„Господа! позвольте васъ познакомить. Я вижу въ этой случайности хорошее предзнаменованіе. Это какъ разъ юрисъ-консультъ Н. П. С—ъ, и ты можешь попросить его совѣта насчетъ своего дѣла. А онъ, я увѣренъ, будетъ тѣмъ внимательнѣе, что самъ превосходными стихами переводитъ Мицкевича".

Въ Петербургѣ я и самъ разыскалъ давно знакомаго мнѣ другаго юрисъ-консульта, образованнаго и любезнаго Н. В. К—а. Но съ больною мельницей происходило то же самое, что бываетъ съ каждымъ больнымъ. Доктора, сколько бы ихъ ни призывали, хотя бы первоклассныхъ, любезно кланяются и самымъ внушительнымъ тономъ говорятъ слова, изъ которыхъ никто не въ состояніи вывесть опредѣленнаго заключенія. Тѣмъ не менѣе я пустился на поиски самыхъ крупныхъ врачей, въ видѣ завѣдующаго министерствомъ юстиціи. Узнавши черезъ общаго знакомаго о дняхъ, въ которые товарищъ министра С—ій обѣдаетъ въ Англійскомъ клубѣ, мы неукоснительно въ эти дни стали обѣдать тамъ съ Васил. Петров.

Я не встрѣчалъ человѣка, въ которомъ бы стремленіе къ земнымъ наслажденіямъ высказывалось съ такой беззавѣтной откровенностью, какъ у Боткина. Можно было бы подумать. что онъдревній грекъ, заставившій Шиллера въ своемъ гимнѣ „Боги Греціи" воскликнуть:

«Было лишь прекрасное священно,
Наслажденья не стыдился богъ»...

Но нигдѣ стремленіе это не проявлялось въ такой полнотѣ, какъ въ клубѣ передъ превосходною закускою.

„Вѣдь это все прекрасно! восклицалъ Боткинъ съ сверкающими глазами.—Вѣдь это все надо ѣсть!"

Когда я въ возможной краткости изложилъ С—у дѣло мельницы, онъ спросилъ: „вы о чемъ же собственно просите?"—поставивши этимъ вопросомъ меня въ затрудненіе. Когда, указывая на преднамѣренную путаницу, введенную въ дѣло противникомъ, я сталъ просить о вниманіи къ дѣлу, С—ій сказалъ: „могу васъ увѣрить, что я каждое дѣло, проходящее черезъ мои руки, разсматриваю съ полнымъ вниманіемъ".

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ я, мнѣ не о чемъ болѣе просить.

Однажды, когда я вернулся домой, Василій Петровичъ встрѣтилъ меня словами: „здѣсь былъ графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой, желающій съ тобою познакомиться. Онъ просилъ насъ послѣ завтра по утреннему поѣзду въ Саблино, гдѣ его лошади будутъ поджидать насъ, чтобы доставить въ его Пустыньку. Вотъ письмо, которое онъ тебѣ оставилъ“.

Въ назначенный день коляска по спеціальному шоссе доставила насъ изъ Саблина версты за три въ Пустыньку. Надо сознаться, что въ степной Россіи нельзя встрѣтить тѣхъ свѣтлыхъ и шумныхъ рѣчекъ, бѣгущихъ средь каменныхъ береговъ, какія всюду встрѣчаются на Ингерманландскомъ побережьи. Не стану распространяться о великолѣпной усадьбѣ Пустыньки, построенной на живописномъ правомъ берегу горной рѣчки, какъ я слышалъ, знаменитымъ Растрелли. Домъ былъ наполненъ всѣмъ, что вкусъ и роскошь могли накопить въ теченіи долгаго времени, начиная съ художественныхъ шкапофъ Буля до мелкой мебели, которую можно было принять за металлическую литую. Я не говорю о давнишнемъ знакомомъ Василіи Петровичѣ; но и меня графъ и графиня, несказанной привѣтливостью и истинно высокой простотою, сумѣли съ перваго свиданія поставить въ самыя дружескія къ себѣ отношенія. Не взирая на самое разнообразное и глубокое образованіе, въ домѣ порой проявлялась та шуточная улыбка, которая потомъ такъ симпатически выразилась въ сочиненіяхъ „Кузьмы Пруткова“. Надо сказать, что мы какъ разъ застали въ Пустынькѣ единственнаго гостя Алексѣя Михайл. Жемчужникова, главнаго вдохновителя несравненнаго поэта Пруткова. Шутки порою проявлялись не въ однихъ словахъ, но принимали болѣе осязательную, обрядную форму. Такъ гуляя съ графиней по саду, я увидалъ въ каменной нишѣ огромную, величиною съ собачку, лягушку, мастерски вылѣпленную изъ зеленой глины. На вопросъ мой—„что это такое?“—графиня со смѣхомъ отвѣчала, что это цѣлая мистерія, созданная Алексѣемъ Михайловичемъ, который требуетъ, чтобы другіе, подобно ему, приносили цвѣтовъ въ даръ его лягушкѣ. Такъ я и по сей день не

проникъ въ тайный смыслъ высокой мистеріи. Не удивительно, что въ домѣ, посѣщаемомъ не профессіональными, а вполнѣ свободными художниками, штукатурная стѣна вдоль лѣстницы во второй этажъ была забросана большими миѳологическими рисунками чернымъ карандашемъ. Графъ самъ былъ тонкій гастрономъ, и я замѣчалъ, какъ Боткинъ преимущественно передъ всѣми наслаждался превосходными кушаньями на лондонскихъ серебряныхъ блюдахъ и подъ такими же художественными крышками.

Въ теченіи моего разсказа мнѣ придется еще говорить о графѣ Алексѣѣ Константиновичѣ. Но не могу не сказать, что съ перваго дня знакомства я исполнился глубокаго уваженія къ этому безукоризненному человѣку. Если поэтъ и такой, что, по словамъ Пушкина:

«И средь дѣтей ничтожныхъ міра
Быть можетъ всѣхъ ничтожнѣй онъ»...

—способенъ въ минуту своего поэтическаго пробужденія привлекать и уносить насъ за собою, то мы не можемъ безъ умиленія смотрѣть на поэта, который, подобно Алексѣю Констант., никогда по высокой природѣ своей не могъ быть ничтожнымъ.

То, о чемъ мнѣ придется разсказать теперь, въ сущности нимало не противорѣчитъ моимъ взглядамъ на вещи, такъ какъ я знаю, что еслибы мнѣ говорить только о томъ, что я совершенно ясно понимаю, то въ сущности пришлось бы молчать.

Часу въ девятомъ вечера мы всѣ, въ числѣ упомянутыхъ пяти человѣкъ, сидѣли наверху въ небольшой графининой пріемной, примыкавшей къ ея спальнѣ. Я зналъ, что Боткинъ не дозволялъ себѣ никогда разсказывать неправды, и что отъ него жестоко досталось бы всякому, заподозрившему его въ искаженіи истины; и вдругъ въ разговорѣ, начало котораго я не разслышалъ, Василій Петровичъ обратился къ хозяйкѣ дома:

— А помните, графиня, какъ въ этой комнатѣ при Юмѣ столъ со свѣчами поднялся на воздухъ и сталъ качаться, и я полѣзъ подъ него, чтобы удостовѣриться, нѣтъ ли тамъ какихъ-нибудь нитокъ, струнъ или тому подобнаго, но ничего не на-

шелъ? А затѣмъ помните ли, какъ вонъ тотъ вашъ столикъ изъ своего угла пошелъ, пошелъ и взлѣзъ на этотъ диванъ?

— А не попробовать ли намъ сейчасъ спросить столикъ? сказалъ графъ.—У графини такъ много магнетизма.

Столоверченіе было уже давно въ ходу, и, конечно, мнѣ шутя приходилось принимать въ немъ участіе. Но никогда еще серьезные люди въ моемъ присутствіи не относились такъ серьезно къ этому дѣлу. Мы усѣлись за раскрытый ломберный столъ въ такомъ порядкѣ: графъ съ одной стороны стола противъ меня, по лѣвую его руку графиня и Жемчужниковъ, а напротивъ ихъ, по правую сторону графа, Боткинъ на диванѣ. Возбужденный любопытствомъ до крайности, я не выдержалъ и сказалъ: „пожалуйста будемте при опытѣ этомъ сохранять полную серьезность“. Говорилъ я это внутренно по адресу ближайшаго сосѣда своего Жемчужникова, за которымъ я далъ себѣ слово внимательно наблюдать.

— Кого же вы считаете способнымъ къ несерьезности? спросила графиня и тѣмъ убѣдила меня въ неосновательности моего подозрѣнія.

Соприкасаясь мизинцами, мы составили на столѣ непрерывный кругъ изъ рукъ. Занавѣски на окнахъ были плотно задернуты, и комната совершенно ясно освѣщена. Минуты черезъ двѣ или три послѣ начала сеанса я ясно услыхалъ за занавѣсками оконъ легкій шорохъ, какъ будто производимый бѣготнею мышей по соломѣ. Конечно, я принялъ этотъ шумъ за галлюцинацію напряженнаго слуха, но затѣмъ почувствовалъ несомнѣнное дуновеніе изъ подъ стола въ мои свѣсившіяся съ краю ладони. Только что я хотѣлъ объ этомъ заявить, какъ сидѣвшій противъ меня графъ тихо воскликнулъ: „господа, вѣтерокъ, вѣтерокъ. Попробуй ты спросить, обратился онъ къ женѣ: они къ тебѣ расположены“. Графиня отрывисто ударила въ зеленое сукно стола, и въ ту же минуту послышался такой же ударъ навстрѣчу изъ подъ стола.

— Я ихъ попрошу, сказалъ графъ, пойти къ Аѳан. Аѳан., и онъ сказалъ: allez chez monsieur, — прибавя: они любятъ, чтобы ихъ просили по-французски. Спросите ихъ ямбомъ, продолжалъ онъ.

Я постучалъ и получилъ въ отвѣтъ усиленно звучные

удары ямбомъ. То же повторилось съ дактилемъ и другими размѣрами; но съ каждымъ разомъ интервалы между ударами становились больше, а удары слабѣе, пока совсѣмъ не прекратились.

Я ничего не понималъ изъ происходящаго у меня подъ руками и, вѣроятно, умру, ничего не понявши.

Дня черезъ два затѣмъ я уже былъ въ Москвѣ, а оттуда проѣздомъ въ Степановку завернулъ къ Борисову въ Новоселки. Красивый, но съ необыкновенно большою головою маленькій Петруша Борисовъ былъ кумиромъ своего отца, и не удивительно, такъ какъ это былъ портретъ обожаемой мужемъ Нади. Когда-то едва лишь изъ пеленъ онъ былъ внесенъ матерью въ гостиную, въ которой случайно были братья Толстые, Николай и Левъ, и Тургеневъ. Ребенокъ безъ капризовъ охотно шелъ на руки къ стороннимъ и, согласно желанію Борисова, мы всѣ передержали его по очереди на рукахъ. Бѣдный ребенокъ, какъ мало пошло ему въ прокъ придуманное предзнаменованіе; но во всякомъ случаѣ это былъ мальчикъ, изъ ряду вонъ выходящій. Бѣгло читая уже семи лѣтъ, онъ скоро бросилъ дѣтскія книжки и, перечитывая Иліаду Гнѣдича, отчетливо помнилъ всѣ описанныя въ ней событія вмѣстѣ съ главнѣйшими дѣйствующими лицами. Въ настоящее время при немъ проживалъ въ качествѣ дядьки нѣмецъ Ѳедоръ Ѳедор. Ауфманъ. Небольшаго роста, остроносенькій, въ аккуратно пригнанной накладкѣ, съ лицомъ, испещреннымъ веснушками, добродушный Ѳедоръ Ѳедоров. напоминалъ коростеля. Конечно, онъ не могъ привлечь къ себѣ вниманія любознательнаго мальчика съ одной стороны, а съ другой обожаніе отца лишало Ѳедора Ѳедоровича и того нравственнаго вліянія, которое его лѣта должны бы производить на ребенка.

— Знаешь ли ты, кто къ намъ пришелъ? спросилъ меня Иванъ Петровичъ: — ни за что не отгадаешь: Сергѣй Мартыновичъ. Помнишь, нашъ общій дядька, когда мы проживали у васъ въ Новоселкахъ.

— Быть не можетъ! воскликнулъ я.—Лѣтъ тридцать тому назадъ еще до отъѣзда моего въ Верро, когда ты уже былъ въ кадетскомъ корпусѣ, онъ отошелъ отъ насъ и отправился

вмѣстѣ съ господиномъ Каврайскимъ, женатымъ на сестрѣ бывшаго его господина Мансурова въ Вятку, гдѣ Каврайскій устроилъ винокуренный заводъ.

— Знаю, знаю! воскликнулъ Иванъ Петровичъ. — Тамъ Мартыновичъ нашъ женился и купилъ землю, но по смерти жены и Каврайскихъ все продалъ и съ деньгами вернулся на родину въ бывшій Мансуровскій Подбѣлевецъ, въ 4-хъ вер. отъ Новоселокъ.

— Боже! воскликнулъ я, — возможно ли, чтобы подобные Мартыновичу люди самобытно существовали на земномъ шарѣ? Онъ могъ жить у Мансурова, у насъ, у Каврайскаго, но я представить не могу, чтобы подобный человѣкъ жилъ гдѣ либо самостоятельно.

— Но за то такова эта и самостоятельность, замѣтилъ Иванъ Петровичъ.—По своему добродушію онъ поселился у родныхъ своихъ братьевъ, бывшихъ Мансуровскихъ крестьянъ, и тѣ, конечно, съ того начали, что обобрали его вчистую, за исключеніемъ платья и медвѣжьей шубы, завѣщанныхъ ему покойнымъ бариномъ, и которыхъ онъ, не смотря на малый ростъ свой не передѣлывалъ съ большаго роста, а только подворачивая рукава и брюки проносилъ всю свою жизнь. Вообрази, что, не взирая на лѣта, онъ по наружности весьма мало измѣнился, и въ рыжеватыхъ его вискахъ нѣтъ ни одного сѣдаго волоса. Зато ничто не можетъ сравниться съ его нищетою. Обобравшіе его братья его не кормятъ. Я очень радъ, продолжалъ Борисовъ, случаю поговорить съ тобою о старикѣ. Невозможно оставить его, безпомощнаго, въ такомъ положеніи, и если мы съ тобой дадимъ ему въ мѣсяцъ по 2 р. 50 к., то по крайней мѣрѣ онъ не умретъ голодной смертью.

Конечно, я съ радостью принялъ это предложеніе и тутъ же выложилъ свою часть за два мѣсяца. Слуга доложилъ, что Сергѣя Мартыновича накормили на кухнѣ, и онъ пришелъ въ переднюю. „Веди его, сюда въ кабинетъ", сказалъ Иванъ Петровичъ.

— Сергѣй Мартыновичъ! воскликнулъ Борисовъ навстрѣчу вошедшему и дѣйствительно мало измѣнившемуся старику.— Узнаете ли, кто передъ вами?

— Слышалъ, надобно сказать. отъ людей и очень, надобно сказать, радъ. Что жь охотитесь, Аѳ. Аѳ.? Плохая, надобно сказать, стала охота.

— Садитесь-ка, Сергѣй Мартыновичъ, сказалъ Борисовъ.— Я вотъ сказывалъ брату, какъ вамъ плохо у братьевъ, и вы будете получатъ отъ насъ мѣсячное содержаніе.

— А я, сказалъ Мартыновичъ, буду, надобно сказать, за васъ Богу молить. Отняли братья все, надобно сказать, все отняли.

Въ это время прибѣжалъ въ комнату Петруша и, искоса поглядывая на Мартыныча, прислонился къ колѣнямъ отца.

— Вотъ нагулялись, надобно сказать, набѣгались, миленькій. Слава Богу, миленькій! Надо, миленькій, уважать папашу, мамашу?"

Недружелюбіе еще сильнѣе выразилось на лицѣ ребенка, и онъ полуслезливымъ голосомъ воскликнулъ: „фразы говоритъ! фразы говоритъ!"

Иванъ Петровичъ позвонилъ слугу и сказалъ: „вели Ѳедору запречь бураго въ бѣгунки и отвезть Сергѣя Мартыновича въ Подбѣлевецъ.—Ну, Сергѣй Мартыновичъ, сказалъ Иванъ Петровичъ, вручая старику пятирублевую ассигнацію: смотрите, не отдавайте братьямъ денегъ; а то они и эти отнимутъ.

— Отнимутъ, Иванъ Петровичъ!

— Вотъ вы и не давайте!

— Не дамъ, надобно сказать, не дамъ.

На другой день я рано утромъ уѣхалъ въ Степановку.

Боткинъ писалъ изъ Петербурга отъ 13 сентября 1864 г.:

„Здравствуйте, добрые друзья! Сегодня первую ночь ночевалъ на своей квартирѣ и нахожу ее довольно удобною. Но она еще вовсе не устроена, а если дожидаться, когда мебельщикъ доставитъ заказанную мебель и проч., то мнѣ должно жить еще долго въ гостинницѣ. Но и въ такомъ видѣ въ ней ночевать можно. Я утомился отъ всяческихъ хлопотъ по разнымъ покупкамъ; главное, всегда затрудняетъ меня выборъ и колебаніе между тѣмъ или другимъ рѣшеніемъ,—это утомляетъ меня до изнеможенія.

„Я не утерпѣлъ и зашелъ къ Николаеву узнать о твоемъ дѣлѣ, ибо увѣряли, что оно должно было поступить на кон-

сультацію 12 сентября. Но тамъ узналъ я только то, что оно на эту очередь не поступило. Но увы! больше ничего не узналъ, да и узнать не отъ кого. Можно сказать, что оно въ рукахъ судьбы, и кромѣ того мнѣніе П—ва бросаетъ мрачную тѣнь на его перспективу. Потребно необыкновенное стеченіе самыхъ благопріятныхъ вниманій и расположеній, чтобы вывести его изъ мрака лживости на разумный путь. Николаевъ самъ ничего не знаетъ, да и кто можетъ знать, кромѣ самихъ консультантовъ, которые тоже даютъ каждый свое отдѣльное мнѣніе. Будетъ ли большинство этихъ мнѣній согласно съ П—ымъ, или противъ него,—это узнается только тогда, когда эти мнѣнія въ совокупности поступятъ къ министру, за котораго теперь управляетъ С—ій.

„Хотя заграничный паспортъ взятъ, но я все еще не рѣшилъ, когда я поѣду. Если что заставитъ меня ѣхать, такъ это неустроенная квартира. Въ настоящее время съ мебельщиками бѣда: все торопится, все суетится и ничего нейдетъ. Мой мебельщикъ обѣщаетъ сдать не ранѣе 2 или 3 недѣль, и, смотря на его умоляющее лицо, — теряешь возможность сердиться. Впрочемъ все равно, уѣду ли я или нѣтъ,—твое письмо перешлютъ мнѣ въ Берлинъ.

„Благополучно ли все въ Степановкѣ? И какъ ваша поѣздка на Тимъ? Въ мировую съ Б—ымъ я не вѣрю, а готовность его есть только слова и слова. Развѣ что условія мировой будутъ для него совершенно выгодны, а въ противномъ случаѣ вся выгода его—не мириться.

„Итальянская опера уже открылась, но я еще не былъ. Въ такомъ смутномъ состояніи музыка не привлекаетъ. Карточки твои отдалъ Б—й и провелъ у нихъ весь вечеръ и даже ужиналъ. Вотъ типы добродушнѣйшихъ женщинъ и безыскусственныхъ! Но увы! я стою передъ ихъ земною, стихійною силой, какъ Фаустъ передъ духомъ земли, котораго онъ вызвалъ, — сознавая свою ничтожность. Для такихъ могучихъ организмовъ нужны Голіафы и Сампсоны. Для такихъ натуръ поэзія не существуетъ. И слава Богу—они не говорятъ возвышенныхъ фразъ и тѣмъ пріятнѣе. Прощайте и пишите уже мнѣ на мою квартиру въ Караванную, 14.

Вашъ *В. Боткинъ.*

II.

Снова ѣдемъ на Тимъ.—Мировой посредникъ С. С. Клушинъ.—Разверстаніе съ крестьянами.—Мировая съ Б—ымъ.—Возвращеніе домой.—Ночлегъ въ деревнѣ.—Письма.—Снова въ Москву.—По дорогѣ заѣзжаемъ въ Спасское.—Поѣздка въ Петербургъ къ В. П. Боткину.—Возвращеніе въ Степановку.—Анна Семеновна Бѣлоконытова.—Пріѣздъ Тургеневыхъ къ намъ.

Съ окончаніемъ озимаго посѣва и молотьбы въ Степановкѣ. необходимо было позаботиться о тѣхъ недодѣлкахъ, которыя постоянно оставались въ дѣлахъ брата Петруши. Надо было подумать о разверстаніи съ Тимскими крестьянами, какъ о дѣлѣ первой важности во всякомъ населенномъ имѣніи.

На этотъ разъ безъ Василія Петровича мы отправились туда съ женою въ небольшой коляскѣ на своихъ лошадяхъ, съ тѣмъ же поваромъ Михайлой на козлахъ, причемъ приходилось не только кормить, но и ночевать дорогой на разстояніи 90 верстъ.

На Тиму, согласно цѣли поѣздки, я долженъ былъ ѣхать за 12 верстъ знакомиться съ мѣстнымъ мировымъ посредникомъ, Сергѣемъ Семеновичемъ Клушинымъ. Не могу безъ душевнаго умиленія вспомнить этого вполнѣ русскаго и вполнѣ прекраснаго человѣка. Не удивительно, что такое трудно исполнимое дѣло скоро и блистательно окончено руками такихъ образцовыхъ людей. Я засталъ Сергѣя Семеновича въ его кабинетѣ, а затѣмъ, когда мы успѣли болѣе познакомиться, онъ все въ томъ же парусинномъ костюмѣ, доставлявшемъ прохладу его шарообразному тѣлу, провелъ меня въ большую залу, служившую вмѣстѣ и гостиной. и представилъ

своей матери старушкѣ. Видно было, что прекрасный домъ и другія немногочисленныя постройки окончены недавно, и Сергѣй Семеновичъ разсказывалъ, какъ онъ, не обладая большими средствами, въ теченіи шести лѣтъ готовилъ строительный матеріалъ и исподволь производилъ постройку. Зато все было сдѣлано обдуманно и выгодно, начиная съ камернаго отопленія соломой и кончая прекрасными рамами и дверями.

Свой архитектурный талантъ Сергѣй Семеновичъ, между прочимъ, проявилъ и на приходской церкви, въ которой состоялъ церковнымъ старостой и мимо которой мнѣ каждый разъ приходилось проѣзжать къ нему. Онъ, не трогая каменнаго купола храма, переложилъ его весь, значительно увеличивъ размѣры. По дѣламъ мнѣ неоднократно приходилось бывать у Сергѣя Семеновича, даже въ дни, когда онъ по службѣ уѣзжалъ въ Ливны, и я оставался съ глазу на глазъ съ его добрѣйшей матерью, боготворившей его. Въ одинъ изъ такихъ пріѣздовъ она расположилась въ креслѣ у самой стеклянной двери на террасу, съ которой черезъ лужайку виднѣлся пчельникъ и прекрасная липовая аллея. Мать и сынъ такъ привыкли къ своимъ пчеламъ, что ограничивались равнодушными замѣчаніями, что пчелы не кусаютъ. И дѣйствительно, хотя мнѣ случалось сидѣть на террасѣ даже въ обществѣ гостей, — я никогда не слыхалъ, чтобы пчелы кого-либо укусили. На этотъ разъ я спросилъ у старушки, что значатъ многочисленные бѣлые свертки салфетокъ на клумбахъ передъ террасой, — и получилъ въ отвѣтъ, что она ежедневно завертываетъ георгины на случай утреннихъ морозовъ.

— Сергѣй Семеновичъ, замѣтила она, просилъ васъ откушать, и право такъ совѣстно заставлять васъ ждать; но онъ не такой человѣкъ, чтобы тратить время по пустому: должно быть дѣла задержали. Да и проѣдетъ онъ изъ Ливенъ 25 верстъ не болѣе двухъ часовъ; онъ, вы знаете, охотникъ до хорошихъ лошадей и по здѣшнему ѣздитъ всегда съ тремя колокольчиками на дугѣ.

— Какъ не знать! я даже знаю, что они съ братомъ моимъ давнишніе пріятели, и что онъ подбиралъ себѣ у брата пристяжныхъ изъ кровныхъ верховыхъ. Разсказывалъ онъ мнѣ.

какъ онъ лѣчилъ одну изъ прежнихъ пристяжныхъ отъ норова.

— Какъ же, какъ же, перебила меня старушка: заноровилась какъ то у него пристяжная среди поля. Онъ и послалъ кучера на другой пристяжной въ деревню раздобыться коломъ. Забили они этотъ колъ утромъ да и привязали пристяжную и продержали до самого вечера безъ корма. Съ той поры норовъ какъ рукой сняло.

— Да, замѣтилъ я, такія вещи можно только дѣлать съ терпѣніемъ Сергѣя Семеновича и съ его страстью къ лошадямъ.

Долго еще разговаривали мы со старушкой, отрывавшей по временамъ глаза отъ чулка, чтобы бросить взоръ въ стеклянную дверь. Вдругъ она вскочила съ кресла и, какъ свѣча вытянувшись во весь свой небольшой ростъ, восторженно крикнула: „Сергѣй Семеновичъ! Кушать!" прибавила она по адресу стараго слуги.

Какъ я ни старался вслушиваться, я въ теченіи пяти минутъ не могъ разслушать ни малѣйшаго звука. Но не ошиблось любящее ухо матери: черезъ нѣкоторое время услыхалъ и я малинный звонъ трехъ колокольчиковъ.

— Меня то задержали, сказалъ входящій Сергѣй Семеновичъ, а вотъ вы то, маменька, и себя, и гостя истомили понапрасну.

— Ну ужь извини Сергѣй Семеновичъ! безъ тебя бы мнѣ и обѣдъ не въ обѣдъ.

— Да будетъ вамъ, маменька, отвѣчалъ Сергѣй Семеновичъ, цѣлуя дрожащую руку старушки (онъ всегда говорилъ „будетъ" вмѣсто „довольно").

Единственный разъ въ жизни мнѣ пришлось видѣть дотого дрожащія руки, что старушка, черпая супъ правой рукою, придерживала ее лѣвой, чтобы бульонъ не расплескался дорогой до рта.

Благодаря спокойнымъ пріемамъ Сергѣя Семеновича, разверстаніе съ крестьянами было окончено въ одинъ его пріѣздъ. „Крестьяне ваши жалуются, сказалъ Сергѣй Семеновичъ, что въ ихъ надѣлѣ весною двѣ десятины засыпаетъ пескомъ и просятъ о прирѣзкѣ имъ сверхъ надѣла еще двухъ

десятинъ. Поѣдемте посмотрѣть, что это за песчаный переносъ?“

По указанію сельскаго старосты и выборныхъ, мы увидали песчаную гривку, шириною не болѣе двухъ аршинъ, едва замѣтно желтѣющую по огородному чернозему. Конечно, я ничего не возражалъ при крестьянахъ, но, вернувшись домой, не могъ не сказать Сергѣю Семеновичу, что со стороны крестьянъ это очевидная прижимка для полученія лишняго.

— Хе-хе-хе! захихикалъ Сергѣй Семеновичъ, замѣтивъ мое волненіе.—Да ужь будетъ вамъ, будетъ! Гдѣ ужь на свѣтѣ эта абсолютная правда? Ну, конечно, придирка. Да плюньте вы на эти двѣ десятины, и сейчасъ кончимъ все дѣло.

Черезъ нѣсколько дней сдѣлка по обоюдному соглашенію была окончательно оформлена.

Вначалѣ этого пріѣзда противникъ мой по мельничному процессу Б—ъ неоднократно пріѣзжалъ ко мнѣ съ предложеніемъ мировой. Не справляясь даже съ мнѣніемъ нашего арендатора А — ва, я не разъ предлагалъ Б — ву четыре аршина четыре вершка на его плотинѣ, вмѣсто прежнихъ четырехъ аршинъ двухъ съ половиною вершковъ. Но онъ и слышать не хотѣлъ, повторяя: „помилуйте, 12 вершковъ то мои неотъемлемые“.—А когда я въ совѣщаніяхъ съ А—вымъ только заикался о предоставленіи Б — ву восьми вершковъ, А—въ вопилъ, что тогда надо бросить мельницу и бѣжать. Однажды когда, по разверстаніи съ крестьянами, мы собирались уже въ Степановку, появился Б—въ съ тѣми же безплодными толками.

— Не могу понять, сказалъ онъ, изъ-за чего мы съ вами, Аѳан. Аѳан., судимся?

— Это вы, отвѣчалъ я, лучше меня знаете, такъ какъ желаете въ пользу своей будущей крупчатки уничтожить мою, существующую десятки лѣтъ.

— Я ничего, отвѣчалъ Б—въ, не желаю; а желаю только чтобы было „исправедливо“. Ваша мельница пускай остается при своей водѣ; пустимъ ее на всѣ поставы; а что затѣмъ изъ подъ всѣхъ колесъ въ рѣку стечетъ, то мое.

— Если бы вы только этого хотѣли, отвѣчалъ я, то не тягались бы мы съ вами по судамъ.

— А я больше ничего и не желаю, какъ чтобы было „исправедливо“.

— Чего же справедливѣе! сказалъ я.—Вы знаете, подъ нашими наливными колесами печать. Пустимъ всю рабочую воду до этой печати, а затѣмъ отмѣтимъ, сколько воды наберется при этомъ въ концѣ рабочей канавы, на находящемся тамъ столбѣ, и съ этой мѣтки вся вода въ рѣкѣ ваша.

— Помилуйте, возразилъ Б—въ, — зачѣмъ же намъ отмѣчать другой столбъ? Вѣдь вода вездѣ ровна. Такъ ужь будемъ набирать мою воду съ того столба, что подъ вашими колесами, а не съ того, что въ устьяхъ рабочей канавы.

Разговаривая не разъ съ арендаторомъ о паденіи рабочей воды, я припомнилъ, что на небольшомъ протяженіи рабочей канавы въ какихъ-либо двухстахъ саженяхъ вода въ канавѣ для предупрежденія засоренія имѣетъ вершка четыре склона, и что пустить Б—ва съ водою по верхнюю печать значитъ дать ему ворваться въ нашу рабочую канаву и тѣмъ лишить ее навѣки возможности расчистки.

— Вы, Алексѣй Кузьмичъ, просите воды въ рѣкѣ, а присчитываете мою рабочую канаву и сами говорите, что все равно,—верхняя или нижняя печать. Ужь если вы желаете справедливости, то будемъ мѣтить съ того мѣста, гдѣ кончается моя вода и гдѣ начинается ваша.

— Ну пускай будетъ такъ. Давайте на этомъ кончать мировою, сказалъ Б—въ.

— Ну въ добрый часъ, сказалъ я, протягивая руку. Если вы твердо рѣшились на этомъ покончить, то я сегодня же вечеромъ поѣду къ Сергѣю Семеновичу и попрошу его въ качествѣ посредника и человѣка настолько же хорошо извѣстнаго вамъ, какъ и мнѣ, оформить нашу мировую и закрѣпить ее установленіемъ законныхъ знаковъ. Я сегодня же, вернувшись, дамъ вамъ знать, на какой день вызоветъ насъ обоихъ Сергѣй Семеновичъ для написанія мироваго акта.

— Слава тебѣ Господи, сказалъ Б—въ, раскланиваясь, что на этомъ рѣшили. По крайней мѣрѣ будетъ „исправедливо“.

Сергѣй Семеновичъ просилъ насъ пріѣхать на другой день послѣ обѣда, обѣщавъ къ тому времени написать черновую

нашей мировой въ буквальномъ смыслѣ моихъ словъ, для того чтобы, въ случаѣ одобренія проэкта Алексѣемъ Кузьмичемъ, писарь имѣлъ время переписать его набѣло для нашихъ подписей.

— Ну что, Алексѣй Кузьмичъ, сказалъ на другой день посредникъ входящему Б—ву. Хорошее дѣло, кажется, вы, господа, затѣяли. Прислушайте, что я написалъ начерно и поправьте, если что найдете не такъ.

При чтеніи проэкта Б—въ все время говорилъ: такъ-съ, такъ-съ, совершенно „исправедливо". Но дойдя до печатей, онъ обратился къ Клушину со словами: „Сергѣй Семеновичъ, какъ вы полагаете, слѣдуетъ обозначать начало моей воды отъ первой или второй печати?"

— Я, тоненькимъ и жирнымъ фальцетомъ захихикалъ Клушинъ,—я обязанъ скрѣплять общее ваше желаніе, выраженное съ надлежащей ясностью; а ужь совѣтовать, извините, никому изъ васъ не могу.

— Да какъ же таперича? началъ Б—въ.

Эта канитель начинала меня бѣсить, и я невольно проговорилъ: „видите, Алексѣй Кузьмичъ, а вчера еще по рукамъ ударили; а я-то отъ своихъ словъ не отпираюсь.

— Да будетъ вамъ! перебилъ насъ Сергѣй Семеновичъ.— Коли уговорились, то надо писать; а не рѣшились, оставимте дѣло.

— Ну да ужь что жь! перебилъ Б—въ. Видно такъ тому дѣлу и быть: прикажите переписывать.

— А мы съ вами, господа, сказалъ Сергѣй Семеновичъ,— покуда чайку попьемъ.

Часамъ къ десяти мы еще разъ прослушали и подписали переписанную въ двухъ экземплярахъ мировую. Какъ я ни рвался довести дѣло до надлежащаго конца, оказалось, что исполнить его невозможно было съ желаемой скоростью. Посредникъ счелъ нужнымъ вызвать изъ Ливенъ исправника, депутата отъ купечества, пригласить трехъ свидѣтелей дворянъ и трехъ купцовъ и даже священника. А такъ какъ для приведенія въ исполненіе проекта необходимо было не только спустить прудъ на мельницѣ Б—ва до осушенія нашей рабочей канавы, но приходилось поджидать и необы-

чайнаго набора воды въ собственномъ нашемъ пруду и въ запрудѣ выше лежащей по рѣкѣ мельницы Селиванова, то раньше недѣли окончить дѣло нечего было и думать. Тѣмъ временемъ сентябрь подходилъ къ концу, и ночные холода стали сильно давать себя чувствовать; а нашъ домъ вообще и спальня въ частности при одиночныхъ рамахъ были весьма плохою защитой отъ стужи. Пріѣхали мы по теплой погодѣ въ лѣтнихъ платьяхъ, а тутъ приходилось еще на ночь завѣшивать окно отъ врывающагося вѣтра.

Однажды ночью, когда все уже шло къ концу, дрожа отъ холода поднявшейся осенней бури, мы услыхали сильные удары въ стеклянную раму балконной двери. Выйдя наскоро изъ мрака въ полусвѣтъ, я за стеклами различилъ огромный силуэтъ и на вопросъ: „кто тамъ?“—узналъ голосъ нашего арендатора. Впустивъ его въ залу, я спросилъ,—что ему нужно?

— У меня на плотинѣ вода набрана по самые края, а при этой страшной бурѣ вѣтеръ съ верховья плещетъ волной черезъ заставки. Я пришелъ просить у васъ позволенія спустить воду, а то плотина не выдержитъ, и мы разоримъ и свою, и Б—вскую плотину. А я до свѣта пошлю Сергѣю Семеновичу донесеніе о случившемся.

Конечно, приведеніе въ исполненіе мировой было по необходимости отложено еще на два дня. Наконецъ, къ полудню назначеннаго дня всѣ вызванные къ ея исполненію явились на Тимскую мельницу, и во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній и подозрѣній положено было, чтобы мы съ Б—вымъ стояли при спускѣ воды на всѣ наши поставы, наблюдая, чтобы набравшійся съ колесъ слой воды не превысилъ находящейся подъ колесами казенной печати, и когда вода подымется до печати, то человѣкъ, по нашему общему съ Б—вымъ соглашенію, долженъ выстрѣломъ изъ ружья подать знакъ посреднику, ожидающему съ депутатами отъ купечества и съ понятыми у нижняго столба, чтобы отмѣтить высоту пришедшей туда изъ подъ колесъ воды. Пока мы шли съ Б—вымъ къ рабочимъ заставкамъ, онъ не безъ ироніи передавалъ событіе запрошлой ночи. „Спустилъ я по приказанію посредника всю воду, и вдругъ въ полночь, от-

куда ни возьмись, вода стала прибывать и прибывать. Думаю, да что же, Господи, это за чудо такое? И не вдомекъ, что это Николай Ивановичъ дѣлаетъ репетицію. Вѣдь на театрѣ никогда не бываетъ представленія безъ репетиціи".

Мы приказали открыть заставки, и бросившаяся съ силой на колеса вода стала быстро подниматься. Вотъ она подошла къ печати, дошла до ея половины, затопила ее и стала подниматься все выше.

— Алексѣй Кузьмичъ, пора стрѣлять!

— Помилуйте, еще одну секунду!

— Вамъ то хорошо, возражалъ я, говорить про секунды, а печать то ужь на четверть въ водѣ.

— Ну, такъ и быть, стрѣляй! крикнулъ Б—въ ружейнику, и вслѣдъ за выстрѣломъ намъ уже оставалось ожидать результатовъ наблюденій и дѣйствій посредника съ понятыми. Черезъ полчаса я увидалъ ихъ идущими отъ устья канавы съ Сергѣемъ Семеновичемъ во главѣ шествія. Не смотря на свою полноту и одышку, онъ былъ блѣденъ, какъ мертвецъ.

— Ну, сказалъ онъ, подходя ко мнѣ: въ силу формальнаго условія вы имѣете право требовать буквальнаго его исполненія и остановиться на его результатахъ; но я долженъ вамъ сказать, что вашъ противникъ будетъ окончательно разоренный человѣкъ, ибо, не взирая на лишки, допущенные вами у верхней печати, вода въ минуту выстрѣла едва докатилась къ самой пяткѣ нижняго столба не плотнѣе картоннаго листа. Мы не предвидѣли этого обстоятельства; но я рѣшаюсь просить васъ отложить исполненіе мировой до завтра и тогда уже отмѣчать высоту воды на нижнемъ столбѣ, только когда она выравняется по всей рабочей канавѣ.

Я съ охотою согласился на такую уступку, и такъ какъ время было еще не позднее, то ливенскіе купцы отправились на обѣдъ къ Б—ву, а ближайшіе помѣщики по домамъ. Зато Сергѣй Семеновичъ предупредилъ, что на завтра дѣло протянется долго, ибо придется набирать и весь Б—кій прудъ и забить въ немъ сваю съ печатью для обозначенія обязательной для Б—ва высоты воды. На такомъ основаніи на слѣдующій день, не взирая на заботу, сосредоточенную на предстоящей судьбѣ мельницы, намъ съ женой необходимо было подумать,

какъ вечеромъ накормить двѣнадцать человѣкъ, вынужденныхъ по нашему дѣлу провести на вѣтрѣ и холодѣ цѣлый день. На этотъ разъ результатомъ нашей экспертизы оказалось, что вода въ нашей рабочей канавѣ, предоставленная своему естественному теченію, стала въ устьяхъ какъ разъ въ половину печати, поставленной при первоначальномъ опредѣленіи правъ нашей мельницы, защита которыхъ составляла всю сущность процесса; но зато долго пришлось дожидаться полнаго набора воды на плотинѣ Б—ва, согласно условію. Когда, просидѣвъ надъ водою до совершенной темноты, мы забили при всѣхъ депутатахъ и свидѣтеляхъ окончательную сваю, причемъ Б—ву вышло четыре аршина три вершка, вмѣсто предлагаемыхъ мною ему неоднократно четырехъ вершковъ,—и прибыли въ нашъ домъ, я былъ изумленъ ярко освѣщеннымъ столомъ, накрытымъ на двѣнадцать приборовъ. Я только позднѣе узналъ, что милѣйшая старушка Клушина снабдила насъ всѣмъ необходимымъ, начиная съ кухонной и столовой посуды, бѣлья и серебра до огурцовъ мастерскаго засола. Недостатокъ шандаловъ былъ замѣненъ бутылками, завернутыми въ бумагу съ бумажными розетками наверху. Какъ при общей подписи акта исполненія мировой, мы всѣ, начиная съ посредника, усердно ни просили нашего арендатора А—ва кончить и съ своей стороны мировою, отказываясь отъ всякихъ по этому дѣлу претензій, онъ согласія на миръ не заявилъ и десятки разъ, складывая пальцы какъ бы для писанія, повторялъ: „мамаша не приказала брать въ руки пера-съ, а то нашему брату придется идти съ мѣдною посудою“.—Такъ что наконецъ посредникъ спросилъ: „да что это вы, Николай Ивановичъ, все мѣдную посуду поминаете?“

— Нѣтъ-съ, это такъ по нашему: значитъ крестъ да пуговицы.

Можно вообразить, съ какимъ восторгомъ мы на другой день пустились обратно въ Степановку. Но не такъ весело пришлось продолжать начатой путь. Уже съ мѣста, гдѣ мы кормили лошадей, хмурая съ утра погода превратилась въ проливной дождикъ, такъ что по невылазной грязи мы, ночью, добившись до деревни ночлега, рады были найти пустую

холодную избу для насъ и навѣсъ для коляски и лошадей. Хозяева натаскали намъ на лавки полусухой соломы и завѣрили, что у нихъ исправный самоваръ. Пожалѣвъ измокшаго до костей повара, мы не послали его въ коляску за нашимъ небольшимъ складнымъ самоваромъ, а удовольствовались хозяйскимъ. Не успѣли мы еще дождаться послѣдняго, какъ уже стали чувствовать нападеніе безпощадныхъ блохъ, видимо обрадовавшихся свѣжимъ пришельцамъ. Раздѣться въ избѣ не было возможности по причинѣ холода; сидѣть или лежать было тоже невозможно по причинѣ незримыхъ мучителей. Когда внесли самоваръ, мы предались чаепитію, въ надеждѣ хотя сколько нибудь отогрѣться; но не успѣлъ я еще докончить своего стакана, какъ почувствовалъ небывалую у меня рѣзь въ желудкѣ; я догадался, что мы отравлены нелуженымъ и покрывшимся мѣдянкой самоваромъ. Между тѣмъ я боялся сообщить объ этомъ открытіи женѣ, а только просилъ ее не допивать этого мутнаго чаю.

— Ахъ, помилуй, отвѣчала она,—я такъ рада хотя чѣмъ нибудь согрѣться.

Уступивъ наконецъ настоятельнымъ моимъ просьбамъ, она вскорѣ стала жаловаться на боль въ желудкѣ. Конечно, въ этой пустой и холодной избѣ въ непроглядную ночь подъ проливнымъ дождемъ, хлеставшимъ въ небольшое оконце, мнѣ не трудно было понять всю нашу безпомощность. Если мы сильно отравлены, приходилось ожидать мучительной смерти. Но черезъ часъ наши боли стали униматься, и я всю ночь не могъ присѣсть и проходилъ взадъ и впередъ на тѣсномъ пространствѣ. Къ счастію, съ нами оказалась банка персидской ромашки, и я уже къ разсвѣту высыпалъ половину ея себѣ за пазуху. Хотя мученія и не прекратились, но замѣтно унялись. При первомъ появленіи разсвѣта, мы отправились въ послѣдній 35-и верстный переѣздъ до Степановки, и тутъ послѣ грязи наступила едва ли не худшая бѣда въ видѣ пронзительнаго вѣтра съ морозомъ, съ каждымъ шагомъ все болѣе превращавшимъ изрытую дорогу въ мучительные колчи. Но какъ всему бываетъ конецъ, и мы часамъ къ 12-и добрались до своего крыльца, и первымъ моимъ воплемъ было: „бѣлья и кофею!“

Очнувшись, я принялся за чтеніе полученныхъ въ наше отсутствіе писемъ.

В. П. Боткинъ писалъ:

19 сентября 1864 г
С.-Петербургъ.

„Прежде всего скажу тебѣ, что я отложилъ свою поѣздку въ Берлинъ и остаюсь здѣсь. Устройство квартиры требуетъ такихъ хлопотъ и вниманія, что нельзя гоняться за двумя зайцами. Надобно выбирать котораго нибудь одного и покончить съ нимъ. Я выбралъ то, что у меня передъ носомъ, т. е. квартиру и хочу съ нею покончить. Притомъ свой глазъ необходимъ во всемъ, а я терпѣть не могу полумѣръ и не конча одного браться за другое. Легко сказать: я найму квартиру и устрою ее; но сдѣлать это не легко и требуетъ вниманія и осмотрительности. Да и я сталъ покойнѣе, когда рѣшился не ѣхать. Я рѣшился въ комнату, назначаемую для тебя, положить коверъ во весь полъ, чтобы охранить тебя отъ всякаго холода; притомъ у меня маленькая мысль, что можетъ быть вздумаетъ пріѣхать Маша, и такъ будетъ для нея удобнѣе. Да, возни и хлопотъ и бѣготни очень много, но я и теперь уже ощущаю неиспытанное до сихъ поръ удовольствіе имѣть свой уголъ, свое гнѣздо, имѣть свои вещи около себя, знать гдѣ что найти и не терпѣть отъ безпрестанныхъ перевозовъ и переносовъ. Дмитрій былъ для меня большою подмогою, онъ оказался человѣкомъ осмотрительнымъ и старательнымъ и умѣющимъ все сдѣлать и при этомъ не бѣлоручкой, которыхъ я терпѣть не могу. Я уже переѣхалъ, хотя изъ заказанной мною мебели ничего не готово, но перевезенной изъ Москвы мебели для меня достаточно: есть на чемъ спать, есть столъ и на первую обстановку довольно. Дней черезъ десять, надѣюсь, все будетъ устроено. Дома я еще не обѣдалъ, но и это, надѣюсь, будетъ удовлетворительно. Сегодня накладываютъ ковры. Квартирой вообще я доволенъ. Жаль, что Б—іе уѣзжаютъ на зиму: они добрые и хорошіе люди, простые и тихіе.

„Дѣло твое поступило на консультацію, но результатъ неизвѣстенъ. На этой недѣлѣ узнаю и напишу.

24 сентября.

„Вчера справлялся о дѣлѣ; но оно еще не поступило къ министру. Все еще остается во мракѣ неизвѣстности.

29 сентября.

„Всѣ эти дни я прохворалъ и не выходилъ, и, къ счастію, простуда сосредоточилась въ насморкѣ. Сегодня опять думалъ было отправиться за справками, какъ раздается звонокъ и входитъ М—въ, которому вчера С—ій сказалъ, что дѣло наконецъ было имъ прочтено, и что онъ далъ мнѣніе, несогласное съ мнѣніемъ П—ва, и что онъ считаетъ твою сторону вполнѣ справедливою. Въ прошлую пятницу я самъ спрашивалъ С—аго, но тогда онъ еще не читалъ дѣла. Такая пріятная вѣсть меня обрадовала несказанно; С—ій думаетъ даже, что съ его мнѣніемъ согласится П—въ; во всякомъ случаѣ, если, въ случаѣ его несогласія, дѣло должно будетъ поступить въ Госуд. Совѣтъ, то министръ, давшій о немъ свое мнѣніе, будетъ защищать его.

„Я отъ васъ не имѣю до сихъ поръ писемъ. Надѣюсь, что ты дождешься извѣстія, прежде нежели начать разговоры съ Б—вымъ, который, узнавши о рѣшеніи, будетъ какъ нельзя сговорчивѣе. Радость моя такъ велика, что я не въ силахъ этого выразить.

Вашъ *В. Боткинъ.*

30 сентября 1864 года.
Петербургъ.

„Вчера М—въ и я отправили къ тебѣ по письму, извѣщая, что мнѣніе консультаціи состоялось въ твою пользу. Вчера въ клубѣ послѣ обѣда я говорилъ объ этомъ со С—имъ, и онъ просилъ меня написать тебѣ объ этомъ и увѣдомить тебя дней черезъ 10 или черезъ двѣ недѣли, а то противная сторона тотчасъ бросится дѣйствовать. Въ виду мнѣнія, поданнаго министромъ, имѣется между прочимъ склонить оберъ-прокурора и сенаторовъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ, чтобы не пускать дѣла въ Государственный Совѣтъ, потому что это новая возня, не слишкомъ пріятная также и для министра юстиціи.

Вотъ почему чрезвычайно желательно и необходимо, чтобы извѣстіе о рѣшеніи консультаціи дошло до Б—ва не ранѣе двухъ недѣль, и вообще, чтобы ранѣе двухъ недѣль ты объ этомъ не извѣщалъ ни А—ва, ни кого-либо другаго, черезъ кого можетъ эта вѣсть сдѣлаться извѣстною. Подержи ее про себя: довольно, что оба вы, Маша и ты,—будете знать, и что вамъ будетъ это пріятно. Пожалуйста исполни это непремѣнно. Не знаю, въ чемъ именно состоитъ мнѣніе консультаціи, и куда, по какому направленію отсылаютъ они дѣло; для меня довольно было узнать, что министръ считаетъ твою сторону совершенно правою.

„Обнимаю васъ отъ всего сердца. Отъ тебя не получалъ ни одного письма послѣ перваго, написаннаго изъ Степановки. Какія у васъ цѣны на хлѣбъ?

Вашъ *В. Боткинъ.*

Весною, при свиданіи со Львомъ Николаевичемъ, мы рѣшились на заглазный промѣнъ, только основываясь на ненужности для насъ мѣняемыхъ вещей. Я обѣщалъ переслать ему черезъ Борисова въ Никольское 4-хъ лѣтняго жеребчика, а онъ—выслать туда сѣялку, которую онъ бросилъ употреблять. По поводу этого промѣна, Л. Толстой писалъ отъ 7 октября 1864 года изъ Самарскаго имѣнія:

„Мы съ вами условились, любезный Аѳанасій Аѳанасьевичъ, размѣняться. 20-го Борисовъ сказалъ мнѣ, что, разсчитывая на мою неаккуратность, вы ему сказали, что пришлете 25-го. Я посмѣялся вашей предусмотрительности и что же?—сѣялка была въ Никольскомъ 24-го, и съ вечера я, довольный собою, сказалъ управляющему послать ее къ Борисову. Оказывается, что онъ забылъ, и только нынче 7-го октября я узналъ, что она не отослана. Виновата въ этомъ судьба. Мы нынче уѣзжаемъ домой и не знаемъ, какъ доберемся до счастливаго Яснаго. Мои всѣ здоровы и веселы и любятъ васъ и помнятъ, чего и вамъ съ Марьей Петровной желаю. Весною жду васъ къ себѣ. Мы постараемся, какъ ни трудно это, быть Москвой.

Л. Толстой.

Письмо Боткина:

4 ноября 1864 года.
С.-Петербургъ.

„Давно уже не писалъ я къ вамъ, милые друзья, зная, что вы на Тиму. Теперь получилъ отъ васъ письмо изъ Степановки. Въ этотъ промежутокъ времени ты совершилъ весьма важное дѣло—мировую съ Б—вымъ. Для меня важно то, что ты доволенъ всѣмъ, Мари также. Что касается до меня, то мнѣ не вѣрится, чтобы дѣло можно было считать поконченнымъ, и чтобы мельница твоя была вполнѣ ограждена. Ну да тогда видно будетъ, а пока худой миръ лучше доброй ссоры.

„Итакъ, я живу себѣ въ Питерѣ на своей новой квартирѣ съ тѣмъ же Дмитріемъ, которымъ я очень доволенъ, и поджидаю васъ. Но я до сихъ поръ не знаю, пріѣдетъ ли сюда Маша? Неудобствъ бояться нечего, мы въ первый годъ жили лѣтомъ въ Степановкѣ, вѣроятно, съ гораздо меньшими удобствами, нежели тѣ, которыя имѣются у меня на квартирѣ. Экипажъ у меня есть: я уже нанялъ лошадей помѣсячно; обѣдъ будутъ намъ носить изъ Англійскаго клуба, гдѣ, какъ ты знаешь, обѣдъ отличный. Поживемъ вмѣстѣ въ тѣснотѣ, лишь бы не въ обидѣ. Только я бы просилъ васъ не оставаться долго въ Степановкѣ, а пріѣхать сюда въ концѣ ноября, однимъ словомъ, чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Въ январѣ хотѣлъ пріѣхать Тургеневъ, передъ его пріѣздомъ ты можешь свезти Машу въ Москву, гдѣ она проведетъ съ мѣсяцъ очень пріятно, а самъ вернешься сюда. Вотъ каковъ мой проэктъ, не знаю, будетъ ли онъ одобренъ вами. Мой совѣтъ: остановиться Машѣ у Мити, гдѣ ей во всѣхъ отношеніяхъ будетъ и пріятно, и удобно. Буду ждать на это вашего отвѣта“.

Вашъ *В. Боткинъ.*

P. S. „Совсѣмъ было забылъ написать вамъ о моей просьбѣ: сдѣлайте милость, пошлите къ Барыкову попросить у него его табаку, изъ котораго ты сдѣлала мнѣ нѣсколько папиросокъ. Мнѣ этотъ табакъ кажется несравненно лучше всякаго. Попросите у него по крайней мѣрѣ фунтъ. Сдѣлайте ми-

лость! Я уже искалъ здѣсь нѣчто подобное, но здѣсь нѣтъ ничего, кромѣ турецкаго или очень легкаго. Не забудьте заплатить ему, если надо".

В. Боткинъ.

Послѣдняя приписка Боткина заставляетъ меня вернуться нѣсколько назадъ. Принимая къ сердцу нѣкоторыя мои земледѣльческія нововведенія, какъ напримѣръ, плѣняясь обширнымъ укосомъ клевера, изъ котораго, нагибаясь, самъ выбиралъ побѣги полыни, Боткинъ носился съ мыслью купить по близости имѣніе, вѣроятно, въ намѣреніи передать его намъ. А такъ какъ со времени эмансипаціи, людей, желающихъ продать имѣніе, оказалось много, то и мы въ свою очередь однажды были изумлены пріѣздомъ близкаго, но совершенно намъ незнакомаго сосѣда Барыкова, о которомъ слыхали только, какъ о замѣчательномъ сельскомъ хозяинѣ. Подкатилъ онъ подъ крыльцо въ плетеной на польскій манеръ бричкѣ, запряженной гнѣдою четверкою превосходныхъ шести-вершковыхъ заводскихъ матокъ. Въ гостиную, а оттуда на балконъ, гдѣ сидѣлъ Василій Петровичъ, Барыковъ, сѣдой, но еще бодрый, вошелъ въ суконной венгеркѣ съ бранденбурами, что̀ однако не мѣшало пріемамъ человѣка, видимо привыкшаго жить въ порядочномъ обществѣ. Онъ ловко свелъ разговоръ на „Письма объ Испаніи", заговорилъ о томъ, что насаженныя нами деревца имѣютъ здоровый видъ, и о томъ, какъ въ нашей безлѣсной сторонѣ трудно добывать деревья для посадки, если не посылать въ Новосельскій уѣздъ, въ Моховое Шатилова. Уѣзжая, онъ любезно пригласилъ Вас. Петр. и меня побывать у него въ сосѣднемъ имѣніи на берегу Неручи, подъ названіемъ „Гремучій ключъ". На другой или на третій день послѣ этого мы воспользовались приглашеніемъ и отправились верстъ за 14. Подъѣхали мы къ крыльцу каменнаго дома, имѣвшаго и снаружи, и снутри видъ стариннаго аббатства. Кругомъ дома въ значительномъ разстояніи была расположена каменная усадьба, въ видѣ коннаго и скотнаго дворовъ, амбаровъ и службъ. Но видно, все это поддерживалось въ цѣляхъ солидности, безъ всякихъ претензій на красоту. Подвижной старикъ хозяинъ принялъ

насъ чрезвычайно радушно въ кабинетѣ, имѣвшемъ видъ капеллы аббатства. Когда Барыковъ замѣтилъ вниманіе, съ какимъ я разсматривалъ рѣзную стѣну кабинета, вѣроятно, отдѣлявшую его спальню, онъ сказалъ: „это вѣдь у меня все свои рѣщики; у меня, начиная съ первоклассныхъ кузнецовъ и слесарей до краснодеревщиковъ, все свое. Я люблю во всемъ порядокъ и успѣлъ уже надѣлить крестьянъ землею, состоящей изъ неразрывной полосы, непосредственно прилегающей къ правому берегу рѣки Неручи. Эта полоса въ свою очередь состоитъ изъ трехъ продольныхъ полосъ, соотвѣтствующихъ тремъ экономическимъ полямъ. Затѣмъ, посредствомъ поперечныхъ нарѣзокъ, каждому двору выдѣлена соотвѣтственная вырѣзка въ трехъ поляхъ съ одинаковымъ правомъ на водопой. Вспомните, что все это мною сдѣлано еще до освобожденія крестьянъ".

— Какъ это вы, Ѳедоръ Ивановичъ, спросилъ Боткинъ, при строго-охранительномъ характерѣ всей вашей дѣятельности, выписываете такой красный журналъ? При этомъ Боткинъ указалъ на лежащій передъ нимъ на столѣ „Современникъ".

— Да развѣ онъ красный? воскликнулъ Барыковъ; — я усердно читаю его отъ доски до доски и этого не замѣчалъ.

— Въ настоящее время это самый красный, отвѣчалъ Боткинъ.

— Ахъ онъ, свинья! воскликнулъ Барыковъ, швырнувъ подъ столъ „Современникъ".

Чтобы показать намъ свое хозяйство, Барыковъ повелъ насъ въ насаженный имъ на песчаномъ берегу хвойный лѣсъ. Эти ели и сосны, давно переросшія строевой возрастъ, могли своимъ видомъ вполнѣ вознаграждать трудъ и терпѣніе хозяина. Это же могло относиться и къ остальной части рощи и сада, гдѣ на каждомъ шагу замѣтно было присутствіе опытной руки любителя.

— Теперь позвольте показать вамъ замѣчательный источникъ, давшій названіе всему селенію, сказалъ Барыковъ.

Спустившись изъ рощи въ небольшое ущелье, мы увидали по широкому жолобу быстро текущую струю воды, падающую съ 2-хъ аршинной высоты съ громкимъ плескомъ на

каменную плиту. Это по сей день не только гремучій, но и совершенно чистый и холодный ключъ.

— Какой это прекрасный табакъ вы курите? спросилъ Боткинъ.

— Это табакъ съ моего огорода и собственнаго приготовленія. Позвольте вамъ дать пригоршню для пробы.

Не стану утверждать, что къ изысканной любезности Барыкова къ Василію Петровичу примѣшивалось отчасти желаніе продать ему „Гремучій ключъ". Помнится, что когда дома жена моя приготовила нѣсколько папиросъ Василію Петровичу изъ крѣпкаго Барыковскаго табаку, Боткинъ отозвался о нихъ съ похвалою.

Конечно, сейчасъ по полученіи Боткинскаго письма, я обратился съ просьбою къ Барыкову, — любезно уступить хотя фунтъ табаку, какого Боткинъ достать въ Петербургѣ не могъ.

На это Барыковъ отвѣчалъ:

„Не имѣя въ экономіи продажнаго табаку, я очень горжусь предпочтеніемъ, оказываемымъ ему Василіемъ Петровичемъ, которому прошу препроводить прилагаемыхъ при этомъ четыре фунта; но такъ какъ у меня правило, что берущій табакъ обязанъ въ то же время получить изъ моего питомника извѣстное число деревьевъ, то вмѣстѣ съ симъ прошу принять отъ меня 50 елокъ, простыхъ и веймутовыхъ сосенъ и лиственницъ".

Всѣ эти подарки Барыкова современемъ великолѣпно разрослись въ Степановкѣ, по аллеѣ, ведущей къ рощѣ.

Письмо Л. Толстаго:

17 ноября 1864.

„Жду я и жена васъ и Марью Петровну къ 20-му. Неудобства къ 20-му никакого не предвидится, а предвидится только великое удовольствіе отъ вашего пріѣзда. Такъ и велѣла сказать жена Марьѣ Петровнѣ.

„Интересенъ мнѣ очень „*Заяцъ*". Посмотримъ, въ состояніи ли будетъ *все* понять хотя не мой Сережа, а 11-лѣтній мальчикъ. Еще интереснѣе велосипедъ *). Изъ вашего письма

*) Я придумывалъ неудавшійся велосипедъ.

вижу, что вы бодры и весело дѣятельны. И я вамъ завидую. Я тоскую и ничего не пишу, а работаю мучительно. Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ трудна эта предварительная работа глубокой пахоты того поля, на которомъ я *принужденъ* сѣять. Обдумать и передумать все, что можетъ случиться со всѣми будущими людьми предстоящаго сочиненія, очень большаго, и обдумать милліоны возможныхъ сочетаній, для того чтобы выбрать изъ нихъ $^1/_{1000000}$—ужасно трудно. И этимъ я занятъ. Попался мнѣ на дняхъ Беранже послѣдній томъ. И я нашелъ тамъ новое для меня: „Le bonheur". Я надѣюсь, что вы его переведете.

„Тоскую тоже отъ погоды. Дома же у меня все прекрасно, всѣ здоровы. Досвиданія.

Вашъ *Л. Толстой.*

Отъ Боткина:

С.-Петербургъ.
18 ноября 1864.

„Сегодня получилъ для тебя письмо отъ Тургенева, которое присемъ посылаю. Твое послѣднее письмо оставило меня въ тревогѣ касательно твоей лихорадки. Вотъ съ этой точки зрѣнія мой взглядъ на Степановку и вообще на деревню, — не ладится съ моими симпатіями къ ней. Надѣюсь, что ты получилъ мои письма, которыя писалъ я уже около двухъ недѣль, и въ которыхъ взываю о вашемъ пріѣздѣ сюда. Между тѣмъ Тургеневъ, возвѣстивъ, что онъ пріѣдетъ сюда въ январѣ, теперь, кажется, оставилъ это намѣреніе; по крайней мѣрѣ вотъ уже два письма я получилъ отъ него, и онъ ни слова болѣе не упоминаетъ о своемъ намѣреніи пріѣхать. Боже мой! какая дряблость, какое отсутствіе всякаго стержня, какая бѣдная усталость обнаруживается въ письмѣ, которое я посылаю.

„Итакъ, буду ждать отъ васъ извѣстія о вашемъ выѣздѣ, если только твоя лихорадка не представляетъ ничего серьезнаго.

„Вчера С—ій говорилъ мнѣ, что отъ посредника ливенскаго уѣзда, Клушина, прислана бумага, извѣщающая о мировой. Но эта бумага вовсе не слѣдуетъ къ нему, а въ сенатъ, ибо

министръ юстиціи не есть какой либо судъ или присутственное мѣсто. Онъ объ этомъ, кажется, уже отвѣчалъ Клушину.

Вашъ *В. Боткинъ.*

Отъ Тургенева:

Парижъ.
10 ноября 1864.

„Нѣтъ, думаю я, эдакъ нельзя. Нельзя не писать да не писать къ старому пріятелю, не смотря на то, что онъ къ тебѣ написалъ дважды. Да; но куда къ нему адресоваться? Гдѣ онъ теперь?—Въ Москвѣ, въ Петербургѣ, въ Степановкѣ, на рѣкѣ Тимѣ? И самъ ты гдѣ находишься? Въ спальнѣ гувернантки твоей дочери, въ крохотной квартиркѣ, въ Парижѣ, куда ты прискакалъ на нѣсколько дней изъ Бадена! И теперь полночь, и на дворѣ скрипитъ и бормочетъ осенній дождь, и гдѣ-то въ отдаленьи пьяный реветъ... И притомъ что ты ему скажешь, этому старому пріятелю? Что ты толстѣешь, сопишь, холодѣешь, ничего не дѣлаешь, да и мало интересуешься наконецъ всѣмъ, что творится на земномъ шарѣ? Развѣ все это старому пріятелю не извѣстно? Да, но всетаки, пока живешь, нельзя не давать о себѣ вѣсти, нельзя и не желать узнать, что, молъ, дѣлаютъ другіе, товарищи-бурлаки, впряженные въ ту же лямку. Согласенъ: ну вотъ я и даю вѣсть, ну вотъ я и стараюсь узнать, что подѣлываетъ товарищъ-бурлакъ. Все такъ; но къ чему цинизмъ тона и даже нѣкоторая неопрятность выраженія? Благо-бы ты начитался новѣйшихъ продуктовъ отечественной литературы; но вѣдь до тебя о ней доходятъ только рѣдкіе слухи, въ видѣ внезапныхъ отрыжекъ. А тутъ кстати Кожанчиковъ по поводу книжной торговли пишетъ, что омерзѣнію русской публики къ русской литературѣ нѣтъ границъ, что денегъ ни у кого нѣтъ, и что всякія дѣла совершенно стали. Денегъ нѣтъ, а ты строишь себѣ въ Баденѣ домъ во вкусѣ Лудовика XIII-го и явно намѣреваешься провести остатокъ дней своихъ въ этомъ зданіи! Да, конечно; и я даже надѣюсь, что старые пріятели когда нибудь завернутъ ко мнѣ, и достанется мнѣ на долю великое удовольствіе подчивать ихъ киршвассеромъ

и аффенталеромъ,—все это въ томъ предположеніи, что вся штука не лопнетъ, и домъ во вкусѣ Лудовика XIII-го не окажется преждевренной развалиной. А было бы жаль; потому что, надо сознаться, хорошо живется въ Баденѣ: милые люди, милая природа, охота славная... Но однако какъ ты неправильно и безпорядочно пишешь, точно лирическій поэтъ, у котораго сосетъ подъ ложечкой. Ты пьянъ что ли? Нѣтъ, но мнѣ спать хочется. А потому спѣшу второпяхъ заявить, что я дней черезъ пять возвращаюсь въ Баденъ, что мнѣ надо туда писать, что я стараго пріятеля лобызаю въ уста сахарныя и въ носъ сизый и низко кланяюсь его женѣ. Vanitas vanitatum!

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
28 ноября 1864.

„Любезнѣйшій Аѳан. Аѳан., вчера, вернувшись изъ Парижа, куда я ѣздилъ дней на десять, я нашелъ здѣсь ваше письмо изъ Степановки съ стихотвореніемъ на мое имя. Нечего и говорить, что печатаніе этого стихотворенія ничего кромѣ удовольствія мнѣ доставить не можетъ. Но въ немъ есть одинъ жестокій стишокъ, который нужно исправить: „Въ тѣлесныхъ нѐдугахъ животворящій ключъ“... по-русски говорится: *недугахъ*, а нѐдуги отзываются чѣмъ-то очень семинарскимъ, вродѣ *дóбыча*. Есть еще два маленькихъ пятнышка: отчего „*твой вздохъ*“ не долетаетъ?—Вопервыхъ, я здѣсь не вздыхаю; а вовторыхъ,—этотъ стихъ не вытекаетъ изъ предыдущаго. Потомъ почему: *лишъ* здѣсь? Стало быть надо понять, что только въ Степановкѣ вы желаете умереть, а въ другихъ мѣстахъ желаете больше жить?—Въ такомъ случаѣ всѣмъ почитателямъ вашего таланта слѣдуетъ молить судьбу, чтобы она разлучила васъ со Степановкой?—Но это сущія мелочи, а все стихотвореніе очень мило и кромѣ того обрадовало меня извѣстіемъ, что у васъ деревья разрослись „зеленымъ хороводомъ“. Также очень пріятно было узнать, что вашъ процессъ кончился мировою. Я написалъ вамъ на дняхъ довольно сумасбродное письмо на имя Василія Великаго, или

Блаженнаго, или Блажнаго, проживающаго въ Питерѣ на Караванной улицѣ. Получили ли вы его? Черкните въ отвѣтъ строчки двѣ: я хотя и очень и тѣломъ, и душой отсталъ отъ Россіи, но русскіе старые друзья остались мнѣ дороги попрежнему. Сегодняшнее письмо я адресую въ Москву для бóльшей вѣрности. Поклонитесь отъ меня вашей милой женѣ; я здѣсь останусь до 8 января. Дружески жму вамъ руку.

Ив. Тургеневъ.

Толстой писалъ въ концѣ ноября 1864 г:

„Все сбираюсь, сбираюсь писать вамъ, любезный другъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ и откладываю, оттого что хочется много написать. А кромѣ многаго надо написать малое нужное. Вотъ что: получивъ ваше письмо, мы ахнули.

„Вотъ какъ онъ хорошо про собачій воротникъ, проѣденный молью, говоритъ *), а ѣдетъ таки въ Москву.

„Я, какъ болѣе опытный человѣкъ, не удивился и не ахнулъ. Одно, что насъ обоихъ занимаетъ, это то, когда вы ѣдете въ Москву? и главное когда вы будете у насъ? Надѣемся, что поѣздка въ Москву не измѣнитъ плана погостить у насъ. Мы васъ обоихъ еще разъ оба очень объ этомъ просимъ. Мы сами ѣдемъ въ Москву послѣ праздниковъ, т. е. въ половинѣ января и пробудемъ до февраля. Когда же вы будете у насъ: до или послѣ? Пожалуйста напишите. Что вы подѣлываете? Какъ хозяйство? Не пишете ли что? У насъ все хорошо. Дѣти и жена здоровы. Хозяйствомъ я передъ вами похвастаюсь, когда вы пріѣдете. И я довольно много написалъ нынѣшнюю осень своего романа. „Ars longa vita brevis“,— думаю я всякій день. Коли можно бы было успѣть $^1/_{100}$ долю исполнить того, что понимаешь, но выходитъ только $^1/_{10000}$ часть. Всетаки это сознаніе, что *могу*,—составляетъ счастіе нашего брата. Вы знаете это чувство. Я нынѣшній годъ съ особенною силой его испытываю. Ну и прощайте! Обнимаю

*) Когда то Толстые смѣялись моему шуточному изображенію пріѣзда небогатыхъ помѣщиковъ въ театръ съ лакеемъ, у котораго собачій воротникъ на ливреѣ, очевидно, сильно пострадалъ отъ моли.

васъ, кланяюсь вашей женѣ. Напишите же пожалуйста, когда навѣрное вы будете у насъ. Мы хотимъ васъ помѣстить получше, чтобы вы подольше у насъ погостили. Не говорите: „ничего не нужно“ и т. п.—вы лишите насъ огромнаго удовольствія, на которое мы съ осени разсчитывали,—подольше побыть съ вами. У насъ теперь гости: сестра съ дочерьми, на праздникъ пріѣдутъ Д—ы и *Феты*, и всѣмъ будетъ хорошо, ежели вы напишите навѣрное.

Л. Толстой.

Тѣмъ временемъ Дмитрій Петровичъ Боткинъ, окончательно устроившійся въ своемъ домѣ у Покровскихъ воротъ, не переставалъ самымъ радушнымъ образомъ подзывать насъ на зиму къ себѣ, и, конечно, домъ такихъ беззавѣтно дружественныхъ людей представлялъ намъ московскую жизнь въ еще болѣе пріятномъ свѣтѣ. Не успѣла зима запорошить снѣжкомъ травки большой грунтовой дороги, какъ мы, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, нагрузили свою кибитку и весело тронулись въ путь до Новоселокъ, но были наказаны за свое нетерпѣніе. По травкѣ доѣхать было можно, но по морозному шоссе нечего было и думать ѣхать до новаго снѣга. Въ томительномъ ожиданіи послѣдняго, мы просидѣли въ Новоселкахъ три недѣли. Наконецъ, проснувшись утромъ, мы увидали свѣжій и глубокій снѣгъ. Конечно, въ тотъ же день мы уже обѣдали и ночевали въ Тургеневскомъ Спасскомъ. Добродушнаго старика Ник. Ник. я засталъ въ неописанномъ волненіи.

— Сокрушаетъ меня Иванъ, восклицалъ онъ; все толкуетъ, что мало доходу, а вы сами теперь знаете, какіе въ настоящее время доходы съ трехрублевою рожью и вольнонаемнымъ хозяйствомъ, на которое необходимо истратить значительный капиталъ, чтобы пустить его въ ходъ. Половина нашей земли въ Калужскихъ оброчныхъ имѣніяхъ, приносящихъ самыя скудныя лепты. Я пишу ему—„пріѣзжай, огляди самъ все и просмотри экономическія книги“, а онъ объ этомъ и слышать не хочетъ, а въ каждомъ письмѣ ноетъ, что мало доходу. Вы лучше его знаете наше Спасское хозяйство, въ которомъ не было ни кола, ни двора, а теперь полная чаша. А вѣдь это даромъ не дѣлается. Могъ ли я когда либо подумать, про-

должалъ старикъ, что попаду въ такой ужасный переплетъ? Вы знаете мое небольшое имѣнье подъ Карачевымъ Юшково. Въ виду малолѣтнихъ дѣтей, я принялся со всею энергіей за этотъ уголокъ, въ которомъ вы были съ Иваномъ проѣздомъ на охоту. Тамъ вы видѣли, что рядомъ съ полусгнившимъ барскимъ флигелемъ я началъ новый и не достроилъ его, такъ какъ Иванъ, закружившійся въ роковой своей страсти, прибѣжалъ звать меня къ совершенно разстроеннымъ своимъ экономическимъ дѣламъ. Тутъ онъ не только говорилъ объ обезпеченіи моихъ дѣтей, но тотчасъ же, по прибытіи моемъ въ Спасское, выдалъ мнѣ два векселя по 10 тысячъ. Въ настоящую минуту векселямъ этимъ истекаетъ десятилѣтній срокъ, а я ничего не желаю, какъ только разойтись по всей справедливости, не давая возможности возникновенію слуховъ, могущихъ повредить моему доброму имени. этому единственному достоянію моихъ дочерей.

Подобно Ивану Сергѣевичу, я не могъ упрекать Ник. Ник. въ малодоходности хлѣбопашества, такъ какъ самъ, въ теченіи трехъ лѣтъ съ покупки Степановки, къ первому ноября неуклонно, передъ наймомъ годовыхъ рабочихъ, тратилъ 10 рублей на наемъ перекладной до Спасскаго, чтобы занять у Ник. Ник. двѣсти рублей, въ которыхъ онъ никогда мнѣ не отказывалъ, въ виду уплаты двухмѣсячнаго долга ранѣе срока при проѣздѣ въ Москву.

— Будемъ надѣяться, сказалъ я, что вся эта буря, поднятая недоразумѣніемъ Ивана Сергѣевича, сама собою затихнетъ. Что же касается до обезпеченія вашихъ дѣтей выданными векселями, то я полагаю, что вы не имѣете никакого права лишать ихъ того, что они получили въ обмѣнъ за отказъ вашъ отъ устройства собственнаго имѣнія. Поэтому я совѣтую вамъ поѣхать во Мценскъ и посовѣтоваться съ моимъ пріятелемъ С—мъ, онъ юристъ и научитъ васъ, какъ продлить значительность векселей. Нельзя требовать, чтобы человѣкъ, окончательно разочарованный въ обѣщаніяхъ другаго, продолжалъ смѣло ему вѣрить въ частности и завѣдомо уничтожать его обязательства.

На другой день мы рано утромъ добрались до почтовой станціи и къ вечеру слѣдующаго дня уже въѣзжали въ

домъ Дмитрія Петровича у Покровскихъ воротъ. Трудно описать радость, которую причинилъ нашъ пріѣздъ этому милому и радушному человѣку. Еще не совсѣмъ оправившійся отъ болѣзни, онъ самъ въ халатѣ, схвативши свѣчу, бросился впереди насъ во второй этажъ, чтобы указать приготовленное намъ помѣщеніе. Напрасно жена его, постоянно дрожавшая надъ слабымъ его здоровьемъ, догоняя насъ на лѣстницѣ, умоляла его не ходить самому: онъ продолжалъ бѣжать черезъ ступеньку, такъ что и мы едва за нимъ поспѣвали, а за нами раздавалось полупечальное и полураздраженное: „Митя! Митя! Боже. Боже! ахъ, какой характеръ!"

В. П. Боткинъ писалъ:

С.-Петербургъ.
30 декабря 1864.

„Наконецъ вы въ Москвѣ!! Даже мнѣ томительно было ваше положеніе — сидѣть у моря и ждать погоду, а каково же вамъ! Досадно думать, что такъ много потеряно времени понапрасну. Теперь я занятъ одною мыслію о вашемъ пріѣздѣ сюда.

„Пріятнѣйшимъ событіемъ въ моей одинокой жизни былъ для меня неожиданный пріѣздъ Каткова и Леонтьева. Они прожили у меня три дня, и тишина моей квартиры наполнилась шумнымъ и безпрестанно смѣнявшимся раутомъ. Милѣйшій и оригинальнѣйшій Павелъ Михайловичъ Леонтьевъ безвыходно провелъ всѣ три дня дома. Сколько толковъ, какая бесѣда и какая сладость и отрада!

„Паша *) говорилъ вамъ, что я комфортабельно устроился; дѣйствительно, сосѣдство съ Англійскимъ клубомъ доставляетъ мнѣ всѣ возможныя удобства, и уже одно то, что могу всегда имѣть обѣдъ на столько человѣкъ, на сколько окажется надобность, безъ всякихъ хлопотъ съ моей стороны. Дай Богъ, чтобы квартиру мою нашла удобною Маша. Во всякомъ случаѣ внутренняя теплота, которую найдете вы въ этихъ маленькихъ комнатахъ,—авось ослабитъ для васъ тѣ неудобства, которыя необходимо сопряжены не съ своимъ гнѣздомъ.

*) Одинъ изъ меньшихъ Боткиныхъ.

„У Тургенева опять наклевывается свадьба и, можетъ быть, на этотъ разъ состоится. Вотъ для этого то онъ и выѣзжаетъ изъ Бадена въ Парижъ. Онъ писалъ къ Анненкову, что надѣется пріѣхать въ Петербургъ въ мартѣ. Да кто же вѣритъ въ его надежды и обѣщанія? Сказать между нами, онъ проситъ Анненкова пріискать ему управляющаго и думаетъ, что это очень легко, и что такіе пріиски можно дѣлать заочно. Теперь онъ сознаетъ, что поступилъ *нѣсколько неосмотрительно* (это его выраженіе), начавши постройку, не имѣя въ рукахъ денегъ,—и черезъ Анненкова обратился ко мнѣ съ вопросомъ,—не дамъ ли я ему взаймы 15 тысячъ. Я отвѣчалъ, что я не могу. Ты, вѣроятно, осудишь меня за это. Но вѣдь это не нужда, а чистѣйшая прихоть, и съ другой стороны,—пріятно ли имѣть денежные счеты съ пріятелемъ? А потомъ, я знаю, какъ ведетъ свои денежныя дѣла Иванъ Сергѣевичъ: со всей его доброй волей тутъ ни за что нельзя поручиться.

Вашъ *В. Боткинъ*.

С.-Петербургъ.
1 января 1865 г.

„Уступая изстари заведенной рутинѣ поздравлять съ новымъ годомъ, спѣшу вамъ принести мое поздравленіе, хотя въ сущности я рѣшительно не понимаю, съ чѣмъ тутъ поздравлять, когда жизнь клонится уже подъ гору, когда призраки ея большею частію уже разсѣялись. Вотъ если-бы при каждомъ первомъ января вошло въ обычай поздравлять съ уменьшеніемъ иллюзій,—вотъ такое поздравленіе имѣло бы смыслъ. Но если вдумаешься, такъ выходитъ, что эти то самыя иллюзіи и составляютъ всю заманчивую жажду жизни.

„Помилуй, Маша! я съ великимъ нетерпѣніемъ жду тебя, считаю каждый день, приближающій васъ къ Петербургу, а ты снова поднимаешь вопросъ о томъ, пріѣхать ли тебѣ или нѣтъ. И тутъ замѣшался Тургеневъ. Уже кромѣ того, что все, что обѣщаетъ онъ, есть положительно неправда, но, и въ случаѣ его пріѣзда, неужели не нашлось бы комнаты для васъ? Но успокойся, Тургеневъ, если только будетъ, то пріѣдетъ не раньше половины марта. А теперь занятъ онъ свадь-

бою, если только опять не разстроится она, и свадьба эта назначена въ концѣ февраля.

„Фетъ писалъ мнѣ, что вы не можете выѣхать ранѣе 7-го января. Конечно, вамъ это виднѣе, но для меня каждый день безъ васъ есть истинная потеря. А потому, чѣмъ скорѣе пріѣдете вы и чѣмъ дольше проживете у меня, тѣмъ мнѣ будетъ усладительнѣе.

„Не понимаю, чѣмъ и какъ напутало тебѣ министерство юстиціи *). Но объ этомъ при свиданіи.

„Вотъ уже три недѣли, какъ я принимаю хининъ, а съ недѣлю даже увеличенными дозами. Но теперь лихорадки совсѣмъ нѣтъ.—Приложенную записку отвези къ Каткову и чѣмъ скорѣе. тѣмъ будетъ лучше.

„Передайте милому Митѣ, что я благодарю его за поздравленіе и глубоко болѣю о его хиломъ здоровьѣ. Я къ вамъ вчера отправилъ письмо, надѣюсь, что оно дошло до васъ. Давно тебя ждетъ Шопенгауэръ, котораго я купилъ безъ малѣйшаго затрудненія за пять рублей.

„Сегодня день моихъ именинъ, и въ первый еще, сколько я помню этотъ день, я обѣдалъ въ одиночествѣ. Вотъ ужь десятый день, какъ безвыходно сижу дома; недостатокъ воздуха и движенія совсѣмъ лишаетъ меня аппетита, да и слабость и усталость. Итакъ, дѣло стоитъ только за вами. А между тѣмъ можетъ быть тебѣ удастся прочесть Каткову начало своихъ военныхъ воспоминаній. А потомъ мы сами прочтемъ ихъ и рѣшимъ. Пожалуйста, до скораго свиданія.

Вашъ *В. Боткинъ.*

Наконецъ-то собрались мы исполнить давнишнее желаніе Василія Петровича, зазывавшаго насъ къ себѣ въ Петербургъ на квартиру, при устройствѣ которой онъ положилъ

*) Я писалъ Боткину, что независимо отъ мировой, стоящей по закону выше всего и недопускающей никакого перевершенія, консультація въ свою очередь нашла мою сторону правой; и ливенской полиціи было предписано поставить у Б—ва на мельницѣ знакъ въ $2^1/_2$ верш., т.-е. на полвершка ниже опредѣленнаго ему уровня по мировой, такъ что меня снова требовали для этой операціи на Тимъ, хотя мнѣ она была безполезна, а Б—ву непріятна

столько старанія. Впродолженіе двухъ недѣль, проведенныхъ нами у него, онъ видимо старался быть любезнымъ. Но въ виду раздражительности нашего амфитріона, мы тайно чувствовали безусловное радушіе нашего московскаго хозяина, не отягчавшаго насъ излишнимъ вниманіемъ, но зато предоставлявшаго намъ полную свободу. Какъ ни пріятно было намъ пріѣхать въ Петербургъ, мы всетаки оставили его не безъ нѣкотораго нравственнаго облегченія.

Въ Москвѣ ожидало насъ письмо Тургенева:

Баденъ-Баденъ
2 января 1865 г.

„Милѣйшій Аѳан. Аѳан., сейчасъ получилъ ваше письмо и отвѣчаю сейчасъ-же. Прежде всего, такъ какъ вы этого желаете, сообщаю вамъ нѣсколько подробностей о собственной особѣ и объ ея намѣреніяхъ. Я остаюсь здѣсь до начала февраля, потомъ ѣду въ Парижъ и въ концѣ февраля, если ничего не случится, выдаю дочь замужъ, которая на этотъ разъ уже помолвлена за молодаго, серіознаго француза, находящагося во главѣ значительной стеклянной фабрики. Онъ образованъ, хорошей фамиліи, а главное, очень понравился моей дочери. Окончивъ это важное дѣло, я возвращаюсь на мѣсяцъ въ Баденъ, а вначалѣ апрѣля ѣду въ Петербургъ, а оттуда въ Москву, а оттуда въ Спасское, а оттуда въ Степановку. Въ Россіи я останусь мѣсяца два, чтобы по мѣрѣ возможности привести въ ясность свои дѣла. Ваши слова: „что у насъ теперь *все въ убытокъ*“ — нисколько меня не удивили, ибо я уже два года тому назадъ зналъ, что кромѣ *выкупныхъ денегъ* (и вслѣдствіе этого избавленія отъ казеннаго долга) ни на одинъ *грошъ* дохода надѣяться нельзя въ теченіи *пяти* лѣтъ, а потому я умолялъ дядю тотчасъ все имѣніе представить къ выкупу, съ уступкой пятой части. Но дядя, изъ очень похвальнаго, но для меня очень горестнаго чувства сохраненія моихъ выгодъ, ничего этого не сдѣлалъ, или сдѣлалъ только вполовину и посадилъ меня на мель самымъ убійственнымъ образомъ. Но объ этомъ послѣ.

„Присланное стихотвореніе очень и очень мнѣ понравилось. Тонкое и вѣрное сравненіе. Но какимъ образомъ: все

тише, все *ясный* въ первой строфѣ — ладитъ съ *мракомъ* во второй? Тутъ есть маленькое отсутствіе гармоніи и поэтическаго равновѣсія. Я думаю, это весьма легко исправить.

„Мнѣ хорошо живется, — я здоровъ, надѣюсь, что и вы также. Поклонитесь отъ меня вашей женѣ и всѣмъ московскимъ пріятелямъ и не забывайте

преданнаго вамъ *Ив. Тургенева*.

Л. Толстой писалъ намъ въ Москву:

23 января 1865.

„Какъ вамъ не совѣстно, милый мой Фетъ, такъ жить со мной, какъ будто вы меня не любите, или какъ будто всѣ мы проживемъ Мафусаиловы года. Зачѣмъ вы никогда не заѣзжаете ко мнѣ? И не заѣзжаете такъ, чтобы прожить два, три дня, спокойно пожить. Такъ хорошо поступать съ другими. Ну не увидались въ Ясной, встрѣтимся гдѣ нибудь на Подновинскомъ; а со мной не встрѣтитесь на Подновинскомъ. Я тѣмъ счастливъ, что прикованъ къ Ясной Полянѣ. А вы человѣкъ свободный. А глядишь, умретъ кто нибудь изъ насъ, вотъ какъ умеръ на дняхъ Вал. Петр., сестринъ мужъ, тогда и скажетъ: „что это я дуракъ, все объ мельницѣ хлопоталъ, а къ Толстому не заѣхалъ. Мы бы съ нимъ поговорили“. Право, это не шутка. Вы писали „и оплеуха тутъ была“ и вѣрно написали уже. Мнѣ страшно хочется прочесть, но страшно боюсь, что вы многимъ *значательнымъ* пренебрегли и многимъ незначительнымъ увлеклись. Мнѣ очень интересно.

„А знаете, какой я вамъ про себя скажу сюрпризъ: какъ меня стукнула объ землю лошадь и сломала руку, когда я послѣ дурмана очнулся, я сказалъ себѣ, что я литераторъ. И я литераторъ, но уединенный, потихонечку литераторъ. На дняхъ выйдетъ первая половина 1 й части 1805 года. Пожалуйста подробнѣе напишите свое мнѣніе. Ваше мнѣніе да еще мнѣніе человѣка, котораго я не люблю тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе я выростаю большой, — мнѣ дорого — Тургенева. Онъ пойметъ. Печатанное мною прежде я считаю только пробой пера; печатаемое теперь мнѣ хотя и нравится болѣе преж-

няго, но слабо кажется, безъ чего не можетъ быть вступленіе. Но что дальше будетъ — бѣда!!! Напишите, что будутъ говорить въ знакомыхъ вамъ различныхъ мѣстахъ и, главное, какъ на массу. Вѣрно пройдетъ незамѣченно. Я жду этого и желаю; только бы не ругали, а то ругательства разстраиваютъ... Прощайте, бывайте у нашихъ. Васъ отъ души любятъ. Марьѣ Петровнѣ мой поклонъ.

„Я радъ, что вы любите мою жену; хотя я ее меньше люблю моего романа, а всетаки, вы знаете, жена. — Пріѣзжайте же ко мнѣ. А ежели не заѣдете изъ Москвы съ Марьей Петровной, право, безъ шутокъ, это будетъ очень глупо.

Л. Толстой.

В. П. Боткинъ писалъ:

С.-Петербургъ.
14 февраля 1865.

„Не знаю, застанетъ ли письмо это васъ въ Москвѣ, во всякомъ случаѣ желаю вамъ благополучно добраться до Степановки. Вѣроятно, вы провели масляницу довольно весело; но для тебя, Маша, которая всегда разстается съ Москвою нелегко, я думаю, все это время мелькнуло съ быстротою молніи. И я на масляницѣ былъ три раза въ театрѣ, чтобы вознаградить себя за зиму; во всемъ остальномъ масляница прошла для меня тихо.

„Началъ читать романъ Л. Толстаго: какъ тонко подмѣчаетъ онъ разныя внутреннія движенія, — это поразительно. Но не смотря на то, что я прочелъ больше половины, нить романа нисколько не начинаетъ выясняться, такъ что до сихъ поръ подробности однѣ преобладаютъ. Кромѣ того, къ чему это обиліе французскаго разговора? Довольно сказать, что разговоръ шелъ на французскомъ языкѣ. Это совершенно лишнее и дѣйствуетъ непріятно. Вообще въ языкѣ русскомъ большая небрежность. Это очевидно вступленіе, — фонъ будущей картины. Какъ ни превосходна обработка малѣйшихъ подробностей, а нельзя не сказать, что этотъ фонъ занимаетъ слишкомъ большое мѣсто.

„Морозы большіе кончились, и теперь все будетъ приближаться къ веснѣ и меня приближать къ Степановкѣ. Вотъ

какъ я располагаю: тотчасъ послѣ Святой недѣли,—нынче Свѣтлое Воскресеніе будетъ 7 апрѣля,—слѣдовательно, Свѣтлая недѣля кончится 14 апрѣля,—я отправляюсь въ Москву, остановлюсь у Мити и проживу дней около десяти или побольше. А къ первому числу мая направлюсь къ вамъ,—вопервыхъ, потому, чтобы подышать весеннимъ воздухомъ, а вовторыхъ, чтобы пожить съ вами подолѣе, ибо въ августѣ я намѣреваюсь съѣздить заграницу, и потому долженъ буду оставить Степановку еще въ іюлѣ. Но объ этомъ мы обстоятельно посудимъ и переговоримъ.—Если что забудете купить для Степановки, то напишите сюда, — повѣрьте, я человѣкъ аккуратный и все выполню.

Обнимаю васъ отъ всего сердца.

В. Боткинъ.

Приходилось, воспользовавшись послѣднимъ зимнимъ путемъ по шоссе, пробираться въ Степановку. Здѣсь я нашелъ одно изъ величайшихъ хозяйственныхъ бѣдствій, о которомъ въ свое время, помнится, писалъ въ своихъ письмахъ изъ деревни. Прикащикъ въ мое отсутствіе натрудилъ весьма добраго и стараго, рыжаго мерина, у котораго съ натуги показался сапъ, на который не было обращено до нашего пріѣзда должнаго вниманія. Я засталъ больную лошадь расхаживающею на конномъ дворѣ среди другихъ; и всѣ усилія мои къ разведенію лошадей разомъ лопнули самымъ горестнымъ образомъ. Не взирая на нежеланіе оскорблять повара Михайлу, я вынужденъ былъ отказать брату его Ѳедору, занимавшему у насъ мѣсто прикащика. Василій Петровичъ прозывалъ это событіе землетрясеніемъ. Между тѣмъ онъ писалъ:

С.-Петербургъ.
17 марта 1865.

„Получилъ отъ васъ письмо и спѣшу благодарить за него. Слава Богу, вы уже вошли въ нормальную колею, и время пошло для васъ своимъ мирнымъ движеніемъ. Здѣсь, напротивъ, оно идетъ большею частію лихорадочно. Хотя смѣшно мнѣ, находящемуся внѣ его коловорота и политическаго, и

всяческаго, жаловаться на его лихорадочность, но въ результатѣ выходитъ, что человѣкъ связанъ таинственными нитями со своею средою и нѣтъ никакой возможности ему смотрѣть на все равнодушно. Вотъ я, ничего не дѣлающій человѣкъ, а между тѣмъ я страдаю всѣми болями настоящаго времени. Увы! для Россіи прошло то время, когда можно было уходить въ созерцательную жизнь.

„Поутру часовъ въ 9 я обыкновенно хожу гулять. и вотъ на одной изъ этихъ прогулокъ, сходя съ моста, я поскользнулся на скользкомъ отъ утренняго мороза гранитѣ и повредилъ себѣ правую руку. Боль и опухоль до сихъ поръ мѣшаютъ мнѣ писать, что видно изъ моего дурнаго почерка. Нѣсколько дней я не могъ выходить. Ты, Маша, напрасно вспоминаешь о бальтазарахъ: обѣдъ въ Степановкѣ лучше всѣхъ бальтазаровъ, уже по тому одному, что онъ простъ и, слѣдовательно, здоровѣе и умѣреннѣе. Обѣдъ, состоящій изъ одного холоднаго ростбифа, есть идеалъ здороваго обѣда. У меня вчера обѣдали семь человѣкъ, и поваръ Англійскаго клуба, по обыкновенію, оказался исправнымъ, не смотря на то, что обѣдъ былъ по 2 рубля съ человѣка. Въ этомъ отношеніи я устроился очень практично. Тургеневъ сбирается пріѣхать сюда на Святой недѣлѣ, но, вѣроятно, опоздаетъ, а такъ какъ я думаю ѣхать въ Москву въ половинѣ апрѣля, то я его вѣроятно не увижу здѣсь. Онъ и въ правду кончилъ свое „Довольно“ и прислалъ сюда въ цензуру. Это очень коротенькая вещь, не повѣсть, а лирическія изліянія. Я не читалъ. но даже Анненковъ говоритъ, что очень слабо. Совсѣмъ расползся Иванъ Сергѣевичъ, и внутренній нервъ его завялъ и сдѣлался дряблымъ и хилымъ.

20 марта.

„Теперь стоятъ здѣсь солнечные дни, и уже ѣзда на саняхъ прекратилась, – словомъ, весна во всемъ ходу. Каково то у васъ,—я думаю разливное море. Сегодня былъ у меня Некрасовъ и просидѣлъ три часа. Дѣло въ томъ, что его вонючая лавочка „Современника“ дѣлается самому ему гадкою. Онъ слишкомъ уменъ, чтобы не чувствовать ея омерзительности. Онъ говоритъ, что принялся за работу — поэму, на-

чало которой напечатано въ январьской книжкѣ Современника. Сегодня большой обѣдъ въ Англ. клубѣ, празднуется день его основанія. Въ этотъ день приглашается, обыкновенно, весь дипломатическій корпусъ, будетъ кн. Горчаковъ; будутъ рѣчи. Вчера сказывалъ мнѣ старшина, что за одну уху заплатили 1,200 рублей. Съ членовъ берутъ только по 3 рубля за обѣдъ съ виномъ, а вина все заграничной разливки, и шампанскаго вволю и вечеромъ ponche-royal. Клубу обойдется это угощеніе въ шесть тысячъ. Ponche-royal будетъ всенародно возженъ въ залѣ. Всѣ будутъ въ мундирахъ и фракахъ.

24 марта.

„Весна идетъ на всѣхъ парусахъ, дни стоятъ восхитительные. Легкая свѣжесть воздуха, безоблачное небо, и въ Степановкѣ, думаю, все это еще лучше, только, къ сожалѣнію, нѣтъ такихъ великолѣпныхъ тротуаровъ и газоваго освѣщенія. Пишешь ли ты „Изъ деревни?“ Вчера я слышалъ похвалы, и какія!—этимъ статьямъ отъ людей, не подозрѣвающихъ, что я тебя знаю. Это было у Бера, сенатора. Пожалуйста подготовь къ моему пріѣзду, чтобы можно было прочесть Да какую это статью началъ ты для „Библіотеки для чтенія?“. Получилъ двѣ книжки Русск. Вѣстника, но твоей статьи „Къ Пизонамъ“ тамъ нѣтъ. Теперь всѣ мысли мои устремлены на отъѣздъ изъ Петербурга, а Дмитрій захворалъ ревматизмомъ въ мышцахъ спины, да такъ захворалъ, что едва можетъ ходить. Сережа велѣлъ лѣчить его электричествомъ, и уже отъ одного раза стало легче. Сегодня пошелъ онъ на второй электрическій сеансъ. Дай Богъ, чтобы онъ къ отъѣзду выздоровѣлъ. Гербель пріѣзжалъ ко мнѣ узнать о твоемъ адресѣ: онъ будетъ писать тебѣ насчетъ твоего позволенія включить твой переводъ „Антоній и Клеопатра“—въ изданіе Шекспира, и какія будутъ твои условія. Муза все еще продолжаетъ быть благосклонною къ божественному старцу Тютчеву,—его стихотвореніе во 2-й книжкѣ Русск. Вѣстн. прелестно. Обнимаю васъ отъ всего сердца.

В. Боткинъ.

С.-Петербургъ.
11 апрѣля 1865 года.

„Ловлю послѣднiй день Святой недѣли, чтобы поздравить васъ со Свѣтлымъ праздникомъ и пожелать всѣхъ благъ. Здѣсь уже Нева вскрылась, и ледъ прошелъ, и вѣроятно вслѣдствiе этого постоянно дуетъ сильный сѣверо-западный вѣтеръ, холодный и пронзительный, а когда дуетъ этотъ вѣтеръ, мнѣ всегда нехорошо. Кромѣ этого весна дѣйствуетъ на меня разслабительно. Такъ бы хотѣлось теплыхъ дней, да куда ѣхать искать ихъ? Собираюсь въ Москву, но вѣдь пускаться въ Степановку ранѣе первыхъ чиселъ мая кажется невозможно: холодно будетъ ѣхать, а мнѣ совсѣмъ неудобно брать съ собою шубу. Притомъ я боюсь, что двѣ недѣли въ Москвѣ покажутся мнѣ безконечными, даже принимая въ разсчетъ привѣтливость Софьи Сергѣевны. Я располагаю выѣхать отсюда около 20-го. Не знаю, почему противны мнѣ здѣшнiе долгiе, свѣтлые вечера, предтечи болѣзненно свѣтлыхъ ночей. Ужь по этому одному провести лѣто въ Петербургѣ было бы для меня несчастiемъ. Отсюда смотрю я на Степановку, какъ на благодатный прiютъ, какъ на отдыхъ послѣ зимы. Казалось бы, отъ чего отдыхать, когда я относительно всего нахожусь въ положенiи зрителя. Мы тоже были съ тобою зрителями, когда смотрѣли Блондена, но я уже послѣ не пошелъ смотрѣть на него. Но въ этомъ отношенiи и въ Степановкѣ не избѣжать своего рода волненiй.

20 апрѣля.

„Вотъ уже и 20 апрѣля, а я все еще не выѣзжаю изъ Петербурга. Погода стоитъ очень холодная. Но что бы тамъ ни было, а непремѣнно думаю выѣхать между 25 и 28. Между тѣмъ слухи о Степановкѣ доходятъ до меня невеселые. Митя писалъ мнѣ, что ты отказалъ Өедору. Къ сожалѣнiю, я не знаю никакихъ подробностей, но тѣмъ болѣе меня печалитъ мысль, что вѣрно ты рѣшился отказать вслѣдствiе значительной неурядицы, происшедшей прямо отъ Өедора. Я знаю, что въ нужную минуту твоя энергiя и рѣшимость тебѣ не измѣнятъ.

„Новый законъ о печати произвелъ нѣкотораго рода смя-

теніе между журналистикой. Многіе думаютъ оставаться подъ цензурой, не чувствуя себя способными стоять на своихъ ногахъ и принимать на себя отвѣтственность за свои поступки. Замѣчательно, что журналы демагогическаго направленія лучше хотятъ оставаться подъ цензурой: доказательство, что подъ эгидою цензуры удобнѣе имъ пропускать свои революціонныя доктрины. Въ этомъ отношеніи Некрасовъ съ Современникомъ находится совершенно какъ въ мукахъ рожденія и чувствуетъ себя на мели. Современникъ потерялъ этотъ годъ до 1500.—Вся буйная красота сосредоточилась въ Русск. Словѣ, но оно то и думаетъ остаться подъ цензурой, надѣясь, что такъ будетъ безопаснѣе и особенно надѣясь на глупость петербургскихъ цензоровъ, или на ихъ безмозглый прогрессизмъ. Некрасовъ даже сочинилъ слѣдующее четверостишіе, можетъ быть для того, чтобы приготовить другихъ къ измѣненію Современника; своего же собственнаго мнѣнія онъ никогда и ни о чемъ не имѣлъ.

«Бѣги отъ подлыхъ шулеровъ,
Отъ старыхъ бабъ и франтовъ модныхъ
И отъ начитанныхъ глупцовъ:—
Лакеевъ мыслей благородныхъ».

„Слѣдующее письмо напишу вамъ уже изъ Москвы, гдѣ надѣюсь найти вѣсть отъ тебя. Жму вамъ крѣпко руки. Я слышалъ достовѣрно, что желѣзная дорога до Серпухова будетъ открыта непремѣнно будущею весной, если только не нынѣшней осенью. О Тургеневѣ слухи затихли, но онъ писалъ Анненкову, что располагаетъ быть здѣсь въ маѣ и вѣроятно будетъ въ Спасскомъ, при видѣ котораго онъ всегда чувствуетъ невѣроятную скуку, какъ онъ мнѣ говорилъ.—А что рѣчь о продажѣ имѣнія Кологривова?—неужели совсѣмъ затихла? А я всетаки не покидаю этой мысли и все надѣюсь.

Прощайте. Вашъ *В. Боткинъ*.

Я забылъ сказать, что въ прошлый пріѣздъ, услыхавъ, что въ пятиверстномъ отъ насъ сосѣдствѣ сходно продается значительное имѣніе Кологривова, Василій Петровичъ намѣревался его купить, и мы ѣздили его осматривать. Единственно

доступнымъ ему критеріумомъ оказались сильныя и румяныя яблоки, покрывавшія садовыя деревья. Но какъ это были озимыя, то Василію Петровичу приходилось закусывать и тотчасъ же бросать ихъ. Тѣмъ не менѣе сходная цѣна, помнится, 45 р. за десятину, сильно его соблазняла, и онъ не ошибся бы въ разсчетѣ, такъ какъ лѣтъ черезъ 15 имѣніе это было перепродано, помнится, по 140 р. за десятину. Конечно, намѣреніе Василія Петровича, подарить намъ эту землю, было совершенно прозрачно; но поэтому то я и старался всѣми силами его отговаривать отъ этой покупки, такъ что однажды, понявъ въ свою очередь мою щепетильность, онъ съ раздраженіемъ сказалъ: „да я для себя покупаю“.

Проходя сызнова въ настоящее время давно пройденный мною путь жизни, я невольно останавливаюсь на мелочахъ, незначительныхъ для сторонняго читателя, но имѣющихъ для меня роковой смыслъ. Не трудно понять, что, увлекись Василій Петровичъ Кологривовскимъ селомъ и передай его намъ, мы бы, какъ и позднѣе несостоявшейся покупкой значительнаго имѣнія Николая Сергѣевича Тургенева,—были окончательно привязаны къ Степановкѣ, ибо большія имѣнія не такъ легко при надобности продавать, какъ хорошо устроенное маленькое. Судьба очевидно все время гнала насъ къ югу и не дозволяла совершаться событіямъ, могущимъ преградить наше стремленіе на югъ (Drang nach Süden).

В. П. Боткинъ писалъ:

Москва.
12 мая 1865.

„Третьяго дня пріѣхалъ я сюда. Съ Катковымъ говорилъ о томъ, посылается ли тебѣ Русск. Вѣст. Когда я сказалъ, что ты не получаешь его, онъ послалъ при мнѣ же справиться въ контору и ужасно разсердился. Между тѣмъ контора отвѣчала, что посылаетъ. Но я стоялъ на томъ, что ты не получаешь. Велѣно навести справки, почему и проч. Оказалось, что Каткова упрекать тутъ не въ чемъ.

„Я еще не рѣшилъ своего выѣзда изъ Москвы. Если удастся выѣхать 7-го, то я заѣду вечеромъ 8-го на перепутьи въ Спасское къ почтеннѣйшему Николаю Николаевичу, хотя и со-

вѣстно безъ зова пріѣхать на именины. Но весьма быть можетъ, что мнѣ не удастся выѣхать 7-го, и тогда я уже не заѣду въ Спасское, а проѣду прямо въ Степановку. Хотя я въ Москвѣ съ 28 апрѣля, но обѣдалъ дома только разъ. Обѣдалъ у Каткова, а порядкомъ поговорить съ нимъ не успѣлъ. Во всякомъ случаѣ досвиданія или въ Спасскомъ, или въ Степановкѣ.

Вашъ *В. Боткинъ.*

По давно заведенному порядку, мы и на этотъ разъ пріѣхали на своихъ лошадяхъ сперва къ Борисову, а затѣмъ на другой день вмѣстѣ съ послѣднимъ на именины Николая Николаевича. Обычный кругъ гостей былъ отчасти изумленъ неожиданнымъ пріѣздомъ Боткина, умѣвшаго въ добрый часъ быть чрезвычайно любезнымъ. Будучи на своихъ лошадяхъ, мы пригласили на другой день Василія Петровича обѣдать и ночевать въ Новоселки, такъ какъ при этомъ переѣздъ въ Степановку превращался изъ 75-ти верстъ въ 60—въ тотъ же самый день. Борисовъ съ своей стороны пригласилъ Боткина, который тѣмъ не менѣе не преминулъ въ Новоселкахъ замѣтить, что уподобляется Чичикову, переѣзжающему отъ помѣщика къ помѣщику.

Въ скорости затѣмъ въ Степановкѣ было получено письмо Толстаго:

16 мая 1865 г.

„Простите меня любезный другъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ за то, что долго не отвѣчалъ вамъ. Не знаю, какъ это случилось. Правда, въ это время было больно одно изъ дѣтей, и я самъ едва удержался отъ сильной горячки и лежалъ три дня въ постели. Теперь у насъ все хорошо и даже очень весело. У насъ Таня, потомъ сестра съ своими дѣтьми, и наши дѣти здоровы и цѣлый день на воздухѣ. Я все пишу понемножку и доволенъ своей работой. Вальдшнепы все еще тянутъ, и я каждый вечеръ стрѣляю *по нимъ*, т. е. преимущественно мимо. Хозяйство мое идетъ хорошо, т. е. мало тревожитъ меня,—все, что я отъ него требую. Вотъ все про меня. На вашъ вопросъ упомянуть о Ясной Полянѣ—школѣ,

я отвѣчаю отрицательно. Хотя ваши доводы и справедливы, но про нее (Я. П.) журналы забыли, и мнѣ не хочется напоминать, не потому, чтобы я отрекался отъ выраженнаго тамъ, но напротивъ потому, что не перестаю думать объ этомъ, и ежели Богъ дастъ жизни, надѣюсь еще изъ всего этого составить книгу, съ тѣмъ заключеніемъ, которое вышло для меня изъ моего 3-хъ лѣтняго страстнаго увлеченія этимъ дѣломъ. Я не понялъ вполнѣ то, что вы хотите сказать въ статьѣ, которую вы пишете; тѣмъ интереснѣе будетъ услышать отъ васъ, когда свидимся. Наше дѣло землевладѣльческое теперь подобно дѣламъ акціонера, который бы имѣлъ акціи, потерявшія цѣну и не имѣющія хода на биржѣ. Дѣло очень плохо. Я для себя рѣшаю его только такъ, чтобы оно не требовало отъ меня столько вниманія и участія, чтобы это участіе лишало меня моего спокойствія. Послѣднее время я своими дѣлами доволенъ, но общій ходъ дѣлъ, т. е. предстоящее народное бѣдствіе голода съ каждымъ днемъ мучаетъ меня больше и больше. Такъ странно и даже хорошо и страшно. У насъ за столомъ редиска розовая, желтое масло, подрумяненный мягкій хлѣбъ на чистой скатерти, въ саду зелень, молодыя наши дамы въ кисейныхъ платьяхъ, рады, что жарко и тѣнь, а тамъ этотъ злой чортъ голодъ дѣлаетъ уже свое дѣло, покрываетъ поля лебедой, разводитъ трещины по высохнувшей землѣ и обдираетъ мозольныя пятки мужиковъ и бабъ и трескаетъ копыта у скотины. Право страшная у насъ погода, хлѣба и луга. Какъ у васъ? Напишите повѣрнѣе и поподробнѣе. Боткинъ у васъ. Пожмите ему отъ меня руку. Зачѣмъ онъ ко мнѣ не заѣхалъ? Я на дняхъ ѣду въ Никольское еще одинъ безъ семьи и потому не надолго и къ вамъ не пріѣду. Но то то хорошо было бы, коли бы въ это же время судьба принесла васъ къ Борисову. Кланяюсь отъ себя и жены Марьѣ Петровнѣ. Мы въ іюнѣ намѣрены со всею семьей переѣхать въ Никольское; тогда увидимся, и уже навѣрное буду у васъ.

„Что за злая судьба на васъ? Изъ вашихъ разговоровъ я всегда видѣлъ, что одна только въ хозяйствѣ была сторона, которую вы сильно любили, и которая радовала васъ,—это коннозаводство, и на нее то и обрушилась бѣда. Приходится

вамъ опять перепрягать свою колесницу, а „юхванство" перепрячь изъ оглобель на пристяжку; а мысль и художество ужь давно у васъ переѣзжены въ корень. Я ужь перепрегъ и гораздо покойнѣе поѣхалъ.

„Довольно" мнѣ не нравится. Личное, субъективное хорошо только тогда, когда оно полно жизни и страсти, а тутъ субъективность полная безжизненнаго страданія.

Л. Толстой.

Тургеневъ писалъ:

Спасское.
4 іюня 1865 г.

„Любезный Аѳан. Аѳан., я вчера прибылъ благополучно сюда и, разумѣется, жажду васъ видѣть, а также и Василія Петровича, который, говорятъ, находится теперь подъ вашимъ кровомъ. Въ день именинъ Марьи Петровны я, конечно, у васъ. Напишите мнѣ словечко. Я, вѣроятно, завтра или послѣ завтра увижусь съ Иваномъ Петровичемъ. Досвиданья!

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

Согласно намѣренію своему, Боткинъ въ половинѣ іюля уѣхалъ отъ насъ заграницу, а мы, слыша, что на 22 іюля многіе изъ подъ Мценска собираются къ намъ, стали помаленьку готовиться къ именинамъ. Такъ какъ съ нѣкоторыми мценскими, напримѣръ, съ весьма любезнымъ и умѣвшимъ пожить уѣзднымъ предводителемъ В. А. Ш—ымъ, мы познакомились черезъ давнишняго его пріятеля Александра Никитича Ш—а, то эти гости обыкновенно наканунѣ пріѣзжали къ Александру Никитичу, великому мастеру угостить, который обыкновенно звалъ и насъ къ себѣ. Дня за четыре до праздника пришло извѣстіе изъ Спасскаго, что Иванъ Сергѣевичъ по болѣзни быть не можетъ, но будетъ дядя съ женою и свояченицей.

Позволю себѣ сказать нѣсколько словъ объ этой послѣдней, о которой выше было говорено вскользь. Старше своей сестры Тургеневой, Анна Семеновна Бѣлокопытова проживала въ Спасскомъ въ отдѣльной маленькой комнатѣ. Это была небольшаго роста толстоватая пожилая дѣвушка съ

добрѣйшимъ сердцемъ. Любовь ея не ограничивалась двумя племянницами Тургеневыми, но распространялась по возможности на всѣхъ страждущихъ и даже беззащитныхъ животныхъ. Отличный семьянинъ Ник. Ник. Тургеневъ самъ многое спускалъ галкамъ за семейную нѣжность ихъ парочекъ, а потому въ Спасскомъ всегда можно было, ко времени вылета изъ гнѣздъ, найти на дорожкѣ безпомощную галку. Вдобавокъ къ канарейкамъ и ручнымъ голубямъ, у Анны Семеновны постоянно проживала ручная галка, жадно глядѣвшая на руки при словахъ: „галочка, галочка". Но изумительнѣе всего было то, что на тихій зовъ Анны Семеновны: „ужинька, ужинька",—изъ подъ карниза пола дѣйствительно показывался ужъ и безбоязненно шелъ локать молоко съ поставленнаго на полъ блюдечка. Не взирая на любезное отношеніе Николая Николаевича къ своей свояченицѣ, одинъ костюмъ Анны Семоновны доказывалъ невозможность со стороны Николая Николаевича удовлетворять какимъ-либо затѣямъ своихъ дамъ. Одно время Анна Семеновна гостила у насъ въ Степановкѣ, и когда къ опредѣленному сроку Ник. Ник. прислалъ за нею коляску, Анна Семеновна изумила меня своею просьбой. У насъ вставляли стекла въ новыя двойныя рамы, и Анна Семеновна выпросила себѣ на картину вырѣзокъ стекла въ полторы четверти въ квадратѣ и повезла этотъ отрѣзокъ за 75 верстъ на колѣняхъ. Эта просьба въ свое время поразила меня, и нынѣ возстаетъ въ моей памяти однимъ изъ доказательствъ безкорыстія Николая Николаевича.

21 іюля до поздняго вечера мы то прислушивались, то выглядывали на дорогу, уже сильно потемнѣвшую отъ набѣжавшихъ дождевыхъ тучъ. Но когда насъ окружила непроглядная тьма, на мгновеніе озаряемая молніей, сопровождаемой ударами грома и ревущимъ дождемъ, мы совершенно успокоились на мысли, что въ такую погоду ночью ожидать гостей невозможно. Въ 12 часовъ все въ домѣ спало, начиная съ насъ, за исключеніемъ кухни, откуда глухо раздавался стукъ ножей. Вдругъ въ 2 часа утра у подъѣзда раздался стукъ, и затѣмъ поднялась бѣготня по всему дому. „Что такое?" спросили мы стучавшаго въ дверь спальной слугу.—„Ник. Ник. съ барынями изволили пожаловать", былъ

отвѣтъ, вслѣдствіе котораго черезъ минуту сначала жена, а потомъ я выбѣжали изъ спальни съ зажженными свѣчами. Такъ какъ Тургеневымъ заблаговременно все было приготовлено въ пристройкѣ Василія Петровича, то надо было проводить гостей черезъ весь домъ, освѣщая дорогу схваченной второпяхъ свѣчею. Надо было снабдить промокшихъ гостей сухимъ бѣльемъ и напоить ихъ чаемъ. Понадѣявшись на свою память, я оставилъ свѣчу, съ которой провожалъ гостей, у нихъ и бросился въ потьмахъ по всему дому до спальни. Въ направленіи я ошибиться не могъ и инстинктивно держалъ передъ собою лѣвую руку. Вдругъ я услыхалъ трескъ и сильнѣйшій ударъ въ руку, очутившуюся у меня на груди, причемъ всего меня оттолкнуло назадъ. По нестерпимой боли въ кисти руки понявъ, что наткнулся на одну изъ половинокъ полурастворенной новой дубовой двери, я подумалъ, что затрещали перерѣзанныя растворомъ кости. Къ счастію, оказалось, что затрещала на своихъ солидныхъ петляхъ дверь. Можно судить о силѣ удара. Не удивительно, что пришлось сейчасъ же погружать руку въ воду со льдомъ, и что слѣды этого шрама сохранились на рукѣ до сихъ поръ.

Такъ какъ празднованіе именинъ мало отличалось отъ прежнихъ, мною описанныхъ, то прохожу его молчаніемъ.

III.

Поѣздка въ Новоселки и въ Никольское къ Толстымъ.—Борисовъ съ Петей пріѣзжаетъ къ намъ.—Письма.—Мое избраніе въ гласные.—Письма.—Предводитель А. В. Ш—въ и мировой посредникъ Ал. Арк. Тимирязевъ.—Раздумье по поводу Тимской мельницы.—Письма.—Поѣздка въ Москву.—Тяжелое свиданіе съ Ник. Ник. Тургеневымъ.

Ѣздившій не менѣе насъ въ окрестности Мценска и преимущественно въ красивую каменную усадьбу помянутаго уже нами предводителя В. А. Ш—а, Александръ Никитичъ, подобно намъ, проѣзжалъ половину дороги на своихъ прекрасныхъ лошадяхъ, съ тою разницей, что оставлялъ собственныхъ лошадей у воспѣтаго Тургеневымъ вольнаго ямщика Ѳедота, тогда какъ мы, захвативши изъ дому мѣрку овса, кормили у Ѳедота три часа. Такъ какъ наши выѣзды были по поводу какого нибудь деревенскаго празднества, то Александръ Никит. не разъ догонялъ насъ у Ѳедота, и, требуя лошадей для себя, видимо раздражался нашей экономіей, говоря: „ну что тебѣ стоитъ заплатить 3 рубля?"

— Стоитъ, отвѣчалъ я, то же, что и тебѣ: взадъ и впередъ 6 рублей, и тратить ихъ на каждую поѣздку я не нахожу для себя возможнымъ.

Пока лошади кормились, мы обыкновенно просили самовара и сливокъ, къ которымъ являлась захваченная нами изъ дому закуска на чистой салфеткѣ и карты для пасьянса. Когда же черезъ три часа поили лошадей и подмазывали коляску, мы съ женою уходили, по существовавшимъ тогда еще по большимъ дорогамъ екатерининскимъ ракитовымъ аллеямъ, впередъ, а коляска нагоняла насъ уже версты за двѣ отъ Ѳедота.

Вскорѣ послѣ именинъ, мы съ женою рѣшили навѣстить Борисова, а отъ него проѣхать въ Никольское повидаться съ Толстыми.

Бѣднаго Борисова, утѣшеннаго умнымъ щебетаніемъ обожаемаго имъ Пети, мы застали въ сравнительно покойномъ состояніи духа. Послѣ обѣда пришелъ старый Мартынычъ и былъ снова усаженъ Борисовымъ въ кабинетѣ на стулъ. Тутъ онъ въ первый разъ увидалъ жену мою и, конечно, не преминулъ разсказать ей о блаженныхъ дняхъ, когда онъ самъ: „надобно сказать, жилъ своимъ домкомъ, на своей землѣ и, надобно сказать, младенца имѣлъ. И какъ умеръ благодѣтель Ѳедоръ Васильевичъ Каврайскій и, надобно сказать, и младенецъ, и жена. И вотъ теперь, надобно сказать, пришелъ къ Ивану Петровичу просить помощи".

— Какой это, Сергѣй Мартынычъ, помощи? спросилъ Борисовъ.—Вы получили свое мѣсячное положеніе?

— Получи-и-и-лъ! выразительно протянулъ Мартынычъ.

— Ну такъ что же?

— Братья отняли.

— Да вѣдь дать вамъ—они опять отнимутъ?

— Ня дамъ!

— Да вѣдь вы и въ тотъ разъ говорили: не дамъ.

— Да вѣдь я, Иванъ Петровичъ, прошу,—при этомъ онъ ущемлялъ щепотью правой руки оттопыренный кривой мизинецъ лѣвой—только вотъ такой кусочекъ хлѣбца!

— Такъ, Сергѣй Мартынычъ, нельзя!

— Нельзя! утвердительно говорилъ Мартынычъ.

— Вѣдь такъ, что вамъ ни дай, все отнимутъ.

— Отнимутъ, грустно повторялъ Мартынычъ.—Да вѣдь я, Иванъ Петровичъ, только вотъ такой кусочекъ чернаго хлѣбца прошу!

— Да вѣдь его отнимутъ.

— Ня дамъ!

Съ великимъ трудомъ выбрались мы изъ ложнаго круга краснорѣчія Мартынычa. Когда онъ вышелъ изъ комнаты, Иванъ Петровичъ воскликнулъ: „ты видишь, онъ совершенный свирѣпый Аханъ".

Во дни нашей юности въ Москвѣ, въ газетахъ и отдѣль-

ными объявленіями сообщалось публикѣ о предстоящей за Рогожскою заставой травлѣ собаками привязаннаго медвѣдя, носившаго названіе „Аханъ“. Конечно, къ привязанному Ахану шелъ болѣе эпитетъ *несчастный*, но для привлеченія фабричной публики выставлялся заманчивый эпитетъ *свирѣпый*.

На другой день мы собрались съ женою въ Никольское къ Толстымъ, причемъ остававшійся дома Иванъ Петр., въ виду 60-ти верстъ, пройденныхъ нашими лошадьми, любезно предложилъ свой тарантасъ тройкою. Пообѣдавъ пораньше, мы весело пустились въ сравнительно недальній путь, начиная съ довольно глубокаго переѣзда въ бродъ р. Зуши. Хотя мы оба съ Борисовымъ много разъ бывали въ Никольскомъ у дорогаго графа Николая Николаевича, но это постоянно бывало верхомъ, и поэтому, подъѣхавъ къ глубокому лѣсному оврагу, пересѣкаемому весьма мало наѣзжаной дорогой, я нимало не усомнился въ томъ, что такая старая, сильная и благонадежная лошадь, какъ давно знакомая мнѣ Новосельская Звѣздочка, отлично спуститъ насъ въ тарантасѣ подъ гору, а добрыя пристяжныя выхватятъ и на гору. Но при видѣ крутой дорожки, спускавшейся по кустарникамъ въ долину, жена моя отказалась сидѣть въ тарантасѣ, и я поневолѣ долженъ былъ сопровождать ее подъ гору пѣшкомъ. Каковы же были сначала мое изумленіе, а затѣмъ и ужасъ, когда я увидалъ, что хомутъ слѣзъ Звѣздочкѣ на шею, и какъ кучеръ ни старался сдерживать тройки, послѣдняя стала прибавлять ходу и наконецъ во весь духъ понеслась подъ гору. При этомъ на тычкахъ, мало замѣтныхъ съ горы, сначала кучеръ акробатически взлетѣлъ и сѣлъ на траву, а затѣмъ и кожаная подушка съ козелъ послѣдовала его примѣру. Надо было ожидать внизу окончательнаго калѣчества лошадей и экипажа. А какое приключеніе можетъ быть язвительнѣе для небогатаго хозяина? Вотъ еще два - три прыжка до оврага, у котораго заворачиваетъ вправо наша дорожка... но, о чудо! Доскакавъ до этого мѣста, тройка круто поворачиваетъ направо и, написавъ нисходящую въ оврагъ одну ножку буквы *Л*, находитъ другую восходящую и выскакиваетъ по ней снова на нашу опушку. Тамъ, ощутивъ себя на нор-

мальной плоскости, тройка самымъ флегматическимъ обра зомъ остановилась, а мы, подобравъ въ кустахъ сброшенную подушку, безъ всякихъ поломокъ отправились въ Никольское объѣздомъ.

Не взирая на нѣкоторую тѣсноту помѣщенія, мы были приняты семействомъ графа съ давно испытанною нами любезностью и радушіемъ. Съ пріѣзжими хозяевами былъ двухлѣтній сынокъ, требовавшій постояннаго надзора, и дѣвочка у груди. Кромѣ того, у нихъ гостила прелестная сестра хозяйки. Къ пріятнымъ воспоминаніямъ этого посѣщенія у меня присоединяется и непріятное. Я вообще терпѣть не могу кислаго вкуса или запаха, а тутъ, какъ нарочно, Левъ Никол. задавался мыслью о цѣлебности кумыса, и въ просторныхъ сѣняхъ за дверью стояла большая кадка съ этимъ продуктомъ, покрытая рядномъ, и распространяла самый ѣдкій, кислый запахъ. Какъ бы недовольствуясь самобытною кислотою кумыса, Левъ Никол. восторженно объяснялъ простоту его приготовленія, при которомъ въ прокислое кобылье молоко слѣдуетъ только подливать свѣжаго, и неистощимый цѣлебный источникъ готовъ. При этомъ графъ бралъ въ руки торчавшее изъ кадки весло и собственноручно мѣшалъ содержимое, прибавляя: „попробуйте, какъ это хорошо!“ Конечно, распространявшійся нестерпимый запахъ говорилъ гораздо сильнѣе приглашенія.

Когда вечеромъ дѣтей уложили, я по намекамъ дамъ упросилъ графа прочесть что-либо изъ „Войны и міра“. Черезъ двѣ минуты мы уже были унесены въ волшебный міръ поэзіи, и поздно разошлись, унося въ душѣ чудные образы романа.

На другой день мы заранѣе просили графиню поторопить съ обѣдомъ, чтобы не запоздать въ дорогу, которая насъ напугала.

— Ахъ, какъ это будетъ хорошо, сказалъ графъ.—Мы всѣ васъ проводимъ въ большой линейкѣ. Обвеземъ васъ вокругъ фатальнаго лѣса и возвратимся домой съ увѣренностью вашегó благополучнаго прибытія въ Новоселки.

Но вотъ обѣдъ кончился, и я попросилъ слугу приказать запрягать.

— Да, да, всѣмъ запрягать! восклицалъ графъ,—тройкой долгушу, и мы всѣ вмѣстѣ пятеро поѣдемъ впередъ, а вашъ тарантасъ за нами.

Прошло болѣе часу, а экипажей не подаютъ. Я выбѣжалъ въ сѣни и, услыхавъ отъ слуги обычное: „сейчасъ!"—на нѣкоторое время успокоился. Однако черезъ полчаса я снова вышелъ въ сѣни съ вопросомъ: „что же лошади?" На новое: „сейчасъ!" я воскликнулъ: „помилуй, братъ, я уже два часа жду! Узнай пожалуйста, что тамъ такое?"

— Дьякона дома нѣтъ, горестно отвѣтилъ слуга. Я не безъ робости посмотрѣлъ на него.

— Изволите видѣть, ихъ сіятельства пріѣхали сюда четверкой; а тутъ когда нуженъ коренной хомутъ, то берутъ его на время у дьякона; а сегодня, какъ на грѣхъ, дьякона дома нѣтъ.

Неразыскавшійся дьяконъ положилъ предѣлъ всѣмъ нашимъ веселымъ затѣямъ, и мы, простившись съ радушными хозяевами, еще заблаговременно отыскались въ Новоселкахъ, откуда на другой же день уѣхали въ Степановку.

Черезъ нѣсколько дней по прибытіи домой, мы были изумлены пріѣздомъ Борисова съ Петей и Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ. Иванъ Петровичъ объяснилъ свой пріѣздъ, разсказавши, что родной дѣдъ моихъ племянницъ, малолѣтнихъ Ш—ыхъ,—М—овъ скончался. Въ качествѣ опекуна малолѣтнихъ, онъ помѣстилъ ихъ къ другой замужней дочери своей С—ой въ Тульскую губернію, такъ что мы за послѣднее время совершенно потеряли малолѣтнихъ изъ виду, и двѣ старшихъ скончались отъ крупа. Въ настоящее время Борисовъ назначенъ былъ опекуномъ малолѣтней Оли Ш—ой и, приходя въ ужасъ отъ новой необходимости помѣщать у себя въ домѣ воспитательницу, рѣшилъ въ самомъ скорѣйшемъ времени везти Петрушу и Олю въ Москву въ нѣмецкія евангелическія школы „Петра и Павла" для мальчиковъ и дѣвочекъ.

— Касательно экзамена Пети, я совершенно покоенъ, сказалъ Иванъ Петровичъ: онъ и по русски, и по нѣмецки читаетъ хорошо. Но по французски совсѣмъ читать не умѣетъ. Поэтому я его привезъ къ тебѣ недѣльки на двѣ; и я увѣренъ, что въ теченіи этого времени ты его наладишь, какъ должно.

Дѣйствительно, смышленый ребенокъ въ три-четыре урока совершенно усвоилъ себѣ механизмъ французскаго чтенія и, ни слова не понимая, читалъ довольно бойко.

Сдавши въ Москвѣ сына въ школу, Иванъ Петровичъ отвезъ дѣвочку къ директрисѣ пансіона Э—ъ и приблизительно подержалъ ей такую рѣчь: „затрудненій въ расходахъ по содержанію дѣвочки быть не можетъ; но держать ее у себя въ домѣ я не въ состояніи, и потому я прошу васъ взять ее окончательно на свои руки до ея совершеннолѣтія, такъ какъ я, даже по окончаніи ею ученія, вывозить ее не могу. Мое же дѣло исправно платить, что будетъ назначено вами за ея содержаніе.

Тургеневъ писалъ:

Баденъ-Баденъ
10 октября 1865.

„Любезнѣйшій Фетъ, я дѣйствительно виноватъ передъ вами, что не отвѣчалъ на ваше большое письмо въ формѣ греческаго діалога, и прибывшія вчера восемь страницъ изъ мельницы на Тиму, какъ восемь стрѣлъ, вонзились въ мою лѣнивую и зачерствѣлую совѣсть, и я воспрянулъ, схватилъ перо (что со мною теперь случается до крайности рѣдко)—и, какъ видите, строчу вамъ это посланіе, хотя собственно не знаю, куда его адресовать: въ Москву или въ Орелъ… вѣрнѣе всего будетъ къ Борисову. Изъ письма вашего вижу, что вы озабочены двояко: вещественно — въ видѣ предупрежденія плутовства со стороны вашихъ арендаторовъ, — и духовно — въ видѣ желанія разрѣшенія всѣхъ жизненныхъ вопросовъ—философскихъ и другихъ (ибо вы большой философъ sans le savoir) — разомъ. Первымъ заботамъ вашимъ я помочь не могу, ибо самъ очень плохъ по этой части; да и вторымъ заботамъ тоже. Одно развѣ: повторить вамъ мою старую пѣсню: „Поэтъ, будь свободенъ! Зачѣмъ ты относишься подозрительно и чуть не презрительно къ одной изъ неотъемлемыхъ способностей человѣческаго мозга, называя ее *ковыряніемъ*, разсудительностью, отрицаніемъ,—критикѣ? Я бы понималъ тебя, еслибы ты былъ ортодоксъ, или фанатикъ, или славянофильствующій народолюбецъ, — но ты поэтъ, ты вольная

птица, — и твоему гармоническому носу неприлично свистать въ эту старую, Жанъ-Жакъ-Руссовскую, лженатуральную и всякими пошлыми слюнями загаженную дудку. Ты чувствуешь потребность лирическихъ изліяній и дѣтской радостной вѣры — качай! Ты желаешь подъ каждое чувство подкопаться, все обнюхать, разорить, расколотить, какъ орѣхъ, — валяй! Главное, будь правдивъ съ самимъ собою и не давай никакой, даже собственнымъ иждивеніемъ прозведенной, системѣ осѣдлать твой благородный затылокъ! Повѣрь: въ постоянной боязни *разсудительности* гораздо больше именно этой разсудительности, передъ которой ты такъ трепещешь, чѣмъ всякаго другаго чувства. Пора перестать хвалить Шекспира за то, что онъ, молъ, дуракъ; это такой же вздоръ, какъ утверждать, что россійскій крестьянинъ между двумя рыготинами сказалъ какъ бы во снѣ послѣднее слово цивилизаціи. „Das ist eitel Larifari!“ говорятъ мои друзья нѣмцы“.

„Вотъ вамъ, душа моя, profession de foi, — для васъ впрочемъ не новая, дѣлайте изъ нея, что хотите. А что вамъ нѣкоторые звуки въ „Довольно“ пришлись по уху, — меня радуетъ. Я готовъ даже сказать вамъ по секрету, что не только одинъ Боткинъ, но даже сто Боткиныхъ (Господи! какое это было бы зрѣлище!) не въ состояніи увѣрить меня, что „Довольно“ одинъ „наборъ словъ“. Не такъ оно писалось; ну да въ сторону это! A propos de bottes... kine, я получилъ отъ этого франта письмо изъ Парижа, въ которомъ онъ меня увѣдомляетъ, что ѣдетъ въ ноябрѣ въ Петербургъ, и что у него происходитъ бурчаніе въ животѣ.

„Призраки“ уже переведены Меримè и даже (между нами!) были читаны имъ — кому бы вы думали? — императору и императрицѣ французовъ. Спѣшу прибавить для успокоенія людей, могущихъ мнѣ завидовать, что Revue des deux mondes отказалъ въ помѣщеніи тѣхъ же самыхъ „Призраковъ“, — какъ гили несуразной. Передайте сіи факты M-me Энгельгардтъ съ моимъ усерднымъ поклономъ.

„Впрочемъ о себѣ скажу вамъ, что я здоровъ, не смотря на приближающуюся холеру, достраиваю свой домъ и хожу часто на охоту. На дняхъ я убилъ довольно оригинальное

количество дичи: 1 дикаго козла, 1 зайца, 1 дикую кошку, 1 фазана, 1 вальдшнепа и 1 куропатку. Дружески кланяюсь Марьѣ Петровнѣ и васъ обнимаю.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

Боткинъ писалъ:

С.-Петербургъ.
12 ноября 1865 года.

„Любезные друзья, вчера вечеромъ наконецъ возвратился я восвояси и спѣшу дать вамъ вѣсть о себѣ, въ надеждѣ получить и отъ васъ какъ можно скорѣе. Я не писалъ вамъ съ дороги, потому что, находясь въ переѣздахъ, я не зналъ, куда назначить вамъ адресъ. Заѣхалъ я на возвратномъ пути къ Тургеневу и провелъ съ нимъ три дня. Домъ его готовъ, но только однѣ стѣны, а внутри ничего еще и не начато, начиная съ рамъ. Дай Богъ, чтобы онъ могъ быть готовъ черезъ годъ, тѣмъ болѣе, что мебель еще и не заказывалась. Тургеневъ жалуется, что домъ будетъ стоить гораздо дороже, нежели онъ предполагалъ. Поставщикъ деревьевъ въ садъ его безсовѣстно надулъ, посадивъ вмѣсто деревъ лозинки и какія то вѣточки, такъ что Тургеневъ принужденъ былъ дать вновь заказъ въ Страсбургъ. Увы! какъ только за чѣмъ-нибудь не досмотришь, во всѣхъ странахъ ожидаетъ тебя то же самое. Отъ Тургенева я имѣлъ извѣстіе о тебѣ—и непріятное, будто у тебя опять процессъ по мельницѣ. Обо всемъ жажду знать. Что касается до меня, то я проѣхалъ по Тиролю до Ломбардіи и отъ невыносимыхъ жаровъ принужденъ былъ вернуться въ Швейцарію, гдѣ прожилъ до октября. Недѣли четыре провелъ въ Парижѣ и дней 12 въ Берлинѣ, гдѣ познакомился съ нѣкоторыми лекціями профессоровъ, посѣщая ихъ ежедневно и по двѣ лекціи въ день. Но я такъ усталъ отъ переѣзда двухъ-суточнаго изъ Берлина, что еще не въ состояніи писать, а потому кончаю.

Вашъ *В. Боткинъ.*

С.-Петербургъ.
7 декабря 1865 года.

„Пишу къ вамъ хотя нѣсколько словъ, не желая откладывать; такъ темно, что нельзя иначе писать, какъ при лампѣ,— отчего болятъ у меня глаза. Тысячу спасибо за письма ваши. Хорошо, что ѣдете въ Москву, но еще будетъ лучше, если вы пріѣдете ко мнѣ въ Петербургъ. Теперь вы знаете мое помѣщеніе, и если вамъ оно не противно, то пріѣзжайте опять на старое мѣсто. Притомъ же Митя можетъ быть поѣдетъ въ Петербургъ подъ наблюденіе Сережи, почему бы и вамъ не ѣхать ко мнѣ? Но надо замѣтить, что грудь Мити внушаетъ большое опасеніе Сережѣ и очень можетъ статься, что, если Сережа сочтетъ нужнымъ,—то отправитъ Митю въ теплый климатъ. Сережа намѣренъ съѣздить въ Москву на праздники, и это можетъ рѣшиться тамъ. Сказать не могу, какъ мнѣ жаль Митиньку.

„Съ какимъ живѣйшимъ интересомъ я читалъ твое письмо! Я съ своей стороны нахожу очень хорошимъ, что ты намѣреваешься искать должности мироваго судьи, здраваго сужденія не занимать,—а это всего нужнѣе. Здоровье мое ничего—ковыляетъ. Да уладь ты съ Катковымъ, надо извинять недостатки въ такихъ людяхъ. Ничего не надо ставить въ упоръ. Ты кротокъ, какъ голубь, но на тебя находитъ иногда столбнякъ, дѣлающій тебѣ подчасъ несноснымъ. Катковъ Богъ знаетъ какъ радъ сойтиться съ тобою, а уступить ты долженъ, ибо они всетаки хозяева журнала. Люди порядка и здравомыслія не должны ссориться, въ виду стаи собакъ, окружающей ихъ. Съ Александра Никитича Ш—а ты получилъ 1000 руб.,—это для меня неожиданный сюрпризъ. Буду ждать отъ васъ письма изъ Москвы. Досвиданія.

Весь вашъ *В. Боткинъ.*

Во избѣжаніе скучныхъ повтореній, не буду говорить о выпавшемъ снѣгѣ и неизмѣнномъ переѣздѣ въ кибиткѣ черезъ Новоселки и Спасское въ Москву на праздники; оттуда черезъ три недѣли мы, по окончаніи праздниковъ, тѣмъ же порядкомъ вернулись въ Степановку, заѣхавши къ Толстымъ въ Ясную Поляну.

В. П. Боткинъ писалъ намъ въ Москву:

С.-Петербургъ.
17 января 1866 г.

„Давно не писалъ я вамъ и давно не получалъ вѣстей отъ васъ, такъ что не знаю, когда вы будете сбираться въ обратный путь. Стихотвореніе твое въ послѣдней книжкѣ Русскаго Вѣстника очень мило и съ поэтическимъ запахомъ. Русск. Вѣстникъ продолжаетъ быть какимъ то тяжелымъ сборникомъ, я объ этомъ говорилъ Каткову. Если такъ пойдетъ, то будетъ худо. Дай вѣсточку, а то скучно ничего не слыхать о васъ. Современникъ совсѣмъ перерождается, и нигилистическо-коммуническій духъ будетъ изъ него выкуренъ. Русск. Слово тоже находится при послѣднемъ издыханіи. Это пока добрый знакъ.

Вашъ *В. Боткинъ.*

Онъ же писалъ въ Степановку:

С.-Петербургъ.
1 февраля 1866 г.

„Ужь я нѣсколько разъ принимался тревожиться относительно твоего молчанія, какъ наконецъ вчера получилъ твое письмо. Слава Богу! все благополучно. Стихи къ Тютчеву, по моему мнѣнію, хороши, кромѣ послѣдней строфы, которая кажется слабою. „Зовъ *единый*“ эпитетъ слишкомъ неопредѣленный и ничего не говорящій. Нельзя заключать стихотвореніе такимъ слабымъ и безцвѣтнымъ аккордомъ. Такъ кажется мнѣ, а можетъ быть я ошибаюсь.

„Ну-съ, дни проходятъ повторяясь и почти не различаясь между собою. Здоровье мое нынѣшнюю зиму значительно слабѣе, особенно глаза. Рѣдкій день не томитъ меня слабость и не заставляетъ лежать часа по два на диванѣ. Глаза такъ слабы, что едва осиливаю передовую статью въ Московскихъ Вѣдомостяхъ, а политическія извѣстія уже оставилъ давно. Словомъ, годы все болѣе и болѣе даютъ себя чувствовать. Поэтому не брани меня за рѣдкость моихъ писемъ. Погода-же все стоитъ теплая, гнилая, дождливая.

„Скажу вамъ, что я еще не рѣшилъ для себя, поѣду ли въ Степановку? Манитъ меня тишина и спокойствіе ея, но съ другой стороны перспектива переѣзда заставляетъ задумываться. Этотъ переѣздъ такъ тяжело отзывается на мнѣ: прошлый разъ я дней десять не могъ поправиться. Однимъ словомъ, и хочется, и колется. Притомъ-же я чувствую, что я какъ-то упалъ духомъ, ничто меня не радуетъ, не занимаетъ, все представляется въ мрачномъ видѣ, всюду темныя перспективы, — словомъ, скучно жить. Авось вѣяніе весны освѣжитъ меня и выведетъ изъ этого тяжкаго душевнаго состоянія. Къ удивленію моему, я не получалъ еще отъ Базунова *) статьи твоей о „Что дѣлать“. Не знаю, что думать объ этомъ замедленіи.

„Освобожденіе отъ цензуры приноситъ уже добрые плоды. Два предостереженія Современнику и Русск. Слову заставили этихъ господъ одуматься. Некрасовъ началъ похаживать ко мнѣ и протестуетъ противъ гадкихъ тенденцій своего журнала,—я же, пользуясь моимъ знакомствомъ съ членами совѣта по книгопечатанію, стараюсь поддержать ихъ въ ихъ энергіи. Не знаю, какъ въ провинціяхъ, но здѣсь нигилизмъ положительно ослабѣваетъ, старается замаскироваться. Обращаю твое вниманіе на статьи объ Огрызко, перепечатанныя въ Москоквс. Вѣдом.: онѣ заставляютъ призадуматься. Вотъ противъ какихъ тайныхъ враговъ должна бороться Россія!

„Мнѣ досадно, почему ты не отправилъ свою рукопись самъ, а предоставилъ сдѣлать это Каткову? Вотъ теперь и дожидайся, да еще и неизвѣстно, пришлется ли она.

„Отъ Тургенева было недавно письмо Анненкову: онъ здоровъ, ходитъ на охоту и жалуется на медленность постройки своего дома и попрежнему на дядю.

„Со вчерашняго дня здѣсь начались морозы: вчера было 12°, а сегодня 16° при ничтожномъ снѣгѣ. У меня такая пустота въ головѣ, что и хочется писать, да не пишется.

Вашъ *В. Боткинъ.*

---

*) Базуновъ — книгопродавецъ.

С.-Петербургъ.
10 февраля 1866 г.

„Я теперь испытываю на себѣ, какъ въ извѣстные періоды жизни поэтическое чувство оставляетъ человѣка или по крайней мѣрѣ отдаляется отъ него. Тѣмъ болѣе въ извѣстныя эпохи переживается обществомъ. Для поэтическаго чувства необходимы тишина и сосредоточеніе. Но какъ найти душевную тишину и сосредоточеніе въ такое время, какое переживаемъ мы? Увы! безсмертная эпоха русской поэзіи прошла и Богъ знаетъ, вернется ли когда нибудь. Даже и тѣ, которые могутъ повторять:

«Блаженъ, кто знаетъ сладострастье
Высокихъ мыслей и стиховъ!»

—„стали едва замѣтной кучкой, а скоро и эта кучка исчезнетъ. Поэтическая струя исчезла и изъ европейскихъ литературъ, замутила ее проклятая политика; признаюсь откровенно, всѣ эти вопросы политико-экономическіе, финансовые, политическіе—внутренно нисколько меня не интересуютъ. А здѣсь всѣ только ими и заняты. А я между тѣмъ понимаю ясно, что они составляютъ настоятельную необходимость,— да я чужой въ нихъ. Люди, вполнѣ умные въ одной сферѣ, несутъ такую дичь, когда касаются другой и особенно эстетической, что не знаешь, что сказать. Теперь все и обо всемъ заболтало на разные лады.

„Наконецъ получилъ твою статью отъ Каткова и вчера отдалъ ее Дудышкину (редактору „Библіотеки для чтенія“); какой будетъ отвѣтъ отъ него—сообщу.

„Я слышалъ, что до Серпухова желѣзная дорога будетъ открыта не ближе конца лѣта или осенью.

Вашъ *В. Боткинъ.*

С.-Петербургъ.
26 февраля 1866 г.

„Письмо твое изо Мценска я получилъ и съ удовольствіемъ узналъ изъ него, что тебя выбрали въ секретари Земскаго Собранія, и притомъ съ такимъ, кажется, хорошимъ помощ-

никомъ, какъ Кутлеръ. Какъ ты хочешь, а въ вашихъ выборахъ есть большой смыслъ,—вѣдь ты именно отлично можешь справить должность секретаря, и для тебя бумажное дѣло не новость. Я и руками, и ногами апплодирую твоему избранію, ты покажешь, что поэтъ можетъ быть и дѣловымъ человѣкомъ. Что же касается до того, что ты долженъ будешь часто отлучаться, то, мнѣ кажется, засѣданія Уѣзднаго Собранія не будутъ постоянныя, а только кратковременныя. Теперь любопытно мнѣ знать, кого выберутъ въ предсѣдатели.

„Что касается до меня, то тяжелая волна жизни, которая меня охватила, начинаетъ стихать. Безъ причины пришла и безъ причины уходитъ. Атонія есть болѣзнь старчества, а на плечахъ моихъ не одно старчество, но и разстройство организма, болѣзненность нервъ. Жизнь моя проходитъ такъ однообразно, что о себѣ нечего и говорить. Слабость нервъ не покидаетъ меня, но странно, что музыкальныя впечатлѣнія необыкновенно сильны. Можетъ быть, это надо приписать совершенному отсутствію поэтическихъ впечатлѣній, а потребность этихъ впечатлѣній ищетъ удовлетворенія. Вѣдь и музыкальныя впечатлѣнія принадлежатъ къ одному роду съ поэтическими, съ тою разницей, что музыкальныя гораздо сильнѣе, глубже, хотя и неопредѣлимѣе. Да, именно, оттого и сильнѣе. Особенно испыталъ я это въ прошлую субботу отъ трехъ квартетовъ Бетховена. Это было не просто удовольствіе, это было какое то сладострастное ощущеніе и, какъ сладострастіе, оно дѣйствуетъ изнурительно. Дѣло въ томъ, что все, что играется на публичныхъ вечерахъ и концертахъ—меня не удовлетворяетъ,—вотъ я и рѣшился устроить два квартетныхъ вечера у Сережи, съ тѣмъ, чтобы онъ никого не приглашалъ. И дѣйствительно, слушателями были только ихъ двое, я да Балакиревъ и Бородинъ — отличные музыканты. Для послѣдняго квартета menu сдѣлалъ я. А мнѣ изъ моихъ знакомыхъ даже некого было бы и пригласить. Балакиревъ—музыкантъ ex-professo, а Бородинъ—профессоръ химіи и вмѣстѣ отличный музикусъ. Можете представить себѣ, какъ интересенъ переходъ изъ этого міра неопредѣленныхъ, но могучихъ ощущеній въ среду общественныхъ и экономическихъ матерій, около которыхъ вращается здѣшняя жизнь!

Я знаю, что все это необходимо нужно, какъ насущный хлѣбъ, но не этотъ хлѣбъ питаетъ мою душу. Графъ Б—ій, напримѣръ, занятъ теперь устройствомъ общества поземельнаго кредита, и вчера въ этомъ почтенномъ собраніи я сидѣлъ у него, безсмысленно хлопая глазами, и радъ былъ возможности уйти къ дамамъ. И вся моя жизнь есть доказательство неспособности къ дѣламъ.

3 марта.

„Мнѣ пришла въ голову слѣдующая мысль: при нѣкоторомъ развитіи для человѣка одного непосредственнаго процесса жизни,—у него безпрестанно гвоздемъ сидитъ вопросъ: для чего жить? Вотъ это то и есть грѣхопаденіе человѣка, которымъ онъ отдѣлился отъ безсознательной природы. И чѣмъ болѣе человѣкъ утратилъ эту безсознательность, тѣмъ болѣе преслѣдуетъ его это: *„для чего?“*—и поэтому мы непрерывно создаемъ себѣ разныя цѣли и предпріятія. Но какъ скоро прекращается эта непрерывность,—наступаетъ то, что называется пустотою головы, или то, что назвалъ ты атоніей, что одно и то же. Чѣмъ старѣе человѣкъ, тѣмъ чаще должна посѣщать его эта атонія, потому что ему труднѣе уже надувать себя призраками. Вотъ къ какому заключенію я пришелъ, разбирая свою „атонію“. Не имѣть желаній—вотъ гдѣ корень.

„Я все еще не рѣшилъ, какъ и гдѣ проведу я наступающее лѣто. И не мудрено, что, при такой нерѣшительности и соскучась ею,—я отправлюсь въ Степановку. Съ другой стороны, знакомые зазываютъ жить въ Петергофѣ. Несчастный я человѣкъ съ этой нерѣшительностью! А между тѣмъ въ воздухѣ уже чувствуется поворотъ къ веснѣ. Очень меня интересуетъ проѣхать по Волгѣ до Крыма, потомъ по Кавказу и воротиться черезъ Вѣну. Но безъ товарища предпринять такой путь скучно и жутко. Пока прощайте.

Вашъ *В. Боткинъ*.

Я забылъ сказать что 200 десятинъ земли въ Степановкѣ представляли какъ разъ поземельный цензъ для гласнаго, и вліятельные люди въ уѣздѣ, начиная съ предводителя дво-

рянства Вл. Ал. Ш—а, стали просить меня баллотироваться въ гласные, чему я и не противился, хотя даже не понималъ значенія и обязанностей такого избраннаго лица. Избранъ я былъ значительнымъ большинствомъ, и такъ какъ на слѣдующій годъ предстояло избраніе мировыхъ судей, то тѣ же лица склонили меня искать и этой должности. Поэтому, для того чтобы имѣть соотвѣтствующій ей цензъ, я долженъ былъ хлопотать въ Ливнахъ о свидѣтельствѣ, что я владѣю мельницей, представляющей 30,000 руб.

В. П. Боткинъ:

С.-Петербургъ.
10 марта 1866.

Въ тотъ день, какъ я послалъ мое послѣднее письмо къ вамъ,—вечеромъ пришло письмо отъ васъ, и письмо покойное, веселое и радушное, такое, что мнѣ отрадно было читать его, не смотря на скверныя, блѣдныя чернила, которыми, Маша, писала ты, и потому не могу не попросить тебя бросить эти чернила, какъ совершенно негодныя. Особенно пріятно то, что это ясное состояніе духа доставлено вамъ Степановкой, едва ли не впервые съ тѣхъ поръ, какъ вы тамъ живете. Я и самъ эти дни какъ будто чувствую себя получше, меньше томящей слабости, меньше потребности лежать.

„Два предостереженія, данныя Современнику, образумили Некрасова, а пріостановленіе Русск. Слова на 5 мѣсяцевъ образумило наконецъ и его подвальныхъ сотрудниковъ. Что касается до него, то у него это было дѣломъ разсчета, спекуляціи, скандала; на скандалъ падка публика; а какъ скоро опасно стало производить скандалы, онъ и унялся. Это только гадко; но подвальные писатели Современника и Русск. Слова гораздо опаснѣе.

„Со вчерашняго дня появился новый журналъ: „Вѣстникъ Европы"; — издается Стасюлевичемъ и Костомаровымъ; четыре книжки въ годъ. Онъ преимущественно посвящается историческимъ статьямъ. Костомаровъ талантливый, но умственно шаткій человѣкъ и украйнофилъ. Можно полагать, что журналъ этотъ будетъ центромъ разныхъ разлагающихъ доктринъ подъ маскою либерализма. Увы! Мы дошли до та-

кого времени, когда рѣшительно некуда дѣться отъ политики; подъ тѣмъ или другимъ видомъ она преслѣдуетъ всюду, для объективнаго взгляда не осталось ни одного мѣста. Общество распалось на партіи и кружки; всякое сужденіе невольно принимаетъ ту или другую окраску; сами партіи подраздѣляются на множество оттѣнковъ. А при общемъ недостаткѣ культуры твердыхъ началъ, выработанныхъ предшествующимъ развитіемъ, словомъ, все представляетъ какое то хаотическое броженіе.—Не смотря на то, что я представляю изъ себя олицетвореніе басни „Муха и Дорожные,“ — тѣмъ не менѣе кипячусь и волнуюсь и рѣшительно ничего не въ состояніи дѣлать, и чувствую величайшую потребность въ душевномъ спокойствіи. А какъ и гдѣ найти его?

„Дудышкинъ возвратилъ мнѣ статью твою о романѣ „Что дѣлать“. Онъ не можетъ напечатать ея. Вопервыхъ, потому, что очень много тамъ выписокъ изъ романа, которыя потому излишни, что смыслъ романа и безъ того для всѣхъ обнаружился. А потомъ для всѣхъ ясно, къ чему повело учрежденіе такъ называемыхъ „*общихъ комнатъ*“, женскихъ мастерскихъ и „новыхъ“ людей, дѣйствовавшихъ заодно съ поляками. Словомъ, тенденція романа есть тенденція „Панургова стада“, а самъ Чернышевскій былъ однимъ изъ пастуховъ его. Статья, въ той формѣ, какъ она написана, могла бы быть помѣщена тотчасъ по выходѣ романа, но не теперь. Теперь все это износилось, опошлилось не для однихъ здравомыслящихъ.

„Здѣсь въ свининѣ продолжаютъ все болѣе и болѣе находить трихины. На дняхъ профессоръ химіи Зининъ купилъ кусокъ свинины на рынкѣ, и въ ней оказались трихины. Прежде полагали, что трихины водятся только въ свининѣ, привозимой изъ Германіи. Дѣло въ томъ, что свинину теперь велѣно продавать такую, которая освидѣтельствована микроскопомъ. Трихины находятся даже и въ вареной свининѣ. Перестаньте ѣсть сами и не давайте ее рабочимъ.

Вашъ *В. Боткинъ.*

Тургеневъ писалъ изъ Баденъ-Бадена:

25 марта 1866.

„Въ день, когда, по народной поговоркѣ, и воронъ гнѣзда не вьетъ, пишу къ вамъ, любезнѣйшій Аѳ. Аѳ.! Письмо я ваше получилъ дней десять тому назадъ, изъ чего вы можете заключить, что лѣность моя не умалилась; не умалилась однако и привязанность моя къ вамъ. Съ истиннымъ удовольствіемъ усмотрѣлъ я, что вы довольны своимъ здоровьемъ, устройствомъ своихъ дѣлъ; не менѣе порадовался я (за нашъ уѣздъ) облаченію вашему въ санъ гласнаго; а что до неприбытія Василія Петровича въ Степановку,—я полагаю, струить слезы вы не будете. Дай вамъ Богъ всего хорошаго въ вашемъ степномъ гнѣздышкѣ! А мы будемъ здѣсь почитывать въ Русск. Вѣстникѣ ваши письма „Изъ деревни“, которыя собственно я ожидаю съ великимъ нетерпѣніемъ.

„Стихотвореніе, написанное вами къ Тютчеву, прекрасно;— отъ него вѣетъ старымъ или, лучше сказать, молодымъ Фетомъ.

„Кажется, я въ нынѣшнемъ году въ Россію не пріѣду и потому не увижу васъ;—развѣ вы соберетесь и къ намъ пожалуете. Мы съ Віардо принаняли еще охоту къ той, которую до сихъ поръ имѣли, и теперь можемъ угостить пріятеля. Однихъ зайцевъ мы уколотимъ до 300-тъ.

„Въ нынѣшнемъ году я получаю журналы и вновь слѣжу за россійской литературой: отраднаго мало. Самое пріятное явленіе — возобновленіе „Вѣстника Европы“ — Костомарова. Первая часть „Преступленія и Наказанія“ Достоевскаго замѣчательна; вторая часть опять отдаетъ прѣлымъ самоковыряніемъ. Вторая часть 1805 года тоже слаба: какъ это все мелко и хитро и неужели не надоѣли Толстому эти вѣчныя разсужденія о томъ,—трусъ, молъ, я или нѣтъ?—Вся эта патологія сраженія? Гдѣ тутъ черты эпохи? гдѣ краски историческія? Фигура Денисова бойко начерчена; но она была бы хороша какъ узоръ на фонѣ,—а фона то и нѣтъ.

„Однако basta! Что это я вдаюсь сегодня въ критиканство? Кончаю тѣмъ, что обнимаю васъ дружески и кланяюсь вашей женѣ.

Ив. Тургеневъ.

В. П. Боткинъ писалъ:

С.-Петербургъ.
19 апрѣля 1866 года.

„Давно уже я въ долгу у васъ: все собирался написать обстоятельное письмо,—и до сихъ поръ не собрался. Вы уже знаете изъ газетъ объ ужасномъ дѣлѣ, которое, къ великому счастію Россіи, не совершилось, и я посылаю вамъ портретъ Комисарова, рукою котораго отвращенъ ударъ, направленный на Государя. Назначеніе графа М. И. Муравьева предсѣдателемъ слѣдственной комисіи всѣхъ обрадовало и успокоило. Все торжествуетъ избавленіе Государя отъ угрожавшей опасности; но тревожно задумываешься о нашей молодежи, или о той части нашей молодежи, которая отравлена самыми безсмысленными доктринами. При моей нервной болѣзненности, это подѣйствовало на меня сильно и тяжело. А въ такомъ состояніи я не могу писать.—Посылаю вамъ „Собаку“ Тургенева, которую Анненковъ вздумалъ напечатать въ Петербургск. Вѣдом. По моему, это очень плохо во всѣхъ отношеніяхъ.

„Проэктъ странствія въ Крымъ оставленъ: я просто боюсь пуститься въ такой пространный путь. Твое сопутствіе сначала подогрѣло было меня,—но сообразивъ, что мы бы должны были отправиться въ іюлѣ, т. е. въ сильные жары, и сильнѣйшіе жары быть въ Крыму,—признаюсь, это соображеніе совсѣмъ охладило меня.—Ничто такъ не радуетъ меня, какъ добрыя вѣсти о Степановкѣ. Не браните меня за такое краткое письмо: скоро напишу подлиннѣе, а теперь чувствую такую слабость, что съ усиліемъ лишь могу ходить, да и то немного.

Весь вашъ *В. Боткинъ.*

Баденъ-Баденъ.
8 іюня 1866 года.

„Вотъ я и въ Баденѣ! Но вамъ, въ вашемъ мирномъ пріютѣ, трудно представить себѣ, какое тяжкое время теперь переживаетъ Германія! Мы въ Россіи не можемъ представить себѣ, что значитъ война для этой переполненной населеніемъ и разнообразнѣйшими интересами Германіи. Всѣ дѣла словно

замерли, все остановилось, сотни тысячъ рабочихъ безъ всякаго дѣла, и къ грозящимъ ужасамъ войны присоединяется еще ужасъ отъ голодающихъ собратій. Но я оставлю въ сторонѣ все это мрачное положеніе и буду говорить только о себѣ. Итакъ, что касается до меня, я пока очень доволенъ своимъ путешествіемъ, и здоровье обстоитъ благополучно. Я поѣхалъ черезъ Варшаву въ Вѣну; до сего времени только одинъ разъ пришлось мнѣ провести ночь въ вагонѣ, и такимъ образомъ тихонько добрался сюда. Здѣсь все зелено, свѣжо, привольно; прогулка восхитительная, на двѣ версты въ тѣни, музыка; отель, гдѣ я живу, совершенно комфортабельный; столъ отличный. Окно моей комнаты выходитъ на лихтентальскую долину: шумъ изрѣдка проѣзжающихъ экипажей едва доносится до меня;—тихо, какъ въ Степановкѣ. Теперь здѣсь косятъ, кажется, уже въ третій разъ; жару нѣтъ, а только теплая свѣжесть; земляника превосходная; — словомъ, для полнаго счастія недостаетъ только васъ. Домъ Тургенева достраивается прекрасно и будетъ готовъ къ 1 октября; онъ здоровъ и полонъ; Віардо тоже благоденствуютъ. Но на Баденъ грозящая война имѣетъ бѣдственное вліяніе; въ нашемъ огромномъ отелѣ мы обѣдаемъ за table d'hôte'омъ только четверо, и вездѣ такая же пустота; содержатели ихъ разоряются; пріѣзжихъ вовсе нѣтъ. Сообщенія съ Берлиномъ прерваны; туда не принимаютъ ни писемъ, ни телеграммъ. Сообщенія съ Россіей пока существуютъ еще черезъ Вѣну: но послѣ сраженія, котораго ожидаютъ въ Силезіи, Богъ знаетъ, сохранится ли это сообщеніе, такъ что я не увѣренъ, дойдетъ ли до васъ это письмо, а потому я не франкирую его.

9 іюня.

„Опять получаются Берлинскія газеты; слѣдовательно, сообщеніе возстановлено. Но я думаю, эта проклятая политика нисколько васъ не интересуетъ. Да и я ея терпѣть не могу: она мѣшаетъ жить. Въ бытность мою въ Вѣнѣ, въ одной тамошней газетѣ я прочелъ восторженный разборъ двухъ томовъ повѣстей Тургенева, явившихся въ нѣмецкомъ переводѣ. Онъ положительно нравится въ Германіи, и его „Призраки“ явились въ Revue des deux mondes, въ переводѣ

Мериме. А тотъ же Мериме нашелъ „Казаковъ" Л. Толстаго неинтересными. Вотъ вамъ и оцѣнка, и извѣстность! Выходитъ, что огромная часть людей подкупаются на savoir faire. Между тѣмъ онъ пишетъ повѣсть, но даже самъ говоритъ, что медленно. Сюжетъ онъ разсказывалъ мнѣ еще осенью. Это будетъ повѣсть характеровъ, а не тенденцій,—но выйдетъ ли что-нибудь изъ нея, сказать не могу. Онъ попрежнему не пришелъ еще ни къ какому опредѣленному міровоззрѣнію и никакъ не можетъ примириться съ тѣмъ, что въ молодомъ поколѣніи онъ потерялъ всякое значеніе. Нечего сказать, есть чѣмъ дорожить! Я бы желалъ, чтобы мнѣ уяснили, какое значеніе имѣетъ большинство нашего молодаго поколѣнія, съ его тупостью, всяческимъ невѣжествомъ, наглостью и самоувѣренностью дураковъ?

„Я здѣсь безпрестанно вспоминаю нашу жизнь въ Степановкѣ, и наши прогулки, и сѣнокосъ, и знойный, степной, струистый воздухъ, и томящій жаръ,—однимъ словомъ, я полонъ отголосковъ Степановки. А каковы то всходы хлѣбовъ у васъ? Въ концѣ іюля думаю я отправиться къ морю, не купаться, потому что это мнѣ запрещено,—а дышать отраднымъ морскимъ воздухомъ и по временамъ брать теплыя морскія ванны, — и поѣду въ Трувиль. Ничего не можетъ быть придумано для лѣта лучше Бадена. Ну гдѣ найти всѣ удобства городской жизни и вмѣстѣ свѣжесть и тѣнь деревенской жизни, поле, и лѣсъ, и горы? Здѣсь жаръ далеко не такъ ощутителенъ, какъ напримѣръ, въ Вѣнѣ, гдѣ я просто задыхался. Даже въ большихъ отеляхъ здѣсь жизнь относительно вовсе недорога; мнѣ обходится она 100 франковъ съ комнатой въ первомъ этажѣ. Правда, что эти удобства имѣются благодаря рулеткѣ и rouge et noire, но я довольствуюсь только однимъ смотрѣньемъ на нихъ и ни разу еще не пускался въ игру да и не пущусь. Черезъ годъ, по рѣшенію Баденскихъ палатъ, игра должна быть закрыта, и неизвѣстно, удержитъ ли Баденъ свое теперешнее положеніе. Политика Пруссіи произвела такую кашу между мелкими помѣщиками-правителями, что ничего не поймешь. О началѣ военныхъ дѣйствій пока ничего не слышно. Баденскій герцогъ, зять прусскаго короля, и очевидно желаетъ быть на его сторонѣ, а армія, т. е. до

8-ми тысячъ войска его, хочетъ идти противъ нихъ; вотъ онъ всячески и замедляетъ, выжидая, кто выиграетъ сраженіе: прусаки или австрійцы.

„По газетнымъ извѣстіямъ, на югѣ Россіи всходы хорошіе, каковы то у васъ? Съ тѣхъ поръ, какъ правительство стало серьезно относиться къ нигилистамъ, я сталъ спокойнѣе. И за это мы должны опять таки благодарить графа Муравьева. Буду ждать отъ васъ письма въ Баденѣ, потому что, какъ кажется, Бадена никто не потревожитъ.

Весь вашъ *В. Боткинъ.*

P. S. „Сейчасъ прочелъ въ русскихъ газетахъ распоряженіе о прекращеніи Современника и Русск. Слова. Насилу то спохватились! Эти два журнала принесли неисчислимый вредъ молодому поколѣнію. Шаткость понятій и нашей цензуры, и совѣта книгопечатанія, лучше всего доказывается столь больнымъ существованіемъ этихъ двухъ журналовъ, очевидно, враждебныхъ всякому общественному устройству. Все, что бунтующій пролетаріатъ и самая дикая демагогія выработали въ себѣ разлагающаго для неопытныхъ и слабоумныхъ головъ, — все это проповѣдывалось въ нихъ за высочайшую истину. И воспитанники учебныхъ заведеній только ихъ и читали. Что за ералашъ происходилъ въ этихъ юныхъ головахъ, и къ чему могутъ годиться эти развинченныя головы, — и сказать больно. А классъ большей части учителей развѣ лучше, развѣ не отъ нихъ вышелъ позорный авторитетъ этихъ двухъ журналовъ? Развѣ эти дикія ученія не проникли уже въ нашихъ женщинъ, дѣвицъ, въ часть нашего чиновничества? Развѣ покушеніе 4-го апрѣля не прямо вытекаетъ изъ этихъ доктринъ? Говорятъ, что онѣ мало встрѣчали себѣ опроверженія въ другихъ изданіяхъ. Но вопервыхъ, этихъ опроверженій адепты и мальчишки не читали бы; а вовторыхъ, скучно доказывать, что $2 \times 2 = 4$, а не 5; а, втретьихъ, для этого нужно время и досугъ и, наконецъ, извѣстнаго рода политическій талантъ. Одинъ Катковъ касался этого предмета, когда время ему дозволяло. Слава Богу, теперь правительство, кажется, обратило на нихъ серьезное вниманіе, только надолго ли?

„Богъ знаетъ, какъ случилось это, но только американцы къ намъ дѣйствительно расположены, и доказательство этому я вижу безпрестанно. При каждой встрѣчѣ съ американскими семействами, какъ скоро узнаютъ, что я русскій, тотчасъ разговоръ устанавливается на дружественный тонъ, тотчасъ заявляютъ о своихъ симпатіяхъ, о враждебности Европѣ. Я всѣми силами стараюсь поддерживать это расположеніе, и къ счастію, мое знаніе англійскаго языка облегчаетъ мнѣ это. Вчера весь вечеръ провелъ въ американскомъ женскомъ обществѣ. Теперь множество путешествующихъ американскихъ семействъ, и любо смотрѣть, какъ много побѣдоносно окончившаяся борьба съ югомъ придала имъ авторитета и самоувѣренности. Это прекрасно, но что касается до культуры мужчинъ и женщинъ, то, къ сожалѣнію, имъ далеко еще до старой Европы. У мужчинъ далѣе политики разговоръ поддерживаться не можетъ и чисто практическихъ предметовъ. У женщинъ онъ вращается въ обычной женской, свѣтской сферѣ. Дамы, напримѣръ, возмущаются, какъ здѣсь мужчины являются къ обѣду и на вечернюю музыку,—не въ черномъ, а въ цвѣтныхъ жакеткахъ. Напрасно я возражалъ, что это простые, безхитростные нѣмцы, которые не разумѣютъ тонкости приличія; но дамы не убѣдились и остались возмущенными и разсказали мнѣ, что на ихъ морскихъ купаньяхъ къ обѣду мужчины непремѣнно (за table d'hôte) являются во фракахъ, а дамы въ бальныхъ платьяхъ. Наши нигилисты полагаютъ, что всклокоченные волосы и неряшество есть отличіе демократіи. Ну, инда глаза рѣжетъ и ломитъ. Писать не въ состояніи.

Боткинъ.

Л. Толстой писалъ:

25 іюля 1866.

„Любезный другъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ,—увы! я не могу къ вамъ заѣхать. И нечего вамъ внушать, какъ мнѣ это грустно. Не могу же я заѣхать потому, что нынче 25-е, а я еще не выѣзжалъ изъ дома. Желудочная боль, которая началась у меня еще при васъ, до сихъ поръ продолжается и дѣлаетъ меня неспособнымъ быстро поворачиваться. Я, какъ

и предполагалъ, ѣздилъ съ Дьяковымъ къ Шатилову, но вмѣсто того чтобы все это сдѣлать въ три дня, проѣздилъ пять и отъ этого опоздалъ. Поѣздка эта была, ежели бы не нездоровье, чрезвычайно пріятна и поучительна. Многое вамъ разскажу при свиданіи. Но когда же? Я предлагаю вамъ пріѣхать къ Киреевскому между 28 и 3 августа. Мы бы тамъ свидѣлись. Ежели же вы не пріѣдете, то я заѣду къ вамъ на обратномъ пути. У насъ овесъ весь въ копнахъ, и рожь подкошена. Ежели такъ простоитъ, то на слѣдующей недѣлѣ все будетъ въ гумнѣ. Овесъ обходится меньше семи копенъ. До свиданія. Жена, Таня и я душевно кланяемся Марьѣ Петровнѣ.

Л. Толстой.

Тургеневъ писалъ:

Баденъ-Баденъ.
27 іюня 1866.

„Любезнѣйшій Аѳ. Аѳ., Мих. Ал. Языковъ, помнится, такъ однажды отозвался о нашихъ давно прошедшихъ литературныхъ петербургскихъ вечерахъ: „соберутся, разлягутся, да вдругъ одинъ встанетъ и, ни слова не говоря, другому черепъ долой“.—Наша переписка приняла этотъ анатомическій характеръ, и это пока не бѣда: я даже сегодня хочу продолжать въ этомъ родѣ. И не подумайте, что я это въ отмѣстку за ваше мнѣніе о „Собакѣ“; я это мнѣніе почти вполнѣ раздѣляю, оттого я эту вещь и не помѣстилъ въ собраніи своихъ сочиненій, а появленіе ея въ С.-Петербург. Вѣдом. служитъ только новымъ доказательствомъ моего неумѣнія сказать: „нѣтъ“. Моя претензія на васъ состоитъ въ томъ, что вы все еще съ прежнимъ, уже носящимъ всѣ признаки собачьей старости, упорствомъ нападаете на то, что вы величаете „разсудительствомъ“, но что въ сущности ничто иное, какъ человѣческая мысль и человѣческое знаніе; моя претензія состоитъ въ томъ, что вы не только не устыдились произнести сообщаемый вами „спичъ“, но даже цитируете этотъ спичъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя, какъ нѣчто замѣчательно остроумное, не обращая даже вниманія на то, что̀ теперь около васъ происходитъ, и какіе господа тянутъ съ вами эту канитель. Вы видите, что нашъ „старый споръ“

еще не взвѣшенъ судьбою и вѣроятно не скоро прекратится. Въ отвѣтъ на всѣ эти нападки на разсудокъ, на эти рекомендаціи инстинкта и непосредственности, мы здѣсь на западѣ отвѣчаемъ спокойно: „Wir wissen's besser; das ist ein alter Dudelsack",—и, извините, отсылаемъ васъ въ школу.— Романъ Толстаго плохъ не потому, что онъ также заразился „разсудительствомъ": этой бѣды ему бояться нечего; онъ плохъ потому, что авторъ ничего не изучилъ, ничего не знаетъ и подъ именемъ Кутузова и Багратіона выводитъ намъ какихъ то рабски списанныхъ, современныхъ генеральчиковъ. Вы называете себя умершимъ поэтомъ,—что несправедливо; но и съ умершими поэтами могутъ случиться бѣды: примѣръ: нашъ ex-другъ Некрасовъ.

„Однако довольно; этакъ пожалуй договоришься до чертиковъ, а мнѣ бы этого не хотѣлось, ибо вы знаете, что я васъ люблю искренно, несмотря на вашъ талантъ заставлять меня перхать кровью. Мнѣ очень было пріятно узнать, что вы провели нѣсколько времени у моего добраго старика дяди въ Аѳинахъ вольнонаемнаго труда *). (Между нами сказать, эти „Аѳины", къ сожалѣнію, до сихъ поръ приносятъ ежегодно нѣсколько сотенъ рублей... убытку; не все то золото, что блеститъ). Онъ васъ искренно любитъ и дорожитъ вами и всѣмъ вашимъ семействомъ. А я окончательно приросъ къ Баденской почвѣ, никуда отсюда въ нынѣшнемъ году не выѣду и былъ бы совершенно счастливъ, еслибы могъ поспорить съ вами хорошенько — изустно здѣсь подъ моимъ кровомъ; надѣюсь, что это когда нибудь случится, если не въ нынѣшнемъ году, такъ въ будущемъ. А пока будьте здоровы, не гнѣвайтесь на вашего древняго оппонента и благоденствуйте. Кланяюсь Марьѣ Петровнѣ, жму вамъ руку.

Вашъ *Ив. Тургеневъ*.

В. П. Боткинъ писалъ:

Трувиль.
23 августа 1866.

„Статочное ли дѣло, что я съ отъѣзда моего изъ Петербурга не получаю отъ васъ никакого извѣстія!? А съ тѣхъ

*) Такъ я называлъ Спасское.

поръ сколько совершилось событій! Я пріѣхалъ въ Баденъ при самомъ началѣ нѣмецкой смуты и прожилъ тамъ почти шесть недѣль. Вокругъ ходили политическія тучи, раздавались громы оружія, но ясный горизонтъ Бадена не омрачался, все шло своимъ обычнымъ порядкомъ, и строй жизни не измѣнялся, только посѣтителей было гораздо меньше обыкновеннаго. Изъ Бадена послано было мною два письма къ вамъ, и они, какъ видится, пропали, тѣмъ болѣе, что одно изъ нихъ было адресовано *via Wien*, потому что въ то время сообщеніе съ Франкфуртомъ было прервано. Но Богъ съ ними, съ этими политическими событіями, о нихъ и безъ насъ есть кому заботиться: поговоримъ лучше о себѣ. Сладко прожилъ я въ Баденѣ, — вопервыхъ, потому, что это Германія, а вовторыхъ, потому, что воздухъ тамъ удивительный, лѣсной, не говоря уже о музыкальныхъ удовольствіяхъ. Здѣсь погода стала тихая и жаркая; море лежитъ зеркаломъ; и я принужденъ былъ одѣться въ платье, подобное твоему *зефиру*. Сюда пріѣхали А. .. съ семействомъ, и они составляютъ мой единственный рессурсъ; тамъ я часто обѣдаю, ѣздимъ въ окрестности, которыя здѣсь прелестны. Морской воздухъ и морскія теплыя ванны дѣйствуютъ на меня живительно. Легкая скука и отсутствіе развлеченій тоже недурны, какъ „отдыхъ души". Безпрестанно мысленно переношусь къ вамъ въ Степановку; вся сфера ея такъ живо отпечатлѣлась во мнѣ; ея пустынная окрестность и мои уединенныя прогулки, и наши обѣды и вечера, и нашъ тихій строй дня, въ которомъ выѣздъ къ Александру Никитичу или къ М—вымъ составляли нѣкотораго рода „событія". Сколько поучительнаго принесла мнѣ Степановка во всѣхъ отношеніяхъ! И сколько въ этомъ поучительномъ участвовалъ непосредственно ты своимъ здравымъ смысломъ и своимъ чистымъ, добрымъ, наивнымъ сердцемъ!

„Вчера пріѣхалъ сюда братъ Сережа. Онъ жилъ въ Кунцевѣ, простудился, и лихорадка мучила его болѣе двухъ недѣль, и слабость продолжается до сихъ поръ. Поэтому онъ и рѣшился ѣхать купаться въ морѣ. Какое это удивительное средство для возстановленія силъ,—даже просто жить у моря укрѣпительно.

„Изъ Петербурга я взялъ исторію Соловьева: 13, 14 и 15-й томъ. 13-й прочелъ, теперь читаю 14-й съ величайшимъ интересомъ. Признаюсь, къ стыду моему, что я не читалъ прежнихъ томовъ, но эти написаны прекрасно съ истинно государственнымъ и историческимъ смысломъ. Чтобы быть справедливыми, намъ должно смотрѣть на Россію не съ современнаго развитія Европы, а съ недавняго прошедшаго Россіи, именно хотя бы съ самаго начала 18-го вѣка, съ того времени, какъ засталъ Россію Петръ. Только изъ прошедшаго можно понять настоящее.

Парижъ.
13 сентября.

„Вчера получилъ я наконецъ письмо отъ васъ, — первое съ выѣзда моего изъ Россіи. Съ жадностью читалъ я его и прочтя обрадовался, что все обстоитъ благополучно. Хотя французы и говорятъ: point de nouvelles—bonne nouvelle,— но это скорѣе характеризуетъ французскій эгоизмъ. Съ радостью узналъ я, что представляется возможность прикупить десятинъ 40 земли, хотя черезполосица меня нѣсколько пугаетъ. Ну что если этотъ господинъ по какому-нибудь капризу вздумаетъ не пускать твоего стада черезъ свою землю? Мнѣ кажется, быть въ подобной зависимости отъ другаго человѣка нѣсколько тревожно. Впрочемъ, тебѣ это виднѣе, и всѣ эти обстоятельства ты несравненно лучше меня знаешь. Самый же фактъ прикупки земли, и даже въ бо̀льшемъ количествѣ, мнѣ кажется въ высшей степени полезнымъ. Я такъ давно съ тобою не бесѣдовалъ, что и не знаю, о чемъ говорить, такъ много предметовъ, о которыхъ хотѣлось бы поговорить. Начну съ того, что пять недѣль, проведенныхъ мною въ Трувилѣ, имѣли на меня благодѣтельное вліяніе и значительно подкрѣпили меня. Но самый городишка Трувиль, за исключеніемъ окрестностей, есть совершенная гадость. Я вернулся въ Парижъ, не могши долѣе выносить скуки Трувильской жизни. Съ мѣсяцъ останусь я здѣсь, а затѣмъ въ возвратный путь. Пока прощайте. Искренно и сердечно преданный вамъ

В. Боткинъ.

Тургеневъ писалъ:

Баденъ-Баденъ.
24 августа 1866.

„Любезнѣйшій другъ Аѳан. Аѳан., давно бы слѣдовало мнѣ отвѣчать на ваше письмо, да всякія помѣхи повстрѣчались, между прочимъ даже нездоровье,—дѣло рѣдкостное въ Баденѣ! Но теперь поправился и хочу вамъ настрочить нѣсколько словъ. Не буду вдаваться ни въ философію, ни въ политику: *сія* безъ насъ дѣлается;—клянусь вамъ честью, что Бисмаркъ со мною не совѣтовался, когда создавалъ новую Пруссію или, пожалуй, новую Германію, а *оная* ни къ какому удовлетворительному результату не приводитъ, развѣ только къ тому, что вотъ два старыхъ пріятеля, не глупыхъ, кажись, человѣка,—двадцать лѣтъ сряду мелютъ, мелютъ языкомъ и никакъ даже понять другъ друга не могутъ. Будемъ лучше бесѣдовать объ охотѣ и, пожалуй, о литературѣ.

„Я успѣлъ быть до болѣзни семь разъ на охотѣ: въ 1-й разъ ухлопалъ 3 куроп. и 2 зайца; во 2-й разъ—6 куроп. и 5 зайц.; въ 3-й—8 кур. и 3 зайца; въ 4-й—11 кур., 5 зайцевъ и 1 перепела; въ 5-й—5 кур. и 1 перепела; въ 6-й—9 кур.; въ 7-й—14 кур., 4-хъ фазановъ, 4 зайц. и 1 перепела=81 штука. Это неогромно, но и недурно. Что-то будетъ дальше? Охота только что начинается. Песъ у меня все тотъ-же, превосходнѣйшій, ружье я себѣ завелъ новое, отличное, и сталъ я стрѣлять чрезвычайно удовлетворительно,—рѣдко даю промахъ. Проклятая болѣзнь лишила меня по крайней мѣрѣ двухъ или трехъ хорошихъ охотъ. Мы съ Віардо наняли очень порядочную новую охоту. Ну вотъ и объ охотѣ. А о литературѣ что сказать? сирѣчь о россійской? Махнуть рукой и прочь пойти. Я однако понемногу высиживаю какое-то несчастное, полуискалѣченное дѣтище.

„Кстати объ „Аѳинахъ земледѣлія!“ Эти Аѳины *поѣдаютъ* у меня въ годъ слишкомъ на 1000 рублей,—вотъ вамъ и доходы! Трудно—между нами—представить что нибудь болѣе неправдоподобно-безобразное, чѣмъ управленіе моими имѣніями. Это становится невозможнымъ, и я съ ранней весной отъявляюсь въ Спасское, для того чтобы принять посильныя мѣры противъ околѣнья голодною смертью. Тутъ нѣтъ ника-

кого преувеличенія: тутъ голые факты, которые я вамъ какъ нибудь представлю воочію.—Мнѣ очень пріятно слышать, что ваши дѣла идутъ порядочно, и что Степановка процвѣтаетъ Дай вамъ Богъ насладиться вполнѣ этой пристанью послѣ всѣхъ, впрочемъ болѣе воображаемыхъ, треволненій!—Я отъ Боткина получилъ письмо, изъ котораго видно, что онъ снова собирается сюда, передъ возвращеніемъ въ любезное отечество.—А засимъ прощайте, будьте здоровы, дружески кланяюсь вашей женѣ и крѣпко жму вамъ руку.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

Купивши ненаселенную землю Степановскаго хутора, я тѣмъ самымъ избѣжалъ непосредственнаго соприкосновенія съ мировыми посредниками, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ недоумѣнія по вольному найму; но въ качествѣ земца не могу не сказать нѣсколько словъ объ учрежденіи, такъ блистательно вынесшемъ на своихъ плечахъ такую, можно сказать, невѣроятную реформу во всѣхъ ея подробностяхъ. Въ уѣздномъ земскомъ собраніи мнѣ пришлось познакомиться съ выдающимися уѣздными личностями, съ которыми въ моемъ уединеніи, чтобы не сказать захолустьи,—я могъ бы и не повстрѣчаться. Говоря о посредникахъ, нельзя не упомянуть нашего бывшаго губернскаго предводителя дворянства А. В. Ш—ва. Это былъ молодой человѣкъ, богатый, обладавшій самымъ находчивымъ и предпріимчивымъ умомъ. Жаль, что на многочисленныхъ поприщахъ, на которыхъ онъ старался, посредствомъ капитала, расширить кругъ своей дѣятельности, предпріятія его не всегда увѣнчивались успѣхомъ. Но о его находчивости, въ качествѣ посредника перваго избранія, можетъ свидѣтельствовть слѣдующее событие.

Въ одномъ селеніи, находящемся въ разстояніи 25-ти верстъ отъ его усадьбы, гдѣ онъ успѣлъ уже завестись инвентаремъ вольнонаемнаго труда, крестьяне, по утвержденіи уставной грамоты, отказались наотрѣзъ сѣять бывшую ихъ надѣльную землю, отошедшую къ помѣщику. А такъ какъ тогда же, на первыхъ порахъ, подъ вѣяніемъ, нисходившимъ съ высшихъ административныхъ сферъ, уже проходилась молчаніемъ возможность сопротивленія массами за-

коннымъ требованіямъ, то и посредники были поставлены въ необходимость вертѣться передъ неразрѣшимою задачей,— принудить безъ принужденія. Свою задачу А. В. исполнилъ слѣдующимъ образомъ: онъ на зарѣ, велѣвши наложить сохи и бороны на парныя подводы, послалъ ихъ на барскій дворъ упрямой деревни и приказалъ дожидать себя къ шести часамъ утра. Прибывши въ коляскѣ къ означенному часу, А. В. приказалъ экономическому старостѣ отворить амбаръ, а своимъ рабочимъ насыпать зерно для посѣва. а вслѣдъ затѣмъ поѣхалъ въ поле наблюдать за работой. Черезъ нѣсколько времени изъ-за угла на околицѣ показался крестьянинъ, а вслѣдъ затѣмъ другой и третій, и наконецъ собралась цѣлая толпа. Вотъ, отдѣлившись отъ кучи, одинъ, снявши шапку, подошелъ къ коляскѣ и спросилъ: „какіе-жь такіе это сѣютъ“?

— Мои, отвѣчалъ Ш—въ;—это дорогіе рабочіе: они пріѣхали за 25 верстъ.

— А кто-же, батюшка, имъ платить то будетъ?

— За кого они работаютъ, тотъ и заплатитъ. Какъ окончатъ сѣвъ, такъ и пришлю къ вамъ за разсчетомъ.

— Такъ это лучше мы сами поѣдемъ сѣять-то.

— Это дѣло ваше, и мнѣ кажется, что вамъ выгоднѣе самимъ посѣять.

— Сейчасъ всѣмъ міромъ выѣдемъ, а къ вечеру все засѣемъ.

Черезъ полчаса подводы стали сбираться къ амбарамъ, и Ал. Вас., дождавшись, покуда послѣдняя десятина была заброшена сѣменами, поѣхалъ домой, приказавъ сельскому старостѣ донести сейчасъ же по запашкѣ послѣдней борозды.

Нельзя не упомянуть о заслужившемъ общую признательность дворянъ и крестьянъ своего участка посредникѣ Ал. Арк. Тимирязевѣ, которому 3 февраля 1866 г. былъ поднесенъ серебряный кубокъ при слѣдующемъ адресѣ:

Милостивый Государь

Александръ Аркадьевичъ!

„Желаніе наше выразить то чувство уваженія и признательности, которое пріобрѣла ваша общественная дѣятельность,—исполнилось. Намъ пріятно видѣть, что

чувство это раздѣляютъ и представители крестьянъ. Поэтому мы имѣемъ полное право сказать, что дѣятельность ваша не тяготѣла только къ одной сторонѣ, что основаніемъ ея было стремленіе къ правдѣ, результатомъ ея—справедливость.

„Позвольте же намъ просить васъ принять предлагаемый кубокъ, какъ воспоминаніе о трудѣ, понесенномъ вами для пользы общества; какъ выраженіе нашего общаго желанія видѣть продолженіе этого добросовѣстнаго труда".

Впослѣдствіи, когда Ал. Арк. былъ выбранъ въ уѣздные предводители, мнѣ, въ качествѣ мироваго судьи и опекуна, приходилось весьма часто соприкасаться съ этой почтенной личностью, къ которой мои воспоминанія постоянно обращаются съ живѣйшей признательностью. Передаю разсказъ сосѣдняго съ Новоселками небогатаго землевладѣльца Р—а, часто заѣзжавшаго къ Борисову по пути во Мценскъ и сохранившаго понынѣ добрую о Борисовѣ память.

„Заѣзжаю я, разсказывалъ Р—ъ, однажды изъ Мценска въ Новоселки, провѣдать Ивана Петровича. — „Ну, какъ ваше хозяйство?" — спрашиваю. — „Да что, батюшка, отвѣчаетъ Иванъ Петровичъ: у меня вчера такое чудо случилось, что и ума не приложу. Вы знаете, каково ладить съ Новосельскими мужиками: и на выкупъ нейдутъ, и работать не хотятъ. Вчера міромъ пришли во дворъ, да ни съ того, ни съ сего повалились въ ноги: „прости, говорятъ, насъ, Иванъ Петровичъ; мы сдуру да за умъ взялись, и коли какія есть за нами неотработки, все отработаемъ и пополнимъ". И до сихъ поръ не знаю, что подумать".—„Ну такъ я вамъ, Иванъ Петровичъ, не объясню ли дѣло Мценскою новостью: третьяго дня Александръ Аркадьевичъ Тимирязевъ назначенъ посредникомъ".

И дѣйствительно, съ назначеніемъ Александра Аркадьевича, строй и духъ участка мгновенно измѣнились. Посредникъ, какъ и слѣдовало, сталъ живымъ центромъ старшинъ и сельскихъ старостъ, которые шага не смѣли ступить безъ его вѣдома. Сельскимъ старостамъ назначалась семирублевая премія за открытіе всякаго воровства, о которомъ староста немедля долженъ былъ тайно доносить посреднику: а тотъ,

указывая хозяину, гдѣ найти украденную вещь, прослылъ у мужиковъ за колдуна. Если проѣздомъ онъ замѣчалъ дурную пахоту, то, не дожидаясь жалобы хозяина поля, тутъ же на мѣстѣ наказывалъ нерадиваго рабочаго. Наканунѣ Троицына дня онъ проводилъ ночь на дорогѣ, ведущей изъ Мценскаго уѣзда въ Орловскій, около деревни Лунёвой, гдѣ провозили березки, краденыя въ лѣсахъ помѣщиковъ, и подвергалъ похитителей строгому взысканію; на третій годъ его службы воровство лѣсовъ почти прекратилось. Александръ Аркадьевичъ совершенно ясно понималъ роль посредника между двумя сословіями; онъ никакъ не думалъ, что право взысканія съ неисправныхъ рабочихъ отнято у помѣщика для того, чтобы взысканіе совсѣмъ прекратилось и повлекло за собою полный экономическій кризисъ, — а только затѣмъ, чтобы передать его въ совершенно безпристрастныя третьи руки. Но не будемъ забѣгать впередъ, такъ какъ на позднѣйшихъ страницахъ воспоминаній намъ не разъ придется встрѣтиться съ почтенной личностью Александра Аркадьевича.

Опытъ и въ особенности горькій—самый лучшій учитель. Мнѣ, прямо со школьной скамьи пересѣвшему на фронтоваго коня и потому совершенному новичку въ гражданской тогѣ да еще и притомъ въ годину самыхъ коренныхъ реформъ, пришлось отказываться отъ самыхъ пылкихъ мечтаній и дорогихъ убѣжденій. Такъ въ настоящее время человѣку, желающему подарить мнѣ самую великолѣпную мельницу съ тѣмъ, чтобы я только могъ отдавать ее въ аренду, я бы сказалъ, что владѣть мельницею можетъ только человѣкъ, лично управляющій ею. Видѣвшій устройство Тимской мельницы при поступленіи ея въ аренду къ Н. И. А — ву или хоть, подобно мнѣ, захватившій остатки этого устройства,—вынужденъ бы былъ признать, что мельница выстроена самымъ роскошнымъ образомъ. Не только слань къ рабочимъ заставкамъ, но и шлюзы въ устьяхъ рабочей канавы были обшиты толстыми дубовыми досками. Нечего говорить о самомъ пятиэтажномъ мельничномъ амбарѣ изъ толстаго дубоваго лѣса. Положимъ, въ арендномъ условіи сказано содержать въ исправности и сдать въ томъ же видѣ, въ какомъ принята мельница; но вы пріѣзжаете и видите, что бокъ третьяго этажа

подпертъ громаднымъ дубовымъ бревномъ. — „Николай Ивановичъ, что же это?“ спрашиваете вы.—„Мы, знаете-съ, для васъ хлопочемъ; извѣстное дѣло, подалась стѣна,—такъ какъ бы чего грѣхомъ не случилось. Потрудитесь взглянуть въ середину: тамъ даже углы изъ пазовъ вышли“.

— Николай Ивановичъ, да какъ же имъ не выйти изъ пазовъ, когда вы въ закрома на пятомъ этажѣ постоянно сыпете до трехъ тысячъ четвертей пшеницы? Вѣдь это 30 тысячъ пудовъ вѣсу.

— Помилуйте! мы никогда болѣе тысячи тамъ не держимъ.

— А мельницу между тѣмъ необходимо перестраивать.

И вотъ я снова на Тиму, и мнѣ случилось весьма сходно, верстъ за 20, купить сотъ пять превосходнѣйшихъ дубовъ, которые и были привезены на мою усадьбу зимою. Уже въ то время Никол. Иван. заговаривалъ, не лучше ли промѣнять мельницу (какъ онъ выражался) — на деньги, т. е. продать ему. Но, конечно, увлекаясь мечтами о вѣчной арендной собственности (Ник. Ив. платилъ 2 тысячи руб. аренды) съ прибавленіемъ живописной усадьбы, я отклонилъ предложеніе. Между тѣмъ Ник. Ив. весьма категорически доказалъ мнѣ, что перестройка мельницы потребуетъ 20 тысячъ расходу (которыхъ у меня не было),—и на вопросъ объ арендной суммѣ, которую онъ затѣмъ будетъ платить,—пояснилъ, что сумма останется все тѣ же 2 тысячи рублей,—„ибо, говорилъ онъ, мы платимъ аренду съ годоваго заработка, и намъ все равно, крѣпка ли у хозяина мельница, на которой мы работаемъ, а платить за ея благонадежность намъ не подъ разсчетъ-съ“. Понятно, что, хотя я видимо весьма мало обратилъ вниманія на эти слова, они внутренно были для меня ушатомъ холодной воды на голову. И съ той поры я навсегда превратился въ ожесточеннаго врага мельницъ съ помѣщичьей точки.

Тургеневъ писалъ:

Баденъ-Баденъ.
30 сентября 1866 года.

„Получилъ я ваше письмо, любезнѣйшій Аѳан. Аѳан., оно очень многорѣчиво и внушено вамъ чувствомъ искренняго

участія, но я отвѣчу вамъ фактами, послѣ которыхъ вы вѣроятно, по обѣщанію вашему, „*краснорѣчиво умолкнете*".

1. „Мнѣ писалъ дядя, что онъ мнѣ выслалъ 4 тысячи рублей на имя Ахенбаха; я никакъ не могъ предполагать, что онъ выслалъ мнѣ нѣчто другое, а не именно эти деньги 4 тыс. руб. сер., — ибо 20-ти процентное уменьшеніе выкупныхъ и прочихъ суммъ есть фактъ, извѣстный даже нашимъ государственнымъ людямъ; и съ какой стати я буду писать другому, что я ему высылаю 4 тыс. рублей, если знаю навѣрное, что высылаю всего 3500? Впрочемъ я съ тѣхъ поръ получилъ отъ дяди письмо, въ которомъ онъ говоритъ о вашемъ посѣщеніи; но, конечно, даже полу-словомъ не упоминаетъ о моемъ письмѣ, яко бы его „убившемъ".

2. „Я съ прошлаго іюля до нынѣшняго октября мѣсяца получилъ *всего* доходныхъ денегъ съ моихъ имѣній около 2-хъ тысячъ руб. сер.; всѣ остальныя поступившія деньги происходили отъ *выкуповъ* и *продажъ* земли. Находите ли вы подобный *доходъ* достаточнымъ?

3. „Аѳины русскаго земледѣлія", какъ вы изящно прозвали Спасское, не только *ничего* не приносятъ, но я даже не могу добиться отчета о дѣйствіяхъ и ходѣ пресловутой фермы. Лучшимъ доказательствомъ справедливости моихъ словъ служитъ сдѣланное мнѣ на дняхъ предложеніе моимъ дядей: отдать Спасское, имѣніе, лежащее въ 10-ти верстахъ отъ Мценска и состоящее изъ 1200 десятинъ отличной земли въ круглой межѣ, — какому то арендатору на *девять лѣтъ и девять мѣсяцевъ* (!) — за какую, вы полагаете, сумму? — За 1400 руб. сер. въ годъ, т. е. за сумму, которую вы бы вѣроятно съ хохотомъ отвергли, если бы ее предложили вамъ за вашу Степановку.

„Мнѣ кажется достаточно этихъ трехъ фактовъ, въ которыхъ прошу не сомнѣваться *ни одной секунды,* чтобы устранить навсегда замѣчанія насчетъ требованій доходовъ въ августѣ, разсужденія о томъ, что какъ возможно русскому въ Баденѣ не знать, что выкупныя бумажки продаются на 80 руб. и т. д. и т. д.

„А подумаешь, сколько вами при этомъ случаѣ потрачено краснорѣчія, сколько даже философіи! Тутъ и цыфры, и ци-

таты изъ Гете, и даже рука, положенная на совѣсть! А кажется, самое имя Ахенбаха должно было нѣсколько охладить ваше рвеніе, напомнивъ вамъ знаменитое исканіе Баденскихъ банкировъ по московскимъ конторамъ чайныхъ магазиновъ.—Но довольно объ этомъ. Увѣряю васъ, что я не такъ легкомысленъ, какъ вы полагаете, и при нашемъ свиданіи весною вы убѣдитесь на дѣлѣ въ строжайшей справедливости моихъ воззрѣній. А думать вслухъ вы можете при мнѣ совершенно свободно: я умѣю выслушивать все, и особенно отъ человѣка, котораго люблю искренно, какъ васъ.

„Вотъ и не осталось мѣста для сообщенія другихъ, болѣе пріятныхъ новостей. Скажу вамъ, что я пока здоровъ и убилъ всего 162 штуки разной дичи: 103 куропатки, 46 зайцевъ, 9 фазановъ и 4 перепела. Засимъ кланяюсь вашей женѣ и дружески жму вамъ руку. Віардо вамъ кланяются. Положенное ею на музыку ваше: „Тихо вечеръ догораетъ"... производитъ фуроръ въ Парижѣ.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

В. П. Боткинъ писалъ:

С.-Петербургъ.
24 октября 1866 года.

„Я пріѣхалъ въ Петербургъ вчера и очень обрадовался, увидѣвъ на своемъ письменномъ столѣ письмо отъ васъ, изъ котораго увидалъ, что вы здоровы и все у васъ благополучно. Я тоже чувствую себя недурно, и этимъ я обязанъ, вопервыхъ, тихо, пріятно и спокойно проведенному лѣту, лѣсному воздуху Бадена, но въ особенности живительному воздуху моря. Такую крѣпость, какую ощущаю я теперь въ себѣ, я помнилъ только въ давно прошедшемъ. Даже спѣшный переѣздъ изъ Берлина сюда очень мало разстроилъ меня; даже жестокій морозъ, прохватившій меня до костей въ ночной переѣздъ изъ Кёльна до Берлина, только на два дня сдѣлалъ меня больнымъ.

„Что тебѣ сказать по поводу твоихъ меланхолическихъ соображеній по поводу мельницы? Когда года два назадъ я совѣтовалъ тебѣ продать ее,—въ то время она представлялась тебѣ въ блестящихъ перспективахъ; теперь, какъ видно,—на-

противъ, ибо она требуетъ огромной реставраціи. Вообще ты такъ же легко поддаешься розовому освѣщенію, какъ и мрачному; но замѣчательно, что, находясь въ томъ или другомъ настроеніи, ты дѣлаешься неприступенъ спокойному и разсудительному обсужденію. То случилось и съ мельницей, въ которой ты видѣлъ одно только золотое дно.

„На квартирѣ своей все нашелъ я благополучно и въ порядкѣ, все на своемъ мѣстѣ. Съ большимъ удовольствіемъ встрѣчаюсь съ своими знакомыми. Не смѣю звать васъ сюда,— это много хлопотъ изъ пустаго. Приведется свидѣться въ Москвѣ; только жаль, что вы такъ поздно располагаете туда пріѣхать. У Дмитрія слюнки потекли, когда я разсказалъ ему объ изобиліи въ вашемъ лѣску вальдшнеповъ въ нынѣшнемъ году. А мнѣ такъ скучно не видѣть около себя собаки, что я рѣшаюсь завести какую-нибудь, разумѣется, порядочную. Пріѣхавши сюда, я простудился: кашель и головная боль. Въ Петербургѣ все занято приближеніемъ свадебнаго праздника Наслѣдника: народу съѣхалось множество. и погода стоитъ ясная и свѣжая. Пока прощайте.

Вашъ *В. Боткинъ.*

Л. Толстой писалъ:

7 ноября 1866 года.

„Милый другъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ, я не отвѣчалъ на ваше послѣднее письмо сто лѣтъ тому назадъ и виноватъ за это тѣмъ болѣе, что, помню, въ этомъ письмѣ вы мнѣ пишете очень мнѣ интересныя вещи о моемъ романѣ и еще пишете irritabilis poetarum gens. Ну ужь не я. Я помню, что порадовался, напротивъ, вашему сужденію объ одномъ изъ моихъ героевъ—князѣ Андреѣ,—и вывелъ для себя поучительное изъ вашего сужденія. Онъ однообразенъ, скученъ и только un homme comme il faut во всей 1-й части. Это правда, но виноватъ въ этомъ не онъ, а я. Кромѣ замысла характеровъ и движенія ихъ, кромѣ замысла столкновеній характеровъ, есть у меня еще замыселъ историческій, который чрезвычайно усложняетъ мою работу, и съ которой я не справляюсь, какъ кажется. И отъ этого въ 1-й части я занялся исторической

стороной, а характеръ стоитъ и не движется. И это недостатокъ, который я ясно понялъ вслѣдствіе вашего письма и надѣюсь, что исправилъ. Пожалуйста пишите мнѣ, милый другъ, все, что вы думаете обо мнѣ, т. е. о моемъ писаніи дурнаго. Мнѣ всегда это въ великую пользу, а кромѣ васъ у меня никого нѣтъ. Я вамъ не пишу по четыре мѣсяца и рискую, что вы проѣдете въ Москву, не заѣхавъ ко мнѣ, а всетаки вы человѣкъ, котораго, не говоря о другомъ, по уму я цѣню выше всѣхъ моихъ знакомыхъ, и который въ личномъ общеніи даетъ одинъ мнѣ тотъ другой хлѣбъ, которымъ кромѣ *единаго* будетъ сытъ человѣкъ. Пишу вамъ главное затѣмъ, чтобы умолять васъ заѣхать къ намъ, когда вы поѣдете „обнимать". На что это похоже, что мы такъ подолгу не видимся. Жена и я слезно просимъ Марью Петровну заѣхать къ намъ. Я на дняхъ одинъ, т. е. съ сестрой Таней ѣду на короткое время въ Москву. Ее я отвожу къ родителямъ, а самъ ѣду для того, чтобы печатать 2-ю часть своего романа. Что вы дѣлаете? Не по земству, не по хозяйству,—это все дѣла несвободныя человѣка. Это вы и мы дѣлаемъ такъ же стихійно и несвободно, какъ муравьи копаютъ кочку, и въ этомъ родѣ дѣлъ нѣтъ ни хорошаго, ни дурнаго;—а что вы дѣлаете мыслью, самой пружиной своей Фетовой, которая только одна и была, и есть, и будетъ на свѣтѣ. Жива ли эта пружина? Просится ли наружу? Какъ выражается? И не разучилась ли выражаться? Это главное. Прощайте, милый другъ, обнимаю васъ; и отъ себя, и отъ жены прошу передать душевный поклонъ Марьѣ Петровнѣ, которую мы надѣемся у себя видѣть и очень о томъ просимъ.

Л. Толстой.

„И я также очень прошу васъ, милая Марья Петровна и Аѳан. Аѳан., заѣхать къ намъ, если вы поѣдете въ Москву. Мы всю зиму будемъ дома, и вы сдѣлали бы намъ большое удовольствіе, если-бы поступили по дружески и не проѣхали-бы мимо Ясной Поляны, не порадовавъ насъ своимъ присутствіемъ. Мы будемъ васъ ждать съ нетерпѣніемъ.

Гр. С. Толстая.

В. П. Боткинъ писалъ:

12 ноября 1866 г.
С.-Петербугъ.

„Уже второе письмо отъ тебя получилъ я съ пріѣзда моего сюда, а я еще не собрался писать тебѣ послѣ перваго моего письма по возвращеніи. Виноватъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неисправимъ; потому что для меня писанье писемъ есть своего рода предпріятіе, сопряженное съ разнаго рода случайностями, какъ-то: состояніе духа, здоровье, ясная погода и т. п. А погода здѣсь стоитъ такая, что съ самаго утра стоитъ какой то денной сумракъ, что-то среднее между днемъ и ночью. А потомъ перемѣна образа жизни и климата дѣйствуютъ на меня болѣзненно, и организмъ мой далеко не пришелъ еще въ свою норму, хотя, говоря вообще, петербургскій климатъ я во многомъ предпочитаю московскому, гораздо болѣе сухому. Живя въ чужихъ краяхъ, болѣе или менѣе находишься въ напряженномъ состояніи; дома же разомъ принимаешь спокойное положеніе и беззаботное „ну"; а такія радикальныя перемѣны не проходятъ мимо организма, не затронувъ его. Ты въ послѣднемъ письмѣ своемъ говоришь, что чтеніе газетъ очень волнуетъ тебя, и поэтому ты рѣшаешься вовсе не читать газетъ. Увы! это невозможно: но я кажется достигъ до того, что теперь волнуюсь гораздо менѣе. Роль мухи при дорожныхъ надоѣла мнѣ до пресыщенія. Что толку мучить себя и волноваться, и тревожиться, когда я не въ силахъ помочь дѣлу или направить его по моему желанію? Занятіе политикой есть дѣло или безсмысленныхъ, или геніальныхъ людей, вращающихъ судьбами государствъ и народовъ. Нынче всякій долгомъ своимъ считаетъ толковать о политикѣ, а никто не думаетъ о томъ, что для разговора о какомъ либо предметѣ прежде всего нужно знать его и имѣть о немъ ясное понятіе. Но съ другой стороны это самый легкій предметъ для разговоровъ и сужденій, столь же легкій, какъ разговоръ о погодѣ, но болѣе интересный, ибо всякій можетъ въ немъ излить накопившуюся у него желчь, сообразно состоянію его желудка. Есть люди недовольные по свойству своего организма и все видящіе въ черномъ цвѣтѣ. Мы изъ нашего прежняго смѣшнаго оптимизма

впали теперь въ совершенно противоположную сторону. Но въ сущности Россія находится теперь въ несравненно лучшемъ положеніи, чѣмъ прежде. Этого для меня довольно. Извѣстная фраза, что подъ старость человѣкъ дѣлается эгоистомъ,—имѣетъ глубокій смыслъ, тотъ именно, что подъ старость человѣкъ болѣе обращаетъ вниманія на то, что у него подъ носомъ. Пусть называютъ это младенчествомъ (и младенецъ занимается только тѣмъ, что у него подъ носомъ), но разница здѣсь въ томъ, что младенецъ безсмысленно занимается близкими къ нему вещами, а старикъ доходитъ до этого вслѣдствіе долгаго опыта и размышленій.

„Я забылъ тебѣ сказать, что я нынѣшнимъ лѣтомъ познакомился съ твоимъ барономъ Бюлеромъ и нашелъ въ немъ дѣйствительно прекраснѣйшаго человѣка.

Во второй половинѣ декабря думаю я поѣхать въ Москву. Къ этому времени надѣюсь, что вы уже будете въ Москвѣ, слѣдовательно поживемъ вмѣстѣ. Если-бы была у тебя охота проѣхаться въ Петербургъ передъ этимъ, то мы бы вмѣстѣ потомъ отправились въ Москву. Ты такъ уже давно зажился въ деревнѣ, что тебѣ будетъ, можетъ быть, пріятно дней десять пожить жизнью большаго города. Графъ Алексѣй Толстой останется здѣсь всю зиму. Онъ ставитъ на сцену свою драму: „Смерть Іоанна Грознаго“.

„Здѣсь стоитъ настоящая зима и отличный санный путь; морозы, къ счастію, не превышаютъ 5° и 6°. Прощайте, милые друзья. Не обмани моей надежды, пріѣзжай сюда, тебѣ даже и нужно провѣтриться, а меня ты этимъ усладишь.

Весь вашъ *В. Боткинъ.*

Проѣздомъ по первому зимнему пути въ Москву, мы, по обычаю, остановились на сутки въ Новоселкахъ у Борисова. А какъ пустынножительствующій Борисовъ состоялъ въ непрестанной перепискѣ съ Тургеневымъ, то и не удивительно, что Иванъ Петровичъ зналъ гораздо болѣе меня о практическихъ дѣлахъ Тургенева. Услыхавъ отъ Борисова, что Тургеневъ въ самомъ непродолжительномъ времени высылаетъ въ Спасское управляющаго, избѣгая подъ всякими предлогами личной пріемки разсчетовъ и имѣнія отъ дяди,—я сталъ

доказывать Борисову, что такія вещи дѣлаются и по отношенію къ стороннимъ управляющимъ только съ завѣдомо злонамѣренными людьми, въ предупрежденіе новыхъ хищеній. но даже немыслимы по отношенію къ дядѣ, на котораго все время смотришь какъ на отца. Признаюсь, тогдашнее мнѣніе объ этомъ Борисова возмущало меня почти болѣе, чѣмъ самая выходка Ивана Сергѣевича. Съ дѣтства я не зналъ ни одного предосудительнаго поступка Борисова, а тутъ только потому, что онъ видимо подчинялся авторитету Тургенева, мы переставали понимать другъ друга. Какъ ни силился я доказывать, что возмущаетъ меня не перемѣна Иваномъ Сергѣевичемъ управленія имѣніемъ, а эта малодушная боязнь приступить къ собственному дѣлу, не боящаяся въ то же самое время на глазахъ всѣхъ оскорблять старика, которому онъ обязанъ хотя-бы наружнымъ уваженіемъ; какъ ни спрашивалъ я, почему-же онъ не хочетъ принять отъ дяди отчетовъ,—Борисовъ съ раздраженіемъ въ голосѣ повторялъ: „онъ просто не хочетъ“. Какъ будто бы единичная воля Ивана Сергѣевича способна была измѣнить всѣ сложныя общественныя отношенія, въ которыхъ мы живемъ. Признаюсь. такое сужденіе Борисова осталось въ моемъ воспоминаніи о немъ навсегда непріятнымъ, хотя быть можетъ и незаслуженнымъ пятномъ.

На другой день мы, по заведенному обыкновенію, переѣхали къ обѣду въ Спасское. Тяжело припоминать положеніе, въ которомъ мы встрѣтили на этотъ разъ семейство Ник. Ник. Надо было, подобно мнѣ, въ теченіи восьми лѣтъ усвоить себѣ коренастую фигуру старика, ломавшаго нѣкогда подковы и сохранившаго еще значительную часть силы, чтобы быть пораженнымъ при видѣ того-же старика, начинавшаго громко рыдать каждый разъ, когда онъ касался въ рѣчахъ грозящей ему сдачи управленія не лично Ивану. А онъ безпрестанно возвращался къ этому вопросу.

Говорите что̀ хотите, но такъ притворяться нельзя! Признаюсь, я такъ былъ потрясенъ только что пережитой сценой, что чувствовалъ потребность заѣхать въ Ясную Поляну и искать третейскаго суда у графа Толстаго.

Конечно, какъ я и ожидалъ, графъ сказалъ, что всякій

распоряжаться своимъ имѣніемъ воленъ, но что отказывать такимъ образомъ дядѣ невозможно, и что Тургеневъ, вѣроятно, и не сдѣлаетъ этого, а приметъ управленіе отъ дяди имѣніемъ прилично и родственно.

На этотъ разъ въ Серпуховѣ ожидала насъ самая отрадная новость. Сдавши на нѣкоторое время на храненіе нашу завѣтную кибитку, мы, изъ морозной тѣсноты и отъ самаго мучительнаго передвиженія на еле плетущейся тройкѣ, пересѣли въ топленый и удобный вагонъ и покатили въ Москву, гдѣ вскорѣ получили письмо отъ В. П. Боткина:

Петербургъ.
15 декабря 1866 г.

„Мой милѣйшій другъ, съ величайшей радостью получилъ я твое письмо изъ Москвы: значитъ, что мы теперь скоро увидимся. А потому я спѣшу написать тебѣ о моемъ распредѣленіи времени. Но прежде начнемъ съ тебя: такъ какъ ты пишешь, что ты совершенно свободенъ, то, предполагая, что тебѣ въ Москвѣ довольно монотонно и, исключая семейнаго круга, тамъ мало найдется для тебя занимательнаго, я предлагаю тебѣ, отдохнувъ и осмотрясь въ Москвѣ, отправиться сюда ко мнѣ и прожить недѣли двѣ, которыя пролетятъ здѣсь для тебя незамѣтно, принявъ въ соображеніе множество людей, которые тебя знаютъ, любятъ и цѣнятъ. Какъ же скоро тебѣ соскучится здѣсь или надоѣстъ,—то мы и отправимся вмѣстѣ въ Москву. А на праздники потому я не ѣду, что терпѣть не могу этого собранія безпрестанныхъ гостей и большихъ обѣдовъ. Мнѣ хочется пожить въ семействѣ Мити, а для этого я предпочитаю тихое время. Мнѣ кажется, что ты тоже не охотникъ до толпы и потому предлагаю тебѣ провести это время здѣсь въ тишинѣ и въ средѣ людей простыхъ и добрыхъ. Письмо твое такъ меня обрадовало, что я уже воображаю тебя здѣсь, и предо мною рисуется уже перспектива нашего сожительства. Ручаюсь, что тебѣ не будетъ скучно. Пожалуйста пріѣзжай поскорѣе.

„Не знаю, читалъ ли ты „Смерть Грознаго“—Ал. Толстаго, піесу, имѣющую многія достоинства. Теперь она ставится здѣсь на сцену и на постановку ея ассигновано дирекціей

30 тысячъ. Декораціи и костюмы будутъ сдѣланы со всею археологическою точностью. Я слышалъ чтеніе Васильева 2-го, играющаго роль Грознаго: оно очень хорошо.

„Вчера Полонскій принесъ мнѣ двѣ главы своей новой поэмы, напечатанной въ одномъ дрянномъ журналѣ „Женскій вѣстникъ". Поэма называется „Братья" и происходитъ въ Римѣ. Вообще мило, попадаются поэтическіе образы, простодушно, но блѣдно и незначительно. Поэма не его родъ. Я записалъ его адресъ, зная, что ты любишь его. Онъ женился. До скораго свиданія. Жду тебя 3-го января.

Твой *В. Боткинъ.*

Такъ какъ память не представляетъ мнѣ за эту зиму выдающагося, то я о нашемъ пребываніи въ Москвѣ умалчиваю.

Найдя въ Серпуховѣ завѣтную кибитку въ цѣлости, мы прежнимъ порядкомъ добрались до Степановки.

IV.

Письма.—Вскрытіе полей.—Разрывъ Тургенева съ дядей.—Мое избраніе въ мировые судьи.

В. П. Боткинъ писалъ:

С.-Петербургъ.
14 марта 1867.

„Давно уже я не писалъ къ вамъ, милые друзья, да и сказать правду, — нечего было сообщить вамъ интереснаго о себѣ. Жизнь моя тянулась своимъ заведеннымъ порядкомъ. Въ послѣднее время этотъ порядокъ и однообразіе нарушились пріѣздомъ Ивана Сегѣевича, который прожилъ у меня дней десять съ сильнѣйшею подагрою въ ногѣ. Наконецъ боль и опухоль уменьшились, и онъ выѣхалъ въ Москву,— а въ настоящее время находится въ Спасскомъ. Онъ принялъ твердое намѣреніе замѣнить Николая Николаевича новымъ управляющимъ. Эта перемѣна имѣетъ характеръ революціи, ибо Ник. Ник. оказываетъ ей рѣшительное сопротивленіе. Такое дѣло очень трудно судить со стороны. Въ денежныхъ и хозяйственныхъ дѣлахъ Иванъ Сергѣевичъ положительно ничего не смыслитъ, и, что еще хуже, они въ его понятіяхъ отражаются совершенно фантастически; вообще на его сужденія *фантазія* имѣетъ преобладающее вліяніе. Это существенный порокъ относительно практической жизни и дѣловыхъ отношеній, но съ другой стороны, этотъ порокъ есть главное условіе его таланта. Вообще надо принимать человѣка такимъ, какой онъ есть, и разсматривать его въ его собственномъ соусѣ, который можетъ быть и не по нашему вкусу; но вѣдь въ этомъ виноваты мы, а онъ не въ силахъ

передѣлать его. Какъ бы то ни было, ложно или справедливо, Иванъ Сергѣевичъ недоволенъ управленіемъ Никол. Никол. и хочетъ поставить другаго управляющаго. Вотъ тутъ и обнаружились раздраженіе и гнѣвъ Никол. Никол.; не хочетъ онъ своей смѣны, поднялась буря, начались рѣчи о какихъ то правахъ, о какомъ то оскорбленіи, угрозы и проч. Положимъ, что Иванъ Сергѣевичъ поступаетъ глупо, но онъ хозяинъ, притомъ же онъ одинокъ, безсемеенъ, и надѣлять ему своими имѣніями послѣ себя некого. Я видѣлъ отчеты Ник. Ник. по управленію за два года: они составлены до крайности плохо и неточно; со Спасскаго, напримѣръ, никакого дохода не показано. Вообще дѣловыя отношенія очень плохо вяжутся съ родственными, и Иванъ Сергѣевичъ, будучи хозяиномъ, былъ постоянно въ нравственной и матеріальной зависимости отъ Ник. Ник. Эта зависимость всегда чувствовалась и наконецъ надоѣла, захотѣлось быть на свободѣ и развязать себѣ руки. Это въ природѣ человѣка, а тѣмъ болѣе 48-ми лѣтняго человѣка. По личнымъ отношеніямъ къ Ник. Ник., ты можешь жалѣть объ этомъ, но обвинять Ивана Сергѣевича, мнѣ кажется, ты не вправѣ. Можно ли утверждать, что управленіе Ник. Ник. было во всѣхъ отношеніяхъ хорошо? Что касается до меня, то я ни въ какомъ случаѣ не возьму на себя такого гадательнаго утвержденія. Притомъ же Ник. Ник. 76 лѣтъ, онъ подверженъ неизбѣжнымъ болѣзнямъ старости; всякая поѣздка стала для него уже труднымъ предпріятіемъ; одно это обстоятельство уже заподозриваетъ въ моемъ мнѣніи дѣльность управленія. Вообще во всякомъ дѣлѣ надо выслушивать обѣ стороны. Въ извѣстныя лѣта человѣку хочется поступать такъ, какъ онъ признаетъ за лучшее, а не такъ, какъ указываютъ ему другіе. Вся буря поднята женскимъ отдѣленіемъ, которое рѣшительно подняло старика на дыбы, и тотъ же Ник. Ник., который говорилъ, что во всякомъ дѣлѣ причину надо непремѣнно искать въ женщинѣ; и вотъ теперь эта *она* оказалась и въ его собственномъ дѣлѣ. А тамъ еще ихъ *двѣ*, и при извѣстной своей глупости на что не могутъ онѣ подбить старика!!

„Статью твою „Объ изученіи древнихъ языковъ“ я далъ

Краевскому. Такъ какъ онъ уже двѣ недѣли держитъ ее у себя, то, вѣроятно, онъ напечатаетъ въ Отеч. Запискахъ. Это будетъ курьезно! Отеч. Записки все карали за реальныя гимназіи. Но Краевскій признался мнѣ, что статья очень хорошо написана, и потому ему хочется, хотя съ оговоркою, помѣстить ее. Мнѣ кажется, лучше печататься въ Отеч. Зап., потому что у нихъ болѣе 5 тысячъ подписчиковъ.

„Иванъ Сергѣевичъ читалъ мнѣ свою новую повѣсть. Тутъ нѣтъ и тѣни похожаго на „Призраки“ или „Собаку“. Это настоящая сочная повѣсть съ его извѣстными достоинствами и съ меньшими противъ прежняго недостатками. Она будетъ напечатана въ мартовской книжкѣ Русск. Вѣстника.

16 марта.

„Вчера вечеромъ встрѣтилъ Краевскаго и спросилъ его о твоей статьѣ. Онъ сказалъ, что не можетъ ея напечатать, ибо она въ разрѣзъ идетъ съ реальными мнѣніями журнала. Это онъ говоритъ не свое,—ему такъ наговорили его писуны.

„Я забылъ сказать, что Иванъ Серг. даетъ Ник. Ник. пенсію 1000 р. въ годъ и кромѣ этого далъ ему еще прежде заемное письмо въ 10 тысячъ. И всѣмъ этимъ они еще недовольны! Прощайте.

Вашъ *В. Боткинъ*.

Не могу сказать, до какой степени я былъ обрадованъ, получивъ отъ Борисова слѣдующее письмо Тургенева:

Москва 7 марта.
1867 г.

„Милый Иванъ Петровичъ, я пріѣхалъ въ Москву сегодня утромъ и выѣзжаю въ субботу въ Спасское. Начиная съ понедѣльника или со вторника, меня можно будетъ тамъ застать; я очень, очень буду радъ васъ видѣть; дайте знать также Фету, но остаюсь я въ деревнѣ весьма немного времени, не болѣе недѣли.—Дѣла не позволяютъ. Итакъ, въ надеждѣ скоро увидать васъ, хотя не надолго, жму вамъ руку и остаюсь

преданый вамъ

Ив. Тургеневъ.

А внизу приписка Борисова:

„Спѣшу препроводить къ тебѣ сію вѣсть и буду ждать тебя завтра, чтобы *во вторникъ* вмѣстѣ кувыркнуть въ Спасское. Зима, кажется, еще продержится хоть недѣльку. И Марьѣ Петровнѣ можно бы рискнуть, Богъ вѣсть когда опять увидимъ его“.

„Вотъ она, думалось мнѣ, наилучшая развязка этого запутаннаго дѣла. Какъ хорошо придумалъ Иванъ Серг. вызвать насъ съ Борисовымъ въ качествѣ безпристрастныхъ посредниковъ, за плечами которыхъ такъ удобно можно укрыться отъ непріятныхъ подробностей. Ник. Ник. ничего не можетъ возразить противъ нашей повѣрки экономическихъ счетовъ; а тоскливая неспособность Тургенева можетъ при этомъ случаѣ драпироваться въ благородное довѣріе“. Какъ вдругъ получаю слѣдующее письмо отъ Тургенева изъ Москвы:

31 марта 1867 года.

„Такъ, любезный Аѳанасій Аѳанасьевичъ, и не пришлось намъ увидать другъ друга! Вотъ говорите послѣ этого, что судьбы нѣту! Не схвати меня простуда въ Серпуховѣ, отъ которой я до сихъ поръ не отдѣлался,—непремѣнно прибылъ бы въ Спасское, еслибъ не сломалъ себѣ шеи на дорогѣ! А ужь какъ хотѣлось мнѣ видѣть васъ, поспорить съ вами. съ хрипомъ, крикомъ, визгомъ и удушьемъ, какъ слѣдуетъ, и съ постояннымъ чувствомъ симпатіи и дружбы къ спорящему субъекту! Что дѣлать! Авось въ будущемъ году свидимся, либо въ деревнѣ, только лѣтомъ,—зимой я больше въ Россію не ѣздокъ, — либо въ Баденѣ, если счастливая звѣзда васъ умчитъ туда. Съ тѣхъ поръ, какъ я въ Россіи,—я развиваю (это галлицизмъ, вродѣ галлицизмовъ *моего* перевода сказокъ Перрò, который я увидалъ впервые только въ печати и узналъ, что есть лошади сѣрыя *съ яблоками,* тссъ... тссъ! это тайна!!)— я развиваю ужасающую дѣятельность: печатаюсь (посмотримъ, что вы скажете о моей повѣсти въ мартовской книжкѣ Русск. Вѣстн.,—чай, обругаете), продаю новое изданіе, читаю публично и приватно, болѣю (нога у меня совсѣмъ отказывается), ввожу новаго управляющаго .. Кстати, чтобы

разъ навсегда покончить съ этимъ предметомъ, такъ чтобы уже толковъ объ этомъ между нами больше не было, и вамъ не приходилось величать меня, какъ въ письмѣ Боткину, осатанѣлымъ, — вотъ вамъ рѣшительныя цыфры, заставившія меня принять означенное рѣшеніе:

„Въ 11½ лѣтъ я получилъ . . . . 122,000 руб. сер.!
„Изъ нихъ капитальной суммы . . 62,000 руб. сер.!!
„Доходной суммы. . . . . 60,000 руб. сер !!!
„Что составляетъ въ годъ . . . . 5,500 руб. сер.!!!!

„Я нахожу, что съ имѣнія въ 5,500 десят., изъ коихъ 3,500 совершенно свободны, этотъ доходъ слишкомъ малъ!!!!

„Такъ какъ притомъ имѣніе въ упадкѣ, скота нигдѣ нѣту, и братъ получаетъ до 20,000!!!!! — Дядѣ 76 лѣтъ!!!!!!—я рѣшился взять другаго управляющаго!!!! Положимъ, я ужасный преступникъ, но все же не слѣдуетъ меня мгновенно предавать анаѳемѣ, тѣмъ болѣе, что я будущность дяди обезпечилъ и никакого отчета отъ него не требую.—Sapienti sat!

„Ну, а засимъ, что сказать, что сказать вамъ? Видѣлъ я въ Петербургѣ Полонскаго, онъ все такой же милый, кланяется вамъ. О прочихъ литературныхъ звѣряхъ не упоминаю: вы ихъ не любите. Но что за погода! Спасители! А въ Баденѣ, пишутъ мнѣ, все въ полномъ разцвѣтѣ.

„Я сегодня уѣзжаю въ Петербургъ (гдѣ останавливаюсь у Боткина), а въ понедѣльникъ въ Баденъ... Когда васъ ждать? Поклонитесь отъ меня вашей женѣ, крѣпко жму вамъ руку.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

Вскрытіе полей этого года врѣзалось въ воспоминаніи моемъ въ видѣ первой вешней поѣздки съ женою въ шарабанѣ къ Александру Никитичу. Дорога шла вдоль межи нашего ржанаго поля, и на протяженіи всего клина глаза мои были поражены самымъ необычайнымъ и—увы! — грустнымъ зрѣлищемъ.

По стаяніи снѣговъ, озими въ первое время обыкновенно зеленѣютъ; но затѣмъ звѣздообразная зелень ржи (кустъ) нерѣдко отъ утреннихъ морозовъ увядаетъ и принимаетъ видъ тусклой бронзы. Но это не бѣда;—если вырвать кустъ

и разодрать его сверху, то окажется въ серединѣ сердцевина, которая, въ теплые дни поднявшись изъ земли, снова весело зеленѣетъ. Озимь, можно сказать, не боится морозовъ, зато застывшая на ней корою дождевая вода, если не изноетъ весною подъ снѣгомъ отъ теплыхъ дождей, — является величайшимъ врагомъ осеннихъ посѣвовъ. Можно подумать, что нагрѣтая сквозь ледъ земля развиваетъ теплоту, не имѣющую исхода, и молодое растеніе въ ней задыхается и сопрѣваетъ.

На этотъ разъ ржаное поле представилось мнѣ покрытымъ не мѣдными, а серебряными звѣздами. Передавъ возжи женѣ, я въ разныхъ мѣстахъ сталъ кнутовищемъ выкапывать ржаные кусты и тутъ же разрывать ихъ сердцевину. Увы!— сколько я ни повторялъ опыта, я всюду добывалъ безжизненный корень, вродѣ небѣленой нитки. Ждать урожая, очевидно, было уже невозможно. Съ небольшихъ оазисовъ мы едва собрали осенью сѣмена и ржи для собственнаго продовольствія. Замѣчательно, что вокругъ ржаныхъ оазисовъ все поле покрылось не лебедой, неохотно поѣдаемой крупнымъ скотомъ, а какою то густою и кудрявою травой, которую скотъ ѣлъ всю зиму съ величайшимъ удовольствіемъ.

Боткинъ писалъ отъ 27 апрѣля 1867 г. изъ Петербурга:

„Милые друзья, на дняхъ получилъ ваше письмо и особенно благодарю тебя, милая Маша, за то, что ты потрудилась написать мнѣ. Твои письма—увы! рѣдкія—гораздо больше отражаютъ въ себѣ Степановку. Фетъ же особенно занятъ теперь разрѣшеніемъ *Спасскаго вопроса*. Такъ какъ дѣло это не касается до меня лично, и я смотрю на него со стороны, то поэтому и отношусь къ нему съ бо́льшимъ безпристрастіемъ. Что дѣла по управленію Ник. Ник. находятся въ величайшемъ безпорядкѣ, это для меня не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Не подлежитъ для меня сомнѣнію и то, что Иванъ Серг. сдѣлалъ Ник. Ник. большое одолженіе, поручивъ ему управленіе своими имѣніями, каковое управленіе Ник. Ник. велъ весьма плохо и безпорядочно, потому что онъ старъ, медлителенъ и лѣнивъ, и давно уже не годится на это дѣло. Да если бы и годился, всетаки Иванъ Серг. имѣлъ несомнѣнное право взять другаго управляющаго, который приметъ

имѣнія *такъ, какъ* захочетъ ихъ сдать ему Ник. Ник. Что полное снисхожденіе оказывается старику, о томъ не можетъ быть и вопроса. Очень скверно поступилъ Иванъ Серг., не пріѣхавъ самъ въ Спасское, вслѣдствіе своего пустаго характера, трусости и легкомыслія. Но въ сущности пріѣздъ его съ новымъ управляющимъ, который предназначался замѣнить Ник. Ник., развѣ могъ позолотить пилюлю, которую въ концѣ концовъ всетаки должно было проглотить Ник. Ник.? Повторяю: что̀ Ник. Ник. заблагоразсудитъ сдать, то и будетъ принято, и ничего похожаго на споры и домогательства со стороны новаго управляющаго быть не можетъ. Я не могу понять, на чемъ основываются претензіи Ник. Ник. Вмѣсто того, чтобы покориться необходимости и показать благоразуміе, онъ положительно дѣлаетъ глупости и безразсудства.

„30 апрѣля я уѣзжаю и, какъ предполагалъ, проведу лѣто въ Баденѣ, потомъ къ морю въ Діепъ, а осенью въ Парижъ и къ зимѣ опять восвояси. Письма ко мнѣ адресуйте въ Баденъ. Здѣсь въ Петербургѣ постоянно стоитъ холодная погода. Полонскій не показывается, и послѣ того, какъ онъ приходилъ объявить мнѣ, что пристроилъ статью твою въ Библіотекѣ,—я его не видалъ.

„Еще о Спасскомъ вопросѣ: по моему мнѣнію, трехдневное присутствіе въ Спасскомъ нисколько бы положеніе Ник. Ник. не измѣнило относительно общества. Съ дѣловой точки зрѣнія Ив. Серг. несомнѣнно правъ; а по родственнымъ отношеніямъ онъ поступаетъ съ Ник. Ник. со всевозможною деликатностью, снисхожденіемъ и добротою. Ты знаешь, что я не охотникъ до характера Ивана Сергѣевича; но въ этомъ дѣлѣ онъ тысячу разъ правъ. Ты говоришь, что онъ только обѣщаетъ, а не даетъ. Но онъ совершенно вправѣ и ничего не обѣщать; это въ его доброй волѣ. Да и есть ли ему какая возможность дать теперь? Но своимъ упорствомъ и безразсудствомъ Ник. Ник. только можетъ окончательно раздражить его и испортить свое дѣло. Ник. Ник. уже грозитъ ему процессомъ и взысканіемъ.

„Пока прощайте. Крѣпко васъ обнимаю.

Вашъ *В. Боткинъ*.

Приведенныя письма, находящіяся въ настоящую минуту передъ безпристрастными глазами читателя, не могли въ свое время не повліять на меня. Изъ одного письма Боткина уже видно, что болѣзнь, на которую ссылается Тургеневъ, какъ на причину непріѣзда въ Спасское,—одинъ предлогъ, а мнѣ достовѣрно извѣстно, что въ Серпуховѣ Тургеневъ на станціи встрѣтился съ княземъ Черкасскимъ, ѣхавшимъ съ юга. Черкасскій, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ ухабовъ и не зная отношенія Тургенева къ дядѣ, посовѣтовалъ ему вернуться съ нимъ вмѣстѣ въ Москву, что̀ безъ сомнѣнія было пріятнѣе поѣздки въ Спасское. Такъ какъ поступокъ Тургенева надломилъ навсегда мое беззавѣтно дружеское къ нему чувство, и я поневолѣ самъ сажусь передъ читателемъ на скамью подсудимыхъ, то разъясняя снова мотивы, приведшіе меня къ такому чувству, я ищу не оправданія, а правды. Самъ Иванъ Сергѣевичъ въ теченіи десяти лѣтъ пріучилъ меня смотрѣть на Ник. Ник., какъ на его отца, а не управляющаго. Не удивительно ли мое изумленіе, когда я вдругъ увидалъ такую перемѣну декораціи. И Тургеневъ, и Боткинъ въ своихъ письмахъ употребляютъ извѣстный софистическій пріемъ, оспаривая сторону дѣла, съ которою противникъ давно согласенъ, и обходя молчаніемъ спорную, которая такимъ образомъ является какъ бы доказанной. Мнѣ въ голову не приходило оспаривать у Ивана Серг. право на его имущество. Я только утверждалъ, что такихъ пилюль, о которыхъ наивно упоминаетъ Боткинъ, порядочные люди между собою не подносятъ. Къ этому присоединялось темное убѣжденіе, что высланный въ Спасское Зайчинскій не улучшитъ имущественнаго положенія Тургенева. Послѣдствія блистательно оправдали такое предположеніе.

Л. Толстой писалъ:

27 іюня 1867 года.

„Ежели бы я вамъ писалъ, милый другъ Аѳан. Аѳан., всякій разъ, какъ я о васъ думаю, то вы бы получали отъ меня по два письма въ день. А всего не выскажешь и кромѣ того то лѣнь, а то слишкомъ занятъ, какъ теперь. На дняхъ я пріѣхалъ изъ Москвы и предпринялъ строгое лѣченіе, подъ руководствомъ Захарьина, и главное, печатаю романъ въ ти-

пографіи Риса, готовлю и посылаю рукопись и корректуры, и долженъ такъ день за день подъ страхомъ штрафа и несвоевременнаго выхода. Это и пріятно, и тяжело, какъ вы знаете.

„О „Дымѣ" я вамъ писать хотѣлъ давно и, разумѣется, то самое, что вы мнѣ пишете. Отъ этого то мы и любимъ другъ друга, что одинаково думаемъ *умомъ сердца,* какъ вы называете. (Еще за это письмо вамъ спасибо большое. *Умъ ума и умъ сердца*—это мнѣ многое объяснило). Я про „Дымъ" думаю то, что сила поэзіи лежитъ и въ любви; направленіе этой силы зависитъ отъ характера. Безъ силы любви нѣтъ поэзіи; ложно направленная сила,—непріятный, слабый характеръ поэта претитъ. Въ „Дымѣ" нѣтъ ни къ чему почти любви и нѣтъ почти поэзіи. Есть любовь только къ прелюбодѣянію легкому и игривому, и потому поэзія этой повѣсти противна. Вы видите,—это то же, что вы пишете. Я боюсь только высказывать это мнѣніе, потому что я не могу трезво смотрѣть на автора, личность котораго не люблю; но кажется, мое впечатлѣніе общее всѣмъ. Еще одинъ кончилъ. Желаю и надѣюсь, что никогда не придетъ мой чередъ. И о васъ тоже думаю. Я отъ васъ все жду, какъ отъ 20-ти-лѣтняго поэта, и не вѣрю, чтобы вы кончили. Я свѣжѣе и сильнѣе васъ не знаю человѣка. Потокъ вашъ все течетъ, давая то же извѣстное количество ведеръ воды—силы.—Колесо, на которое онъ падалъ, сломалось, разстроилось, принято прочь, но потокъ все течетъ, и ежели онъ ушелъ въ землю, онъ гдѣ-нибудь опять выйдетъ и завертитъ другія колеса. Ради Бога не думайте, чтобы я это вамъ говорилъ потому, что долгъ платежомъ красенъ, и что вы мнѣ всегда говорите подбадривающія вещи, нѣтъ, я всегда и объ одномъ васъ такъ думаю.— Хотѣлъ еще писать, но пріѣхали гости и помѣшали. Прощайте, обнимаю васъ, милый другъ, и цѣлую руку Марьи Петровны и прошу за меня пожать руку Борисову, у котораго надѣюсь быть осенью. Я адресую во Мценскъ, потому что вы тамъ на выборахъ.

„Мнѣ такъ хочется васъ видѣть, что я бы пріѣхалъ къ вамъ, ежели бы было возможно. Благодѣтель, голубчикъ, пріѣзжайте ко мнѣ на денекъ!

Л. Толстой.

Въ воспоминаніяхъ моихъ я подхожу къ событію, которое по справедливости можетъ быть названо эпохой, отдѣляющей предыдущій періодъ жизни и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ отношеніи отъ послѣдующаго. Сколько разъ съ тѣхъ поръ приходилось мнѣ напоминать своему прежнему мценскому сосѣду и младшему товарищу И. П. Н—ву, какъ вначалѣ шестидесятыхъ годовъ мы еще при заслуженномъ отцѣ его сиживали въ его Воинскомъ паркѣ на фаянсовыхъ табуреткахъ въ видѣ боченковъ, и какъ я на каждое его слово противъ стѣсненія правъ губернатора находилъ двадцать горячихъ словъ въ защиту всемогущества судебнаго слѣдователя. Замѣчательно, что, благодаря тогдашнему вѣянію, отецъ Н—ва, самъ бывшій губернаторъ, былъ горячимъ моимъ защитникомъ въ спорѣ съ его сыномъ. Нечего говорить, что свободный выборъ уѣздными гласными наилучшихъ людей въ мировые судьи, которымъ предоставлялось судить публично по внутреннему убѣжденію, являлся на глазахъ наивныхъ искателей должности судьи чѣмъ то священнымъ и возвышающимъ избираемаго въ его собственныхъ глазахъ.

Съ этими чувствами я пріѣхалъ къ И. П. Борисову въ Новоселки за день до земскаго собранія во Мценскѣ для избранія судей. Постоянно любезный ко мнѣ предводитель дворянства В. А. Ш—ъ, и лично, и черезъ Александра Никитича, и даже черезъ Борисова, совѣтовалъ мнѣ попытать счастья въ выборѣ на должность мироваго судьи въ южномъ участкѣ уѣзда, причемъ главнымъ, но весьма серьезнымъ конкуррентомъ являлся мѣстный посредникъ Ал. Н. М—овъ, нарочно вышедшій въ отставку, чтобы имѣть возможность баллотироваться. При этомъ Алекс. Никит. Ш—ъ, не имѣвшій воспитательнаго ценза для должности судьи, былъ назначенъ мировымъ посредникомъ вмѣсто М—ва, баллотировавшагося и выбраннаго въ должность орловскаго городскаго судьи. На сторонѣ М—ова были опытность и извѣстность въ участкѣ; но было, если не ошибаюсь, и неудовольствіе за радикальный оттѣнокъ. Но вѣдь и я самъ, не будучи радикаломъ, былъ самымъ наивнѣйшимъ либераломъ до мозга костей. Не странно ли, что, постоянно толкуя Тургеневу о томъ, что въ дѣлѣ художественной критики выѣденнаго яйца не дамъ за обще-

ственный приговоръ,—я въ то же время съ простодушіемъ ребенка вѣрилъ въ общественные выборы и приговоры. Болѣе скептическій Борисовъ старался охладить мой либеральный пылъ, увѣряя, что тутъ никакихъ общественныхъ выборовъ не предстоитъ, а что все заранѣе прилажено и приказано крестьянамъ мировыми посредниками, и такимъ образомъ, при такой рѣшающей массѣ шаровъ, свободная борьба невозможна. Подъ вліяніемъ возникающаго негодованія, я сейчасъ же написалъ самую жестокую филиппику, противъ недобросовѣстнаго давленія на общественное мнѣніе, и рѣшилъ прочесть свою статью въ земскомъ собраніи передъ самыми выборами.

Борисовъ сообщилъ мнѣ, что переводитъ Петю изъ Peter-Schule въ лицей Каткова, на что уже получилъ согласіе послѣдняго.

На другой день мы оба съ Борисовымъ въ качествѣ гласныхъ отправились въ собраніе. Каково было мое изумленіе, негодованіе и разочарованіе, когда, выпросивъ у предсѣдателя разрѣшенія прочесть свою рѣчь, я замѣтилъ, начавши чтеніе, что всѣ власть имѣющіе употребляли всевозможныя усилія, для того чтобы рѣчь моя не была въ залѣ слышна. Ноги задвигались подъ столами и стульями, жестокій кашель напалъ на всѣхъ, секретари всѣхъ вѣдомствъ, сосредоточивающихся въ рукахъ предводителя, заходили со своими докладами. Я преднамѣренно сократилъ чтеніе и сѣлъ на свое мѣсто.

Принесли ящики съ шарами, и баллотировка началась. Смущенный и едва соображая происходящее, я вышелъ въ другую комнату, когда провозгласили мое имя. Видимо раздраженный и поблѣднѣвшій Борисовъ подошелъ ко мнѣ, пока меня баллотировали, и сказалъ: „это такая гадость, что отнынѣ нога моя не будетъ ни въ какомъ собраніи. Удивляюсь, какъ ты не отказался отъ выборовъ“.

Въ эту минуту кто то изъ властей подошелъ ко мнѣ и объявилъ, что, за исключеніемъ трехъ черняковъ, я выбранъ подавляющимъ большинствомъ. Другіе конкурренты, искавшіе счастья, провалились, а М—овъ, въ виду моего блистательнаго избранія, наотрѣзъ отказался отъ баллотировки.

Выходя изъ отдѣльной комнаты, я дотого былъ смущенъ

внезапнымъ переходомъ отъ необъяснимой враждебности къ общему сочувствію, что заставилъ сидѣвшаго на подоконникѣ мироваго посредника Ал. Арк. Тимирязева сказать мнѣ: „избранные обыкновенно благодарятъ за избраніе". Тутъ только я очнулся и сталъ благодарить избирателей. Увы! въ то наивное время я не понималъ, что нѣтъ общественнаго избранія безъ партій, изъ которыхъ каждая желаетъ успѣха всоему кандидату. Безъ этого желанія она бы не подошла къ избирательной урнѣ, а подходя она не можетъ, подобно мнѣ, не знать, что если не употребить съ своей стороны всѣхъ законныхъ и незаконныхъ мѣръ, противная партія навѣрное употребитъ ихъ въ свою пользу. Такое нелиберальное давленіе на общественные выборы происходитъ въ громадныхъ размѣрахъ въ самыхъ либеральнѣйшихъ на словахъ государствахъ.

Конечно, въ скорости послѣ выборовъ я уѣхалъ въ Москву заказать мундиръ и купить необходимыя для судебной практики книги и бланки.

По утвержденіи выборовъ назначено было распорядительное засѣданіе, и неоконченныя дѣла бывшаго земскаго суда розданы по четыремъ участковымъ судьямъ, и я получилъ цѣпь третьяго мироваго участка, почти въ серединѣ котораго приходилась Степановка, куда я и отправился, пріискавъ письмоводителя, болѣе или менѣе знакомаго съ канцелярскими формальностями.

Я увѣренъ, что читатель, удостоившій до сихъ поръ мои воспоминанія своего вниманія, не испугается небольшаго ряда судебныхъ случаевъ, приводимыхъ здѣсь мною въ качествѣ лѣстницы, по которой я, руководимый нагляднымъ опытомъ. мало по малу въ теченіе $10^1/_2$ лѣтъ, спускался съ идеальныхъ высотъ моихъ упованій до самаго низменнаго и безотраднаго уровня дѣйствительности. Какъ ни тяжко было иное разочарованіе человѣка, до той поры совершенно незнакомаго съ народными массами и ихъ міровоззрѣніемъ, я всетаки съ благодарностью озираюсь на время моего постепеннаго отрезвленія, такъ какъ правда въ жизни дороже всякой высокопарной лжи. Наглядѣвшись въ теченіи шести лѣтъ на великолѣпные результаты единоличнаго управленія по-

средниковъ, я, принимая единоличную власть судьи, былъ увѣренъ, что, помимо всѣхъ формальностей, ясно понимаю основную мысль Державнаго Законодателя: дать народу вмѣсто канцелярскихъ волокитъ—судъ скорый, милостивый къ пострадавшему, а потому самому и правый. Я понималъ, что главная гарантія суда—въ его гласности и постоянной возможности обжалованія; что самые законы суть только компасъ и морская карта для огражденія кормчаго отъ утесовъ и отмелей; но что эти формальности только излишняя связа тамъ, гдѣ кормчій и безъ этихъ пособій видитъ прямѣйшій путь въ пристань.

Если-бы я имѣлъ возможность представить на судъ читателя хотя не всѣ, а наиболѣе интересные судебные случаи въ хронологическомъ порядкѣ моей 10-ти лѣтней практики, то не сдѣлалъ бы этого по слѣдующимъ причинамъ: такое продолжительное испещреніе воспоминаній судебными разбирательствами, не связанное единствомъ мысли, надоѣло бы читателю и только мѣшало бы ему составить себѣ ясное понятіе о моей судебной дѣятельности. Кромѣ того, такъ какъ нѣкоторые подсудимые многократно появлялись въ качествѣ обвиняемыхъ, то я позволю себѣ до конца прослѣдить судьбу ихъ, насколько она мнѣ извѣстна. Вставляя здѣсь свою судебную дѣятельность отдѣльнымъ эпизодомъ, я даю читателю возможность пропустить весь этотъ эпизодъ, не взирая на его воспитательное по отношенію ко мнѣ значеніе. Исходя изъ мысли, что тяжбы между помѣщиками встрѣчаются гораздо чаще въ комическихъ повѣстяхъ, чѣмъ на дѣлѣ, и что, за исключеніемъ таковыхъ, мировые посредники разбирали всевозможныя дѣла и жалобы, —большинство сельскихъ мировыхъ судей считали, что всѣ обыватели участка равно нуждаются въ судѣ скоромъ, правомъ и милостивомъ, а потому, подобно мнѣ, принимали къ разбирательству всевозможныя дѣла, впослѣдствіи окончательно исключенныя изъ вѣдомства мировыхъ судей.

V.

Дѣло о кражѣ бревенъ.—Раздѣлъ отца съ сыномъ.—Украденная лошадь.—Размежеваніе земли.—Просьба о разводѣ.—Сгорѣвшая деревня.—Бороды старостъ, какъ вещественныя доказательства.—Кража гречихи.—Жалоба помѣщицы.—Прикащикъ желѣзно-дорожнаго подрядчика.—Украденныя лошади.—Истязаніе жены мужемъ.—Колодки съ пчелами.—Колодезь съ журавлемъ.—Мостъ въ селѣ Золотаревѣ.—Жалоба дьячка.—Украденныя шворни.—Червивая капуста.—Украденныя колеса.—Взбунтовавшіеся рабочіе.—Дѣло Горчанъ.—Дѣло между купцомъ и крестьянами.

Первое уголовное дѣло поступило по жалобѣ молодаго иностранца И. А. Остъ на кражу бревенъ со двора его довѣрителя сосѣднимъ крестьяниномъ, у котораго означенныя бревна были разысканы на дворѣ. Дѣло по своей ясности не представляло никакихъ затрудненій, и воръ, который мѣсяцъ тому назадъ былъ бы наказанъ при волости посредникомъ и. вѣроятно, нашелъ-бы воровство неповаднымъ, теперь долженъ былъ отсидѣть три мѣсяца въ тюрьмѣ. Замѣчательно, что, когда онъ вернулся въ деревню, бабы тыкали въ него пальцами, какъ-бы сомнѣваясь—живъ-ли онъ?

Чтобы избѣжать подавляющей массы крестьянскихъ жалобъ, я всѣ мелкія обращалъ къ разбирательству волостнаго суда. Зато, замѣчая явное неправосудіе послѣднихъ въ данномъ случаѣ, я нимало не стѣснялся разбирательствомъ крестьянскаго дѣла, хотя бы оно было уже рѣшено волостнымъ судомъ. Новое крестьянское положеніе, допускающее дѣлежи не токмо между братьями, но даже между отцомъ и сыномъ, по желанію лишь послѣдняго вело не только къ семейному разоренію, но въ то же самое время возмущало нравственное чувство стариковъ.

Помню худощаваго, черноволосаго и высокаго крестьянина сосѣдняго Степановскаго хутора, просившаго разсудить его съ сыномъ, которому общество разрѣшало брать при раздѣлѣ съ отцомъ то, что послѣднiй считалъ несправедливымъ. Какъ ни старался я растолковать негодующему старику, что это дѣло волостное, онъ продолжалъ съ протянутой рукою указывать костлявымъ пальцемъ въ сторону своей деревни и повторялъ: „ты меня, батюшка, по закону разсуди. Тамъ у насъ ровъ, а на рову то водка, а въ водкѣ то судъ. Вотъ тамъ то они меня въ водкѣ то и судятъ“.

Конечно, я не понялъ бы старика, если-бы не зналъ, что вышедшiе на выкупъ крестьяне открыли у себя на самомъ окопѣ кабакъ, который и превратился въ храмъ сельской Ѳемиды.

— Какой же это судъ! восклицалъ раздраженный старикъ:— слыханое ли дѣло,—вчера онъ со мною въ кабакѣ дрался, а сегодня сидитъ и судитъ меня лапотнымъ судомъ.

Прошло много лѣтъ, пока крестьяне не приглядѣлись и не притерпѣлись къ крестьянскому самосуду, который постоянно обзывали „лапотнымъ судомъ“.

Помню случай, когда племянникъ крестьянинѣ разыскалъ у роднаго дяди свою, украденную послѣднимъ, лошадь. Крестьянскiй судъ возвратилъ лошадь племяннику, но чтобы наказать вора дядю, общество стало пропивать все его имущество; а когда пропивать, вѣроятно, стало больше нечего, общество потребовало водки отъ облагодѣтельствованнаго правымъ судомъ его племянника. Въ такомъ видѣ дѣло поступило ко мнѣ по жалобѣ племянника. Конечно, я напередъ былъ увѣренъ, что съ вора дяди взять уже нечего; но чтобы показать крестьянамъ, что я съ конокрадствомъ вовсе не шучу, я присудилъ дядю на три мѣсяца въ острогъ, взыскавъ съ него же въ пользу племянника, въ видѣ потери заработныхъ денегъ, суммы, издержанныя на угощенiе общества.

Состоявшiе давно на выкупѣ, ближайшiе къ нашей Степановкѣ, крестьяне деревни Крестовъ владѣли съ давнихъ поръ, кромѣ надѣльной, еще и собственною землею, прiобрѣтенною

когда то на имя помѣщика и находящеюся въ настоящее время въ подворномъ владѣніи. Съ годами, отъ перепахиванія межей другъ у друга и наслѣдственныхъ раздѣловъ, дворы лишь номинально владѣли извѣстнымъ количествомъ земли, которая въ дѣйствительности служила только неистощимымъ источникомъ споровъ, негодованій и чуть не поножовщины. На слезныя просьбы крестьянъ раздѣлить ихъ землю съ опредѣленіемъ границъ каждаго владѣнія, я, растолковавши имъ, что это дѣло подлежитъ разбирательству Окружнаго Суда, объявилъ крестьянамъ, что если они положатся на мой третейскій судъ, противъ котораго впослѣдствіи никакихъ возраженій быть не можетъ, то я готовъ по совѣсти разбить всю ихъ дачу на дачи съ вѣдома всего общества, состоящія за каждымъ дворомъ. На основаніи такого соглашенія, я на другой день, захвативъ съ собою землемѣрскую цѣпь, выѣхалъ на спорную землю и, проходя отдѣльные ярусы, спрашивалъ какъ самого владѣльца, такъ и прочихъ:—„чья это земля и сколько ея у хозяина?“ Убѣдившись примѣрно, что у хозяина полторы или три съ половиною десятины, я тотчасъ же отмѣривалъ дачу цѣпью и, выставивши вѣхи, приказывалъ пропахать борозды, а въ протоколѣ записать: у Ивана Ѳомичева въ такомъ то ярусѣ въ ширину столько то и въ длину столько то. Затѣмъ то же самое у сосѣда, — и такъ перерѣзалъ все поле. Конечно, человѣка два - три заявили притязаніе на бо́льшее количество земли противъ показаннаго за ними сосѣдями; но я обѣщалъ имъ только тогда прибавить, когда въ дачѣ за общимъ надѣломъ останется излишекъ. Этого однако не случилось, и я, выдавши имъ формальную копію съ разверстанія, объявилъ, что желающій дворъ можетъ получить таковую для себя въ качествѣ несомнѣннаго документа, основаннаго на третейскомъ приговорѣ.

Въ первое время не оглядѣвшись на занимаемомъ мѣстѣ, я, подобно другимъ мировымъ судьямъ, сталъ говорить крестьянамъ на судѣ: *вы*, въ подражаніе французскимъ судьямъ, говорящимъ *вы*, такъ какъ тамъ это мѣстоимѣніе прилагается ко всѣмъ, но нимало не стѣсняющимся прибавлять: „вы—негодяй, внушающій омерзѣніе“ и т. д. Но когда свидѣтельница-старуха крестьянка сказала мнѣ: „я ужь тебѣ два раза го-

ворила, что была одна, а ты мнѣ все вы“,—я исцѣлился совершенно отъ этого пріема, даже непонятнаго русскому человѣку. И вотъ въ настоящее время, черезъ 22 года, я съ удовольствіемъ замѣтилъ, что цѣлый мировой съѣздъ въ публичномъ засѣданіи отвергаетъ эту вычуру и обращается къ крестьянамъ точно такъ же, какъ они обращаются къ судьямъ со словомъ *ты*.

Вѣра во всемогущество судьи проникала тогда всѣ сословія, и потому являлись самыя курьезныя прошенія. Такъ изъ усадьбы сосѣдки нашей О—вой явился старый кучеръ съ просьбою, чтобы я развелъ его дочь съ ея молодымъ мужемъ, наносящимъ ей истязанія. Конечно, такое дѣло могло быть принято мною лишь въ видахъ склоненія къ миру. Въ назначенный часъ явилась передо мною въ прекрасномъ шерстяномъ салопѣ съ капюшономъ, обшитымъ шелковою бахромою, очень молодая брюнетка, весьма красивая. Обвинителемъ со стороны несовершеннолѣтней дочери явился отецъ, и на вопросъ, въ чемъ состояли истязанія? — показалъ, что они съ женою „воспитывали дочь, ничего до нея „не допущая“, а мужъ заставляетъ ее доить корову и снимать съ него сапоги и даже запрещаетъ ей ходить къ родителямъ; а когда на прошлой недѣлѣ она пошла къ отцу, мужъ догналъ ее на улицѣ и за руку привелъ домой“.—„А потому разведите ее съ мужемъ, судья милостивый!“

— Разводить я никого не могу, а не желаешь ли ты помириться съ мужемъ? спросилъ я красавицу.

— Меня хоть въ Сибирь, а я съ нимъ жить не желаю, былъ отвѣтъ.

— А ты желаешь жить съ женою? спросилъ я столяра.

— Очень желаю, отвѣчалъ парень.

— У отца твоего была корова? спросилъ я молодую.

— Никогда не было, былъ отвѣтъ.

— Такъ мужъ тебѣ завелъ корову, а ты это называешь мученьемъ. Если тебя отецъ ни до чего не допускалъ, тѣмъ хуже; а ты должна слушаться мужа, а не отца, который ходитъ да тебя смущаетъ.

— Отъ него то вся и бѣда! воскликнулъ парень.

— А ты зачѣмъ его къ себѣ пускаешь? Гони его вонъ!

– Какъ! меня то?

— Извѣстно, тебя то!

— Какъ же это такъ?

— Кулакомъ по шеѣ! — Ты отдалъ добровольно дочь въ чужой домъ, а въ чужой домъ можно ходить только угождая хозяину, а супротивника законъ дозволяетъ наладить въ шею. Поэтому въ послѣдній разъ говорю вамъ: не желаете ли подобру по-здорову помириться?

— Меня, снова восклицаетъ молодая, куда угодно, но только не съ нимъ жить.

— Это, матушка, дѣло твое! Я вызвалъ васъ только для мировой; а то дѣло ваше крестьянское, и я его сейчасъ же передамъ на волостной судъ. А ты знаешь, что тамъ непокорныхъ бабъ дерутъ, и помяни мое слово, что тебя въ слѣдующее же воскресенье отлично высѣкутъ. Такъ вотъ либо миритесь хоть на время, либо передамъ ваше дѣло на волость.

Послѣдовала мировая. А мѣсяца черезъ полтора бывшая у насъ въ гостяхъ помѣщица О—ва сказала мнѣ: „а ужь какъ васъ столяръ съ молодою женою благодарятъ! какъ голубки живутъ“.

Случалось мнѣ распрашивать мнѣнія выборныхъ; но только въ совѣщательномъ, а не въ рѣшающемъ смыслѣ. Однажды старшина заявилъ жалобу на крестьянина, не исполняющаго законныхъ требованій его, старшины и сельскаго старосты. Хотя меня, по военнымъ преданіямъ, изумила жалоба начальника, снабженнаго карательной властью, противъ ослушнаго подчиненнаго; но такъ какъ, съ одной стороны, сопротивленіе административной власти, соединенное съ насиліемъ, я считаю тяжкимъ самостоятельнымъ преступленіемъ, а съ другой—я желалъ удостовѣриться, были ли требованія старшины законны,—то принялъ дѣло къ своему разсмотрѣнію. Оказалось, по положенію, изданному Земской Управой, крестьянамъ сгорѣвшей деревни предписывалось, вмѣсто прежнихъ безпорядочныхъ проулковъ между дворами, строиться вновь по два двора съ промежутками между ними въ три сажени

и въ десять саженей между каждою парою. Вслѣдствіе такого распредѣленія, обвиняемому въ непослушаніи приходилось сходить своимъ дворомъ съ прежняго огорода и усадьбы, которой нѣкоторыя строенія были сложены изъ мѣстнаго плитняка и должны были задаромъ доставаться сосѣду. Понятно, до какой степени такое обстоятельство было обидно крестьянину, уже начавшему ставить избу на прежней своей усадебной землѣ. Я нарочно ко дню разбирательства вызвалъ двѣнадцать человѣкъ такъ называемыхъ стариковъ того же селенія. Признаюсь, мнѣ сердечно жаль было обвиняемаго, но старшина, подъ личной отвѣтственностью за неисполненіе постановленій земства, не могъ простить крестьянину неповиновенія. Не желая разомъ звать всѣхъ выборныхъ въ небольшую камеру, я вышелъ къ нимъ на террасу, спросить ихъ мнѣнія; но изъ этого совѣщанія, кромѣ галдѣнія, ничего не вышло. Одни кричали, что малаго-то ужь очень жалко, а другіе,—что, точно, онъ не слухаетъ старшины и строится на неуказанномъ мѣстѣ. То и другое было мнѣ давно извѣстно. Оставивъ всѣхъ за дверью, я позвалъ въ камеру одного старшину и спросилъ,—какого онъ мнѣнія, если я, снявши съ него отвѣтственность, сдѣлаю судебное постановленіе, вмѣсто приходящагося по земскому плану десяти саженнаго проулка передъ усадьбой обвиняемаго, оставить его только въ три сажени.—Глаза старшины радостно сверкнули.

— Да вѣдь тогда Герасиму-то какъ разъ придется сѣсть на старую усадьбу!

Когда я составилъ въ этомъ смыслѣ постановленіе и вышелъ прочесть его старикамъ, они хоромъ воскликнули: „ужь такъ-то хорошо, что лучше и не надо! Никому отъ этого обиды не будетъ!“

Въ находящееся отъ нашей Степановки въ 4-хъ верстахъ Ивановское Ал. Ник. Ш—на мы продолжали ѣздить обѣдать попрежнему черезъ воскресенье и оставались тамъ до вечерняго чаю. Особенно пріятно это бывало зимою, когда мы ѣздили съ женою туда на одиночкѣ въ санкахъ безъ кучера и, возвращаясь къ себѣ, въ темнотѣ пускали лошадь по Млечному Пути, приводившему насъ прямо къ нашей рощицѣ.

Даже самая мятель насъ не смущала, такъ какъ не было примѣра, чтобы чалый меринъ сбился съ дороги.

Въ слѣдующее воскресенье очередь была за Ивановскими, пріѣзжавшими уже въ двухъ саняхъ, такъ какъ на однѣхъ безъ кучера ѣхалъ Александръ Никитичъ, а на другихъ съ кучеромъ — Любинька съ гувернанткой и съ маленькимъ сыномъ.

Независимо отъ этихъ болѣе или менѣе формальныхъ визитовъ, Александръ Никитичъ рѣдкій день не пріѣзжалъ къ женѣ моей завтракать и отводить душу жалобами на выходки жены, которыми онъ не щадилъ ее и въ глаза. Конечно, недостатокъ въ сносной прислугѣ составлялъ въ то время самое больное мѣсто въ нашихъ хозяйствахъ; и Александръ Никитичъ не переставалъ увѣрять, что „у Любовь Аѳанасьевны *тамъ*—все есть: *тамъ* и превосходные слуги, и отличные садовники, и прекрасные скотники и коровницы, — *тамъ* этого всего много, а вотъ тутъ у насъ то— ничего нѣтъ“.

Такъ или сякъ, какъ разъ въ 12 часовъ дверь въ переднюю отворялась и, мимо отворенной двери судебной камеры, Алекс. Никит. проходилъ въ столовую къ завтраку, къ которому, объявляя перерывъ въ засѣданіи, я постоянно приглашалъ приличныхъ людей, бывшихъ по дѣламъ въ камерѣ.

Крестьяне, успѣвшіе, со времени зоркаго наблюденія посредниковъ перваго выбора за сельскими обществами, опуститься и приглядѣться къ ближайшимъ своимъ начальникамъ, сельскимъ старостамъ, стали позволять себѣ не только неповиновеніе по отношенію къ послѣднимъ, но даже и побои. Явно, что виною этому главнымъ образомъ была неспособность русскаго крестьянина, хотя бы и снабженнаго, подобно сельскому старостѣ, правами взысканія съ подчиненныхъ, удержаться въ достоинствѣ начальника. Всякій начальникъ, норовящій сорвать съ подчиненнаго выпивку въ кабакѣ и заводящій при этомъ въ нетрезвомъ видѣ ссоры, рискуетъ получить потасовку. Такъ какъ случаи эти были нерѣдки, то я поставилъ себѣ правиломъ справляться, — былъ ли пострадавшій въ медали или нѣтъ? Въ послѣднемъ случаѣ я считалъ дѣло дракой между крестьянами и направлялъ его

въ волость. Жалоба сопровождалась обыкновенно вещественнымъ доказательствомъ, въ видѣ доставаемаго изъ полотенца клока бороды, котораго при этомъ дѣйствительно не доставало на одной сторонѣ подбородка.

Однажды сельскій староста, держа въ рукѣ клокъ вырванной у него бороды, на увѣщанія мои въ неумѣніи ихъ держать себя съ достоинствомъ, послѣ каждаго новаго пункта моихъ доводовъ, съ удареніемъ повторялъ: „чувствительная правда!“ Какъ-разъ въ самую патетическую минуту Александръ Никитичъ, снимавшій, вѣроятно, въ передней верхнее платье и слышавшій нашу бесѣду, проходя мимо двери камеры, воскликнулъ: „охота тебѣ съ нимъ подлецомъ, разговаривать! Ты пришли его ко мнѣ, и я его отбузую“.—Такихъ разбирательствъ, къ сожалѣнію, было немало, и въ архивѣ съѣзда при многихъ дѣлахъ моихъ приложены бороды старостъ, въ видѣ вещественныхъ доказательствъ. Признаюсь, меня сильно покоробило отъ такой выходки А. Н., хотя она обращалась только къ намъ двумъ со старостой. Но въ непродолжительномъ затѣмъ времени я самъ былъ выведенъ изъ терпѣнія и дозволилъ себѣ въ камерѣ далеко не законную выходку.

Сосѣдній прикащикъ, отставной унтеръ-офицеръ, заявилъ мнѣ жалобу на воровство изъ экономическаго одонка, примѣрно, полкопны гречихи. При этомъ онъ поставилъ свидѣтелемъ сельскаго старосту. Изъ обстоятельствъ дѣла разъяснилось, что прикащикъ, замѣтивъ кражу гречишныхъ сноповъ и слѣдъ по зимней дорогѣ къ гумну сосѣдняго мужика, пригласилъ сельскаго старосту идти по этому слѣду. Добравшись по раструшеннымъ по снѣгу соломинкамъ до крестьянскаго овина, въ которомъ оставалась пара сноповъ, и замѣтивъ новый слѣдъ къ задворку, они черезъ заднія ворота вошли туда и нашли частью цѣлые, частью растрепанные гречишные снопы въ конской комягѣ. При этомъ прикащикъ досталъ изъ комяги снопъ и показалъ его сельскому старостѣ. Кромѣ того, гречишные снопы отличаются отъ другихъ тѣмъ, что, принимая отъ давленія самыя причудливыя многоугольныя формы, они, вынутые изъ хлѣбнаго столба, какъ разъ ложатся на старое мѣсто и не могутъ быть замѣ-

нены другимъ снопомъ. Прикащикъ показывалъ старостѣ, какъ одинъ изъ краденыхъ сноповъ какъ-разъ пришелся на свое старое мѣсто.

— Хотя, говорилъ прикащикъ, уворовано всего рубля на полтора, но я самъ, какъ отвѣтственное лицо, не могу оставить этого воровства безъ взысканія. Если воръ повинится, то прошу васъ не сажать его въ острогъ, а прикажите ему отходить на полтора рубля на работу.

Я самъ раздѣлялъ мнѣніе прикащика и потому употреблялъ всѣ усилія склонить мужика къ сознанію. Но напрасно доказывалъ я ему, что если онъ не сознается, то не минуетъ острога; онъ наладилъ обычную фразу: „меня хоть въ Сибирь, я знать не знаю". Чтобы выставить въ глазахъ крестьянина еще яснѣе всѣ улики, я сталъ послѣдовательно распрашивать сельскаго старосту:

— Ты видѣлъ уроненныя по снѣгу гречишныя соломинки?

— Видѣлъ какія-то старыя затоптанныя.

— А показывалъ тебѣ прикащикъ гречишный снопъ изъ комяги и прикладывалъ ли онъ его на старое мѣсто въ одонокъ?

— Да, онъ, точно, что-то показывалъ и прикладывалъ.

„И вотъ до чего, подумалъ я, успѣла дойти полицейская охранительная власть сельскаго старосты. Вмѣсто того, чтобы предупреждать и открывать преступленія, онъ завѣдомо желаетъ ихъ безнаказанности. Не есть-ли это явное издѣвательство надъ правосудіемъ?"

Впослѣдствіи мнѣ пришлось привыкнуть къ подобнымъ вещамъ; но на первыхъ порахъ такая недобросовѣстность вывела меня изъ терпѣнія. Я вскочилъ съ своего мѣста и, подбѣжавъ къ старостѣ, крикнулъ: „ахъ ты, негодяй! я сейчасъ тебя отправлю къ посреднику, и тотъ, снявши съ себя медаль, покажетъ тебѣ правду на волости!"

— Виноватъ! видѣлъ и слѣды, и гречишные снопы, вотъ у него на дворѣ.

— Виноватъ! крикнулъ въ ту же минуту упавшій на колѣни крестьянинъ.

— Ну, не скоты ли вы оба! Но такъ и быть, на первыхъ порахъ вамъ прощаю.

Въ рѣшеніи воровство оказалось недоказаннымъ, а крестьянинъ—должнымъ экономіи полтора рубля.

По справедливости нельзя не сказать, что курьезы встрѣчались не въ одномъ только низшемъ сословіи, а, хотя сравнительно весьма рѣдко, и между интеллигенціей. Помню дѣло вдовы помѣщицы, искавшей съ сына дохода съ своей седьмой части. При полнѣйшемъ желаніи угодить вдовѣ, я въ нѣсколькихъ послѣдовательныхъ засѣданіяхъ достигнуть этого не могъ. Послѣднее происходило, какъ нарочно, при нѣсколькихъ сосѣднихъ землевладѣльцахъ.

— Я бы попросилъ васъ, сударыня, съ большею ясностью объяснить ваши требованія.

— Я ничего въ бумажныхъ дѣлахъ не понимаю, а прошу только, чтобы сынъ уплатилъ мнѣ седьмую часть дохода.

— Вы признаете вашъ долгъ? обратился я къ сыну.

— Я до такой степени признаю его, что не понимаю, зачѣмъ матушка вызвала насъ сюда.

— Нѣтъ, нѣтъ! Боже мой! я желаю все по закону.

— Вы совершенно, сударыня, правы. Мы можемъ радоваться, что въ засѣданіи случилось столько опытныхъ землевладѣльцевъ, и намъ легко будетъ опредѣлить вашу седьмую часть дохода способомъ, который вы признаете за болѣе для васъ желательный. Первый способъ будетъ состоять въ томъ, что, зная точное количество всей земли и приблизительную по опредѣленію свѣдующихъ людей подесятинную доходность, мы изъ суммы общаго дохода исключимъ вашу седьмую часть.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, я такъ не желаю.

— Вы, сударыня, совершенно правы, такъ какъ я хочу предложить вамъ другой способъ, который самъ считаю болѣе точнымъ. Намъ по записямъ извѣстенъ въ этомъ году общій урожай всего вашего имѣнія. Не менѣе извѣстны и экономическіе расходы на уборку этого урожая. Поэтому мы можемъ предложить вамъ, съ согласія сына вашего, получить седьмую часть всего урожая, съ уплатою вами причитающихся расходовъ. Если же вамъ не угодно будетъ получить седьмой части урожая натурой, то свѣдущіе люди не затруднятся опредѣлить ея денежную стоимость.

— Ахъ, нѣтъ! Боже мой! Боже мой! я на это не согласна.

— Быть можетъ, сударыня, вы знаете какой-либо иной, намъ невѣдомый, способъ точнаго опредѣленія седьмой вашей части? Прошу васъ опредѣлить, чего вы желаете.

— Ахъ, Боже мой! не мучьте меня! я сама не знаю, чего я желаю.

— Прикажете записать ваши слова въ протоколъ?

Она подписала протоколъ и затѣмъ обжаловала мой отказъ, разбирать искъ неизвѣстно чего, съ увѣренностью, что она на всякое рѣшеніе заявитъ неудовольствіе.

Признаюсь, внутреннее чувство мое никогда не мирилось съ закономъ, по которому обиженный не можетъ искать по своей обидѣ при посредствѣ хотя бы полицейскаго лица, а непремѣнно долженъ явиться самъ на судебное разбирательство; хотя бы послѣднее почему-либо было для него неисполнимо.

Во время постройки Орловско-Елецкой дороги, проходящей въ какой-либо полуверстѣ отъ селенья Чижей и двора вольнаго ямщика Ѳедота (упоминаемаго въ разсказахъ Тургенева), — прикащикъ желѣзно-дорожнаго подрядчика усѣлся въ песчаной разсѣлинѣ крутаго ската и оттуда направлялъ въ гору по большой дорогѣ многочисленныя подводы съ пескомъ. Конечно, эти подводы взбирались на гору по самой торной тропинкѣ, которая тѣмъ не мѣнѣе не составляла какой-либо привиллегіи этихъ подводъ. Но не такъ смотрѣлъ на дорогу прикащикъ подрядчика. Подъ предлогомъ задержки извощиковъ спускающимися немногочисленными встрѣчными подводами, онъ подвергалъ, по усмотрѣнію своему, подобныхъ подводчиковъ штрафу отъ 50 коп. и до рубля за подводу. Такъ до свѣдѣнія моего дошло, что на прошлой недѣлѣ онъ оштрафовалъ спускавшагося съ горы на трехъ воловыхъ подводахъ чумака съ грушевымъ деревомъ, и когда тотъ не далъ денегъ, то прикащикъ снялъ съ него свитку. Конечно, несчастный чумакъ не могъ бросить своихъ медлительныхъ воловъ на большой дорогѣ и ѣхать съ жалобой къ мировому судьѣ, чтобы затѣмъ трое, четверо сутокъ дожидаться судебнаго разбирательства. Случай не позволилъ однако этому молодцу оставаться безнаказаннымъ. По прошествіи нѣкото-

раго времени, оборванецъ изъ отставныхъ чиновниковъ жаловался, что когда онъ по знакомству зашелъ въ песчаную карьеру къ Чижовскому прикащику, послѣдній снялъ съ него полушубокъ. На судебномъ разбирательствѣ обвиняемый прикащикъ объяснилъ, что въ сущности не стоило и брать полушубка съ такого человѣка. „Взялъ я, господинъ судья, этотъ самый полушубокъ въ руки и вижу, по немъ непріятности ползаютъ".

— Вы, батюшка, сказалъ я прикащику, повадились самоуправно снимать съ проѣзжихъ хохловъ платье, а теперь принялись и за чиновниковъ, не зная, быть можетъ, что за такія дѣла вы можете попасть на три мѣсяца подъ арестъ. Но я не желаю вашимъ арестомъ мѣшать постройкѣ Орловской-Елецкой дороги и буду радъ, если обвинитель согласится на примиреніе на извѣстныхъ условіяхъ.

Конечно, замухрышка запросилъ 500 рублей, но, помнится, я помирилъ ихъ на 25-ти, и увѣренъ, что прикащикъ съ тѣхъ поръ ни съ кого не снималъ платья.

Хорошо городскимъ судьямъ, имѣющимъ подъ руками цѣлую полицію, успокоиваться на строгой законности своихъ распоряженій. Но спрашивается, что долженъ дѣлать сельскій судья, которому потерпѣвшій заявляетъ, что его, украденныя въ нынѣшнюю ночь, лошади уведены въ сосѣдній уѣздъ? Если это сдѣлать спѣшно и осторожно,—ихъ можно разыскать у такого-то крестьянина. Поручить обыскъ мѣстному старшинѣ или сельскому старостѣ, значитъ навѣрное помочь вору переправить лошадей въ дальнѣйшія мѣста. Приходится самого потерпѣвшаго превращать въ судебнаго слѣдователя, снабдивъ его предписаніемъ ближайшимъ отъ вора властямъ о допущеніи подателя къ осмотру всей деревни.

Productionовя судью на высоту полнаго безпристрастія, законъ запрещаетъ ему при допросахъ обвиняемаго всякаго рода ухищренія; но вѣдь это хорошо только тамъ, гдѣ слѣдователь давно поймалъ обвиняемаго въ напутанныя имъ же самимъ петли, какъ это выставлено въ романѣ Достоевскаго „Преступленіе и Наказаніе". Но какъ не извинить судью, на глазахъ котораго явный преступникъ успѣлъ сгородить цѣлую

непроницаемую защиту, если этотъ судья однимъ ловкимъ толчкомъ разсыплетъ весь щитъ, оставивъ проступокъ совершенно обнаженнымъ.

Управляющій г. М — ва пояснилъ, что съ пятницы на субботу 19-го числа въ экономическую ихъ избу попросился вдвоемъ переночевать жившій у нихъ за годъ тому назадъ крестьянинъ Орловскаго уѣзда, и что оба ночевавшіе на зорькѣ поднялись и ушли; а вслѣдъ затѣмъ хватились, что двухъ лошадей изъ господскаго табуна нѣтъ. Сосѣдняя крестьянка показала, что когда рано утромъ въ субботу она проходила по сосѣднему лугу, то мимо ея проскакали два верховыхъ мужика: одинъ на рыжей, а другой на гнѣдой лошадяхъ, и что хотя они, проѣзжая мимо нея, закрывали лица руками, она всетаки признала на рыжей лошади Ивана, жившаго годъ тому назадъ у М—ва. Снабдивши обвинителя правомъ розыска въ Орловскій уѣздъ, я поручилъ ему сообщить мнѣ немедля о его послѣдствіяхъ. На другой день управляющій сообщилъ, что онъ въ Орловскомъ уѣздѣ у сторонняго крестьянина отобралъ свою рыжую лошадь, но гнѣдую разыскать не могъ. Конечно, я въ ту же минуту распорядился о приводѣ обвиняемаго и предварительномъ его заключеніи въ ближайшей ко мнѣ волости. Тѣмъ не менѣе ко дню разбирательства явилась цѣлая толпа односельчанъ конокрада, который, какъ оказалось въ справкахъ о судимости, уже судился по тому же преступленію въ своемъ уѣздѣ. Когда начался допросъ свидѣтелей поодиночкѣ, на мое счастье попался грамотный и на свою ученость разсчитывавшій крестьянинъ.

— Какъ же можно, ваше высокоблагородіе, ему было 20 го красть лошадей, когда въ этотъ самый день все наше село гуляло въ воскресенье, и я жь таки самъ, услыхавши, что онъ чиститъ колодезь сосѣду, нагнулся и попенялъ ему въ колодезь: „что жь это ты, Иванъ, говорю, въ праздникъ пачкаешься“?— А онъ мнѣ оттуда кричитъ: „и въ праздникъ не грѣхъ добрымъ людямъ водицу добывать“.

Такимъ образомъ, по мнѣнію этого свидѣтеля и къ радости обвиняемаго, alibi 20-го числа было доказано. Принявши видъ убѣжденнаго человѣка, я не мѣшалъ обвиняемому подсказы-

вать это alibi слѣдующимъ свидѣтелямъ во всѣхъ подробностяхъ; и только, по подписаніи протокола показаній первымъ грамотнымъ свидѣтелемъ за всѣхъ остальныхъ товарищей, — нежданно оказалось, что чистка колодца въ воскресенье нимало не противорѣчитъ кражѣ, совершенной въ субботу. На приговоръ въ тюрьму на годъ воръ энергически объявилъ, что будетъ жаловаться съѣзду; но по истеченіи трехъ дней не просилъ копіи и безъ возраженія отправился въ тюрьму.

Выше я позволилъ себѣ сравнить мою судебную дѣятельность съ лѣстницею, по ступенямъ которой я постепенно спускался изъ идеальнаго міра въ реальный. Въ настоящую минуту не берусь съ точностью указать ступень, на которой руководившее мною непосредственное чувство достигло полной опредѣленности. Для меня важно только то, что оно въ безсознательномъ и сознательномъ видѣ было тѣмъ же самымъ. Съ первыхъ шаговъ я чувствовалъ громадную разницу между желательнымъ и дѣйствительнымъ, и если другія области могутъ задаваться требованіями желаемаго, то судья долженъ оставаться на почвѣ возможнаго, если не хочетъ быть измѣнникомъ своего дѣла. Онъ взялъ на себя обязанность передъ обществомъ ограждать послѣднее отъ насилій и, убѣдившись въ совершеніи проступка извѣстнымъ лицемъ, долженъ руководиться въ своемъ сужденіи не степенью нравственной виновности преступника, что воспрещается и закономъ божественнымъ, а степенью опасности самого преступника для общества. Одинъ, утопая, безсознательно схватилъ за горло и задушилъ своего спасителя, а другой задушилъ человѣка въ пьяномъ видѣ. Судья обязанъ понять, что для повторенія перваго преступленія необходимо самое невѣроятное стеченіе обстоятельствъ; тогда какъ второй преступникъ, снова напившись пьянымъ, можетъ сдѣлать то же самое. Отпустить на всѣ четыре стороны психопата, значитъ желать повторенія его проступка. Судья, если только это въ его власти, долженъ поставить такое наказаніе, которое отпугнуло бы не только самого виновнаго отъ повторенія проступка, но и большинство способныхъ его совершить.

Крестьянка принесла жалобу на истязаніе зятемъ ея своей жены, а ея дочери.

— Судья праведный! воскликнулъ на разбирательствѣ упавшій на колѣни обвиняемый, указывая на молодую и тщедушную жену свою:—бью я ее точно; да помилосердуйте! Какъ же мнѣ ее не бить, коли она больная! Поглядите на ея пальцы: они всѣ въ ранахъ, и работать она ничего не можетъ. А мы отдѣлились и живемъ вдвоемъ. Приду намаявшись съ своей мужицкой работы, а въ домѣ ничего не сдѣлано. Принимаюсь топить печку, воду носить, стряпать, скотину кормить, корову доить; а она сидитъ, больная, голоситъ. Возьметъ меня за сердце, я и поколочу ее.

Не трудно было понять, что это одинъ изъ тысячей примѣровъ безпомощной свободы, и что тутъ никакое наказаніе не поможетъ злу, а, напротивъ, только увеличитъ его. Я попробовалъ посовѣтовать матери взять къ себѣ больную дочь до ея выздоровленія, а мужу—отпустить къ матери больную жену. Къ счастію, примиреніе состоялось на этомъ основаніи.

Вернувшійся въ безсрочный отпускъ солдатъ, отдѣленный отъ старшаго брата еще до поступленія на службу, заявилъ, что во время раздѣла у брата оставались послѣ отца пустыя колодки, которыя въ настоящее время стоятъ у него на пасѣкѣ съ пчелами, и потому солдатъ проситъ о присужденіи ему десяти колодокъ пчелъ, на сумму пятидесяти рублей. Я объяснилъ ему, что, вѣроятно, колодки, о которыхъ онъ говоритъ, имѣлись въ виду въ числѣ вещей, подлежащихъ раздѣлу, и потому никакая претензія на нихъ въ настоящее время невозможна. Явно было, что справедливость претензіи менѣе всего занимала безсрочно отпускнаго; но что, по мнѣнію его, стоило хорошенько попросить судью, и тотъ поможетъ ему сорвать съ брата желаемое; но какъ подступить къ дѣлу, онъ недоумѣвалъ, и потому, переминаясь съ ноги на ногу, выразительно спросилъ: „какъ же теперь это оборотить?“

— Ты гдѣ выучился такимъ мудренымъ словамъ? Что значитъ *оборотить?* Просьбы твоей принять не могу, а оборотить тебя лицемъ къ дверямъ, если желаешь, могу.

Такъ дѣло и кончилось.

Изъ воспоминанія моего совершенно было исчезла сценка, когда-то насмѣшившая моего письмоводителя. Но просматривая письма Тургенева, я нашелъ въ одномъ изъ нихъ напоминаніе объ этой сценѣ, надъ которой онъ въ свою очередь когда-то смѣялся.

Передо мною лохматый, черномазый и неповоротливый отвѣтчикъ мужикъ и небольшаго роста рыжеватый и юркій сосѣдній прикащикъ, въ поношенномъ коричневомъ сюртукѣ. Лицо его, слегка испещренное веснушками, обладаетъ довольно своеобразнымъ носомъ, точно срѣзаннымъ вдоль и представляющимъ затѣмъ плоскую дорожку ото лба и до широкихъ ноздрей. Дорожка эта, приближаясь къ концу, образуетъ какъ бы ухабъ или впадину, постоянно покрытую мелкой росою.

— Помилуйте г. судья, говоритъ прикащикъ: я вотъ ихъ самихъ не обвиняю; но отъ ихъ ребятъ на огородѣ у насъ житья нѣтъ. Какой ходъ имъ на нашъ огородъ, а какъ ни посмотришь, — они тутъ какъ тутъ. Извѣстно, на огородѣ колодезь съ журавлемъ. Такъ какъ вамъ доложить! Даже ужасъ беретъ: одинъ засядетъ въ ведро, а другой съ другаго конца на пень, и держась за веревку, сидя на пнѣ верхомъ, носятся по воздуху, точно нехристь какая! Ну помилуйте, порвись или поломайся журавль, того гляди—полетятъ въ колодезь или убьются до смерти. Кто же долженъ идти къ уголовному отвѣту? Вѣдь если бы (сильно разводя руками) они попросили моркови, луку, огурцовъ или рѣдьки, я бы сказалъ: „кушайте, кушайте милыя дѣти!“ А то глянулъ вчера подъ лопухи съ краю огорода, а тамъ навалено невидимо этого добра и уже завяло. Развѣ такъ возможно, г. судья? А вотъ они самые ихъ отецъ и есть.

Растерявшійся отвѣтчикъ:

— Да развѣ я ихъ этому училъ, али радъ тому?

— А вы бы (баритономъ и подымая правую руку) Божіей милостью и родительской властью (фальцетомъ и быстро крутя рукой) за вихоръ, за вихоръ, за вихоръ.

Я оштрафовалъ мужика на рубль серебромъ въ пользу прикащика.

Когда то на Мценскомъ Земскомъ Собраніи было объяснено, что въ имѣніи нѣкогда весьма денежнаго владѣльца Н—а великолѣпный деревянный мостъ въ селѣ Золотаревѣ по разверстаніи угодій отошелъ въ крестьянскій надѣлъ. Но такъ какъ крестьянское общество не въ состояніи поддерживать такого дорогаго моста, то земство положило единовременно выдать крестьянамъ 1,000 рублей. Въ непродолжительномъ времени, по принятію мною должности, мѣстный становой принесъ мнѣ жалобу на проѣзжаго прикащика, по неисполненію имъ требованій полиціи. Оказалось, что въ самую Страстную субботу, когда, по случаю полой воды, подъ главнымъ деревяннымъ пролетомъ моста, уже значительно ослабѣвшаго, были сняты деревянныя подпорки, которыя не могли бы удержаться при ледоходѣ, — изъ Орла въ Золотаревку прибылъ управляющій сосѣдняго уѣзда съ молотильною машиною и паровикомъ, чтобы переѣхать на противоположную сторону рѣки. По просьбѣ крестьянъ и во избѣжаніе катастрофы, становой приказалъ сотскому объявить прикащику, чтобы онъ переждалъ два дня, послѣ которыхъ подпорки будутъ поставлены. Но въ самую темень, когда народъ пошелъ къ Свѣтлой заутренѣ, прикащикъ выставилъ водки охотникамъ, а тѣ перекатили на рукахъ машину и паровикъ, причинивъ поврежденіе мосту, которое оцѣнено было экспертами въ 50 рублей.

Вызванный на разбирательство обвиняемый прикащикъ не явился, и мнѣ, по мнѣнію моему, нечего было ломать голову надъ проступкомъ, казавшимся мнѣ совершенно яснымъ, а потому я постановилъ заочнымъ рѣшеніемъ взыскать съ виновнаго десять рублей штрафу за неисполненіе законныхъ требованій полиціи и 50 руб. убытку въ пользу Золотаревскихъ крестьянъ. Рѣшеніе это было обжаловано, и каково же было мое разочарованіе, когда съѣздъ отмѣнилъ его, мотивируя свое постановленіе тѣмъ, что мостъ долженъ выносить всякую тяжесть. Я долженъ былъ воочію придти къ убѣжденію, что коллегіальное рѣшеніе не всегда справедливѣе единоличнаго.

Тщедушный дьячекъ представилъ на судъ сохранную расписку, выданную покойному отцу его управляющимъ въ

настоящее время богатымъ имѣніемъ и написанную сначала и до конца рукою этого управляющаго, въ полученіи имъ пяти полуимперіаловъ съ покойнаго. Жирный отвѣтчикъ явился съ золотымъ перстнемъ на указательномъ пальцѣ.

— Что вы имѣете сказать по отношенію къ этому долгу?

— Я признаю, господинъ судья, что расписка писана моею рукою, но за нею нельзя признать качества безсрочной сохранной; такъ какъ въ ней не указанъ годъ чекана монеты, а потому самому она должна считаться простою распиской, которая, за истеченіемъ 10-ти лѣтней давности, потеряла всякое значеніе.

— Но вѣдь вы по ней не уплатили,—иначе она была бы у васъ въ рукахъ.

— Уплативши по ней передъ самымъ истеченіемъ 10-ти лѣтняго срока, я не счелъ нужнымъ уничтожать ее.

Формально прикащикъ былъ совершенно правъ, и хотя золотые стояли, помнится, по шести рублей, несчастный дьячекъ, долженъ былъ лишиться и тѣхъ 25-ти рублей, о которыхъ просилъ. Я пустился на отчаянное средство. Признавая недѣйствительность сохранной расписки, я счелъ ее поступающею въ простое обязательство съ минуты моего непризнанія и потому постановилъ взыскать 25 руб. Отвѣтчикъ заявилъ, что подастъ на кассацію. Прочтя свой приговоръ въ окончательной формѣ, я, снявши цѣпь, заявилъ о перерывѣ засѣданія. „Черезъ три дня, сказалъ я прикащику, вы получите копію, и очень можетъ быть, что мировой съѣздъ отмѣнитъ мое рѣшеніе (я въ этомъ былъ увѣренъ), но тѣмъ не менѣе я не желалъ бы быть на мировомъ съѣздѣ на вашемъ мѣстѣ. Если я пришелъ къ полному убѣжденію, что пять золотыхъ не были возвращены этому бѣдному вами, человѣкомъ сравнительно богатымъ,—то нѣтъ сомнѣнія, что всѣ присутствующіе на разбирательствѣ съѣзда придутъ къ такому же заключенію. И чѣмъ же вы, такъ твердо знающій форму сохранной расписки, убѣдите слушателей, что годы чекана пропущены вами по недоразумѣнію?“

На третій день въ камеру вошелъ прикащикъ въ сопровожденіи дьячка.

— Ваша копія готова, сказалъ я.

— Нѣтъ, благодарю васъ, г. судья; я ужь рѣшился кончить дѣло миромъ и заплатить вторыя деньги.

Записавъ его заявленіе въ протоколъ, я далъ ему подписать его.

— Ваше высокоблагородіе! воскликнулъ дьячекъ,—прикажите ему сейчасъ отдать 25 рублей!

— Да вѣдь сказалъ — отдамъ, — ну и отдамъ!

— Не безпокойся, обратился я къ дьячку,—я прикажу сейчасъ же взыскать съ него эти деньги.

— Нѣтъ, ваше выс—діе! явите божескую милость! прикажите сейчасъ же отдать!

— Ахъ, какой скучный человѣкъ! воскликнулъ прикащикъ, доставая изъ бумажника 25 р. и кладя ихъ передо мною на столъ.

Я заставилъ дьячка расписаться въ полученіи и, принявъ ассигнацію, онъ повалился мнѣ въ ноги.

У ночевавшихъ около постоялаго двора подводъ утромъ оказались украденными всѣ желѣзныя шворни, и обвинялся крестьянинъ, извѣстный во всей деревнѣ тѣмъ, что былъ нечистъ на руку. Хотя я въ свою очередь считалъ его повыдергавшимъ шворни, но за полнымъ отсутствіемъ уликъ находилъ невозможнымъ посадить его въ острогъ. При подробномъ распросѣ свидѣтелей-односельчанъ, я случайно узналъ, что обвиняемый нѣсколько дней тому назадъ нанялъ у сосѣдняго крестьянина амбаръ и засыпалъ въ немъ закромъ своимъ овсомъ. Въ виду такого извѣстія, я отсрочилъ на два дня засѣданіе и предписалъ волостному старшинѣ перемѣрить самымъ тщательнымъ образомъ весь овесъ въ наемномъ закромѣ крестьянина. На другой день старшина донесъ, что на днѣ закрома отысканы всѣ шесть шворней, которые и представлены на судъ въ видѣ вещественныхъ доказательствъ. Обвиняемый въ кражѣ сознался.

Рабочій ближайшаго сосѣда, помѣщика Аѳанасьева, явился съ жалобой на то, что ихъ кормятъ щами изъ червивой капусты. На этотъ счетъ у меня, по опыту, сложились извѣстныя убѣжденія, которыя считаю нелишнимъ здѣсь пере-

дать. Не во гнѣвъ будь сказано медицинскому надзору, ежедневно истребляющему порченое мясо. Въ деревняхъ, не только тамъ, гдѣ нѣтъ ледника, но и на ледникахъ въ іюнѣ не найдется ни одного куска не червивой солонины. Но во всю мою жизнь я не слыхалъ, чтобы отъ такой солонины люди заболѣвали, какъ не слыхалъ о болѣзни отъ лимбургскаго сыра. Правда, порченое мясо противно; но я лично предпочитаю испорченныхъ рябчиковъ (faisandées), — свѣжимъ. Зная, что батраки къ рабочей порѣ измышляютъ всевозможныя средства нарушить условія найма, я никогда не слыхивалъ о червивой капустѣ. Все это вмѣстѣ заставило меня проѣхать въ усадьбу Аѳанасьева къ полдню, чтобы лично удостовѣриться въ основательности жалобы. Въѣхавъ во дворъ, я дѣйствительно засталъ всѣхъ рабочихъ за большою мискою щей, сидѣвшихъ кружкомъ на землѣ подъ широкою тѣнью развѣсистой ракиты. Не успѣлъ я объясниться съ хозяйкою дома, какъ уже одинъ изъ рабочихъ подбѣжалъ ко мнѣ, прося подойти къ мискѣ, изъ которой вынулъ ложкою огромнаго зеленаго червяка.

— Такъ вотъ эти черви у васъ во щахъ? спросилъ я рабочихъ.

— Эти самые, отвѣчали нѣкоторые голоса.

— Подсади-ка вотъ этого малаго на ракиту, сказалъ я одному изъ рабочихъ, указывая на другаго; и когда послѣдній стоялъ босыми ногами на одномъ изъ большихъ сучьевъ, я крикнулъ ему: „тряхни сукъ-то хорошенько!“ Вслѣдъ затѣмъ огромный лиственный вѣеръ зашумѣлъ и на землю упало нѣсколько червяковъ, между прочимъ и въ чашку со щами, совершенно такихъ же, какъ вынутый ложкою зеленый съ желтою по спинѣ полоскою.

— Если вы хотите, чтобы у васъ во щахъ не было ракитныхъ червей, то не обѣдайте въ тѣни подъ ракитой. Какъ же вамъ не стыдно? живете вы на свѣтѣ и ракитныхъ червяковъ не знаете, да еще таскаетесь съ пустыми жалобами.

Съ этими словами я уѣхалъ домой.

———————

Прикащикъ купеческой фермы принесъ слѣдующую жалобу. За три дня тому назадъ, съ субботы на воскресенье въ ночь, всѣ новыя колеса на пяти фурахъ, стоявшихъ около сарая, были украдены, а на мѣсто ихъ надѣты старыя, находившiяся въ сараѣ. Въ этой кражѣ онъ подозрѣваетъ всѣхъ своихъ рабочихъ, утверждая, что они совершили ее по наущенiю хозяина крайняго къ фермѣ крестьянскаго двора. Обвиненiе крестьянина онъ основываетъ на томъ, что свидѣтель видѣлъ, какъ онъ далъ пятiалтынный одному изъ рабочихъ, когда послѣднiй пахалъ огородъ, и кромѣ того, у этого же хозяина въ творилѣ стараго овина найдена пара пропавшихъ колесъ. Въ данномъ случаѣ увеличивающимъ вину обстоятельствомъ являлась кража у своего хозяина; но главнымъ руководителемъ ея очевидно былъ хозяинъ крестьянскаго двора. На разбирательствѣ я убѣждалъ обвиняемыхъ чистосердечно раскаяться въ своемъ проступкѣ, обѣщая въ такомъ случаѣ смягчить наказанiе до крайнихъ законныхъ предѣловъ. Работники тоскливымъ голосомъ повторяли свое: „знать не знаю и вѣдать не вѣдаю;“ а главный и къ тому же зажиточный воръ-хозяинъ отпирался самымъ нахальнымъ образомъ. Такъ какъ понадобилось допросить свидѣтеля, видѣвшаго передачу пятiалтыннаго, я отложилъ дѣло до слѣдующаго дня.

На другой день представленный изъ подъ ареста старшиною главный обвиняемый громко воскликнулъ: „вотъ вы, ваше высокородiе, обзывали меня вчера воромъ, а воръ-то настоящiй и нашелся: вотъ онъ!“ прибавилъ онъ, указывая на небольшаго роста оборваннаго мужиченка.

Волостной старшина тихо подошелъ и шепнулъ мнѣ на ухо: „вчера вечеромъ посаженный за бродяжничество мною въ арестантскую“.

Что это подкупленное главнымъ воромъ лицо, готовое за деньги отсидѣть въ тюрьмѣ, было для меня ясно. Но нужно было до послѣдней ясности обличить это двойное вранье. При вчерашнемъ разбирательствѣ обнаружились слѣдующiя подробности о сокрытiи колесъ въ старомъ овинѣ обвиняемаго. Земляной спускъ къ ямѣ овина загороженъ былъ, какъ показывали, дровами; но очевидно, никто кромѣ меня не обра-

тилъ вниманія на то, откуда взялись эти дрова и въ какомъ порядкѣ они загораживали спускной дворъ. Между тѣмъ желая скрыть слѣды, воръ, скативши колеса въ овинъ и не находя ничего подъ руками, замѣтилъ колья, наставленные вдоль стѣнокъ входа, чтобы предохранить послѣдній отъ обваловъ земли. Колья эти показались отступающему назадъ вору самымъ подходящимъ матеріаломъ, и онъ сталъ ломать ихъ послѣдовательно вдоль лѣвой стѣны правой рукою, а вдоль правой—лѣвою, пригибая верхніе концы къ противоположной стѣнѣ и образуя такимъ образомъ крестообразную рогатку.

— Какъ же ты это такъ, обратился я къ самозванному вору, — рѣшился на чужой сторонѣ въ одиночку снимать столько колесъ?

— Виноватъ, г. судья! отвѣчалъ проходимецъ: ночь была свѣтлая, а я проходилъ мимо; колеса чудесныя, вотъ мнѣ и захотѣлось попользоваться.

— Да какъ-же ты не побоялся застучать? Вѣдь колесо-то снимешь, ось-то грохнетъ объ-земь!

— А тутъ я слежку нашелъ и дугу. Приподыму сначала ось, сниму колесо, да конецъ-то оси тихонько на травку и спущу; а тамъ другое, третье и четвертое также. Такъ-то сначала всѣ фуры на земь положилъ, а тамъ ужь и принялся катать колеса. Ночь то большая!

— А фуры-то такъ на землѣ и оставилъ?

— А что жь мнѣ? мнѣ на нихъ не ѣздить.

Вранье выходило очевидное. Воръ разсказывалъ о томъ, какъ онъ въ одиночку снялъ и укатилъ двадцать колесъ, хотя-бы и за полверсты, чего онъ за всю ночь въ одиночку исполнить не могъ. Онъ явно не видалъ самыхъ фуръ, на которыхъ украденныя колеса были замѣнены старыми.

— Ну, а какъ-же ты вышелъ изъ овина?

— Я устье завалилъ дровами.

— Да гдѣ-же ты ихъ взялъ?

— Да они тутъ-же наружи лежали около устья.

— Какъ-же ты ихъ клалъ?

— Да клалъ поперекъ входа; сначала одно полѣно, а на него другое, и такъ до самаго верха.

Записавши всѣ эти показанія, я попытался снова склонить обвиняемыхъ къ сознанію своей вины и, выбравъ лицо рабочаго помоложе и подобродушнѣе, сталъ доказывать ему, что при запирательствѣ онъ на долгое время попадетъ въ острогъ, разбалуется тамъ и сдѣлается навсегда пропащимъ человѣкомъ, тогда какъ при чистосердечномъ раскаяніи можно надѣяться, что кратковременное наказаніе будетъ ему урокомъ.

— Знать не знаю и вѣдать не вѣдаю!

— Ну, стало быть ты желаешь сѣсть на годъ въ острогъ. Это добрая воля твоя! Стало-быть, прикажешь писать. Софронъ Ивановъ—желаю на годъ въ острогъ. Да бишь: знать не знаю, вѣдать не вѣдаю. Ну писать что-ли? говорю я, обмакивая перо.

— Ваше высокородіе, виноватъ! пишите: виноватъ.

Эта продѣлка съ малыми измѣненіями повторилась со всѣми рабочими, за исключеніемъ главнаго виновника воровства. Никакія убѣжденія на него не подѣйствовали, и не взирая ни на что, онъ продолжалъ свое: „знать не знаю и вѣдать не вѣдаю".

Въ рѣшеніи я постановилъ подставнаго вора отъ суда по этому дѣлу освободить, рабочихъ выдержать по полтора мѣсяца въ острогѣ, а главнаго виновника—къ заключенію въ тюрьму на годъ.

— Много довольны! воскликнули работники, очевидно ждавшіе болѣе строгаго наказанія.

— Я этимъ судомъ недоволенъ! воскликнулъ главный обвиняемый.—Пожалуйте копію!

— Хорошо сказалъ я старшинѣ: пришли черезъ три дня за копіей.

Когда всѣ присутствующіе гурьбою повалили въ дверь, главный обвиняемый уже за дверью, повернувшись лицомъ и поднявши руку, крикнулъ: „ваше выс—діе, что тамъ толковать! пишите: много доволенъ!"

— Ну не шутъ ли ты? крикнулъ я ему въ свою очередь.— Отсидѣлъ бы ты три мѣсяца, а теперь много доволенъ сидѣть годъ.

Громадная каменная труба на Золотаревскомъ оврагѣ едва ли не самое значительное сооруженіе на Орловско-Елецкой желѣзной дорогѣ. Однажды, къ порѣ сельской уборки, подрядчикъ работы на этой трубѣ, принадлежавшій очевидно къ интеллигенціи, уже судя по одному, довольно хорошо пригнанному, рыжеватому паричку, просилъ моей помощи противъ взбунтовавшихся болѣе чѣмъ шестисотъ человѣкъ рабочихъ. Всякаго рода разбирательства между нанимателями и рабочими подлежатъ вѣдѣнію мироваго судьи. Поэтому, хотя я и чувствовалъ всю трудность предстоящей задачи, но ни по закону, ни по совѣсти не могъ отказаться отъ разбирательства дѣла.

Рано утромъ на другой день я вмѣстѣ съ письмоводителемъ и портфелемъ явился въ тарантасѣ передъ дверями огромнаго и прекрасно выстроеннаго досчатаго барака. Заявивъ собравшимся рабочимъ, что никто не можетъ быть судьею въ собственномъ дѣлѣ, и что на судъ нельзя идти толпою, я предложилъ имъ избрать изъ себя повѣренныхъ для предъявленія общихъ претензій. Когда въ присутствіи письмоводителя рабочіе, раздѣлившись на три шумныя группы, въ концѣ концовъ дали руки тремъ своимъ повѣреннымъ, я велѣлъ спросить,—нѣтъ ли еще какихъ рабочихъ, желающихъ имѣть особаго повѣреннаго? Послѣ отвѣта, что новыхъ повѣренныхъ никто избирать не желаетъ, имена трехъ избранныхъ записаны, и они введены ко мнѣ въ баракъ, гдѣ я, надѣвъ цѣпь, уже открылъ засѣданіе. Новыя требованія рабочихъ, вопреки имѣющихся у нихъ на рукахъ рабочихъ книжекъ, были чрезвычайно обременительны для подрядчика. Но послѣ долгаго колебанія дѣла, одинъ изъ повѣренныхъ, поставивъ свой ультиматумъ, просилъ меня объ утвержденіи онаго, прибавивъ, что въ такомъ случаѣ наша де артель сейчасъ же возьметъ лопатки и пойдетъ на работу. Употребивши всѣ усилія, мнѣ удалось склонить и подрядчика на такое соглашеніе. Не успѣлъ я скрѣпить мировой первой артели, какъ представители двухъ остальныхъ изъявили согласіе на мировую на тѣхъ же основаніяхъ. Конечно, я понималъ, что съ моей стороны тутъ никакой заслуги не было, а была только удача; но удача была такъ полна и неожи-

данна, что публичное объявленіе мировой было для меня одной изъ пріятнѣйшихъ минутъ моей жизни. Проходя къ тарантасу по разостланнымъ для меня отъ самаго барака рогожкамъ, я считалъ себя чѣмъ-то вродѣ римскаго тріумфатора. Кучки рабочихъ дружелюбно провожали меня поклонами; но вотъ почти къ концу шествія натыкаюсь на кучку, человѣкъ въ пятнадцать.

— Ваше выс—діе!

— Что вамъ надо?

— Мы на эту мировую несогласны и на работу не пойдемъ.

— Да вѣдь ваши же выборные согласились!

— А что намъ выборные! пускай выборные идутъ работать, а мы не пойдемъ.

Чувствуя, что малѣйшая уступка опрокинетъ все дѣло, стоившее мнѣ столько труда, я обратился къ тремъ старшинамъ ближайшихъ волостей, собравшимся, вѣроятно, по любопытству на такое многолюдное судбище. „Старшины, сказалъ я, разберите этихъ людей по пяти человѣкъ и арестуйте ихъ при вашихъ волостяхъ". Съ этими словами я сѣлъ въ тарантасъ и покатилъ домой. Но въ душѣ моей уже все было возмущено. Станція Зміевка вновь открытой Курской дороги была въ 12-ти верстовомъ разстояніи отъ Степановки; и вотъ, перемѣнивъ лошадей и пораньше пообѣдавъ, я поспѣшилъ на поѣздъ, и въ 8 час. вечера въ чудесный іюньскій день вошелъ уже къ орловскому прокурору, котораго засталъ за семейнымъ чайнымъ столомъ. Когда я вкратцѣ изложилъ ему свое дѣло, онъ съ воодушевленіемъ воскликнулъ: „вы поступили прекрасно, энергично и разумно! и прибавилъ какъ бы про себя: „но незаконно".

— Покорно васъ благодарю за послѣднее замѣчаніе. Призванный для того, чтобы не только самому стараться о возстановленіи правды и законныхъ правъ каждаго, заставляя уважать власть закона его нарушителей, я, какъ оказывается, самъ первый подаю примѣръ нарушенія закона. Извините, что я васъ обезпокоилъ. Бѣгу къ губернатору.

Орловскимъ губернаторомъ на этотъ разъ былъ мой давнишній знакомый и пріятель Лонгиновъ.

— Дома губернаторъ? спрашиваю я жандарма.

— Михаилъ Николаевичъ прошли къ знакомому, сказалъ слуга. Пожалуйте въ кабинетъ, а я сейчасъ дамъ ему знать о вашемъ пріѣздѣ.

— Какъ я радъ! воскликнулъ входящій Лонгиновъ. Садитесь, будемъ чай пить.

Я объяснилъ ему дѣло.

— Прекрасно! воскликнулъ онъ.—Общественное сооруженіе и явное сопротивленіе властямъ. Я обязанъ дать вамъ въ помощь военную команду; на это прямой законъ, я вамъ сейчасъ его покажу, продолжалъ онъ, направляясь къ книжной полкѣ и снимая толстый томъ.

Порывшись нѣкоторое время, онъ сказалъ уже минорнымъ тономъ: „а вѣдь я долженъ вамъ сказать предосадную вещь: команда высылается только въ случаѣ сопротивленія при сборѣ казенныхъ податей. А въ данномъ случаѣ я оказываюсь безсильнымъ".

— Стало-быть это дѣло конченное. Но позвольте поговорить съ вами не какъ съ губернаторомъ, а какъ съ Михаиломъ Николаевичемъ. Законъ признаетъ извѣстныя дѣйствія правонарушеніемъ и самоуправствомъ; онъ указываетъ потерпѣвшему на лицо, къ которому ему слѣдуетъ обратиться для защиты своего права, и въ то же время лишаетъ возстановителя правъ всякихъ средствъ къ исполненію приговора, основаннаго даже на мировой сдѣлкѣ, признаваемой тѣмъ же закономъ за послѣднее слово. Неужели вы не видите тутъ вопіющаго противорѣчія?

— Конечно, былъ отвѣтъ,—я не могу не видѣть тутъ противорѣчія, и вчужѣ понимаю, какъ вамъ обидно за вашу должность, которую вы такъ серьезно принимаете къ сердцу.

— Вѣдь я, уѣзжая къ вамъ, приказалъ старшинамъ утромъ привести всѣхъ этихъ молодцовъ; и оказывается, что я ихъ долженъ отпустить. Какой-же выйдетъ результатъ, какъ вы полагаете, Михаилъ Николаевичъ?

— Результатъ не трудно предвидѣть, сказалъ Лонгиновъ: въ тотъ-же день всѣ 600 человѣкъ уйдутъ, и это можетъ повториться по всей желѣзной дорогѣ.

— Ну, а если я на слѣдующій разъ въ подобномъ случаѣ откажу обвинителю въ принятіи жалобы?

— Съѣздъ можетъ подвергнуть васъ за такой отказъ дисциплинарному взысканію, а потерпѣвшій — искать съ васъ убытки, которые могутъ быть громадны.

Съ тяжелымъ сердцемъ отправился я ночевать въ гостинницу. На другое утро двѣ партіи изъ приведенныхъ объявили, что идутъ сейчасъ на работу; но послѣдніе пять человѣкъ не поддались никакимъ увѣщаніямъ. Я отпустилъ ихъ и на другой день всѣ рабочіе съ Золотаревской трубы разбѣжались.

Самая фамилія старухи генеральши Горчанъ доказываетъ, что мужъ ея, сумѣвшій на доходномъ губернскомъ мѣстѣ нажить большое состояніе, былъ родомъ малороссъ. Волей неволей мнѣ пришлось познакомиться въ разныя времена какъ съ самою старухою за 70 лѣтъ, которую всѣ величали: ваше превосходительство,—такъ и съ двумя сыновьями, старшимъ, отставнымъ штабсъ-капитаномъ въ дорогомъ мелко завитомъ черномъ парикѣ,—и младшимъ, рыжеватымъ, не служившимъ нигдѣ коллежскимъ регистраторомъ. Извѣстно было, что старшій избѣгалъ общества, а меньшой, приходя къ столу при гостяхъ, постоянно молчалъ и хорошо дѣлалъ, такъ какъ по слабоумію мололъ всякій вздоръ.

Большой деревянный домъ примыкалъ террасою къ старинному фруктовому саду съ деревянной бесѣдкой посрединѣ и аллеями, ведущими къ церкви, куда старушка, по слабости ногъ, каждое воскресенье пріѣзжала въ каретѣ на парѣ гнѣдыхъ, не уступавшихъ хозяйкѣ въ старости и дряхлости. Держалась этихъ лошадей старуха изъ боязни, чтобы молодыя ее не растрепали. Признаюсь, я, хотя весьма рѣдко, но не безъ удовольствія, бывалъ у генеральши, которой весь домашній обиходъ напоминалъ мнѣ старосвѣтскую деревенскую жизнь. По случаю привольнаго житья, вся прежняя крѣпостная прислуга осталась въ домѣ, начиная съ весьма сноснаго повара. Къ залѣ примыкала длинная и широкая стеклянная галлерея съ громадными лимонными деревьями въ два ряда и песчаною дорожкою посрединѣ. Въ той-же залѣ стояла большая музыкальная машина. Въ гостиной на подзеркаль-

никахъ и тумбочкахъ стояли дорогіе бронзовые канделябры временъ Имперіи. Сравнительное нововведеніе въ видѣ четырехмѣсячнаго органа не отмѣняло старосвѣтскаго и притомъ довольно сноснаго крѣпостнаго оркестра; а такъ какъ такое множество прислуги, проходя во всякую погоду по комнатамъ, могло-бы, по отсутствію калошъ, измазать паркетъ, то обширная передняя была, какъ стойло, застлана соломой. о которую всякъ входящій могъ по желанію вытирать ноги. Если къ помянутому домашнему персоналу добавить управляющаго молодаго швейцарца Ив. Ал. Оста и старичка отставнаго часовщика швейцарца-же Матвѣя Мартын. Вюргера, то всѣ живущіе въ домѣ будутъ перечислены. Старикъ Вюргеръ былъ за небольшую плату приглашенъ наблюдать за механизмомъ музыкальной машины, которая, благодаря его умѣнью и внимательности, была всегда въ полной исправности. Но онъ видимо гораздо болѣе тяготился другимъ возложеннымъ на него старухою порученіемъ: наблюденіемъ за скудоумнымъ Иваномъ Николаевичемъ. Ежегодно въ концѣ лѣта старушка перебиралась всѣмъ домомъ, за исключеніемъ управляющаго Ив. Ал., въ собственный домъ въ Орлѣ, и тамъ-то Иванъ Никол. болѣе всего заботилъ добрѣйшаго Матвѣя Мартын. Правда, хотя по улицамъ и магазинамъ, добродушный Ив. Ник. не дѣлалъ никакихъ безчинствъ; но какъ можно было поручиться за фантазіи человѣка, болтающаго невозможный вздоръ? На весьма малыя карманныя деньги Иванъ Никол. главнымъ образомъ старался пріобрѣсти побольше фотографій красивыхъ актрисъ и затѣмъ собственноручно подписывалъ на карточкахъ самыя блестящія, по его мнѣнію, имена. Такъ одна была *дѣва Дуная;* другая — *сѣверная звѣзда* и даже *Ринальдо-Ринальдини.*

Въ деревнѣ Ив. Ник. съ Матвѣемъ Март. жили на антресоляхъ рядомъ съ билліардною. Пока, бывало, добрый старичекъ углубляется въ чтеніе нѣмецкой книги, а не то въ токарную или иную работу, Ив. Ник. не переставалъ громогласно предаваться своимъ фантазіямъ, съ которыми постоянно обращался къ своему пестуну.

— Матвѣй Март.! наши канарейки достойны уваженія, но такой, какъ покойная Жюли, ужь нѣтъ. Въ саду-то мы ее

похоронили, а вотъ памятника-то нѣтъ. Я ей стихи написалъ и сейчасъ вамъ принесу и прочту:

«Спи, спи моя утѣшительница,
Ея ужь нѣтъ».

— Хороши стихи, Матвѣй Мартыновичъ?

— Хороши, хороши, отвѣчаетъ старикъ, не отрывая глазъ отъ своего дѣла.

— Братъ подарилъ мнѣ свой ночной колпакъ; я надѣлъ его и спрашиваю у нашего Ефима: „Ефимъ, строгъ я?“ — Онъ даже испугался и говоритъ: „строги, батюшка, Иванъ Никол.“—Правда это, Матвѣй Мартын.?

— So schweige Dummkopf! говоритъ выведенный изъ терпѣнія старикъ.

— Что вы говорите, Матвѣй Мартын.?

— Ну да, ну да, прекрасно! восклицаетъ въ отчаяніи старикъ.

Однажды, на глазахъ камердинера Ефима, неуклюжій Иванъ Никол. споткнулся на высокой и узкой лѣстницѣ—съ антресолей въ бельэтажъ и, прокатившись до низу, растянулся во весь ростъ.

— Ахъ, батюшка, Ив. Никол.! расшиблись, родной, должно быть! восклицаетъ Ефимъ—позвольте я помогу вамъ встать.

— Нѣтъ! воскликнулъ Иванъ Ник.,—позови Матвѣя Мартыновича! пускай онъ посмотритъ, какъ я лежу. А то онъ не повѣритъ, что я упалъ.

И Иванъ Ник. упорно не позволялъ себя приподнять, пока въ дѣйствительности не приходилъ Матвѣй Мартыновичъ. Такіе порывы упрямства хотя находили на Ивана Ник. рѣдко, тѣмъ не менѣе приводили окружающихъ его въ большое затрудненіе, особливо когда сопротивленіе переходило въ буйство. Всѣхъ лучше изучилъ натуру Ивана Никол. и умѣлъ воспользоваться своимъ на него вліяніемъ Иванъ Алекс. Позднѣе я узналъ, что я самъ былъ безсознательнымъ орудіемъ укрощенія разбушевавшагося Ивана Николаевича. Юркій Иванъ Алекс. всегда умѣлъ воспользоваться моими рѣдкими пріѣздами къ старушкѣ Горчанъ.

— Вотъ, Иванъ Никол., вы теперь и у праздника! воскли-

цалъ Иванъ Алекс.—Я вамъ говорилъ, что теперь шумѣть нельзя: вездѣ пошли мировые судьи. Я, любя васъ, намедни говорилъ вамъ: не шумите! А вотъ судья-то должно быть услыхалъ про ваши дѣла,—да и пріѣхалъ.

— Голубчикъ, Ив. Алекс.; чтожь мнѣ теперь будетъ?

— Конечно, я попрошу судью, чтобы онъ не очень строго васъ наказывалъ, — но лишенія правъ состоянія и Сибири вамъ не миновать.

— Голубчикъ, Ив. Ал., честное, благородное слово, шумѣть больше никогда не буду.

Впослѣдствіи, послѣ смерти старухи, Иванъ Александр. оканчивалъ свои устрашенія совѣтомъ попросить прощенія у хозяина дома старшаго брата Ник. Ник., и огромный Ив. Ник. шелъ въ кабинетъ брата, становился на колѣни и восклицалъ: „великодушный братъ, прости!"

При жизни старухи мы рѣдко встрѣчались съ Никол. Никол., тщательно избѣгавшимъ гостей, которыхъ такъ любила принимать его мать. Этотъ страхъ передъ людьми, присущій характеру Ник. Ник., при жизни матери какъ бы питался слѣдующимъ обстоятельствомъ. Вступивъ въ интимныя отношенія съ дочерью крѣпостной скотницы и приживши съ нею двухъ дѣтей, Ник. Ник. старался посредствомъ законнаго брака ввести ее въ домъ, но старуха и слышать объ этомъ не хотѣла, хотя приказывала по временамъ приводить съ дворни и ласкала малолѣтнюю свою внучку. Зато по смерти матери, когда Ник. Ник. дѣйствительно женился и ввелъ свою семью въ домъ, постоянная его застѣнчивость передъ порядочными людьми можетъ быть объяснена только его прирожденнымъ характеромъ. Судя по необычайному его тщеславію и стремленію къ роскоши,—можно бы подумать, что онъ избѣгаетъ порядочныхъ людей изъ боязни выказать свое полное нравственное банкротство. Во всю жизнь онъ не прочелъ ни одной книги; тѣмъ не менѣе подписывался на всѣ журналы и, опредѣливши большую комнату для библіотеки, просилъ Ивана Алекс. устроить ему такую въ наилучшемъ видѣ..Ловкій Ив. Алекс. не затруднился: онъ купилъ въ Орлѣ на базарѣ нѣсколько тысячъ старыхъ переводныхъ книгъ 18-го вѣка и отдалъ ихъ великолѣпно переплести. Въ пре-

красныхъ стеклянныхъ шкафахъ выставлены были всѣ эти богатства не по содержанію, а по росту переплетовъ, и библіотека оказалась хоть куда. Такъ какъ со смертью старушки мнѣ ни разу не приходилось обѣдать у Горчанъ, то и не берусь судить о ихъ столѣ, но знаю, что всякаго рода вина, начиная съ шампанскаго, въ домѣ было вдоволь, и въ какое бы время дня вы ни явились въ кабинетъ Ник. Ник., дворецкій приносилъ на подносѣ стаканы и бутылку Редерера, причемъ хозяинъ говорилъ: „не прикажете-ли прохладиться?“ Не выѣзжая и не показываясь никуда, онъ и жена его весьма много тратили на свои костюмы, причемъ для послѣдней выписывались даже брилліанты; такое тщеславіе требовало общества, передъ которымъ можно было блеснуть роскошью. И вотъ, по временамъ въ домѣ затѣвались домашніе спектакли, для участія въ которыхъ приглашались артисты изъ орловскаго театральнаго персонажа, частію по пріязни, а частію и за деньги, причемъ зрителями изъ того же Орла являлись никому невѣдомыя личности и между прочимъ нѣмецъ Вейдеманъ, хвалившій за ужиномъ вина хозяина, что было неудивительно, такъ какъ онъ самъ былъ поставщикомъ его погреба. Въ первые годы по смерти матери, Ник. Ник. получалъ весьма порядочные доходы, тѣмъ болѣе что безъ церемоніи заставилъ полоумнаго Ивана Ник. уступить ему свою часть состоянія. Идіотъ радовался своей эмансипаціи и говорилъ, что—„маменька уже не будетъ теперь заставлять меня читать ежедневно главу изъ евангелія, а братъ положилъ мнѣ пять рублей въ мѣсяцъ жалованья“. Тридцать тысячъ дохода, которыя получалъ Горчанъ, совершенно достаточны для человѣка, живущаго, подобно ему, и въ деревнѣ, и въ городѣ въ строгомъ уединеніи. Но люди умѣютъ проживаться при всякихъ условіяхъ. При хорошихъ винахъ Вейдемана, барыня со скотнаго двора не удержалась и покатилась въ ежедневное пьянство; не отставалъ отъ нея и супругъ.

Однажды, ходя по хозяйству, Иванъ Александр. увидалъ, что наружная штукатурка деревяннаго дома въ одномъ мѣстѣ отъ стѣны отвалилась. Своею тростью съ желѣзнымъ наконечникомъ Остъ сталъ машинально вертѣть обнажившуюся стѣну; дерево легко подавалось, и палка, пролѣзая

все далѣе, вышла концомъ въ гостиную. Такое положеніе стародавняго дома привело Оста въ ужасъ, и ему нетрудно было убѣдить Горчана въ необходимости перестройки всего дома, за исключеніемъ недавно пристроенной части, куда семейству на время пришлось перейти. За одно лѣто домъ былъ перестроенъ съ башнями по концамъ, въ которыхъ явились жилыя помѣщенія. При такихъ значительныхъ затратахъ, а, главное, невоздержно безалаберной жизни, неудивительно, что семейство съ каждымъ годомъ приходило къ большему оскудѣнію, продавая одно за другимъ свои прекрасныя имѣнія.

Однажды, покинувшій уже Горчанъ, Остъ поразилъ меня своимъ разсказомъ. „На дняхъ, говорилъ онъ,—я по старой памяти заѣхалъ къ Ник. Ник. и засталъ его въ трезвомъ видѣ. По своей всегдашней со мною откровенности, онъ воскликнулъ: „вы знаете, Ив. Александр., сколько у меня въ одномъ Орлѣ по лавкамъ набралось долговъ, а жить совершенно стало нечѣмъ. Домъ вы сами строили и застраховали въ тридцати тысячахъ, а у меня тутъ, какъ вы знаете, проживаетъ въ видѣ воспитанника 13-ти лѣтній мальчикъ изъ орловскихъ мѣщанъ; мальчикъ шустрый; я хочу обѣщать ему 500 руб. и подговорить его поджечь домъ".

— Признаюсь, говорилъ Остъ, я выпучилъ на Горчана глаза и не зналъ, чему больше удивляться: безнравственности или глупости этого идіота? Такъ какъ читать мораль было бы излишне, то, желая его образумить, я воскликнулъ: „какъ же вы можете идти на такое страшное дѣло и не боитесь выдавать себя головою мальчишкѣ? При первомъ допросѣ онъ все свалитъ на васъ, а самъ останется правъ, какъ малолѣтній".

Разсказъ этотъ запалъ у меня въ памяти. Привыкшій нѣкогда, въ должности полковаго адъютанта, сразу опредѣлять по окладу лица, цвѣту волосъ и росту, въ какой эскадронъ долженъ поступить вновь прибывшій рекрутъ, я, и будучи судьей, до извѣстной степени судилъ о нравственности обвиняемаго по его наружности.

Однажны сосѣдній сельскій староста заявилъ мнѣ жалобу на кражу у него двухъ черныхъ овецъ односельчаниномъ Курявкинымъ. Насколько стройный, молодой и степенный сель-

скій староста произвелъ на меня пріятное впечатлѣніе, напоминая смуглой кудрявой головою Ивановскаго Іоанна,— настолько же отталкивающе подѣйствовалъ на меня рыжеватый съ просѣдью, сутулый до горбатости, обвиняемый Куряткинъ, съ своими бѣгающими зеленоватыми глазами. Садясь на скамью въ камерѣ и видя меня въ цѣпи, онъ наставительно провозгласилъ: „ишь-ты, на все хворма“. По несомнѣннымъ доказательствамъ кражи имъ у старосты черныхъ овецъ, начиная съ найденныхъ свѣжихъ шкурокъ, Куряткинъ, для перваго моего съ нимъ знакомства, былъ посаженъ на два мѣсяца въ острогъ. Не прошло и полгода послѣ потерпѣннаго имъ наказанія, какъ уже снова онъ былъ посаженъ мною въ острогъ за конокрадство; а вслѣдъ затѣмъ онъ, заявившій неудовольствіе на третій мой приговоръ къ тюрьмѣ, былъ отправленъ во Мценскъ, въ мѣста предварительнаго заключенія. Здѣсь, благодушно взявшись принести заключеннымъ воды, онъ, увидавъ новые сапоги спящаго товарища, надѣлъ ихъ, а свои худые поставилъ у дверей и преспокойно отправился въ Москву. Задержанный полиціею, на вопросъ—откуда онъ и куда,—онъ отвѣчалъ, что изъ города Мценска идетъ въ Петербургъ съ жалобой къ царю на мироваго судью Фета. Конечно, онъ изъ Москвы былъ препровожденъ во Мценскъ въ мѣста заключенія, истрепавъ чужіе сапоги. Когда, высидѣвъ по приговору съѣзда въ тюрьмѣ, онъ явился въ свою деревню, то осенью того же года сельскій староста, о которомъ уже говорено, принесъ слѣдующую жалобу:

— Сегодня утромъ жена моя съ 12-ти лѣтнею дочерью вышла на огородъ и видитъ, что одинъ изъ нашихъ одонковъ снизу загорѣлся, и старуха жена Куряткина, сгорбившись, какъ индюшка, бѣжитъ черезъ прогалокъ отъ нашихъ одоньевъ изъ за нашей конопли къ своей. „Злодѣйка! чтожь ты это дѣлаешь?“ крикнула ей жена. А та только глазами сверкнула и еще больше сгорбившись ушла за коноплю. Тутъ и жена, и дѣвочка закричали благимъ матомъ, но пока народъ сбѣжался, одонья наши сгорѣли.

— Жалко мнѣ тебя, любезный другъ, сказалъ я: но судить поджога я не могу. Коли хочешь, заяви судебному слѣдо-

вателю. Да врядъ ли изъ твоей жалобы выйдетъ толкъ. Домашнимъ твоимъ не повѣрятъ,—и вся недолга.

— Нѣтъ, ваше выс—діе, вся наша деревня знаетъ, что онъ разбойникъ, и я этого дѣла такъ не брошу.

Въ скорости наступили темныя ночи, и мнѣ дали знать, что противникъ Куряткина сельскій староста найденъ утонувшимъ въ колодцѣ. Конечно, принимая во вниманіе трезвость сельскаго старосты, надо полагать, что онъ попалъ въ колодезь не случайно.

Зимою, во время пребыванія семейства Горчанъ въ Орлѣ, застрахованный въ 30-ти тыс. деревенскій домъ его сгорѣлъ до тла. По слѣдствію, возбужденному страховымъ обществомъ, оказалось слѣдующее. Изъ запертаго, сгорѣвшаго дома у Куряткина оказалась пара дорогихъ канделябровъ. Когда народъ, сорвавши двери, вломился въ домъ, то горѣли обои на стѣнахъ, и когда стали выносить дорогія зеркала, экономическій староста крикнулъ: „что вы тутъ путаетесь! бросьте!“ — и зеркало разлетѣлось въ дребезги. Говорили даже, что, кому слѣдуетъ, подарено было пьянино. Тѣмъ не менѣе дѣло кончилось бы ничѣмъ, если бы не ожидавшій нападенія Куряткинъ не былъ захваченъ съ дорогими канделябрами. Смекнувши, что ему, много разъ именованному въ справкахъ о судимости, все равно придется, по приговору окружнаго суда, отправиться въ ссылку, Куряткинъ совершенно измѣнилъ свою тактику наглаго запирательства. Онъ громогласно объявилъ, что подкупленъ былъ на поджогъ Ник. Ник. Горчаномъ, при посредствѣ экономическаго его старосты. Онъ указывалъ на орловскую лавку, въ которой вмѣстѣ со старостой покупалъ керасинъ, что, мокая въ него половыми щетками, они размазали керасинъ по стѣннымъ обоямъ и розлили по всѣмъ угламъ, а когда подожгли въ серединѣ домъ и заперли его, то во всю ночь просидѣли въ садовой бесѣдкѣ. Показаніямъ этимъ, со словъ адвоката, основаннымъ на личной враждѣ къ экономическому старостѣ, вѣры придано не было. Несостоятельный Куряткинъ былъ признанъ единственнымъ виновникомъ происшествія и сосланъ на поселеніе; а Ник. Ник. Горчанъ получилъ 30 тыс. со страховаго общества.

Въ видахъ неразрывности воспоминаній о судебныхъ разбирательствахъ,—приходится говорить о времени, когда предводителемъ во мценскомъ уѣздѣ былъ уже бывшій посредникъ Ал. Арк. Тимирязевъ. Мировой судья втораго участка, не дослуживъ полгода до выборовъ, вышелъ въ отставку, и я, какъ ближайшій ко второму участку судья, принялъ по просьбѣ предводителя разбирательство дѣлъ втораго участка. Такъ какъ имѣніе Тимирязева находилось во второмъ мировомъ участкѣ, въ 35-ти верстахъ отъ Степановки, то Алекс. Арк. для большаго удобства предложилъ мнѣ пріѣзжать къ нему въ усадьбу, гдѣ въ одномъ изъ флигелей не только устроилъ для меня камеру, но и огородилъ мой столъ балюстрадой, чего у меня не было въ Степановкѣ. Такъ какъ во второмъ участкѣ былъ свой письмоводитель, то, оставляя своего въ Степановкѣ для принятія прошеній, я обыкновенно каждую пятницу отправлялся къ Тимирязевымъ въ Алешню на ночь, гдѣ пользовался самымъ изысканнымъ вниманіемъ и гостепріимствомъ. Такъ, напримѣръ, подъѣзжая ночью къ разъ навсегда предоставленному мнѣ для ночлега флигелю, я не только находилъ ставни герметически закрытыми отъ мухъ, но и накрытый салфетками на отдѣльномъ столѣ приготовленный ужинъ. Впослѣдствіи я упросилъ любезную хозяйку не безпокоиться объ этомъ, такъ какъ я никогда не ужинаю. Понятно, что единственный предназначенный для разбирательствъ день былъ занятъ дѣлами съ ранняго утра до вечера; и я дѣлалъ перерывъ только въ пять часовъ и отправлялся къ хозяйскому обѣду. Случалось, что хозяева были въ гостяхъ у своихъ ближайшихъ родственниковъ князей В—ихъ, и тогда я пользовался гостепріимствомъ старой горничной и ключницы Полички, отличавшейся ловкостью и тактомъ.

Въ одинъ изъ пріѣздовъ, въ отсутствіе хозяевъ, я разбиралъ дѣло между старымъ мценскимъ купцомъ, недавно купившимъ бывшее заселенное имѣніе,—и крестьянами того же села, исполнявшими у него по найму сельскія работы. Я давно зналъ лично этого купца, бывшаго нѣкогда мценскимъ городскимъ головою и напоминавшаго своимъ самодурствомъ Тита Титыча въ комедіи Островскаго. Подобно Титу Титычу,

онъ нанялъ самаго краснорѣчиваго адвоката, зачесывавшаго на лбу подстриженные волосы копромъ, и потому носившаго на съѣздѣ прозваніе: „Чубъ". По горькому опыту я давно уже въ данное время пришелъ къ заключенію о совершенномъ безсиліи, а потому и полной непригодности мировыхъ учрежденій въ сельскомъ быту. Пока существовали посредники, можно было, въ видахъ предупрежденія зла, просить о болѣе строгомъ надзорѣ за старшинами, утверждающими обязательство одного и того же крестьянина у разныхъ лицъ съ полученіемъ денегъ за годъ впередъ, причемъ волость не обращаетъ вниманія на то, что сумма обязательныхъ такимъ образомъ для крестьянина по отработкѣ десятинъ давно превышаетъ его рабочую силу. И вотъ въ рабочую пору возникаетъ неразрѣшимый хаосъ. Обыватель вѣритъ въ должность мироваго судьи и приноситъ ему законную жалобу, не спрашивая, — какія средства въ рукахъ судьи, — возстановить нарушенное право истца.

Судя по общему духу законодательства, стоящаго всегда на сторонѣ формальныхъ условій, обезпечивающихъ исполненіе приговора, сельскій обыватель не знаетъ, что чѣмъ въ данномъ случаѣ принято болѣе законныхъ мѣръ къ обезпеченію иска, тѣмъ хуже. Выгнать явнаго обманщика на работу судья не имѣетъ права, а при постановленіи, въ силу котораго присутствіе по крест. дѣламъ (какая процедура!) опредѣляетъ подлежащее у крестьянъ продажѣ,—чѣмъ большая въ условіи поставлена неустойка, тѣмъ несбыточнѣе взысканіе по исполнительному листу судьи. Въ нашемъ уѣздѣ былъ случай указанія уѣзднымъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствіемъ на двухъ поросятъ, подлежащихъ аукціонной продажѣ, каковые и были проданы приставомъ за 40 коп., по исполнительному листу въ 1.200 рублей неуплаченнаго оброка. Въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, при желаніи помочь терпящему разореніе,—необходимо было изыскивать уязвимое у отвѣтчика мѣсто. Такимъ уязвимымъ мѣстомъ постоянно являлось незнаніе крестьянами законовъ. Является съ вечера или утромъ на зарѣ экономическій прикащикъ или староста,—съ жалобой: что вотъ такіе-то крестьяне по именному условію нейдутъ косить рожь. Я тотчасъ же снабжалъ

сельскаго старосту запиской о высылкѣ поименованныхъ крестьянъ на работу, или же ко мнѣ на разбирательство. Понятно, что въ горячую пору крестьяне предпочитали идти на работу, чѣмъ протаскаться въ дорогой день на судъ. Крестьяне, очевидно, не знали, что, за неявкой ихъ на судъ, послѣдовало бы заочное рѣшеніе о взысканіи съ нихъ неустойки, которой никогда никто бы не получилъ. Все это при долговременной практикѣ я зналъ, какъ говорится, наизусть, когда мнѣ пришлось выслушивать витіеватое краснорѣчіе Чуба. Разсчетъ Чуба былъ очень простъ: чѣмъ въ бо́льшей суммѣ получитъ онъ исполнительный листъ въ пользу своего довѣрителя, — тѣмъ больше будетъ его гонораръ; а потому краснорѣчію его не было конца при выставленіи всевозможныхъ убытковъ, причиненныхъ крестьянами Титу Титычу.

Объявивъ вопросъ исчерпаннымъ и засѣданіе на полчаса прерваннымъ, я ушелъ за уголъ флигеля въ аллею, освѣжиться отъ комнатной духоты, и велѣлъ попросить къ себѣ адвоката. Закуривая папироску, я предложилъ ему другую.

— Вы прекрасно, сказалъ я, какъ адвокатъ, вели дѣло вашего довѣрителя. Все, сказанное вами, дѣлаетъ честь вашему знанію и искусству; но мы съ вами не въ камерѣ, а глазъ на глазъ, и, конечно, вы согласитесь, что ваша рѣчь не стоитъ выѣденнаго яйца.

— Это совершенно справедливо, отвѣчалъ Чубъ.

— Если вы дѣйствительно желаете пользы вашему довѣрителю, то оставимъ въ сторонѣ всѣ ваши сотенныя неустойки, и я постараюсь сбить крестьянъ, не желающихъ, какъ вы видѣли, слышать ни о какомъ соглашеніи, — на то, чтобы они неотработанное въ этомъ году отработали въ будущемъ. А за неустойку свезли бы въ гумно вашего довѣрителя всѣ овсяныя копны съ его полей.

— Помилуйте! это невозможно.

— Какъ хотите. При несогласіи вашемъ на эту мировую, вамъ придется переносить дѣло на съѣздъ, а тутъ въ два дня овесъ будетъ свезенъ, и всетаки мужикамъ будетъ острастка.

Подумавши нѣкоторое время, Чубъ, видя непреклонность мою, уступилъ. Вернувшись въ камеру, я прямо поставилъ крестьянамъ ультиматумъ, въ видѣ высказаннаго адвокату.

— Не такъ же вы, братцы, глупы, чтобы не понять, какъ я стою за васъ и васъ выручаю; но если вы меня будете тѣснить до крайности, то я сейчасъ постановлю взыскать съ васъ тѣ 483 рубля, о которыхъ проситъ адвокатъ.

— Ну благодаримъ покорно, отвѣчали крестьяне,—за два дня свеземъ ему овесъ.

VI.

Письма.—Чтеніе въ пользу голодающихъ крестьянъ.—Письма.—Жалоба рабочей артели съ Орловско-Грязской желѣзной дороги.—Графъ Ал. Конст. Толстой. — Поѣздка въ Елецъ. — Продажа мельницы.—Письма.— Смерть Нади.—Пріѣздъ въ Степановку Влад. П. Боткина.—Смерть Николая Боткина. — Разговоръ съ Борисовымъ по поводу мѣста погребенія Нади.— Письма.

В. П. Боткинъ писалъ:

Діеппъ.
2 августа 1867.

„Каждые два дня ходилъ я на почту въ Баденѣ спрашивать,—нѣтъ ли письма,—и каждый разъ получалъ въ отвѣтъ, что нѣтъ. Отчего такое продолжительное молчаніе? Вы скажете,—да почему я самъ не писалъ? Да я и самъ не знаю, почему,—хотя вы никогда не выходили у меня изъ памяти. Теперь авось хоть въ отвѣтъ получу я отъ васъ вѣсточку. Въ Баденѣ я прожилъ около двухъ мѣсяцевъ, потомъ десять дней въ Парижѣ, посмотрѣлъ выставку, и два дня какъ нахожусь въ Діеппѣ, который такъ напоминаетъ мнѣ васъ. Въ Трувиль я не поѣхалъ, потому что тамъ такая разнокалиберная толпа и такая толкотня, и такое зловоніе въ этомъ грязномъ городишкѣ,—поэтому я разсудилъ отправиться въ Діеппъ. Діеппъ теперь далеко не то, что былъ при васъ; Трувиль оттянулъ отъ него всѣхъ модныхъ посѣтителей; это стало теперь тихое, степенное, семейное мѣсто, правда, очень скучное,—но это послѣднее обстоятельство для меня гораздо сноснѣе, нежели толкотня и суетливость. Началъ брать теплыя морскія ванны, а погода здѣсь стоитъ суровая.

„Дѣло Ивана Сергѣевича относительно перемѣны управляющаго разрѣшилось такъ, какъ слѣдовало ожидать, то есть что Ник. Ник. подалъ ко взысканію векселя, выданные ему Ив. Серг. для полученія по нимъ послѣ его смерти. Какъ человѣкъ практическій, онъ предпочелъ вѣрное сомнительному, и по моему мнѣнію, онъ поступилъ практически. Мнѣ сказалъ объ этомъ Ив. Серг., который этого никакъ не ожидалъ. Легкомысліе и необдуманность такъ свойственны Ив. Серг., ставили его уже не разъ въ самыя затруднительныя положенія, и, не смотря на свои сѣдины, онъ и теперь еще легкомысленный мальчикъ, который не знаетъ вѣса своихъ поступковъ.

„О выставкѣ скажу вамъ, что это дѣйствительно замѣчательная вещь. Прежде всего это въ самомъ дѣлѣ всемірная выставка, даже есть китайскія и японскія дѣвушки съ ихъ домашнею обстановкой. Какіе интересные типы! Для спеціальнаго обзора всей выставки, я думаю, ни у кого не достанетъ силъ и вниманія, можно осматривать только тѣ части, которыя кого интересуютъ. Я былъ пять разъ на выставкѣ и всякій разъ возвращался съ ломотою въ глазахъ — и наконецъ бросилъ. Увы! глаза мои становятся все слабѣе и слабѣе.

„Пожалуйста прервите свое молчаніе и напишите мнѣ о себѣ. Въ письмѣ вашемъ для меня будетъ больше интереснаго, чѣмъ во всей этой европейской жизни, которой я чуждъ и которой я только очень равнодушный зритель. Степановка для меня несравненно интереснѣе всей Франціи съ ея Наполеономъ. Что хозяйство? что урожай? что выборы въ мировые судьи?

„Спѣшу отправить письмо, авось оно прекратитъ это глупое молчаніе, и жажду отъ васъ нѣсколькихъ строкъ.

Навсегда вашъ *В. Боткинъ.*

Парижъ.
23 сентября 1867.

„Наконецъ послѣ продолжительнаго перерыва, сношенія наши возстановились, мои милые и дорогіе друзья! Не знаю, получили ли вы мое письмо изъ Діеппа? Твое письмо изъ

Москвы я получилъ и тотчасъ же распорядился высылкою сюда изъ Бадена вашихъ писемъ, которыя наконецъ мнѣ прислали сюда. Такимъ образомъ ни одно ваше письмо не пропало. Съ какимъ любопытствомъ я читалъ ваши письма— объ этомъ нечего и говорить. Прежде всего поздравляю тебя, Фетъ, съ лестною должностью мироваго судьи. И я не ожидалъ этого такъ же, какъ и ты, ибо шансы М—ва были гораздо сильнѣе твоихъ. Но должно быть здравомысліе у избирателей превозмогло. Что ты будешь хорошимъ мировымъ судьею,—въ этомъ я совершенно увѣренъ. Жаль, что ты не писалъ мнѣ, съ какого же времени открывается у васъ мировой судъ,—и прошу тебя объ этомъ написать. Какъ я радуюсь теперь тому, что сдѣлалъ у васъ пристройку, потому что она оказывается теперь рѣшительно необходимою. Только, по моему мнѣнію, ты напрасно сдѣлаешь, если помѣстишь секретаря въ свой кабинетъ, то есть въ ту-же комнату, гдѣ будетъ судъ: комната судьи не должна быть жилою, надо пріискать для секретаря другое помѣщеніе. Сдѣлайте милость, распоряжайтесь моею пристройкою, какъ найдете удобнѣе для себя: я несказанно радъ тому, что она вамъ на что-нибудь пригодится.

„Уже съ недѣлю, какъ я воротился изъ Діеппа и теперь буду жить въ Парижѣ до возвращенія въ Петербургъ; выставку понемногу осматриваю, насколько позволяютъ глаза. Вы уже знаете, что я около двухъ мѣсяцевъ прожилъ въ Баденѣ. Не скажу, чтобы баденскій воздухъ былъ мнѣ по организму: по лѣсистости и отчасти по своему горному положенію, этотъ воздухъ даетъ нервамъ какую-то напряженность и возбудительность. Для меня гораздо удобнѣе водянистый, сырой воздухъ, и что ни говорятъ о петербургскомъ климатѣ, по мнѣ тамъ гораздо легче дышать, чѣмъ, наприм., въ Москвѣ, именно потому, что въ петербургскомъ воздухѣ несравненно болѣе водянистыхъ частей. Вотъ у моря дышится мнѣ отрадно. Но зато въ Діеппѣ такъ скучно одному.

„Изъ письма твоего я не могъ понять, въ чемъ состояла сущность твоей рѣчи, сказанной на предварительномъ собраніи, и весьма былъ-бы радъ прочесть ее въ печати.

„Я здѣсь видѣлъ нѣсколько разъ брата Николая. Вы, я

думаю, слышали, что съ нимъ былъ ударъ,—онъ совсѣмъ поправился, но слѣды замѣтны въ головѣ. Голова стала замѣтно слабѣе прежняго (а она и прежде была не очень тверда въ понятіяхъ), и онъ сдѣлался еще ближе къ ребячеству, нежели прежде.

„Въ Парижѣ по причинѣ выставки все еще продолжается большой наплывъ иностранцевъ, и отели переполнены, и все дороже. По воскресеньямъ нѣтъ возможности бывать на выставкѣ отъ толпы. Вообще же о выставкѣ скажу, что видѣть ее, конечно, интересно, но и для того, кто не увидитъ ее....

20 сентября.

„Письмо это уже прерывалось нѣсколько разъ приходомъ разныхъ знакомыхъ, между прочими генерала Саля, начальника дивизіи, находящейся въ Орлѣ, и живущаго тамъ. Это во всѣхъ отношеніяхъ прекрасный человѣкъ и дѣльный военный спеціалистъ, какихъ желательно, чтобы у насъ было болѣе. Если представится случай, пожалуйста познакомься съ нимъ. Я думаю пробыть здѣсь до конца октября. Обнимаю васъ отъ всей души.

Вашъ *В. Боткинъ.*

Тургеневъ писалъ отъ 21 сентября изъ Бадена 1867 г.

„Любезнѣйшій Фетъ, о какъ пріятно вести дружескую, но ругательную переписку!—Оно и освѣжительно, и согрѣвательно, и носитъ несомнѣнный отпечатокъ истины,—словомъ, очень хорошо. Будемъ-же попрежнему любить и ругать другъ друга.

„Погляжу я на васъ—ловкій вы мальчикъ!—Видите-ли: мнѣ предоставляетъ утилитарность, политику, а самъ беретъ безполезность, *пѣну*, искусство, т. е. высочайшее la part du lion, ибо не безполезное искусство есть дрянь, безполезность есть именно алмазъ его вѣнца. Каковъ добренькій! Я сосчиталъ, сколько у меня политическихъ, тенденціозныхъ страницъ: оказалось на 160—29, а остальное такая-же безполезная чепуха, какъ любое лирическое стихотвореніе автора „Вечеровъ и Ночей“. Да, милѣйшій собратъ мой, не говорите съ кажущимся уничиженіемъ и дѣйствительной над-

менностью: ты полезенъ, а я безполезенъ;—скажите: мы оба плохи,—и поцѣлуемтесь. Вотъ, напримѣръ, дядя мой—тотъ настоящій художникъ, жрецъ чистаго искусства. Прислалъ сюда черезъ посланника требованіе описать *здѣшнее* мое имущество—12 листовъ грубѣйшей сѣрой бумаги, за которую пришлось заплатить чуть не 2 руб. вѣсовыхъ и совершенно безполезно! зато прелестно! Посланникъ сдѣлалъ мнѣ оффиціальный запросъ: что, молъ, сей сонъ значитъ? Я отвѣчалъ, что ничего не понимаю; и посланникъ согласился, что понять ничего нельзя. А бѣдному Зайчинскому тотъ-же дядя и отвѣта не даетъ: „что, молъ, изволите-ли вы драть съ моего довѣрителя проценты? Или удовлетворяетесь капиталомъ?“ „А, говоритъ дядя, сіе въ моей волѣ“. И какъ истый художникъ, оставляетъ все возведеннымъ въ перлъ созданія. Вотъ, батюшка, съ кого надо брать примѣръ. Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ — Никол. Никол. Тургеневъ, извольте идти царствовать, извольте получать Холодово, которое стоитъ вдвое больше вашихъ безденежныхъ векселей.—„Нѣтъ отвѣчаетъ Годуновъ XIX вѣка,—мои сѣдины обезчещены, а вотъ я все изъ дому у племянника выскребъ да благодарность въ газетахъ выканючилъ, а теперь я вотъ подожду,—не выйдетъ-ли возможность Спасское съ аукціона пріобрѣсти“.—Великій художникъ! Только одно худо: оказывается, что первая просьба о томъ, что я не *плачу* и что слѣдуетъ наложить запрещеніе была подана—когда вы думаете?—12 окт. 1866 г., т. е. въ самый разгаръ моей слѣпой довѣренности къ орловскому Фидіасу. Учитесь, учитесь, Аѳанасій Аѳанасьевичъ!

„Ну, засимъ можно обнять васъ дружески, поклониться вашей милой женѣ и пожелать вамъ всевозможныхъ успѣховъ на судейскомъ поприщѣ. Только съ условіемъ: dunkelen Drang—въ лоханку... вода къ водѣ.

Вашъ *Ив. Тургеневъ*.

Боткинъ писалъ изъ Петербурга отъ 27 ноября 1867 г.

„Вотъ уже нѣсколько писемъ получилъ я отъ тебя, а я не успѣлъ отвѣчать тебѣ. Да тебя и не поймешь: то ты во Мценскѣ, то въ Орлѣ, то, наконецъ, въ Москвѣ. Такъ какъ здѣсь писали, что новый судъ открывается у васъ 20 ноября,

то я полагалъ, что тебѣ нельзя будетъ отлучиться. Но я радъ за тебя и за Машу, что тебѣ можно было урваться въ Москву и, какъ ты пишешь, до 5 декабря пробыть тамъ. Мнѣ Богъ знаетъ какъ хотѣлось быть въ Москвѣ въ одно время съ тобою. Но теперь едва-ли это исполнимо. Я какъ-то поймалъ себѣ ревматизмъ въ лѣвомъ плечѣ, который меня очень безпокоитъ, ибо совсѣмъ мѣшаетъ владѣть лѣвой рукой. Скверность большая! А впрочемъ, со мною все обстоитъ по возможности благополучно, и жизнь моя идетъ своимъ обычнымъ порядкомъ. Всего чаще бываю я у Толстыхъ, гдѣ всего пріятнѣе, и я несказанно радъ, что они нынѣшнюю зиму проводятъ въ Петербургѣ; часто вспоминаемъ о тебѣ, потому что онъ очень сочувствуетъ поэтической струѣ, бьющей въ твоихъ стихахъ. Надо сказать, что домъ Толстыхъ есть единственный домъ въ Петербургѣ, гдѣ поэзія не есть дикое безсмысленное слово, гдѣ можно говорить о ней; и къ удивленію, здѣсь же нашла себѣ пріютъ и хорошая музыка. Правда, здѣсь много занимаются музыкой, но какъ-то странно, по петербургски; на этой почвѣ все принимаетъ отвлеченный характеръ, головной, совершенно односторонній, тенденціозный. Я дорожу искусствомъ за наслажденіе, которое оно мнѣ доставляетъ, и до всего прочаго мнѣ нѣтъ дѣла.—Какъ я радъ тому, что вы изъ Тулы уже пріѣхали по желѣзной дорогѣ.

Вашъ *В. Боткинъ.*

Чѣмъ ближе подходила зима, тѣмъ очевиднѣе становилось общественное бѣдствіе, котораго съ весны долженъ былъ ожидать всякій зрячій. Можно только удивляться живучести человѣка, способнаго въ крайности поддерживать свое существованіе невѣроятными суррогатами хлѣба: Какъ диковины, набрали мы по пути до Мценска крестьянскаго печенаго хлѣба, болѣе похожаго на засохшіе комки чернозема, чѣмъ на что либо иное: тамъ была и мякина, и главнымъ образомъ лебеда, про которую старина говорила: „лебеда въ хлѣбѣ не бѣда“. И этимъ ужаснымъ хлѣбомъ питалось не только взрослое населеніе, но и дѣти; а между тѣмъ объ увеличившейся смертности слуху не было. Тѣмъ не менѣе, при видѣ-

такого хлѣба я подумалъ, что прежде чѣмъ судить людей, надо при малѣйшей къ тому возможности накормить ихъ, хотя бы только въ предѣлахъ своего участка, помогая наиболѣе нуждающимся. Мысль эта занимала меня по дорогѣ въ Москву, хотя средства къ осуществленію ея я еще ясно не различалъ. Доѣхали мы на этотъ разъ въ повозкѣ только до Тулы, а тамъ уже пересѣли въ вагонъ. Графа Льва Николаевича Толстаго съ женою и дѣтьми я засталъ на Кисловкѣ на квартирѣ.

Было воскресенье, и у Толстыхъ я, къ изумленію и удовольствію своему, нашелъ Петю Борисова, котораго, съ дозволенія Ивана Петровича, графиня брала по воскресеньямъ къ своимъ дѣтямъ. Когда дѣтей повели гулять, графиня со смѣхомъ разсказала мнѣ грозный эпизодъ въ дѣтской въ прошлое воскресенье. „Кто-то привезъ дѣтямъ конфектъ, говорила она, и уѣзжая со двора, я разрѣшила дѣтямъ взять изъ коробки по конфектѣ. Возвращаюсь и вижу, что коробка пуста. Мои дѣти лгать не пріучены, и они легко сознались бы въ своей винѣ. Но при самыхъ настоятельныхъ распросахъ моихъ,—виновнаго между моими не оказалось. „Петя, сказала я, ужь не ты ли поѣлъ конфекты?“—Къ чести его надо сказать, что онъ тотчасъ же сознался, и я самымъ безцеремоннымъ образомъ объяснила ему всѣ дурныя стороны его поступка. Онъ разревѣлся, и я думала, что онъ уже не пойдетъ къ намъ въ домъ. Но дѣти не злопамятны, и вотъ онъ, какъ видите, опять у насъ“.

Левъ Никол. былъ въ самомъ разгарѣ писанія „Войны и Мира“; и я, знававшій его въ періоды непосредственнаго творчества, постоянно любовался имъ, любовался его чуткостью и впечатлительностью, которую можно бы сравнить съ большимъ и тонкимъ стекляннымъ колоколомъ, звучащимъ при малѣйшемъ сотрясеніи. Когда я наконецъ объявилъ ему, что рѣшился устроить литературное чтеніе въ пользу голодающихъ своего участка, онъ иронически отнесся къ моей затѣѣ и увѣрялъ, что я создалъ во мценскомъ уѣздѣ голодъ. Эта иронія не помѣшала ему однако такъ краснорѣчиво и горячо отнестись черезъ годъ послѣ того къ самарскому голоду и тѣмъ самымъ помочь краю пережить ужасное время.

Если въ моемъ положеніи нетрудно было напасть на мысль публичнаго чтенія, то осуществить эту мысль было далеко не легко. Кому читать, что читать и гдѣ читать? Не размышляя долго, я отправился вечеромъ въ артистическій клубъ и тамъ обратился къ извѣстной Васильевой, съ которой когда-то познакомился въ Карлсбадѣ, куда она возила больнаго мужа. Принявши самое живое во мнѣ участіе, она, по краткомъ совѣщаніи со старшинами, объявила мнѣ, что клубъ въ назначенный мною вечеръ отдаетъ въ мое распоряженіе свое помѣщеніе съ освѣщеніемъ и прислугой. Покойный Провъ Михайловичъ Садовскій вызвался читать на моемъ вечерѣ; и поэтъ, и драматическій писатель князь Кугушевъ изъявилъ согласіе читать по выбору моему. Отыскавши такимъ образомъ почву для моего литературнаго вечера, я старался упросить Льва Ник. Толстаго обезпечить успѣхъ предпріятія обѣщаніемъ прочесть что либо на вечерѣ; но сказавши, что онъ не только никогда не читалъ, но даже никогда на это не рѣшится, онъ любезно предложилъ мнѣ еще бывшую только въ корректурѣ пятую главу второй части изумительнаго описанія отступленія войскъ отъ Смоленска по страшной засухѣ. Наконецъ день чтенія былъ объявленъ въ газетахъ, и билеты по рублю серебромъ напечатаны. Когда въ клубѣ наканунѣ объ этомъ зашла рѣчь, одинъ изъ меньшихъ братьевъ Боткиныхъ, Владиміръ, обратившись ко мнѣ, сказалъ: „вы не продавали еще билетовъ?“ — „Нѣтъ“. — „Позвольте мнѣ сдѣлать починъ въ вашемъ дѣлѣ и примите 25 руб. за билетъ“. Тутъ же въ клубѣ примѣру этому послѣдовали еще два три человѣка. Въ назначенный вечеръ я самъ всталъ за прилавкомъ. Но публика подходила какъ-то вяло; а стали подходить все какіе-то мальчишки, прося принять обратно билетъ хотя бы за 50 и даже 30 коп. Не трудно было понять, что люди, уплатившіе 25 руб. съ благотворительной цѣлью и получившіе 25 билетовъ, раздавали ихъ служащимъ у нихъ мальчикамъ, которые 30 коп. предпочитали всякой духовной пищѣ. Конечно, я имъ отказывалъ въ возможности купить пряникъ на деньги, предназначенныя на полпуда хлѣба. Но вотъ подходитъ брюнетъ средняго роста и протягиваетъ ко мнѣ пачку ассигнацій со словами: „пожалуйте мнѣ билетъ“. — „Сколько

прикажете сдачи?“—„Никакой. Здѣсь 500 рублей, и я прошу дать мнѣ билетъ. А вотъ еще 500 руб. отъ брата моего. Наша фамилія—Голяшкины. Потрудитесь дать намъ третій билетъ: это триста рублей отъ нашихъ служащихъ“.

Такимъ образомъ я въ теченіи минуты получилъ 1,300 р. Должно быть, посѣтителей набралось около тысячи человѣкъ, такъ какъ при повѣркѣ кассы у меня оказалось около 3,300 руб. Какъ наиболѣе подходящее къ сбору въ пользу голодающихъ, я прочелъ переводъ первой главы „Германа и Доротеи“ объ участіи къ нуждамъ переселенцевъ. Садовскій и Васильева съ живительнымъ мастерствомъ прочли: первый—Чичикова у Бедрищева, а вторая—пріятную барыню и барыню пріятную во всѣхъ отношеніяхъ. Громомъ рукоплесканій было покрыто чтеніе изъ „Войны и мира“—княземъ Кугушевымъ. Я тотчасъ же составилъ проэктъ устава, по которому эта сумма должна была раздаваться наиболѣе нуждающимся на годъ безъ процентовъ, а на слѣдующіе два года, по истеченіи коихъ долгъ долженъ бы былъ быть уплаченъ,—взималось бы по пяти процентовъ. Самый же капиталъ долженъ былъ по этому уставу оставаться навсегда въ третьемъ мценскомъ мировомъ участкѣ, на случай новаго голода. Проэктъ этотъ былъ въ скорости утвержденъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, и я съ восторгомъ раздавалъ деньги по спискамъ старшинъ, воображая, что успѣлъ основать хотя на тѣсномъ пространствѣ участка навсегда прочную помощь. И на этомъ поприщѣ разочарованіе не заставило себя ожидать слишкомъ долго.

Боткинъ писалъ 9 февраля 1868 г. изъ Петербурга:

„Сію минуту получилъ твое письмо и немедленно отвѣчаю. Да будетъ благословенно твое доброе намѣреніе, и я не сомнѣваюсь, что ему постарается помочь всякій, кто еще не утратилъ человѣческое сознаніе. Вѣсти твои о голодѣ привели меня въ содроганіе: здѣсь вовсе не имѣютъ понятія о такомъ положеніи. Я не могу тронуться изъ Петербурга, ибо у меня опухоль въ сочлененіяхъ, вслѣдствіе ревматизма; принимаю іодъ и еще другое посильнѣе. При такомъ лѣченіи и болѣзни куда думать о выѣздѣ.

„Знаешь ли, чѣмъ я все это время былъ занятъ?—Изуче-

ніемъ греческихъ и скиѳскихъ древностей, отрытыхъ въ курганахъ около Керчи и по южной Россіи. Всѣ эти находки отлично награвированы и изданы въ отчетахъ Археологической комиссіи съ 1859 по 1864 г. и разъясненія Стефани, отличнаго знатока греческой древности и настоящаго ученаго. Тамъ есть вазы, изумительныя по изяществу рисунка и, очевидно, относящіяся къ 4-му вѣку до Рожд. Хр. Такихъ вазъ нѣтъ ни въ одномъ европейскомъ музеѣ. Признаюсь, что при этомъ изученіи я тоскую, что нѣтъ со мною моей библіотеки, а поставить здѣсь ее некуда. Прощайте, милые, сердечные друзья.

Вамъ навсегда преданный

В. Боткинъ.

Тургеневъ писалъ изъ Бадена отъ 12 февраля 1868 года:

„Ну-съ, добродѣтельнѣйшій и милѣйшій А. А., будемъ мы вамъ писать на Алисовскую станцію. Съ великимъ удовольствіемъ вижу я, что духъ вашъ покоенъ и какъ то мягко и важно снисходителенъ, какъ оно и подобаетъ служителю Ѳемиды.

„О дѣлѣ съ Ник. Ник. — мы, если только будетъ стоить труда, поговоримъ лично; теперь ограничусь однимъ словомъ, которое, увѣряю васъ, я бы не рѣшился употребить легкомысленно: онъ поступилъ какъ *безчестный человѣкъ*. Мнѣ жутко говорить такъ о человѣкѣ, котораго я такъ давно и такъ искренно любилъ и уважалъ, но истина вынуждаетъ меня именно такъ выразиться: „Ник. Ник. Тургеневъ—безчестный человѣкъ“

12 апрѣля.

„Ровно два мѣсяца протекло съ тѣхъ поръ, какъ я началъ это письмо къ вамъ, которое я только потому не кончилъ и не отправилъ, что не зналъ, гдѣ вы находитесь: въ Москвѣ ли, въ Петербургѣ ли? и т. д.—Теперь я знаю, что вы снова въ Степановкѣ, увѣнчавшись добропорядочнымъ успѣхомъ въ Москвѣ,—и вотъ я берусь за перо.

„Что произошло въ эти два мѣсяца?—Дѣло съ дядюшкой, слава Богу, кончено. Онъ обобралъ меня какъ липку, — я

получилъ векселя. Къ сожалѣнію, нѣтъ никакой причины измѣнить хотя бы одну букву въ вышеупомянутомъ отзывѣ о немъ. Впрочемъ, я никогда его болѣе не увижу,—и пусть онъ добрѣетъ съ награбленныхъ денегъ!

„Я былъ въ Парижѣ, а теперь поселился въ своемъ, т. е. нанятомъ мною у Віардо домѣ (я принужденъ былъ продать этотъ домъ)—и помѣщеніемъ доволенъ.

„Я ѣду въ Россію черезъ мѣсяцъ и въ Спасскомъ буду въ концѣ мая. Не сомнѣваюсь въ томъ, что вы пріѣдете ко мнѣ съ Борисовымъ. То то мы поспоримъ! Впрочемъ, Богъ знаетъ: я очень сталъ тихенькій.

„Я только что кончилъ 4-й томъ „Войны и Мира". Есть вещи невыносимыя и есть вещи удивительныя; и удивительныя эти вещи, которыя въ сущности преобладаютъ, такъ великолѣпно хороши, что ничего лучшаго у насъ никогда не было написано никѣмъ: да врядъ ли было написано что нибудь столь хорошее. 4-й и 1-й томъ слабѣе 2-го и особенно 3-го; 3-й томъ почти весь chef d'oeuvre.

„Засимъ говорю вамъ досвиданья и прошу передать мой поклонъ вашей женѣ.

Преданный вамъ.

Ив. Тургеневъ.

Боткинъ писалъ изъ Петербурга отъ 26 марта 1868 г.

„Сейчасъ получилъ ваше письмо и читалъ его съ признательностью и веселіемъ. Прежде всего я бываю радъ тому, что у васъ все обстоитъ благополучно, а теперь къ этому присоединяется и увѣренность, что мужики вашего участка голодать уже не будутъ. Вотъ что значитъ добрая воля и добрая рѣшимость человѣка! Я никакъ не надѣялся, что ты въ одной Москвѣ соберешь такую сумму. Какъ весело должно биться теперь твое сердце!

„Лихорадка моя, кажется, кончилась, по крайней мѣрѣ вотъ уже недѣля, какъ жаръ не возвращается. Но странно, что во все продолженіе ея ревматизмы мои словно замерли, и я ихъ не чувствовалъ. Но какъ только прошла она,—всѣ они возвратились съ сугубымъ ощущеніемъ боли. Братъ Сережа торопитъ меня отъѣздомъ заграницу, потому что петербург-

ская весна самая опасная для этого. И я собирался выѣхать въ концѣ этой недѣли въ Висбаденъ и шесть недѣль буду брать ванны.

„Искренно радуетъ и успокоиваетъ меня то обстоятельство, что твоя судейская практика идетъ удовлетворительно и не тяготитъ тебя. Въ здравомысліи твоемъ я никогда не сомнѣвался, но признаюсь, боялся опрометчивости и излишней нервозности. Но какъ ты пишешь, у васъ по большей части дѣла все однородныя, и, слѣдовательно, примѣниться къ нимъ нетрудно.—Я слышалъ, что Ив. Серг. кончилъ съ дядей на 20-ти тысячахъ наличными деньгами за всю претензію. Его ждутъ въ апрѣлѣ сюда и слышно, что онъ пишетъ какую то повѣстушку. При той внутренней запутанности, въ какой онъ находится, едва ли можетъ онъ сдѣлать что нибудь порядочное. Между тѣмъ успѣхъ романа Толстаго дѣйствительно необыкновенный: здѣсь всѣ читаютъ его и не только просто читаютъ, но приходятъ въ восторгъ. Какъ я радъ за Толстаго! но отъ литературныхъ людей и военныхъ спеціалистовъ слышатся критики. Послѣдніе говорятъ, что, напр., Бородинская битва описана совсѣмъ невѣрно, и приложенный Толстымъ планъ ея произволенъ и несогласенъ съ дѣйствительностью. Первые находятъ, что умозрительный элементъ романа очень слабъ, что философія исторіи мелка и поверхностна, что отрицаніе преобладающаго вліянія личности въ событіяхъ есть не болѣе какъ мистическое хитроуміе; но помимо всего этого художественный талантъ автора внѣ всякаго спора. Вчера у меня обѣдали и былъ также Тютчевъ,—и я сообщаю отзывъ компаніи. Самъ я романа не читалъ. Пробѣжалъ въ Литерат. Библіотекѣ статью твою „Изъ деревни". Очень, очень мило. Ѣхать мнѣ заграницу очень не хочется—что за удовольствіе путешествовать больному. Вѣроятно, я проберусь въ Парижъ, потому что тамъ теплѣе, нежели въ Германіи, и тамъ останусь до Висбадена, т. е. до того времени, какъ можно брать ванны, на которыя моя единственная надежда. Графъ Ал. Толстой окончилъ свою драму „Ѳедоръ Іоанновичъ" и читалъ ее у меня. Концепція характера Ѳедора весьма удачна, хотя, какъ всѣ произведенія Ал. Толстаго, не оживитъ читателя ни однимъ по-

этическимъ ощущеніемъ. За то этотъ родъ талантовъ по плечу большинства. Впрочемъ, самъ Ал. Толстой чувствуетъ поэтическое и принадлежитъ къ немногимъ почитателямъ твоихъ стихотвореній. — Ты такъ разборчиво написала, милая Маша, что не могу не возблагодарить тебя, — совершенная противоположность Фету, который только хвастается тѣмъ, что скоро пишетъ свои письма. Нынѣшнюю зиму самый пріятнѣйшій домъ былъ у Толстыхъ; лѣто и будущую зиму они проводятъ въ Курской губерніи. Прощайте пока, мои милые друзья. Дай Богъ намъ дожить до свиданія будущей зимой.

Навсегда вашъ *В. Боткинъ.*

5 іюня онъ писалъ изъ Висбадена:

„Давно чувствую потребность писать къ вамъ, и, какъ часто бываетъ, потребность эта остается неудовлетворенною. Добрался я до Висбадена въ самомъ немощномъ положеніи; пріѣхавъ въ Берлинъ, я принужденъ былъ взять себѣ слугу, ибо мои руки и ноги совсѣмъ безъ силы и даже не въ состояніи снять съ себя рубашки. Теплая погода, спокойствіе и лѣченіе нѣсколько возстановили меня; говорю нѣсколько, потому что пятиминутная прогулка меня утомляетъ, и опухоль ногъ и рукъ безъ измѣненія. Не знаю, какъ подѣйствуютъ ванны: я взялъ ихъ уже 14, осталось еще столько же, но хуже мнѣ нѣтъ. Живу я здѣсь совершенно уединенно, и Богъ знаетъ какъ радъ тому, что у меня здѣсь нѣтъ знакомыхъ: мнѣ тяжело вести разговоры. Немножко читаю, иногда слушаю плохую военную музыку (другой нѣтъ); больше лежу, ибо постоянно чувствую утомленіе и усталость. Въ 10 часовъ вечера я уже въ постели и не нарадуюсь этому. Напишите мнѣ о себѣ и о своемъ житьѣ. Все ли у васъ благополучно? Не браните меня за краткость моего письма, — писать тяжело, — вотъ поговорить бы хотѣлось съ вами и послушать ваши милыя рѣчи, потому что все васъ окружающее мнѣ близко къ сердцу.

Всей душой вашъ *В. Боткинъ.*

Однажды, въ концѣ августа, арендаторъ Тимской мельницы, Н. И. А—въ, пріѣхалъ и положительно заговорилъ о своемъ намѣреніи купить Тимъ. Я обѣщалъ ему самъ пріѣхать вначалѣ сентября въ Ливны для окончательныхъ переговоровъ. И дѣйствительно, придя къ полному убѣжденію, что работать на мельницѣ, помимо рѣшительной ея гибели, можетъ только самъ владѣлецъ, а не арендаторъ, я вначалѣ сентября отправился въ Ливны. Конечно, попавши между двухъ братьевъ покупщиковъ, я вначалѣ никакъ не предполагалъ той сравнительно скудной цѣны, которую предложили мнѣ за имѣніе. Явно по предварительному соглашенію, они остановились на суммѣ 31-й тысячи, въ виду того, что, по моимъ объявленіямъ о продажѣ, другихъ покупателей не являлось. Даже строительный, приготовленный мною, дубовый лѣсъ пошелъ въ ту же цѣну. Признаюсь, я былъ очень огорченъ такимъ исходомъ дѣла, и когда, ударивъ по рукамъ и получивъ запродажную запись съ выдачей задатка, братья А—вы по обычаю предложили мнѣ распить бутылочку шампанскаго, — я ушелъ, отказавшись отъ всякаго угощенія. Совершеніе купчей назначено было на 28-е января.

Боткинъ писалъ отъ 15 сентября 1868 года изъ Парижа:

„Если я не пишу къ вамъ, милые, добрые друзья,—это доказываетъ только, что мнѣ писать очень трудно отъ общей слабости. Но вы постоянно у меня на сердцѣ. И съ какимъ удовольствіемъ читаю я ваши рѣдкія письма. Хорошо ты сдѣлалъ, что раздѣлался съ Тимомъ. Воображаю, какъ вы рады открытію желѣзной дороги! Ей-Богу, не могу больше писать. О себѣ не говорю: очень худо и не въ состояніи сойти съ мѣста.

Душевно преданный *В. Боткинъ.*

Изъ Рима отъ 28 октября 1868 года:

„Милые друзья мои! съ чувствомъ искреннѣйшей радости получилъ ваше письмо и считаю совершенно излишнимъ благодарить васъ за ваше участіе: дѣйствительно, такъ пришло плохо, что далѣе идти по этой дорогѣ долго невозможно; точно я чувствую внутри себя какой-то злой недугъ, который сосетъ мои жизненныя силы. Странно, что въ процессѣ

моей болѣзни постоянное ухудшеніе. Сверхъ моего чаянія, пріѣздъ брата Миши рѣшилъ мою поѣздку въ Римъ. Какъ Миша довезъ меня, я до сихъ поръ не могу понять этого, тѣмъ болѣе, что меня изъ вагона въ вагонъ переносили: мои ноги и руки были безъ всякаго движенія. Я зналъ, что не найду въ Римѣ дѣльнаго врача; но я уже потерялъ вѣру въ медицинское пособіе. Я хотѣлъ быть съ Мишей и, слава Богу, достигъ этого. Какъ мнѣ было интересно читать подробности о жизни въ Степановкѣ; странное дѣло: не смотря на безобразіе ея мѣстоположенія, я Степановку люблю ужасно. Я здѣсь живу, какъ никогда не жилъ отъ роду: занимаю квартиру первую въ Римѣ; а Миша такого повара нашелъ здѣсь, что каждый обѣдъ вызываетъ знаки восклицанія и умиленія. Ты можешь себѣ представить, какъ у меня затрепетало сердце, когда я прочелъ сначала предложеніе Фета, а потомъ твое, Маша, пріѣхать ко мнѣ. Милый мой Фетъ! я знаю, что это неосуществимо, но за это великодушное предложеніе я не знаю, какъ благодарить тебя. Конечно, если бы я былъ въ Парижѣ, это было бы сколько-нибудь возможно: близость разстоянія, спокойствіе переѣзда, — но увы! Римъ все это сдѣлалъ невозможнымъ. Я не говорю, какимъ бы счастіемъ было для меня твое присутствіе, но увы! такая дальняя дорога... Положимъ, что ты могла бы взять кого-нибудь для компаніи; но одно простое рѣшеніе возбуждаетъ нѣкоторый ужасъ. Какъ бѣдному Фету оставаться одному? но на всякій случай, если это осуществимо, то всѣ расходы, разумѣется, должны быть непремѣнно на мой счетъ, и если удастся найти компаніонку, то это было бы еще лучше. Хотя всѣ больные дѣлаются невыносимыми эгоистами, но мой эгоизмъ такъ далеко не смѣетъ идти. Пожалуйста пишите мнѣ чаще. Самъ писать я не въ состояніи отъ опухоли въ рукахъ, а еще болѣе отъ слабости и изнуренія. Прощайте, милые друзья. Ты замѣчаешь, что я не жалуюсь на свое положеніе?—Но вѣдь это совершенно безполезно.

Вашъ навсегда *В. Боткинъ.*

Надо отдать справедливость Степановкѣ въ томъ, что деревья, саженныя въ ней, расли и развивались съ неимовѣр-

ной быстротою. Первою моею заботой было провести съ проселка къ дому широкій проѣздъ и, окопавъ его рвами, обсадить ветлами. Въ восьмилѣтнее пребываніе наше въ Степановкѣ, ветлы разрослись пышною аллеей. Какъ ни красивы эти ветлы были въ лѣтнее время, но остались онѣ въ моемъ воспоминаніи осенними, желтолистными, мокрыми, роняющими холодныя капли на сотни лежащихъ подъ ними до костей промокшихъ людей, большею частію въ рваной одеждѣ и худой обуви. Картина далеко непривлекательная и тѣмъ болѣе тяжкая для человѣка, поставленнаго въ мнимую обязанность защищать неправо обиженныхъ людей. Выше я старался въ приведенныхъ судебныхъ разбирательствахъ показать безсиліе судьи защитить частное лицо отъ хищничества массъ. Картина моихъ ветлъ съ валяющимися подъ ними промокшими до костей и частію тифозными желѣзно-дорожно-рабочими заставляетъ меня сказать нѣсколько словъ, изъ которыхъ настолько же ясно будетъ безсиліе мироваго судьи защитить массу отъ грабежа одного лица. Рабочая артель съ Орловско-Грязской желѣзной дороги, слишкомъ въ 300 человѣкъ, привалила ко мнѣ съ предъявленіемъ иска въ 2500 р. со своего бывшаго подрядчика, крестьянина Тульской губ., Новосильскаго уѣзда, который ушелъ домой, не разсчитавши никого и, какъ слышно, забравши деньги по своему участку въ главной орловской строительной конторѣ. Въ виду искомой суммы, я направилъ несчастныхъ людей по осенней грязи и дождю за 35 верстъ въ орловскій окружной судъ, который, поясняя, что сумма эта состоитъ изъ отдѣльныхъ исковъ 300 человѣкъ, направилъ истцовъ снова къ мировому судьѣ. Тѣмъ временемъ я успѣлъ снестись съ главною орловскою конторой, которая, кратко поясняя, что рядчику (имя рекъ) слѣдуетъ дополучить съ конторы 1350 руб., — препроводила ко мнѣ эти деньги для зависящаго употребленія. Не трудно было разсчесть, что каждому по его рабочей книжкѣ приходится получить только 54 коп. за рубль. Но каково одному человѣку въ теченіи трехъ сутокъ разъяснять это тремъ-стамъ голоднымъ и холоднымъ людямъ. Люди эти съ полнымъ правомъ не желаютъ знать какихъ-то условныхъ тонкостей, по которымъ у нихъ слѣдуетъ отнять половину трудовыхъ де-

негъ. Они разсказываютъ, что рядчикъ успѣлъ уже на имя жены накупить земли въ своей губерніи; и если бы я снабдилъ каждаго изъ нихъ или всѣхъ вмѣстѣ исполнительными листами, то это привело бы ихъ только къ новымъ переходамъ и бѣдствіямъ въ ненастное время. Самое полученіе мною безконтрольной суммы 1350 руб. съ орловской конторы было съ моей стороны уже самовольнымъ выступленіемъ въ административную область, тогда какъ моя роль по закону ограничивалась только заочнымъ признаніемъ долга подрядчика на основаніи рабочихъ книжекъ. Да и то я могъ разбирать дѣло не прежде обратнаго полученія повѣстки рядчику изъ Новосильскаго уѣзда, чего невозможно было ожидать раньше двухъ недѣль. А между тѣмъ мокрые и голодные рабочіе день и ночь сидѣли и лежали около канавы аллеи въ ожиданіи помощи. Предоставляю всякому судить, до какой степени легко было вразумить рабочихъ, что только случайнымъ образомъ я могу дать каждому 54 коп. за рубль его заработка, и затѣмъ надо разсчесть каждаго, согласно его заработку по книжкѣ. Мы сѣли съ письмоводителемъ за работу въ 7 час. утра и, за перерывами завтрака, обѣда и вечерняго чая,—просидѣли до трехъ часовъ ночи. Какое счастіе, можно сказать, что рабочіе только занесли тифъ въ нашу усадьбу, гдѣ человѣкъ пять переболѣло этою страшною болѣзнью. Спрашивается, что бы могъ сдѣлать судья, не снабженный никакою административною властью, если бы нѣсколько тифозныхъ не были бы въ состояніи подняться и уйти изъ подъ ракитокъ? Не значитъ ли это, подъ предлогомъ высокой справедливости, отказывать во всякой дѣйствительной справедливости?

Привязанный хозяйственными заботами и служебными обязанностями къ Степановкѣ и Мценску, я только въ серединѣ зимы могъ на недѣлю или на двѣ отрываться въ Москву и, конечно, не имѣлъ времени и побужденія бывать въ другихъ городахъ. Не помню, почему именно осенью 1868 года я въ бытность въ Орлѣ ночевалъ въ тамошней почтовой гостинницѣ. Проходя по корридору, я вдругъ остановился въ изумленіи передъ человѣкомъ, шедшимъ мнѣ навстрѣчу и, повидимому, изумленнымъ не менѣе меня. Промедливъ секунду,

мы, не говоря ни слова, бросились обнимать другъ друга. Человѣкъ этотъ былъ графъ Ал. Конст. Толстой.

— Вы не завтракаете? спросилъ онъ меня.—Чѣмъ же васъ угощать?

Я попросилъ кофею. „Кофею, крикнулъ онъ вошедшему слугѣ,—самаго лучшаго кофею".

Не берусь передавать подробности нашей задушевной бесѣды. Тутъ мы узнали другъ отъ друга, что, не взирая на различіе путей жизни, мы ни на минуту не переставали носить въ груди самыя живѣйшія взаимныя симпатіи, которая должна была загораться отъ перваго благосклоннаго соприкосновенія.

Я такъ счастливъ, что, сохранивши письма друзей, могу подлинными словами ихъ замѣнять мои собственныя, которыхъ, по прошествіи долгаго времени, я и самъ не рѣшился бы считать непогрѣшимыми. Если въ письмахъ моихъ друзей окажутся преувеличенныя мнѣ похвалы, то онѣ свидѣтельствуютъ не о моей высотѣ, а о высотѣ духовнаго строя пишущихъ. Нельзя же требовать отъ прирожденнаго поэта, который, какъ искрометное вино, рветъ пробку, прежде чѣмъ польется въ стаканъ, чтобы онъ даже въ дружескомъ письмѣ, охарашивалъ и подвивалъ слова, какъ куаферъ свою восковую куклу. Но намъ пришлось разставаться, и мы обѣщали другъ другу наши карточки, а по временамъ и письма.

Графъ писалъ мнѣ отъ 20 декабря 1868 года изъ Черниговской губ.:

„Любезный и дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, спѣшу воспользоваться вашимъ адресомъ и посылаю вамъ Коринѳскую невѣсту и Проэктъ постановки Ѳедора.

„Жена, когда думала, что вы будете къ намъ на масляницу, очень обрадовалась и приказала васъ благодарить. Обнимаю васъ отъ всего сердца.

Вашъ *Ал. Толстой.*

Онъ же отъ 19 февраля 1869 года:

„Дражайшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ, какая досада, что вы собираетесь къ намъ, когда мы должны ѣхать въ Одессу. Я послалъ нарочнаго въ Брянскъ съ телеграммой въ Зміевку,

но мнѣ ее возвратили съ объясненіемъ: туда де не принимаютъ. Какъ это умно! Мы остаемся въ Одессѣ одну недѣлю и вначалѣ марта будемъ ожидать васъ въ Красный Рогъ. До того я или васъ увижу, или къ вамъ напишу. Везу мою жену въ Одессу отъ *безсонницы*. Обнимаю васъ, жена вамъ дружески кланяется и ждетъ васъ.

Ал. Толстой.

Отъ 18 марта 69 года:

„Любезный, *давно* любезный Аѳанасій Аѳанасьевичъ, не стану оправдываться въ томъ, что доселѣ не отвѣчалъ на ваше любезное письмо, сопровождавшее вашу карточку, потому не стану оправдываться, что нѣтъ у меня оправданій. Спасибо вамъ и за все, и за то, что *вамъ съ нами хорошо и просто*. Покажите же это на дѣлѣ и пріѣзжайте въ Красный Рогъ. Дорога не сложная: Орелъ, Брянскъ, Выгоничи, Красный Рогъ. А здѣсь весною очень, очень хорошо и глухарей будетъ довольно и вальдшнеповъ. Пожалуйста не отмѣняйте вашего добраго намѣренія. Мы васъ любили за глаза, а въ глаза еще болѣе полюбили. Скажу вамъ еще подъ секретомъ, что здѣсь въ лѣсу весною образуются такія красивыя озера, какихъ я нигдѣ не видалъ. Позвольте васъ обнять дружески, именно, какъ стариннаго знакомаго, и ожидать васъ съ распростертыми объятіями. Жена и мы всѣ сердечно вамъ кланяемся.

Вашъ *Ал. Толстой.*

Красный Рогъ.
18 марта, день смерти Іоанна Грознаго.

Отъ 12 мая 69 г. онъ писалъ:

Красный Рогъ.

„Ждемъ васъ къ 8 іюля, милый и дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, ждемъ васъ unguibus et rostro! Unguibus—чтобы васъ обнять, rostro—чтобы расцѣловать. Говорю, по крайней мѣрѣ, за себя. Когда вы пріѣдете, erit bibendum et pede libero pulsanda tellus! Я останусь не только до 8 іюля, но до половины или конца іюля. Выводки у насъ будутъ не только

тетеревиные, но и *глухариные*. Глухарей нынѣшній годъ было много. А потомъ, коли вамъ не претитъ, я буду вамъ читать, сколько написалось, *Царя Бориса*, и три новыя баллады. У васъ также, вѣроятно, есть кое что, а мнѣ не нужно вамъ говорить, что мы всѣ ваши самые искренніе почитатели. Не думаю, чтобы во всей Россіи нашелся кто либо, кто бы оцѣнилъ васъ, какъ я и жена. Мы намедни считали, кто изъ современныхъ иностранныхъ и русскихъ писателей останется и кто забудется. Первыхъ оказалось немного, но когда было произнесено ваше имя, мы въ одинъ голосъ закричали: „Останется, останется *навсегда!*“ И вы какъ будто сами себѣ не знаете цѣну! Жена кланяется вамъ и жметъ вашу руку. Смотрите же, не забудьте:

«Justum et tenacem propositi virum, —
Si fractus illabatur orbis,
Impavidum ferient ruinae» *).

„Не переставайте быть *tenax proposite!*

Душевно вашъ

Ал. Толстой.

По страсти къ охотѣ, я, конечно, описалъ бы всѣ сохранившіеся у меня въ памяти охотничьи эпизоды съ Тургеневымъ; но отчасти онъ передалъ самъ ихъ, разсказавъ, напримѣръ, какъ лѣсной прикащикъ въ Понырахъ, на вопросъ—есть ли дичина?—направляя открытую ладонь къ болоту, воскликнулъ: „а на счетъ всякой дикой птицы не извольте сумнѣваться! въ отличномъ изобиліи имѣется“. И какъ это изобиліе оказалось тѣмъ, что охотники называютъ: ни пера. Я бы разсказалъ, какъ въ Полѣсьѣ за Карачевымъ мы, пробравшись съ версту по мучительному кочкарнику, по которому изъ двухъ шаговъ одинъ разъ нога срывалась съ вершины кочки и вязла выше щиколотки въ промежуточной грязи, выбрались, наконецъ, на громадное и утомительное моховое

*) «Мужъ правоты, неотступный въ обдуманномъ, —
Онъ, еслибъ небо со трескомъ разрушилось,
И подъ обломками не испугается».
Горац. Кн. 3, Ода 3.

болото, гдѣ я убилъ одну холостую тетерьку, а Тургеневъ съ Аѳанасіемъ по одному несчастному бекасу. Я живо помню, когда, отставая на возвратномъ пути отъ измучившагося Тургенева, я услыхалъ его голосъ: „идите, несчастный! а то вы тутъ безъ насъ пропадете!“ И какъ съ коченѣющими ногами мнѣ предстояло пройти обратно версту по убійственному кочкарнику. Я никогда не забуду, какъ Тургеневъ, уже въ прежніе годы дававшій заклятія не охотиться болѣе въ Россіи, усѣвшись со мною на истерзанную оводами тройку, едва слышнымъ шепелявымъ голосомъ сталъ увѣрять меня, что это послѣдняя его охота въ Россіи. Совѣстясь, вѣроятно, кучера, онъ давалъ обѣты на французскомъ языкѣ. „Вы и въ прошломъ году, возражалъ я, говорили то же самое“.

„Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, теперь я уже поклялся великою клятвой матери моей. Этой клятвѣ я никогда не измѣнялъ. Вотъ видите ли, возьмите мою собаку, мое ружье и мои снаряды“.

Вотъ до какой степени мы были разочарованы исчезновеніемъ дичи. Понятно послѣ этого, въ какихъ яркихъ краскахъ я рисовалъ Борисову любезное приглашеніе графа Алексѣя Константиновича, распространявшееся и на Борисова, безъ котораго такая дальняя дорога показалась бы мнѣ скучной. Самъ Иванъ Петровичъ былъ давнишнимъ читателемъ и почитателемъ Ал. Толстаго.

Графъ Ал. Конст. Толстой писалъ отъ 23 іюня 1869 года.

Красный Рогъ.

„Милый, добрѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ, ускорьте вашъ пріѣздъ, вмѣстѣ съ г-мъ Борисовымъ, ибо молодые глухари не только летаютъ, но летаютъ высоко и далеко. Теперь самая пора ихъ стрѣлять. Сверхъ того, есть полевые тетерева и молодые бекасы и дупели. Утокъ гибель. Можно за ними охотиться въ лодкѣ въ такъ называемомъ Каменномъ болотѣ. Однимъ словомъ, не отлагайте вашего пріѣзда. Есть у меня три акта *Царя Бориса,* которые я вамъ прочелъ бы съ наслажденіемъ, и три новыя баллады. Я смотрю, и мы всѣ смотримъ на вашъ пріѣздъ, какъ на праздникъ, и будемъ ожидать васъ съ распростертыми объятіями.

Весь вашъ *Ал. Толстой.*

Въ условный день мы съѣхались съ Борисовымъ въ Орлѣ и по Витебской дорогѣ отправились къ Брянску съ самыми розовыми мечтами, въ надеждѣ на моего Гектора. За нѣсколько станцій до Брянска поѣздъ что-то надолго остановился, и, не находя мѣста отъ полдневнаго зноя, остановился и я въ какомъ-то оцѣпенѣніи посреди залы 1-го класса. Не смотря на возвышенную температуру всего тѣла, я почувствовалъ какое-то необыкновенно мягкое тепло, охватившее средній палецъ правой руки. Опустивши глаза книзу, я увидалъ, что небольшой желтый, какъ пшеничная солома, медвѣженокъ, усѣвшись на заднія ноги, смотритъ вверхъ своими сѣроватыми глазками и съ самозабвеніемъ сосетъ мой палецъ, принимая меня, вѣроятно, за свою мать. Раздался звонокъ, и я долженъ былъ покинуть моего бѣднаго гостя.

Въ Брянскѣ насъ ожидала прекрасная графская тройка въ коляскѣ-тарантасѣ. Во всю дорогу до Краснаго Рога намъ приходилось убѣждаться по пересѣкаемой древесными корнями и въ нѣсколько верстъ застланной бревенчатымъ накатомъ дорогѣ въ невозможности ѣздить по ней на рессорахъ. Не взирая на нѣкоторое однообразіе хвойныхъ лѣсовъ, дорога всетаки не лишена была самобытной прелести. Густая стѣна елей порою раздвигалась, давая мѣсто озерцу, покрытому водорослями, откуда, при грохотѣ экипажа, почти изъ подъ самыхъ ногъ лошадей, съ кряканьемъ вылетали огромныя дикія утки; а по временамъ на высокихъ вершинахъ виднѣлись мощные отдыхающіе орлы. Излишне говорить, до какой степени любезны и гостепріимны были наши хозяева.

Не взирая на старинный и съ барскими затѣями выстроенный красивый деревянный домъ, мы съ Борисовымъ помѣщены были въ отдѣльномъ флигелѣ, гдѣ могли, не тревожа никого, подыматься раннею зарею на охоту, а равно и отдыхать по возвращеніи съ нея. Изъ постороннихъ мы въ домѣ застали блестяще образованнаго молодаго человѣка Х—о, занимающаго въ настоящее время весьма видное мѣсто въ нашей дипломатіи. Трудно было выбирать между бесѣдами графа въ его кабинетѣ, гдѣ, говоря о самыхъ серьезныхъ предметахъ, онъ умѣлъ вдругъ озарять бесѣду неожиданностью à la Прутковъ,—и салономъ, гдѣ графиня умѣла ожи-

вить свой чайный столъ какимъ-нибудь тонкимъ замѣчаніемъ о старинномъ живописцѣ, или какомъ-либо историческомъ лицѣ, или, подойдя къ роялю, мастерскою игрою и пѣніемъ заставить слушателя задышать лучшею жизнью. Надо мимоходомъ замѣтить, что графъ, не будучи самъ охотникомъ, принужденъ былъ руководствоваться въ сужденіяхъ о состояніи охоты словами лѣсныхъ сторожей, тоже не охотниковъ; и введенный съ перваго же утра въ высокій строевой лѣсъ, я сразу увидалъ, что тутъ никакой охоты на тетеревей быть не можетъ, вопервыхъ, потому, что выводковъ ищутъ по кустамъ и гарямъ; а вовторыхъ, потому, что если мы случайно и нападали на выводокъ, то онъ сейчасъ же скрывался въ вершинахъ деревьевъ—и конецъ. Время было нестерпимо знойное, и мы довольно рано возвращались съ охоты въ свой флигель. Послѣ завтрака дня съ два устраивалось чтеніе графомъ сначала *Θедора Іоанновича,* а затѣмъ еще неоконченнаго *Царя Бориса*.

Однажды состоялась прогулка въ большой линейкѣ по лѣснымъ дачамъ. Молодой X — о ѣхалъ верхомъ, а насъ всѣхъ везла прекрасная четверка. По страсти къ лошадямъ, я спросилъ графа о цѣнѣ лѣвой пристяжной.

— Этого я совершенно не знаю, былъ отвѣтъ;—такъ какъ хозяйствомъ рѣшительно не занимаюсь.

Когда дорога пошла между стѣнами ельника, графъ затянулъ чрезвычайно удобную для хороваго пѣнія тирольскую пѣсню про Андрея Гофера. Графиня завторила и затѣмъ запѣли всѣ въ экипажѣ и верхомъ, и пѣсня весьма гармонично сопровождалась эхомъ. Тамъ, гдѣ лѣса разбѣгались широкими сѣнокосами, я изумлялся обилію стоговъ сѣна. На это мнѣ пояснили, что сѣно накопляютъ впродолженіе двухъ-трехъ лѣтъ, а затѣмъ (кто-бы повѣрилъ?) за неимѣніемъ мѣста для склада, старые стога сжигаютъ. Этого хозяйственнаго пріема толстаго господина, проживавшаго въ одномъ изъ большихъ флигелей усадьбы, котораго я иногда встрѣчалъ за графскимъ столомъ, въ качествѣ главнаго управляющаго, я и тогда не понималъ и до сихъ поръ не понимаю.

Передъ однимъ изъ балконовъ находился прекрасно содержимый англійскій садъ, куда графъ выходилъ гулять послѣ

обѣда съ большой настойчивостью. Не желая отказываться отъ его вдохновенной бесѣды, я не отставалъ отъ него, хотя никогда не любилъ прогулокъ. Жалко было видѣть, что прилежная ходьба графа вызывалась нестерпимыми головными болями; и хотя бы онъ порою болѣзненно не хватался за лобъ, уже одинъ багровый цвѣтъ лица свидѣтельствовалъ о сильнѣйшемъ приливѣ крови. Эти ужасныя головныя боли не уступали никакимъ лѣченіямъ и минеральнымъ водамъ, куда графъ тѣмъ не менѣе пробовалъ обращаться. И вотъ одна изъ причинъ, по которымъ переписка наша понемногу замолкла.

Въ 1873 году Алексѣй Константиновичъ переслалъ мнѣ свою прелестную поэму: „Сонъ Попова" при слѣдующихъ строкахъ:

Красный Рогъ.
12 октября 1873 г.

„Добрый, хорошій, милый, любезный Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Прежде всего позвольте мнѣ васъ обнять и поблагодарить за добрую память и за стихотвореніе: „Только встрѣчу улыбку твою"... Вы знаете, какъ я и жена высоко цѣнимъ васъ и какъ человѣка, и какъ поэта, и вы можете себѣ вообразить, какое удовольствіе доставили намъ ваши строки. А теперь я долженъ вамъ сказать, отчего я до сихъ поръ вамъ не отвѣчалъ: съ мая мѣсяца у меня почти не перестаетъ болѣть голова, но послѣдніе два мѣсяца, особенно конецъ сентября и начало октября, были для меня настоящею пыткой, такъ что ни на часъ, ни на четверть часа я не былъ свободенъ отъ самыхъ яростныхъ невральгическихъ болей въ головѣ. Я не только не могъ для васъ списать „Попова", но не могъ написать ни одной строчки. Теперь, по крайней мѣрѣ, я на нѣсколько часовъ бываю свободенъ и пользуюсь именно такимъ промежуткомъ, чтобы извиниться передъ вами. На дняхъ, жена и я, мы ѣдемъ заграницу на зиму, пока въ Швейцарію, въ Montreux, а тамъ можетъ быть и въ Италію. Что вы послѣднее время такъ мало пишете? Вамъ бы не слѣдовало переставать; а такъ какъ вы поэтъ лирическій par excellence, то все, что васъ окружаетъ, хотя-бы и проза, и свинство,—можетъ вамъ служить отрицательнымъ вызовомъ для

поэзіи. Неужели бестіальскій взглядъ на васъ русскихъ фельетоновъ можетъ у васъ отбить охоту? Да онъ-то и долженъ былъ васъ подзадорить! Обнимаю васъ сердечно, жена вамъ дружески жметъ руку, всѣ мы васъ любимъ.

Вашъ *Ал. Толстой.*

Предоставляя болѣе подробное описаніе характеристики Алексѣя Толстаго его біографамъ, я остановился въ моихъ воспоминаніяхъ на немногихъ точкахъ нашихъ болѣе или менѣе случайныхъ встрѣчъ и считаю себя счастливымъ, что встрѣтился въ жизни съ такимъ нравственно здоровымъ, широко образованнымъ, рыцарски благороднымъ и женственно нѣжнымъ человѣкомъ, какимъ былъ покойный графъ Алексѣй Константиновичъ.

24 января 1869 года, запасшись необходимыми бумагами и главною купчею Тима, я съ вечернимъ курьерскимъ поѣздомъ Московско-Рязанской дороги отправился по направленію къ Грязямъ и оттуда въ Елецъ, куда по уговору ожидалъ и Н. И. Ак—ва для совершенія купчей въ окружномъ судѣ. Вспоминаю небольшое приключеніе свое на этомъ ночномъ поѣздѣ. Помню, что въ вагонѣ 1-го класса было довольно тѣсновато и, какъ мнѣ показалось, душно. Помню, что, почувствовавъ себя дурно, я всталъ и пошелъ въ уборную и на разсвѣтѣ, раскрывая глаза, увидалъ себя занимающимъ два мѣста рядомъ. Отъ слабости я едва поднималъ голову, хотя боли никакой не чувствовалъ. Оказалось, что, падая въ обморокѣ навзничъ, я спиною завалилъ дверку уборной, отворявшуюся внутрь; и уже не знаю, какимъ образомъ кондукторъ вынулъ меня оттуда. Покойно отдыхая на диванѣ, я понималъ, что обязанъ этимъ благотворительности нѣсколькихъ молодыхъ спутниковъ и спутницъ: они оказались елецкими помѣщиками и вѣроятно въ свою очередь спросили объ имени,—такъ какъ я совершенно ясно помню ихъ разсужденія о томъ, что до сихъ поръ они были убѣждены, что Фетъ только литературный псевдонимъ Шеншина.

По пріѣздѣ въ Елецъ, помню только ожидавшія ихъ двѣ прекрасныя тройки въ саняхъ, обитыхъ краснымъ сукномъ. Благодѣтели мои помѣстили меня въ однѣ изъ саней и отвезли

въ лучшую гостинницу, помнится, — Петербургскую. Конечно, они мнѣ сказали свою фамилію, и я усердно благодарилъ ихъ, но въ полусознательномъ состояніи я не удержалъ этого имени въ памяти и былъ бы очень счастливъ, чтобы хотя изъ этихъ записокъ они увидали, что я не забылъ ихъ благодѣянія.

Добравшись до теплаго номера, я, конечно, почти весь день пролежалъ въ постели. Зато на другой день бросился къ старшему нотаріусу пріуготовить безпрепятственное совершеніе купчей. Посмотрѣвши прежнюю купчую, старшій нотаріусъ наотрѣзъ заявилъ, что безъ вводнаго листа совершать купчей не станетъ. И когда я сталъ его просить,— нельзя ли въ архивѣ поискать дѣло о продажѣ мнѣ Тима,— онъ пояснилъ, что дѣла свалены въ величайшемъ безпорядкѣ, и чиновники архива невозможные пьяницы. Испытавши не разъ, что никакія формальности при купчей не гарантируютъ покупателя отъ возникновенія всяческихъ претензій на купленное имущество,—я никакъ не могъ понять, почему, при существованіи законной купчей, нотаріусы требуютъ такъ настойчиво и вводнаго листа? Но такъ какъ успѣхъ дѣла зависѣлъ отъ взгляда нотаріуса, а не моего, то и пришлось отправляться въ морозный нетопленный архивъ и не только обѣщать чиновникамъ извѣстное вознагражденіе за отысканіе дѣла, но ежеминутно давать имъ денегъ на водку, необходимую, по ихъ словамъ, чтобы согрѣться надъ работой въ морозномъ архивѣ. Когда часа черезъ два послѣ выдачи денегъ я являлся въ архивъ, то находилъ тружениковъ почти безъ языка. „Помилуйте, восклицалъ заглядывавшій въ архивъ старшій нотаріусъ:—вы распоили мнѣ моихъ чиновниковъ".

— Вы же сами, отвѣчалъ я, вынуждаете меня рыться въ хаотическомъ архивѣ.

Такъ провелъ я два дня въ этомъ миломъ уголкѣ, который навѣрное былъ бы не забытъ Дантомъ въ его аду, если бы только былъ ему извѣстенъ. Къ этому слѣдуетъ присоединить еще и другую заботу. Съ часу на часъ ждалъ я пріѣзда Ник. Ив. Ак—ва, а его-то, какъ нарочно, и не было. Наступилъ срочный день, условленный запродажною записью, а о Николаѣ Ивановичѣ ни слуху, ни духу.

Часовъ въ 9 утра я усѣлся за свой утренній кофей, желая развлечься хотя какимъ-нибудь механическимъ дѣйствіемъ. Вдругъ огненно-красная портьера въ переднюю зашевелилась, и изъ-за нея выглянуло лакомъ покрытое лицо Николая Ивановича.

— Николай Ивановичъ! да что жь вы это? я измучился.

— Помилуйте-съ, кажется въ самый срокъ!

— Я тутъ истомился съ этимъ полякомъ нотаріусомъ да съ его пьянами чиновниками, отыскивая отмѣтку вводнаго листа.

— Помилуйте-съ, онъ у меня-съ! Вы сами его мнѣ передали.

Вечеромъ того же дня съ деньгами, но уже безъ приключеній я отправился обратно въ Москву.

Тургеневъ писалъ отъ 13 января 1869 г. изъ Карлсруэ:

„Хотѣлъ было отвѣчать стихами по старой памяти на ваши милые стихи, любезнѣйшій Аѳ. Аѳ., но какъ я ни шпорилъ своего Пегаса (не собаку мою, которая такъ называется, а Аполлонова коня)—ни съ мѣста! Нечего дѣлать, приходится прибѣгнуть къ oratio pedestris. Прежде всего позвольте выразить удовольствіе, доставленное мнѣ возобновленіемъ нашей переписки, а также и тѣмъ, что ваша поѣздка въ Елецъ и бѣдствованія по россійскимъ трактирамъ не остались безплодными, а, напротивъ, разрѣшились для васъ великолѣпной сдѣлкой, наполнившей ваши карманы ручьями „*цаковыхъ*" *). Теперь, стало быть, можно вамъ успокоиться. Неужели Боткинъ такъ плохъ, и нельзя ли мнѣ узнать его адресъ? Я провожу зиму въ Карлсруэ, охочусь много, работаю мало. Въ январьской книжкѣ Русск. Вѣстника будетъ моя штука. Написана она горячо и безъ всякой задней мысли,—а, быть, можетъ, тоже не понравится. Г-жа Віардо ее не одобрила, и потому въ моихъ глазахъ судъ надъ нею уже произнесенъ. По крайней мѣрѣ не длинно. Только можно читать, что Л. Толстаго, когда онъ не философствуетъ, — да Рѣшетникова. Вы читали что-нибудь сего послѣдняго? Правда, дальше идти

*) Тургеневъ всегда говорилъ, что будто бы никто не произноситъ съ такимъ выраженіемъ, какъ я, слово *цѣлковый*, и что ему каждый разъ кажется, что я уже положилъ его въ карманъ.

не можетъ. Чертъ знаетъ что такое! Безъ шутокъ, очень замѣчательный талантъ.

„Ну а вы, мировая судія, что подѣлываете? Какъ то вы лишились вашего возлюбленнаго предводителя? Вамъ непремѣнно надо написать свои мемуары и записки, какъ судьи.— Sine ira et studio, и не думая ни о нигилистахъ, ни о Некрасовѣ, ни даже о Минаевѣ. И когда я пріѣду весной въ деревню — въ Степановку, — вы должны уже мнѣ прочесть нѣсколько отрывковъ. Славно будетъ!

„Ну а засимъ прощайте. Милой вашей женѣ кланяюсь низехонько, а вамъ дружески жму руку.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

P. S. „Я посылаю письмо черезъ Борисова, ибо не знаю навѣрное, гдѣ вы витаете“.

Проѣзжающій по Московско-Курской дорогѣ, взглянувъ на пятой верстѣ отъ Мценска къ Орлу налѣво, увидитъ каменную церковь села Волкова и на минуту мелькнувшій на просѣкѣ парка прекрасный каменный домъ. Это и была усадьба уѣзднаго предводителя В. А. Ш—а, съ которымъ мы уже встрѣчались въ этихъ воспоминаніяхъ. Сколько лицъ пировало въ этой большой залѣ за хлѣбосольнымъ столомъ хозяина, любившаго и умѣвшаго угостить! Предводитель, подобно Тургеневу, былъ любитель шахматной игры, и поэтому мы не разъ съ Тургеневымъ встрѣчались въ этомъ домѣ, не забывая притомъ и пріятнаго вліянія Редерера. Мало заинтересованный закулисными пружинами общественной жизни, я положительно не зналъ и не знаю до сихъ поръ причинъ, по которымъ, въ бытность мою въ Москвѣ, отслужившій пять трехлѣтій, Влад. Ал. не продолжалъ своего служенія, уступая мѣсто Ал. Арк. Тимирязеву, съ которымъ мы познакомились выше. Не знаю, кто изъ насъ чаще бывалъ у бывшаго предводителя: я или Тургеневъ. Что Тургеневъ не чуждался своей дворянской роли, заключаю потому, что видѣлъ его въ Спасскомъ, охорашивающимся передъ зеркаломъ въ только что полученномъ отъ портнаго дворянскомъ мундирѣ, въ которомъ, какъ онъ говорилъ, онъ ѣдетъ въ

экстренное дворянское собраніе. Поэтому я никакъ не могу понять фразы послѣдняго его письма: „Какъ-то вы лишились вашего возлюбленнаго предводителя?“ Тогда какъ съ одинаковымъ правомъ онъ бы могъ сказать *моего* или, по крайней мѣрѣ, *нашего.*

Тургеневъ изъ Карлсруэ писалъ отъ 18 февраля 1869 г.:

«Въ отвѣтъ на возгласъ соловьиный
(Онъ устарѣлъ, но голосистъ!)
Шлетъ щуръ сѣдой съ полей чужбины
Хоть хриплый, но привѣтный свистъ.
Эхъ! плохи стали птицы обѣ
И ужь не поюнѣть имъ вновь!
Но движется у каждой въ зобѣ
Все то же сердце, та же кровь....
И знай: едва весна вернется
И заиграетъ жизнь въ лѣсахъ, —
Щуръ отряхнется, встрепенется
И въ гости къ соловью махъ-махъ!»

„Вотъ, вѣрите ли, любезнѣйшій Аѳ. Аѳ., ваше премилое стихотвореніе и меня расшевелило! Я очень радъ, что мы между собою совершили опять то, что въ 1866 году никакъ не удалось Баварской и Баденской арміи—eine Fühlung *). Весною, если никакого не встрѣтится препятствія, эта Fühlung непремѣнно превратится въ Zusammenkunft.

„Я воспользовался присланнымъ адресомъ и сегодня же написалъ письмо Василію Петровичу; да кстати уже двумъ другимъ калѣкамъ: Николаю Милютину да Александру Герцену; этотъ послѣдній больше всѣхъ искалѣченъ жизнью. Нѣтъ, рѣшительно, жизнь не шутитъ. И когда начинаетъ она щелкать, только держись! Всѣ старые грѣхи помянетъ, ни одного не пропуститъ! Перевалившись за 50 лѣтъ, человѣкъ живетъ какъ въ крѣпости, которую осаждаетъ смерть и непремѣнно возьметъ... Остается защищаться да и безъ вылазокъ.

„Нѣмецкую книгу, которую вы желаете имѣть, привезу

*) Fühlung—осязаніе, нащупываніе.

вамъ непремѣнно и очень любопытствую прочесть ваши замѣтки о мировомъ законодательствѣ. Что касается до моей посильной дѣятельности, то вамъ вѣроятно уже извѣстно, что я тиснулъ штуку въ первомъ номерѣ Русск. Вѣстника, а въ мартовской книжкѣ Вѣстника Европы будутъ помѣщены мои „Воспоминанія о Бѣлинскомъ“. Это, я полагаю, васъ нѣсколько больше заинтересуетъ. Но что меня теперь интересуетъ—это первое представленіе нашей оперетки („Послѣдній колдунъ“ съ музыкою г-жи Віардо) на Веймарскомъ театрѣ 8 апрѣля. Я непремѣнно туда поѣду и буду трепетать, хотя успѣхъ вѣроятенъ: музыка прелестная. Если оперетка понравится, то это можетъ имѣть важное вліяніе па будущую карьеру Віардо: она займется композиціей. Посылаю вамъ, какъ поэту и любителю изящнаго, фотографическую карточку старшей дочери г-жи Віардо; что за прелесть! Вотъ на кого нужно стихи писать. И талантомъ къ живописи она обладаетъ необычайнымъ, и вообще существо удивительное. Кланяюсь вашей женѣ.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

Не успѣли мы вернуться въ Степановку, какъ пришла вѣсть о смерти бѣдной Нади въ заведеніи „Всѣхъ Скорбящихъ“, гдѣ она провела послѣдніе свои годы. Изъ желанія привлечь вниманіе читателя, я началъ свои воспоминанія со встрѣчи моей съ выдающимися литературными дѣятелями моего времени, и не знаю, доведется ли мнѣ начать свою автобіографію съ дѣтства и отрочества. Но въ настоящую минуту, даже занимаясь исключительно второю половиной моей жизни, я поневолѣ иногда озираюсь на первую, находя въ ней однородныя явленія. Я никогда не забуду минуты, когда, только что кончившій курсъ 23-хъ лѣтній юноша, я готовъ былъ, уступая мольбамъ болѣзненно умирающей матери, отказаться отъ всей карьеры и, зарядивъ пистолетъ, однимъ вѣрнымъ ударомъ покончить ея страданія. Можно представить, съ какимъ радостнымъ умиленіемъ я смотрѣлъ на ея дорогое и просвѣтленное лицо, когда она лежала въ гробу. Не странно ли, что впослѣдствіи я не встрѣтилъ ни одной смерти близкихъ мнѣ людей безъ внутренняго прими-

ренія, чтобы не сказать—безъ радости. Такъ было и съ бѣдною Надей.

Толстой писалъ отъ 5 марта 1869 года:

„Ради Бога не измѣните, милый другъ. Съ 13-го на 14-е въ ночь васъ будутъ дожидаться лошади въ Ясенкахъ. А то кончится тѣмъ, что мы съ вами съ удивленіемъ встрѣтимся на томъ свѣтѣ.—„А, вы ужь здѣсь, Аѳан. Аѳан.?"—Виноватъ я за то, что не писалъ вамъ; но не наказывайте меня и пріѣзжайте не на день, а на два. Много надо поговорить. Наши душевные поклоны съ женою Марьѣ Петровнѣ. Ждемъ васъ съ большою радостью.

Вашъ *Л. Толстой.*

Съ первыхъ дней открытія мценскаго мироваго съѣзда, ежемѣсячныя засѣданія его остались вѣрными по сей день 12-му числу каждаго мѣсяца. Письмо графа, очевидно, приглашало меня воспользоваться прямо со съѣзда сравнительной близостью Ясенковъ отъ Мценска.

Въ маѣ мѣсяцѣ въ Степановку прибылъ съ молодою женою одинъ изъ меньшихъ братьевъ Боткиныхъ, Владиміръ, славившійся между знакомыми физическою силой и гимнастическими упражненіями. Я помню, какъ, возвращаясь теплой вечернею зарею въ половинѣ мая со степной прогулки, онъ остановился и, глубоко вздохнувъ, воскликнулъ, обращаясь къ женѣ своей: „неправда ли, что подобный воздухъ прибавляетъ десять лѣтъ жизни?" Такое идиллическое расположеніе духа юнаго силача заставило насъ разсказывать объ осеннемъ пріѣздѣ въ Степановку втораго изъ старшихъ братьевъ Боткиныхъ—Николая, съ которымъ мы не разъ встрѣчались въ нашихъ воспоминаніяхъ, какъ съ человѣкомъ, находившимъ величайшую отраду въ доставленіи удовольствія другимъ. Въ послѣднее время онъ и въ Москвѣ появлялся рѣдко, а предавался своимъ нескончаемымъ путешествіямъ по Малой Азіи и Египту, такъ какъ Европа уже видимо ему надоѣла. Въ единственный пріѣздъ свой прошлою осенью въ Степановку, онъ прямо объявилъ, что пріѣхалъ проститься передъ отъѣздомъ въ Египетъ. Но при этомъ онъ былъ неузнаваемъ: онъ дотого былъ мраченъ, не взирая на всѣ усилія сопро-

вождавшаго его услужливаго компаніона, что даже три дня, проведенные имъ въ Степановкѣ, показались намъ тяжелыми.

Настоящая весна и лѣто, начавшіяся смертью Нади, не переставали напоминать о смерти. Не успѣли мы проводить въ Москву молодую чету Боткиныхъ, какъ получено было извѣстіе о слѣдующемъ приключеніи съ туристомъ Ник. Петр. Боткинымъ. Проѣздомъ изъ Александріи, онъ остановился въ Пештѣ въ большой гостинницѣ. Почему-то наканунѣ онъ отказалъ своему слугѣ-французу, помѣщавшемуся въ той же гостинницѣ нѣсколькими этажами выше. Ночью во время безсонницы, мучимый, вѣроятно, сожалѣніемъ о своемъ отказѣ, онъ, подымаясь въ верхніе этажи, сталъ отыскивать дверь слуги-француза, и увѣренный, что нашелъ ее, въ потьмахъ вошелъ въ номеръ. Ночевавшій въ номерѣ венгерецъ, считая пришедшаго за вора, сталъ громко звать на помощь. Этотъ крикъ въ свою очередь дотого напугалъ Боткина, что, принимая оконную раму съ низкимъ подоконникомъ за дверь, онъ, какъ сильный человѣкъ, сталъ кулакомъ бить по переплету и выламывать раму. Швейцаръ гостинницы, услыхавши вверху лѣстницы погромъ, со свѣчей и съ крикомъ бросился вверхъ, чтò, быть можетъ, еще усилило потерянность Боткина. Швейцаръ засталъ послѣдняго въ ту минуту, когда онъ вмѣстѣ съ выломленною рамой упалъ на мостовую съ пятаго этажа и, разумѣется, остался мертвымъ на мѣстѣ. Происшествіе это было такъ неожиданно и представляло такую путаницу, что гостившій у насъ двѣ недѣли тому назадъ Владиміръ Боткинъ тотчасъ же отправился въ Пештъ и привезъ оттуда въ Москву тѣло брата.

Боткинъ писалъ отъ 9 іюня 1869 г. изъ Италіи:

„Милые друзья! я теперь беру ванны на островѣ Исхіи и хотя взялъ уже 28 ваннъ, но на ревматизмъ онѣ вліянія не имѣли. Отсюда черезъ три дня отправляемся обратно тихими переѣздами до Мюнхена, гдѣ условились свидѣться съ Сережей. Куда онъ назначитъ, туда и поѣду. — Плохъ я, страшно слабъ; лишенный всякаго малѣйшаго движенія, не могу не только передвигать ноги, но даже стоять; словомъ, болѣзнь такъ сильно овладѣла мною, что я не имѣю никакихъ надеждъ на поправленіе. Еще здѣсь со мною братъ

Миша, которому я и диктую это письмо; а что будетъ безъ него, я боюсь и думать. Оттого мнѣ хочется на зиму въ Петербургъ. Мнѣ возражаютъ—климатъ,—а мнѣ всю зиму постоянно только дѣлалось хуже. А въ Петербургѣ я, по крайней мѣрѣ, буду у себя дома. Вообще все это должно рѣшиться при свиданіи съ Сережей,—гдѣ мнѣ придется зимовать. Какъ я часто вспоминаю Степановку и вашу тихую жизнь, и время, которое я жилъ тамъ, и вы не можете представить себѣ, какъ мнѣ пріятно все это вспоминать, и все это стало для меня невозвратнымъ прошедшимъ.

„Мы только на дняхъ кончили „Войну и Миръ". Исключая страницъ о масонствѣ, которыя мало интересны и какъ-то скучно изложены,—этотъ романъ во всѣхъ отношеніяхъ превосходенъ. Но неужели Толстой остановится на пятой части? Мнѣ кажется, это невозможно. Какая яркость и вмѣстѣ глубина характеристики! Какой характеръ Наташи и какъ выдержанъ! Да, все въ этомъ превосходномъ произведеніи возбуждаетъ глубочайшій интересъ. Даже его военныя соображенія полны интереса, и мнѣ въ большей части случаевъ кажется, что онъ совершенно правъ. И потомъ какое это глубоко-русское произведеніе.

„Къ немалому моему огорченію, Обрывъ Гончарова (увы! я самъ не читаю, все это читаетъ мнѣ Миша)—оказался длинной, многословной рапсодіей, утомительной до тошноты. Впрочемъ мы могли одолѣть только двѣ части. А между тѣмъ однакожь какой талантъ, какая изобразительность описаній! Ему описаніе вещей удается болѣе людей. Райскій есть просто нелѣпость.

„Вы не смотрите на мое молчаніе и будьте великодушны—пишите мнѣ. Вѣдь вы знаете, что вы мнѣ близкіе и дорогіе люди. Если Сережа не позволитъ мнѣ зимовать въ Петербургѣ, то я пріѣду на зиму въ Парижъ и тамъ постараюсь устроиться. Можетъ быть ты, Маша, навѣстишь меня? Я теперь не знаю, гдѣ я буду, и потому, какъ опредѣлится мое мѣстопребываніе, то я вамъ тотчасъ напишу. Пока прощайте, добрые друзья мои.

Преданный вамъ всѣмъ сердцемъ *В. Боткинъ*.

Не прошло и двухъ мѣсяцевъ съ трагической смерти Николая Боткина, какъ пришла вѣсть о внезапно заболѣвшемъ тифомъ Владимірѣ Петровичѣ, который черезъ нѣсколько дней и скончался.

Вмѣстѣ съ пріѣхавшимъ къ намъ изъ своей Грайворонки братомъ Петромъ Аѳан., мы отправились обѣдать къ Александру Никитичу и сестрѣ Любенькѣ. Конечно, въ нашемъ семейномъ кругу разговоръ тотчасъ же склонился къ смерти дорогой Нади. И по этому случаю Любинька первая подняла знамя бунта насчетъ отчужденности дорогой усопшей отъ семейнаго кладбища. Это, по выраженію ея, было намъ, близкимъ ея, — непростительно. „И мы должны, говорила она, употребить всѣ усилія и пойти на всѣ издержки, для перенесенія ея тѣла изъ Петербурга сюда". Конечно, подъ живымъ впечатлѣніемъ недавней утраты, никто даже не спросилъ,—что значитъ: сюда? Правда, въ родовомъ селѣ Клейменовѣ покоится не отецъ, а дядя нашего отца и затѣмъ наши родители: отецъ и мать. Но болѣе изъ нашего рода никого тамъ нѣтъ. Судьба точно позаботилась раскидать всѣхъ нашихъ усопшихъ по всей странѣ отъ Петербурга и до Кавказа. Но увлеченіе такъ и называется только потому, что уноситъ насъ мимо всякихъ соображеній и препятствій. Положа раздѣлить расходъ на три части и зная мои дружескія отношенія къ Борисову,—меня просили съѣздить къ нему и передать ему нашу общую просьбу.

Борисовъ, никогда не бывшій особенно сообщительнымъ, велъ, со времени разлуки съ женою и отдачи сына въ училище, жизнь замѣчательно уединенную. Изъ трехъ главныхъ усадебныхъ Новосельскихъ построекъ, среднюю, т. е. домъ о десяти комнатахъ, Борисовъ, какъ слишкомъ большую для себя, заперъ; а старый флигель, въ которомъ когда-то жилъ отецъ нашъ, былъ частію обращенъ въ кухню, а частію въ жилище повара и единственнаго слуги. Самъ же Иванъ Петровичъ помѣщался въ новомъ флигелѣ, отстоящемъ шаговъ на сто какъ отъ дома, такъ и отъ стараго флигеля. Во флигелѣ этомъ, состоящемъ всего изъ двухъ большихъ и двухъ маленькихъ комнатъ, умерла когда-то наша мать, прожили мы съ женою два лѣта и проживалъ въ настоящее время Иванъ Петровичъ. Зи-

мою нельзя было себѣ представить ничего пустыннѣе этого флигеля, стоящаго неподалеку отъ опушки лѣса. Прислуга съ крыльца стараго флигеля, когда окна Ивана Петровича еще свѣтились, нерѣдко видала на дорожкѣ передъ его сѣнями флегматически стоящихъ волковъ,—когда одного, а когда и двухъ. Часы для подачи обѣда и самоваровъ были заранѣе опредѣлены, а въ экстренныхъ случаяхъ призыва слуги, Борисовъ выходилъ на свое крылечко и стрѣлялъ изъ ружья. Черезъ нѣсколько минутъ являлся слуга.

Въ первой комнатѣ на диванѣ мнѣ приготовили постель, но прежде чѣмъ отойти ко сну, мнѣ хотѣлось разъяснить вопросъ, ради котораго я пріѣхалъ. Только энергически сдержанной и изстрадавшейся натурой можно объяснить исходъ моей мирной и дружелюбной рѣчи. Не давая себѣ труда объяснить своего отказа, Борисовъ напрямикъ объявилъ, что чего бы родные его жены ни предпринимали, онъ авторитетомъ мужа трогать тѣло жены съ мѣста погребенія не позволитъ, и наконецъ спросилъ: „ты только передаешь рѣшеніе всѣхъ остальныхъ или же и самъ въ немъ участвуешь?“— Конечно, я отвѣчалъ, что участвую. „Ну такъ, сказалъ онъ съ дрожью въ голосѣ и съ брызнувшими слезами: не знай же ты болѣе ни меня, ни моего сына. Никто не знаетъ, что я сдѣлалъ гораздо болѣе, чѣмъ позволяютъ наши средства“.

Съ этими словами онъ круто повернулся и ушелъ въ свою комнату; и до отъѣзда моего раннимъ утромъ мы не обмѣнялись ни однимъ словомъ, и я слышалъ ясно его сдержанныя рыданія. Чего бы, кажется, проще было переступить черезъ порогъ, обнять друга дѣтства и даже разбранить его за неумѣстное трагическое воспріятіе плана, въ которомъ не было ни малѣйшаго желанія оскорбить его. Но я самъ былъ ошеломленъ всѣмъ случившимся, и, къ стыду моему, мнѣ не разъ въ жизни случалось (какъ сказалось у меня въ одномъ изъ стихотвореній):

«Шептать и поправлять былыя выраженья
Рѣчей моихъ съ тобой, исполненныхъ смущенья»...

Тургеневъ писалъ отъ 23 августа 1869 года изъ Бадена: „20 сентября нашего стиля я подъѣду къ вашему Баден-

скому дому“—фраза эта, вычитанная мною въ вашемъ письмѣ, любезнѣйшій Аѳ. Аѳ., повергла меня въ совершеннѣйшее недоумѣніе. 20 сентября нашего стиля равняется 2-му октября европейскаго,—значитъ съ небольшимъ черезъ три недѣли? Охота у насъ въ Баденѣ тогда въ самомъ разгарѣ, и вы бы имѣли всѣ возможные случаи отличиться. Но какъ же вы впродолженіе письма говорите о вашихъ работахъ по *мировой* части до самой весны и вообще уже болѣе не упоминаете объ этомъ путешествіи? Непонятно, рѣшительно непонятно! Жили бы вы, конечно, у меня въ домѣ, всѣ бы вамъ обрадовались, но всетаки это мнѣ кажется темнотою, и потому я не могу предаться никакимъ пріятнымъ мечтамъ по этому поводу.

„Здоровье мое исправилось, и я, хотя осторожно, могу съ разрѣшенія доктора ходить на охоту. Былъ всего два раза: въ первый разъ стрѣлялось отлично—изъ 14 выстрѣловъ попалъ 11 разъ; во второй разъ стрѣлялъ гораздо хуже: 27 выстрѣловъ — убито 15 штукъ. Долго ходить не могу. Однако послѣ завтра отправляюсь опять. Литературой занимаюсь мало и до сихъ поръ не могу окончить дурацкихъ моихъ „Воспоминаній“. Театръ у г-жи Віардо устроенъ окончательно. Ѣздилъ въ Мюнхенъ, видѣлъ много хорошаго. Жизнь вообще ничего: то ползетъ, то течетъ и, главное, проходитъ.

„Мой садъ здѣсь также разростается: пріѣзжайте, посмотрите.

„Но какую же вы мнѣ задали загвоздку! На всякій случай къ 20-му сентября стараго стиля комната будетъ готова.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

Толстой писалъ отъ 30 августа 1869 года:

„Получилъ ваше письмо и отвѣчаю не столько на него, сколько на свои мысли о вас. Ужь вѣрно я не менѣе вашего тужу о томъ, что мы такъ мало видимся. Я дѣлалъ планы пріѣхать къ вамъ и дѣлаю еще. Но до сихъ поръ вотъ не готовъ шестой томъ, который я думалъ кончить мѣсяцъ тому назадъ,—до сихъ поръ, хотя весь давно набранъ,—не конченъ.

„Знаете ли что было для меня нынѣшнее лѣто?—Неперестающій восторгъ передъ Шопенгауэромъ и рядъ духовныхъ наслажденій, которыхъ я никогда не испытывалъ. Я выписалъ

всѣ его сочиненія и читалъ и читаю (прочелъ и Канта). И вѣрно ни одинъ студентъ въ свой курсъ не учился такъ много и столь многаго не узналъ, какъ я въ нынѣшнее лѣто. Не знаю, перемѣню ли я когда мнѣніе, но теперь я увѣренъ, что Шопенгауэръ геніальнѣйшій изъ людей. Вы говорили, что онъ такъ себѣ кое что писалъ о философскихъ предметахъ. Какъ кое что? Это весь міръ въ невѣроятно ясномъ и красивомъ отраженіи. Я началъ переводить его. Не возьметесь ли и вы за переводъ его? Мы бы издали вмѣстѣ. Читая его, мнѣ непостижимо, какимъ образомъ можетъ оставаться имя его неизвѣстнымъ? Объясненіе только одно, то самое, которое онъ такъ часто повторяетъ, что кромѣ идіотовъ на свѣтѣ почти никого нѣтъ. Жду васъ съ нетерпѣніемъ къ себѣ. Иногда душитъ неудовлетворенная потребность въ родственной натурѣ, какъ ваша, чтобы высказать все накопившееся.

Вашъ *Л. Толстой.*

„Уже написавъ это письмо, — рѣшилъ окончательно свою поѣздку въ Пензенскую губернію для осмотра имѣнія, которое я намѣреваюсь купить въ тамошней глуши. Я ѣду завтра 31-го и вернусь около 14-го. Васъ же жду къ себѣ и прошу вмѣстѣ съ женой къ ея именинамъ, т. е. пріѣхать 15-го и пробыть у насъ по крайней мѣрѣ дня три.

Л. Толстой.

Тургеневъ писалъ изъ Бадена отъ 3 октября 1869 года.

„Никакой вашей „кульпы“ *) нѣтъ, дорогой Аѳан. Аѳан., а моя необдуманность. Не могъ же я въ самомъ дѣлѣ предполагать, что вамъ возможно будетъ въ нынѣшнемъ году оторваться отъ вашихъ *мировыхъ* дѣйствій—и очутиться здѣсь, на *мирныхъ,* но отдаленныхъ берегахъ! Но коли не въ нынѣшнемъ году, то уже въ будущемъ я наивѣрнѣйшимъ образомъ на васъ разсчитываю и уже мысленно рисую васъ то съ ружьемъ въ рукѣ, то просто бесѣдующаго о томъ, что Шекспиръ былъ глупецъ, и что, говоря словами Л. Н. Толстаго,

*) Извиняясь въ неясности предшествующаго моего письма, я началъ свой отвѣтъ словами: «mea culpa» (моя вина).

только та дѣятельность приноситъ плоды, которая безсознательна. Какъ это, подумаешь, сѣверные американцы во снѣ, безъ всякаго сознанія, провели желѣзную дорогу отъ Нью-Іорка до С. Франциско? Или это не *плодъ?* Но въ сторону философствованія, успѣемъ предаться имъ при свиданіи. Плохо то, что вы никакой охоты не имѣете; придется вамъ уже отложить эти попеченія до пріѣзда въ наши бусурманскіе края. Меня доктора было огорошили запрещеніемъ ходить на охоту, подъ предлогомъ, что у меня „Verdichtung der rechten Herzklappe"; однако теперь дѣло словно исправляется, да и жары свалили. Работалъ я, конечно, очень мало; загляните въ Литературныя Воспоминанія, помѣщенныя въ видѣ предисловія къ новому изданію (вамъ будетъ присланъ отъ моего имени Салаевымъ экземпляръ). Можетъ быть иное сорветъ съ вашихъ устъ улыбку.

„Письмо мое, вѣроятно, не застанетъ васъ въ Степановкѣ; вы будете въ Петербургѣ дивиться превратности временъ, при взглядѣ на развалины Боткина. Опишите это свиданіе, хотя, вѣроятно, радостнаго въ немъ будетъ мало.

„Семейство Віардо здравствуетъ и процвѣтаетъ и шлетъ вамъ поклоны. Мы продолжаемъ музицировать, занимаемся оперетками и т. д. Сегодня, напримѣръ, у насъ представленіе на ново-построенномъ театрѣ, въ присутствіи короля и королевы Прусской. Вотъ въ какихъ мы, батюшка, гонёрахъ!

„Зиму я думаю провести здѣсь, а можетъ быть въ Веймарѣ. Поклонитесь отъ меня вашей милой супругѣ. А что Муза— совсѣмъ умолкла?

„Крѣпко жму вамъ руку и желаю всего хорошаго.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

VII.

Смерть В. П. Боткина.—Болѣзнь Петруши Борисова.—Письма.—Встрѣча съ англичаниномъ у Тургенева.—У Каткова на дачѣ.—Болѣзнь жены.—Я ѣду въ Москву за докторомъ.—Письма.—Болѣзнь и смерть И. П. Борисова.—Петруша Борисовъ.—Письма.

Воспоминанія мои подходятъ къ эпизоду, подробно мнѣ знакомому, хотя я лично въ немъ роли не игралъ. Я говорю о смерти Василія Петровича, подробности которой слышалъ со всѣхъ сторонъ, начиная съ любимаго имъ брата Дмитрія Петровича, котораго онъ за нѣсколько дней до своей кончины вызвалъ въ Петербургъ. Василій Петровичъ, у котораго всѣ сочлененія и въ особенности руки были сведены ревматизмомъ, былъ перевезенъ въ Петербуръ съ особенными предосторожностями и переносился съ мѣста на мѣсто на кожѣ съ прикрѣпленными къ ней ручками. Въ Петербургѣ, по его предварительному распоряженію, нанята была для него великолѣпная квартира, убранная со всевозможнымъ комфортомъ и роскошью. Повара онъ нанялъ изъ кухни Цесаревича и ежедневно провѣрялъ обѣденную карту. Онъ устроилъ себѣ прекрасный квартетъ изъ мастерскихъ исполнителей и самъ назначалъ любимыя свои пьесы. За великолѣпными обѣдами, на которыхъ Вас. Петр. присутствовалъ болѣе какъ зритель, ежедневно собирались интересовавшіе его друзья, и онъ настойчиво рекомендовалъ блюдо, казавшееся ему наиболѣе удачнымъ.

„Митя, говорилъ онъ брату, вотъ меня осуждали за бережливость. Зато ты видишь, какъ я обстановилъ свою жизнь передъ концомъ. Ты не можешь себѣ представить, до какой степени мнѣ это пріятно. Райскія птицы поютъ у меня на душѣ“.

„4-го окт., разсказывалъ ходившій за больнымъ Дмитрій Кирилловичъ, у насъ заказанъ былъ квартетъ, и къ обѣду ожидалось много гостей. Зная, что у Василія Петровича отъ долговременной неподвижности на постели отекали члены, я, покуда онъ еще не вставалъ, перекладывалъ его на подушкѣ. Переложивъ его такимъ образомъ, я черезъ какихъ нибудь полчаса вздумалъ поправить его снова. Но когда я подходилъ къ нему, онъ показался мнѣ чрезмѣрно тихъ. Я пригнулся, чтобы прислушаться къ его дыханію. Дыханія не было, а руки и лобъ уже похолодѣли. Я и не замѣтилъ какъ онъ кончился“.

Толстой писалъ отъ 21 октября 1869 г.:

„Я въ Москвѣ чуть чуть не засталъ васъ, какъ мнѣ сказалъ Борисовъ. А у васъ въ семействѣ смерть за смертью. Меня ужасно поразилъ характеръ смерти В. П. Боткина. Если правда, что разсказываютъ, то это ужасно. Какъ не нашлось между всѣми друзьями одного, который бы придалъ этому высочайшему моменту въ жизни тотъ характеръ, который ему подобаетъ.

„Борисова мнѣ очень жалко и не могу вѣрить, чтобы туча эта не прошла мимо. Насчетъ портрета я прямо говорилъ и говорю: нѣтъ *). Если это вамъ непріятно, то прошу прощенья. Есть какое-то чувство, сильнѣе разсужденія, которое мнѣ говоритъ, что это не годится. Жена вамъ кланяется.

„Покупка моего Пензенскаго имѣнія разладилась. Шестой томъ я окончательно отдалъ, и къ 1-му ноября вѣрно выйдетъ. Вальдшнеповъ было и есть пропасть. Я убивалъ по восьми штукъ и нынче нашелъ 4-хъ и убилъ одного.

„Для меня теперь самое мертвое время: не думаю и не пишу и чувствую себя пріятно глупымъ. На первый свой отдыхъ послѣ работы, вѣроятно, черезъ мѣсяцъ, пріѣду къ вамъ. Теперь не ѣду, потому что только что пріѣхалъ, и хозяйственныя дѣла. А если вы поѣдете въ Москву, то слѣдовало бы вамъ заѣхать къ намъ съ Марьей Петровной. Только напишите—когда, и я выѣду за вами въ Тулу или на Ясенки, или даже, если вы безъ багажа,—на полустанцію Козловку,

---

*) Я просилъ графа дозволить снять съ него живописный портретъ.

отъ которой двѣ версты до насъ. Передайте же наши съ женою поклоны и просьбы Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

Итакъ, вотъ передъ нами два міровоззрѣнія, два поученія, двѣ этики. Прежде чѣмъ судить о нихъ, надо ихъ понять; а это кажется всего легче изъ ихъ сопоставленія, чтобы не сказать противопоставленія. Извѣстно, до какой степени умственное развитіе и въ особенности знакомство съ философскимъ мышленіемъ вліяютъ на нравственный характеръ человѣка. Положимъ, что этотъ опытный характеръ въ сущности остается вѣренъ прирожденному умопостигаемому. Смотря по этому коренному характеру, человѣкъ дѣлаетъ и употребленіе изъ накопляемыхъ умственныхъ богатствъ. Одни, подобно Боткину, стараются уложить эти богатства въ кладовую и притомъ такъ, чтобы они какъ нибудь своими выдающимися частями не задерживали свободнаго бѣга основнаго характера, а при случаѣ даже помогали оправдывать нѣкоторое излишество единственнымъ мотивомъ безвредности ихъ для другихъ лицъ.

Другіе же, подъ вліяніемъ основнаго характера, подобно графу Толстому, накопляютъ пріобрѣтаемыя богатства тутъ же подъ руками, для того чтобы во всякую минуту находить въ нихъ новое оправданіе прирожденному чувству самоотрицанія въ пользу другаго, причемъ неудержимый порывъ самоотрицанія не затруднится обработать новый матеріалъ такъ, чтобы онъ именно служилъ любимому дѣлу.

Хотя въ томъ и въ другомъ случаѣ все дѣло зависитъ какъ бы отъ химической пропорціи тѣхъ же самыхъ элементовъ, но на дѣлѣ разница выходитъ громадна. Обозначать то и другое направленіе словами: эгоизмъ и самоотрицаніе (альтруизмъ)—было бы слишкомъ грубо и невѣрно. Называть, напримѣръ, Боткина эгоистомъ несправедливо. Правда, онъ стремительно нападалъ на все, что считалъ посягательствомъ на свое *я;* но при этомъ добровольно готовъ былъ на всякія лишенія, чтобы помочь дѣйствительно по его мнѣнію нуждающемуся. Фактическія къ тому доказательства были уже приводимы госпожею Ольгой N., а нѣкоторыя пропущены мною

въ его письмахъ въ пользу будущаго біографа. Не личности Боткина и графа Толстаго занимаютъ меня въ настоящую минуту, а тѣ вѣчные міровые вопросы этики, которыхъ наглядными представителями являются эти два типа. Благотворящій Боткинъ какъ бы говоритъ: „да, я чувствую потребность помочь этому человѣку. Для этого мнѣ придется ущербить собственное благосостояніе. Послѣднее очень досадно и прискорбно; но я покорюсь и перетерплю въ виду благой цѣли. Я даже постараюсь поскорѣе забыть и о своемъ благодѣяніи и о связанномъ съ нимъ страданіи, такъ какъ не стоитъ портить мимолетную и сулящую всевозможныя отрады жизнь подобною дрянью“.

„Лишенія и мученія, претерпѣваемыя нами въ пользу всей одушевленной братіи, способной страдать, говоритъ Толстой, только одни представляютъ истинное наслажденіе и конечную цѣль жизни. Цѣль эта должна быть преслѣдуема нами во всѣхъ возможныхъ случаяхъ и направленіяхъ“.

Эти два главнѣйшихъ направленія, какъ извѣстно, раздѣлили между собою вселенную. Невозможно при малѣйшей справедливости обзывать всего востока, начиная съ еврейскаго до греко-римскаго, за исключеніемъ Индіи, лишеннымъ чувства благотворительности. А между тѣмъ всѣ эти милліоны милліоновъ людей не имѣли и до сихъ поръ не имѣютъ никакого понятія объ ученіи аскетизма, проявившемся съ послѣдняго двухтысячелѣтія. Правда, ученіе стоиковъ близко, повидимому, къ нему подходило, хотя стоики воздерживались отъ наслажденій лишь во имя ихъ неблагонадежности и малоцѣнности. А это совершенно не то, что видѣть въ самоотрицаніи независимый подвигъ. Боткинъ, подобно древнему римлянину, даже не понялъ бы, что хочетъ сказать человѣкъ, проповѣдующій, что передъ смертью не надо вѣнчаться розами, слушать вдохновенную музыку или стихи, или вдыхать паръ лакомыхъ блюдъ. Мы слишкомъ далеко отклонились бы отъ нашей стези, пускаясь въ болѣе тонкія разсмотрѣнія предмета. Мы даже воздерживаемся отъ вопроса,—какимъ изъ этихъ двухъ принциповъ руководствуется современное намъ человѣчество рядомъ съ аскетической проповѣдью?

Набальзамированное тѣло Боткина было привезено въ

Москву для погребенія на семейномъ кладбищѣ въ Покровскомъ монастырѣ. Лицо его, по выраженію полнаго примиренія и свѣтлой мысли, было поистинѣ прекрасно. Обѣдню совершалъ соборне глубоко-чтимый и изящный епископъ Леонидъ. При концѣ богослуженія мнѣ пріятно было представиться бывшему моему университетскому законоучителю Петру Матвѣевичу Терновскому.

Я забылъ сказать, что когда Иванъ Петров. Борисовъ перевелъ своего Петю изъ нѣмецкой школы въ лицей Каткова, сестра Любинька положила во что бы то ни стало перевести сына своего Володю изъ той же школы въ тотъ же лицей. Напрасно и я, и мужъ ея, Алекс. Никит., указывали на то, что Володя воспитывался подъ непосредственнымъ наблюденіемъ ученаго и достопочтеннаго директора Лёша, одобрявшаго его успѣхи, и къ которому самъ мальчикъ привязался. Ничто не помогло. Володя былъ переведенъ въ лицей. При посѣщеніи Володи, я узналъ отъ него о долговременной и жестокой болѣзни Петруши Борисова, отъ которой послѣдній уже начиналъ оправляться. Когда мальчикъ лежалъ въ тифѣ, подавая лишь слабые признаки жизни, несчастный Иванъ Петровичъ простоялъ двѣ недѣли на колѣняхъ передъ его кроватью, глядя на его изнеможенное лицо. Въ настоящую же минуту Борисовъ проводилъ уже ночи у себя въ гостинницѣ на Тверской и являлся въ больницу лицея только въ опредѣленные часы дня. Узнавши про это, я не выдержалъ и рѣшился поѣхать утромъ къ Борисову, чтобы окончить разомъ наше нелѣпое недоразумѣніе. Конечно, онъ съ первыхъ же словъ обнялъ меня со слезами и на другой день пріѣхалъ въ домъ Дмитрія Петровича, котораго особенно любилъ.

Тургеневъ писалъ отъ 3 ноября 1869 г. изъ Баденъ-Бадена:

„Любезный Аѳан. Аѳан., получилъ я ваше письмецо. Итакъ, Василія Петровича не стало. Жалко его, не какъ человѣка, а какъ товарища... Себялюбивое сожалѣніе! Умница былъ; а хоть и говорятъ, что „l'esprit court les rues", но только не у насъ въ Россіи... Да у насъ и улицъ мало. Признаюсь, меня не столько занимаетъ его кончина, какъ мысль о томъ, что станется съ несчастнымъ Борисовымъ, если его сынъ умретъ? Я писалъ къ нему два раза, но отвѣта не получилъ, и по-

тому чувствую большую тревогу. Мнѣ сдается, что уже все кончено. Пожалуйста не полѣнитесь мнѣ написать тотчасъ— какъ и что̀. Экая судьба трагическая этого бѣдняка! И какъ ему жить послѣ этого?

„Мнѣ непріятно слышать, что вы нездоровы, и, — что̀ вы тамъ ни говорите,—что въ вашемъ сосѣдствѣ нѣтъ врача. Мольеръ смѣялся надъ медициной не потому, что она была наука, а потому, что она въ его время была религія, т. е. лѣчила лихорадку змѣиными глазами и т. д. Девизъ науки: 2×2=4; уголъ паденія равенъ углу отраженія и т. д.; надъ этими вещами еще никому не приходилось смѣяться. Впрочемъ, это все предметъ будущихъ споровъ въ Баденѣ, если вы только пріѣдете. Къ сожалѣнію, я уже попрежнему спорить не могу и не умѣю; флегма одолѣла дотого, что нѣсколько разъ въ день приходится съ нѣкоторымъ усиліемъ расклеивать губы, слипшіяся отъ долгаго молчанія.

„Охота идетъ помаленьку; погода только часто мѣшаетъ. На дняхъ былъ удачный день: мы убили 3-хъ кабановъ, 2-хъ лисицъ, 4-хъ дикихъ козъ, 6 фазановъ, 2-хъ вальдшнеповъ, 2-хъ куропатокъ и 58 зайцевъ. На мою долю пришлось: 1 дикая коза, 1 фазанъ, 1 куропатка и 7 зайцевъ.

„Правда ли, что въ Орлѣ появилась холера?

„Засимъ, въ ожиданіи отвѣта, дружески жму вамъ руку и кланяюсь вашей женѣ.

Вашъ *Ив. Тургеневъ*.

Баденъ-Баденъ.
29 ноября 1869 года.

„Третьяго дня я вернулся изъ Веймара, куда я ѣздилъ на недѣлю, для того чтобы устроить переселеніе семейства Віардо въ Веймаръ на 2½ мѣсяца, начиная съ 1-го февраля. Собственно это дѣлается для того, чтобы дать возможность старшей дочери Віардо брать уроки живописи (въ Веймарѣ устроена отличная школа), да и Баденъ больно уже пустъ зимою. Въ половинѣ апрѣля они возвратятся въ Баденъ.

„Какъ идетъ ваша мировая дѣятельность? Я очень смѣялся вашимъ двумъ-тремъ очеркамъ, особенно прикащику съ пе-

ремённымъ баритономъ и фальцетомъ. Вамъ бы собрать всѣ эти сценки да въ книгу. Вышло бы прелесть! Но только поменьше умозрѣній, ибо вы философъ sans le savoir и даже нападая на философію! Вотъ вы, напримѣръ, изъ того факта, что вы хотите заключить контракты только съ міромъ, а не съ отдѣльными лицами, выводите слѣдствіе, что община и круговая порука вещи прелестныя, и бьете себя по груди и кричите: mea culpa! Да кто же сомнѣвается въ томъ, что община и круговая порука *очень выгодны для помѣщика,* для власти, для другаго, однимъ словомъ; но выгодны ли онѣ для самихъ *субъектовъ? — Вотъ въ чемъ вопросъ!* Оказывается, что больно невыгодны, да такъ, что разоряя крестьянъ и мѣшая всякому развитію хозяйства, становятся уже невыгодными и для *другихъ.*

„Радуетъ меня очень извѣстіе о постепенномъ вздорожаніи земли у насъ и о громадныхъ покупкахъ, совершаемыхъ крестьянами. Смущаетъ меня въ то же время тотъ фактъ, что Борисовъ въ письмѣ своемъ, полученномъ одновременно съ вашимъ, сообщаетъ мнѣ извѣстіе о невозможности для Дрейлинга продать свое подгородное великолѣпное имѣніе *хоть за что-нибудь!* Я запродалъ было свое имѣньице въ 30-ти верстахъ отъ Орла, за 35 руб. десятину, — покупщикъ отступился! А вы тутъ такія громадныя цифры въ глаза мечете, что голова идетъ кругомъ! Будьте здоровы. Дружески жму вамъ руку.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

Баденъ-Баденъ.
21 декабря 1869 года.

„Изъ вашего послѣдняго письма я, грѣшный человѣкъ, прямо говоря, понялъ мало. Чую въ немъ вѣяніе того духа, которымъ наполнена половина „Войны и мира“ Толстаго, — и потому уже и не суюсь. На васъ не дѣйствуютъ *жестокія* слова: „Европа, пистолетъ, цивилизація“; зато дѣйствуютъ другія: „Русь, гашникъ, ерунда“; у всякаго свой вкусъ. Душевно радуюсь преуспѣянію вашего крестьянскаго быта, о которомъ вы повѣствуете, и ни на волосъ не вѣрю ни въ общину, ни въ тотъ *паръ,* который, по вашему, такъ необхо-

димъ. Знаю только, что всѣ эти хваленыя особенности нашей жизни нисколько не свойственны исключительно намъ; и что все это можно до послѣдней іоты найти въ настоящемъ или въ прошедшемъ той Европы, отъ которой вы такъ судорожно отпираетесь. Община существуетъ у арабовъ (отчего они и мерли съ голоду, а Кабилы, у которыхъ ея нѣтъ, не мерли). *Паръ*, круговая порука,—все это было и есть въ Англіи, въ Германіи бо̀льшей частью *было*, потому что отмѣнено. Новаго ничего нѣтъ подъ луною, повѣрьте, даже въ Степановкѣ; даже ваши три философскихъ этажа не новы. Предоставьте Толстому открывать, какъ говаривалъ Вас. П. Боткинъ,—Средиземное море.

„А вотъ что вы сказали о своемъ значеніи какъ поэтъ,—правда; и тутъ нѣтъ никакой гордости. Только Кольцова вы напрасно забыли.

„Ну, а теперь, я думаю, можно прекратить наши полемическія препиранія.

„Въ половинѣ апрѣля пущусь въ Русь православную. И тогда-то будетъ подъ ладъ соловьинаго пѣнія стоять гулъ и стонъ спора на берегахъ и въ окрестностяхъ Зуши.

„А до тѣхъ поръ дружески васъ обнимаю и кланяюсь Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Ив. Тургеневъ*.

Оглядываясь на наше, можно сказать, пророческое прошлое. невозможно не остановиться на многозначительныхъ словахъ только что приведеннаго письма Тургенева. Не знаешь, чему по истинѣ болѣе удивляться: тому ли безтолковому и безпорядочному, риторическому и софистическому хламу, которымъ щеголяетъ письмо, или тѣмъ дорогимъ и несомнѣннымъ истинамъ, которыя мѣстами таятся въ этомъ хламѣ. Какъ бы защищая науку отъ моихъ нападокъ, Тургеневъ самъ образцомъ науки выставляетъ—$2 \times 2 = 4$ и уголъ паденія равенъ углу отраженія. Но развѣ современная медицина хоть малость подходитъ подъ эту категорію? Почему наугадъ лѣчить бычачьей кровью, гипнотизмомъ, гомеопатіей лучше и наукообразнѣе, чѣмъ змѣиными глазами во времена

Мольера? Тургеневъ укоряетъ меня въ водобоязни передъ Европой. А у меня, къ сожалѣнію, въ сараяхъ европейскія и американскія земледѣльческія орудія, несовмѣстимыя съ общиннымъ владѣніемъ и круговою порукою, очевидно, давно отжившими свой вѣкъ, и гальванизированныя на время настоящими европофобами. И такъ будетъ продолжаться еще долго, пока наши европолюбцы съ одной стороны, а мнимые славянофилы съ другой—не откажутся отъ жестокихъ словъ. Всему свое время, и Тургеневъ тысячу разъ правъ, указывая на то, что община и круговая порука возможны въ пользу владѣльца только при нижайшей степени общественности. У человѣка, жаждущаго выхода на рыночный просторъ, община и круговая порука дѣйствительно немыслимы. Это гораздо несбыточнѣе нѣмецкихъ бѣговъ взапуски съ ногами и тѣломъ, завязаннымъ по горло въ мѣшкѣ. Но почему же Тургеневъ въ свою очередь, упрекая меня въ боязни жестокихъ словъ: „Европа, пистолетъ, цивилизація“,—упрекаетъ въ то же время въ сочувствіи къ другимъ: „Русь, ерунда, гашникъ?“ Доживи онъ до нашего времени, то убѣдился бы въ увлеченіи Европы и въ особенности то презираемой, то превозносимой имъ Франціи къ этой Руси, которой такъ же невозможно отрицать, какъ ревности, которую старался уничтожить Чернышевскій. Слѣдя по порядку за предметами Тургеневскихъ упрековъ, мы останавливаемся на словѣ *гашникъ*, быть можетъ, даже непонятномъ иному читателю. Гашникъ—та нитяная тесьма или веревка, которую русскій крестьянинъ продергиваетъ въ верхній край своего исподняго платья, чтобы удержать послѣднее на поясѣ. Тургеневъ правъ, назвавши гашникъ, какъ одну изъ самыхъ закоренѣлыхъ русскихъ вещей, къ какимъ принадлежатъ между прочимъ: правила, дуга, черезсѣделень и т. д. Но вѣдь все хорошо на своемъ мѣстѣ и въ своей обстановкѣ. Нѣмецъ и французъ носитъ помочи и пуговицы; но откуда возьметъ пуговицъ русскій крестьянинъ для бѣлья, которое баба немилосердно колотитъ валькомъ на камнѣ; тогда какъ гашникъ ничего не стоитъ и все терпитъ. Честь ему и слава! Какъ же послѣ этого не сказать, что пристрастіе къ ерундѣ скорѣе на сторонѣ Ивана Сергѣевича?

Толстой писалъ мнѣ 1870 года 4 февраля:

„Письмо ваше, любезный Аѳанасій Аѳанасьевичъ, получилъ я 1-го февраля. Но даже если бы получилъ и нѣсколько прежде, я не могъ бы ѣхать. Вы мнѣ пишете: „я *одинъ, одинъ!*“ А я читаю и думаю: вотъ счастливецъ—*одинъ*. А у меня жена, трое дѣтей, четвертый грудной, двѣ старухи тетки, нянька и двѣ горничныя. И все это вмѣстѣ больно: лихорадка и жаръ, слабость, головная боль, кашель. Въ такомъ положеніи застало меня ваше письмо. Теперь начинаютъ поправляться; но за столомъ еще обѣдаю я со старухой теткой изъ десяти человѣкъ. Да и я второй день боленъ грудью и бокомъ. Какъ только поправимся, то пріѣду къ вамъ. Многое, очень многое хочется вамъ сообщить. Я очень много читалъ Шекспира, Гете, Пушкина, Гоголя, Мольера,—и обо всемъ этомъ многое хочется вамъ сказать. Я нынѣшній годъ не получаю ни одного журнала и ни одной газеты и нахожу, что это очень полезно. Пожалуйста пишите мнѣ изрѣдка, чтобы мнѣ знать, можно ли застать васъ дома.

Вашъ *Л. Толстой.*

Тургеневъ писалъ:

Баденъ-Баденъ.
4 февраля 1870.

„Любезнѣйшій Фетъ, письмо ваше застало меня еще здѣсь, но на самомъ канунѣ отъѣзда въ Веймаръ, куда мы всѣ купно перебираемся на два мѣсяца. Имѣю вамъ сказать два слова о Луизѣ Героттъ, дочери г-жи Віардо. Эта несчастная и сумасбродная женщина много причинила горя всему своему семейству, и кончитъ тѣмъ, что себя погубитъ. Выйдя замужъ по собственному настойчивому желанію за г-на Геритта (я за нѣсколько дней до ея рѣшенія ѣздилъ къ ней съ предложеніемъ отъ другаго француза, прекраснаго человѣка, котораго она, казалось, любила до тѣхъ поръ), — она внезапно возненавидѣла своего мужа, хотя ни въ чемъ упрекнуть его не могла, убѣжала съ Мыса Доброй Надежды, гдѣ онъ былъ консуломъ, и явилась въ Баденъ; потомъ покинула родительскій домъ и послѣ разныхъ странствованій очутилась въ Пе-

тербургѣ, гдѣ поступила въ профессоры пѣнія въ консерваторію (она хорошая музыкантша). До того времени она аккуратно получала отъ мужа,—который ни въ чемъ ей не препятствовалъ и не пользовался страшными правами, признанными за супругами мужескаго пола французскимъ кодексомъ,—проценты съ своего приданаго и пенсію; все вмѣстѣ равнялось 10,000 франкамъ. Но тутъ она вдругъ объявила ему, что довольствуется жалованьемъ и не хочетъ отъ него ни копѣйки. Между тѣмъ здоровье ея не выдержало петербургскаго климата, и она, будучи принуждена отказаться отъ своего мѣста, внезапно ускакала къ какимъ-то знакомымъ въ Екатеринославскую губернію, у которыхъ она будетъ жить на хлѣбахъ, такъ какъ гордость не позволяетъ ей обратиться снова къ мужу, который назначенъ генеральнымъ консуломъ въ Данію и живетъ въ Копенгагенѣ съ своимъ и ея сыномъ. Должно отдать ему справедливость, что онъ во всемъ этомъ дѣлѣ поступилъ безукоризненно: до сихъ поръ не отказывается ни платить ей пенсію, ни снова принять ее въ домъ, позволяетъ ей жить, гдѣ ей заблагоразсудится, съ однимъ только условіемъ: не поступать на театръ, къ которому она впрочемъ не имѣетъ никакого расположенія. Вотъ *правдивая* исторія этой несчастной женщины, которая, хотя и не русскаго происхожденія, однако нигилистка. Чѣмъ это все кончится? Можетъ быть, самоубійствомъ...

„А теперь позвольте мнѣ поворчать немного. Я охотно допускаю всякое преувеличеніе, всякую такъ называемую „комическую ярость“, особенно когда рѣчь идетъ о людяхъ или о вещахъ въ сущности *любимыхъ;* но ваши отзывы о нашихъ собратьяхъ русскихъ литераторахъ, о нашемъ бѣдномъ Обществѣ,—говоря безъ прикрасъ,—возмутительны. Было бы великимъ счастьемъ, еслибы дѣйствительно *вы* были самымъ бѣднымъ русскимъ литераторомъ!... Не сердитесь на меня... Я потому и говорю вамъ такъ, что люблю васъ искренно. Жму вамъ дружески руку.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

Л. Толстой писалъ отъ 17 февраля 1870 года:

„Я вамъ не писалъ тотчасъ же, потому что надѣялся поѣхать къ вамъ 14-го въ ночь, но не могъ. Какъ я вамъ писалъ, мы всѣ были больны,—я послѣднiй; и я вчера въ первый разъ вышелъ. Остановила же меня боль глазъ, которая усиливается отъ вѣтра и безсонницы. Теперь откладываю невольно и съ большою грустью поѣздку къ вамъ до поста. Мнѣ же теперь необходимо съѣздить въ Москву проводить тетушку къ сестрѣ и показать свои глаза окулисту. Пишите мнѣ пожалуйста почаще, чтобы я зналъ, дома ли вы и что предпринимаете, съ тѣмъ чтобы я, если глаза лучше, могъ всетаки прiѣхать. Мнѣ такъ этого хочется. Горе то, что къ вамъ нельзя прiѣхать иначе, какъ послѣ безсонной, папиросо-накуренной, жарко-поддувающей, вагонной, подло-пошлой, разговорной ночи. Вы мнѣ хотите прочесть повѣсть изъ кавалерiйскаго быта. Я жду отъ этого добра, если только просто безъ замысла положенiй и характеровъ. А я ничего прочесть вамъ не хочу и ничего потому, что я ничего не пишу; но поговорить о Шекспирѣ, о Гете и вообще о драмѣ—очень хочется. Цѣлую зиму нынѣшнюю я занятъ только драмой вообще. И какъ это всегда случается съ людьми, которые до 40 лѣтъ никогда не думали о какомъ-нибудь предметѣ, не составили себѣ о немъ никакого понятiя, вдругъ съ 40-лѣтней ясностью обратятъ вниманiе на новый ненанюханный предметъ, имъ всегда кажется, что они видятъ въ немъ много новаго. Всю зиму наслаждаюсь тѣмъ, что лежу, засыпаю, играю въ безикъ, хожу на лыжахъ, на конькахъ бѣгаю и больше всего лежу въ постели (больной), и лица драмы или комедiи начинаютъ дѣйствовать. И очень хорошо представляютъ. Вотъ про это-то мнѣ съ вами хочется поговорить. Вы въ этомъ, какъ и во всемъ, классикъ и понимаете сущность дѣла очень глубоко. Хотѣлось бы мнѣ тоже почитать Софокла и Эврипида.

„Прощайте, нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ. Если письмо мое очень дико, то это происходитъ отъ того, что пишу натощакъ.

Вашъ *Л. Толстой.*

Отъ 21 февраля онъ же:

„Я, уѣзжая отъ васъ, забылъ вамъ сказать еще разъ, что вашъ разсказъ по содержанію своему очень хорошъ, и что жалко будетъ, если вы бросите его, или отдадите печатать кое-какъ, и что онъ стòитъ того, чтобы имъ заняться, ибо содержаніе серьезное и поэтическое; и что если вы можете написать такія сцены, какъ старушка съ поджатыми локтями и дѣвушка, то и все вы можете обдѣлать соотвѣтственно этому; и лишнее должны все выкинуть и сдѣлать изо всего, какъ Анненковъ говоритъ, *перло*. Добывайте золото просѣваніемъ. Просто сядьте и весь разсказъ сначала перепишите, критикуя сами себя, и тогда дайте мнѣ прочесть.

Вашъ *Л. Толстой*.

Тургеневъ писалъ отъ 21 марта 1870 года:

„Любезнѣйшій Фетъ, вы начинаете ваше письмо восклицаніемъ: „Fatum!“ и я повторяю это слово за вами. Наши письменныя бесѣды съ вами очень забавнаго и страннаго свойства. Я напримѣръ начинаю такъ: „эта лошадь бѣлая“... „Какъ? восклицаете вы съ негодованіемъ: вы рѣшаетесь утверждать, что этотъ поросенокъ зеленый!?“—„Но и у птицъ бываютъ носы“... замѣчаю я убѣдительнымъ голосомъ.—„Никогда! подхватываете вы — на спинѣ да, но въ воздухѣ ни подъ какимъ видомъ!“ и т. д., и т. д. А потому, я полагаю, лучше отложить наши пренія до нашего свиданія, которое совершится—„Богу изволящу“—къ Николину дню 9 мая.

„Я однако вынесъ убѣжденіе изо всей пѣны и хлюпанья вашихъ рѣчей, а именно: что М. Н. Катковъ заслуживаетъ бронзовой статуи. „Ну и пущай!“ какъ говоритъ одинъ герой Островскаго. Но до чего можетъ пасть талантъ! Читали ли вы послѣднюю его комедію „Бѣшеныя деньги?“

„Но самый великій фактъ послѣдняго времени — это изреченіе Бонапарта по поводу 200,000 гражданъ, сопровождавшихъ гробъ *убитаго имъ* В. Нуара: „c'est une curiosité *malsaine*, que *je blame!*“ Это достойно Шекспира; Ричардъ III-й лучше ничего не сказалъ.

А засимъ дружески вамъ кланяюсь.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ*.

Л. Толстой писалъ отъ 11 мая 1870 года:

„Я получилъ ваше письмо, любезный другъ Аѳанасій Аѳанасьевичъ, возвращаясь потный съ работы, съ топоромъ и заступомъ, слѣдовательно за 1000 верстъ отъ всего искусственнаго и въ особенности отъ нашего дѣла. Развернувъ письмо, я первое прочиталъ стихотвореніе, и у меня защипало въ носу; я пришелъ къ женѣ и хотѣлъ прочесть, но не могъ отъ слезъ умиленія. Стихотвореніе — одно изъ тѣхъ рѣдкихъ, въ которыхъ ни слова прибавить, убавить или измѣнить нельзя; оно живое *само* и прелестно. Оно такъ хорошо, что, мнѣ кажется, это не случайное стихотвореніе, а что это первая струя давно задержаннаго потока. Грустно подумать, что послѣ того впечатлѣнія, которое произвело на меня это стихотвореніе, оно будетъ напечатано на бумагѣ въ какомъ-нибудь Вѣстникѣ, и его будутъ судить С—ны и скажутъ: „А Фетъ все-таки мило пишетъ“.

„*Ты нѣжная*“... Да и все прелестно. Я не знаю у васъ лучшаго. Прелестно все.

„Съ этой почтой пишу въ Никольское, чтобы послали за кобылой, и радуюсь и благодарю васъ и Петра Аѳанасьевича. О цѣнѣ всетаки вы напишите.

„Я только что отслужилъ недѣлю присяжнымъ, и было очень, очень для меня интересно и поучительно. 15 мая я ѣду въ Харьковъ, а послѣ устрою такъ, чтобы побывать у васъ. Не оставляйте давать о себѣ знать. Передайте пожалуйста наши поклоны съ женою Марьѣ Петровнѣ. Желаю вамъ только посѣщенія Музы. Вы спрашиваете моего мнѣнія о стихотвореніи; но вѣдь я знаю то счастье, которое оно вамъ дало, сознаніемъ того, что оно прекрасно, и что оно вылѣзло таки изъ васъ, что оно—вы. Прощайте *досвиданія*.

Вашъ *Л. Толстой*.

Пріѣхавшій въ Спасское Тургеневъ отъ 8 іюня 1870 года писалъ мнѣ слѣдующее:

«Фетъ, ну что вашъ Шопенгауеръ?
Пріѣзжайте посмотрѣть,
Какъ умѣетъ русскій Bauer
Кушать, пить, плясать и пѣть!

Въ будущее воскресенье,
Въ Спасскомъ всѣмъ на удивленье
Будетъ заданъ дивный пиръ.
Потѣшайся Мценскій міръ!»

„У меня гоститъ англичанинъ Ральстонъ, который хочетъ посмотрѣть на подобныя штуки. Борисовъ съ Петей пріѣдутъ изъ Москвы прямо на праздникъ. Пріѣзжайте и вы хотя съ лирой, хоть на гитарѣ, хоть просто такъ. Дѣло будетъ происходить въ воскресенье 14 числа.

Итакъ, надѣюсь, досвиданья.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

Вмѣсто 14-го, на которое приглашалъ меня Тургеневъ, я пріѣхалъ 12-го къ мировому съѣзду, и очень былъ удивленъ, увидавши Тургенева на скамьяхъ, предназначенныхъ для публики. Не трудно было догадаться, что сидящій съ нимъ рядомъ среднихъ лѣтъ мужчина—англичанинъ Ральстонъ, котораго, показывая ему всякаго рода русскія диковинки, Иванъ Серг. привелъ и на мировой съѣздъ. Когда, возвращаясь со съѣзда, я встрѣтилъ около моста идущаго къ своему экипажу на постоялый дворъ Тургенева, послѣдній, по присущей ему манерѣ, не преминулъ воскликнуть, указывая на вереницу выходившихъ изъ Зуши на берегъ гусей: „какіе это жалкіе и запачканные гуси! Въ цѣлой Европѣ не найдешь такихъ несчастныхъ гусей“.

Не помню, почему именно я не попалъ 14-го на крестьянскій праздникъ въ Спасскомъ, куда приглашалъ меня Тургеневъ. Вѣроятно, просто не захотѣлъ, такъ какъ чувствую полное нерасположеніе къ подобнымъ затѣямъ. Помню, въ дѣтствѣ ежегодно на Святой передъ барскимъ домомъ накрывались столы съ пасхами, яицами, ветчиною и водкой. При этомъ бабы были разодѣты по праздничному, и когда всѣ, перехристосовавшись со всѣми нами, кончали розговины, то подымались веселыя пѣсни съ присвистомъ и плясками. Но этимъ дѣло и кончалось. Были люди выпившіе, но не было ни одного пьянаго; но то дѣла давно минувшихъ лѣтъ. Я и теперь понимаю удовольствіе поднести хорошему рабочему

подсильную чарку водки; но не понимаю удовольствія искусственно собирать толпу и при настоящей безконтрольности спаивать ее до положенія скота, а затѣмъ самому пугливо сторониться отъ искусственно пробужденнаго звѣря. Можно сказать, на дняхъ мнѣ пришлось быть невольнымъ свидѣтелемъ подобнаго угощенія пятисотъ человѣкъ крестьянъ; правда, при этомъ была и полиція, и жандармерія. Тѣмъ не менѣе къ вечеру оказалось три на смерть опившихся человѣка. Я пріѣхалъ въ Спасское, когда праздникъ давно прошелъ, и даже Иванъ Петровичъ съ Петей уѣхали въ Новоселки; но слышалъ, что толпа ревѣла и требовала водки, что Тургеневъ посылалъ за нею еще разъ во Мценскъ, и что при раздачѣ бабамъ лентъ онъ самъ съ изумленнымъ Ральстономъ едва спасся на балконѣ.

Ѣздили мы съ Ральстономъ къ водяной мельницѣ Тургенева, не представляющей, разумѣется, ничего живописнаго или необыкновеннаго. Вообще эта поѣздка въ Спасское вышла для меня совершенно прѣсною и безвкусной, безъ сомнѣнія по противоположности съ былымъ оживленіемъ этого дома. Ральстонъ утверждалъ, что онъ понимаетъ русскую рѣчь. когда выговариваютъ каждое слово, какъ диктуютъ начинающему и плохо грамотному ученику. Поневолѣ приходилось говорить съ нимъ по французски. Не знаю, или лучше сказать не припомню, что говорилъ Тургеневъ Ральстону, но когда по возвращеніи съ мельницы мы вошли въ гостиную, а Тургеневъ пошелъ, не затворяя за собою дверей въ сосѣднюю спальню, помыть руки, Ральстонъ, вѣроятно въ связи съ предшествующимъ разговоромъ, спросилъ у меня,—строга ли наша цензура?

Всякій грамотный теперь знаетъ, каковы были тогдашнія строгости цензуры, и какіе прекрасные плоды принесла намъ эта цензура. Что же я могъ отвѣчать на вопросъ иностранца? Конечно, я отвѣчалъ, что цензура наша существуетъ только по имени, и дозволяется печатать все, что придетъ въ голову. Не помню, куда въ свою очередь скрылся и Ральстонъ, а Тургеневъ, вытирая пальцы мохнатымъ полотенцемъ, вышелъ изъ спальни и, подошедши ко мнѣ, стоявшему у окна, сказалъ: „я слышалъ, что вы говорили Ральстону. Зачѣмъ

вы ему это говорили? Какое право имѣете вы говорить ему это въ моемъ домѣ?"

— Если вы, Иванъ Сергѣевичъ, полагаете, что у васъ въ домѣ я не имѣю права высказывать своихъ мыслей, то оставимъ этотъ разговоръ.

Зная, какъ мало истинно талантливыхъ людей, я всегда дорожилъ хорошими къ нимъ отношеніями и спускалъ имъ многое.

Не помню въ настоящее время повода, по которому въ этомъ году я во второй половинѣ лѣта былъ въ Москвѣ. Семейство Дм. Петр. Боткина проживало на собственной дачѣ въ Кунцевѣ, и я далъ слово пріѣхать къ нимъ въ воскресенье обѣдать и остаться ночевать. Но въ три часа дня я вспомнилъ, что не видался еще съ Катковымъ и Леонтьевымъ, проживавшими на дачѣ въ Петровскомъ паркѣ. Поэтому я велѣлъ ѣхать извощику въ паркъ, откуда объявилъ ему, что мы проѣдемъ въ Кунцево. Большая, бѣлая извощичья лошадь оказалась дотого измозженной лѣтами, что я не слишкомъ скоро добрался до дачи Катковыхъ, но зато въ кабинетѣ я встрѣтилъ обоихъ соредакторовъ.

— А, Аѳан. Аѳан.! воскликнулъ Катковъ, дружелюбно протягивая мнѣ руку и обращая на меня тотъ мутно-сѣрый взглядъ, который Вас. Петр. Боткинъ обзывалъ стертымъ пяти-алтыннымъ.—Надѣюсь, вы останетесь обѣдать? продолжалъ онъ.

Но я сказалъ, что уже далъ слово. Чтобы сказать что-нибудь, я спросилъ Каткова: „что слышно по части европейской политики?"

— Политическій небосклонъ совершенно чистъ, отвѣчалъ Михаилъ Никифоровичъ, и на горизонтѣ не видать ни одной черной точки (Выраженіе, заимствованное тогдашними политическими людьми у Наполеона III).

— А между тѣмъ въ недальнемъ будущемъ предстоитъ жестокая война между двумя могущественными европейскими державами.

— Откуда же вы почерпнули такія изумительныя свѣдѣнія? спросилъ подхахатывая Леонтьевъ.

— Изъ самаго вѣрнаго, раскрытаго для всѣхъ источника: изъ Брюсова календаря.

— Да, развѣ изъ этого источника, замѣтилъ уже хохочущій Павелъ Михайловичъ.

Этихъ насмѣшекъ надъ Брюсомъ я не простилъ ни Каткову, ни Леонтьеву, поминая имъ о нихъ, когда черезъ два мѣсяца послѣ того возгорѣлась страшная прусско-французская война.

Между тѣмъ пора было ѣхать и въ Кунцево.

— Ну, эта лошадка-то не разбѣжится, замѣтилъ вышедшій меня проводить на крыльцо Катковъ.

Я и не предполагалъ, какъ далеко прямымъ путемъ изъ Петровскаго парка въ Кунцево. Но вотъ мы дотащились до парома черезъ Москву рѣку. Подъѣзжаемъ — стой! — ѣхать некуда: паромъ на той сторонѣ, а по всей рѣкѣ непрерывной и медлительной лентой тянется сплавной лѣсъ. Болѣе 1½ часа пришлось дожидаться, пока лента плотовъ оборвалась и дала возможность переправиться на ту сторону. Казавшееся съ рѣки столь близкимъ Кунцево оказалось далеко не близкимъ, и когда наконецъ бѣлый Россинанте дотащилъ насъ до незнакомыхъ улицъ или просѣкъ Кунцева, мы, какъ это весьма часто бываетъ на Руси, никакъ не могли добиться отъ мѣстныхъ жителей, куда намъ ѣхать къ дачѣ Солдатенкова. Какъ это ни мало вѣроятно, но было такъ; и я прибылъ къ Боткинымъ, когда обѣдъ давно былъ конченъ, и меня уже не ждали.

Л. Толстой писалъ отъ 2 октября 1870 г.:

„Вы *аккуратный человѣкъ*, но всегда перепутаете, теперь пишете: *13 сентября* я буду въ Ясенкахъ, а на письмѣ 24-го. Ну, да это ничего. Я только радъ видѣть соломенку въ глазу настоящаго *ближняго* моего. Ради Бога не передумывайте. 13-го я васъ жду въ Ясенкахъ. Давно не видались, и въ моемъ зимнемъ состояніи, въ которое я начинаю входить, мнѣ особенно радостно видѣться съ вами. Я охочусь, но ужь сокъ начинаетъ капать, и я подставляю сосуды. Скверный ли, хорошій ли сокъ, все равно, а весело выпускать его по длиннымъ, чудеснымъ осеннимъ вечерамъ. У меня горе: кобылка больна; коновалъ говоритъ: запалъ,—а я не могъ запалить ея. Наши поклоны съ женою Марьѣ Петровнѣ. Досвиданья.

Вашъ *Л. Толстой*.

Въ первыхъ числахъ октября жена моя вернулась изъ Москвы, куда ѣздила на годовое поминовеніе Василія Петровича Боткина. Она разсказывала, что должна была сопровождать племянницу въ какой-то концертъ въ Дворянскомъ Собраніи, и что, такъ какъ жандармы, по поводу пріѣзда иностраннаго принца въ собраніе, распорядились угнать лакеевъ съ шубами, то ей, по выходѣ на лѣстницу, подали холодную шубу. „Хорошо, что обошлось благополучно", сказалъ я; и спустя недѣлю долженъ былъ въ свою очередь ѣхать на мировой съѣздъ. Въ теченіи этой недѣли, вслѣдствіе выпадавшихъ дождей, перемѣшанныхъ со снѣгомъ, и наступившей затѣмъ стужи, — образовалась такая гололедица, что ѣхать ни на чемъ было нельзя, и бѣдныя лошади скользили на каждомъ шагу. 12 верстъ до желѣзной дороги я проѣхалъ на розвальняхъ. Та же самая тройка ожидала моего возвращенія на Зміевку. Когда подъ нашимъ лѣскомъ пришлось пробираться шагомъ по колоти, я спросилъ кучера: „все ли у насъ благополучно?"

— Слава Богу, отвѣчалъ онъ; — только вотъ, говорятъ, барыня нездорова.

— Какъ нездорова? воскликнулъ я.

— Сказываютъ, въ постели лежитъ.

Въ передней встрѣтилъ меня письмоводитель и, указывая на дверь спальни, сказалъ шепотомъ: „съ утра слегла въ постель. Вчера, продолжалъ онъ, она гуляла въ саду, писала письма и вечеромъ играла на фортепьянахъ; но сегодня дала горничной ключи отъ чайницы, чтобы сдѣлать чаю и велѣла поставить себѣ горчичники, говоря, что долго и тяжко проболѣетъ". Когда я къ ней вошелъ, голова ея страшно горѣла и болѣла. Начались по невозможной гололедицѣ скачки за докторами: за своимъ земскимъ и затѣмъ привозили доктора изъ Орла. Орловскій медикъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ начинять слабую больную селитрой. Больная не чувствовала уже никакой боли; но зато начался бредъ и безсознательное состояніе. Какъ утопающій хватается за соломинку, и я судорожно схватился за мысль привезти медика изъ Москвы, хотя внутренно былъ увѣренъ въ безполезности этой попытки. Если бы дѣло шло обо мнѣ, то я конечно бы

не сталъ ни откуда выписывать врача, увѣренный, что они вездѣ одни и тѣ же. Но приглашеніемъ врача изъ Москвы я хотѣлъ сказать и себѣ и другимъ: „я все сдѣлалъ, что только можно было“.

Выѣхавши около пяти часовъ со Зміевки, я въ девятомъ часу слѣдующаго утра захватилъ еще Дмитрія Петр. Боткина передъ отправленіемъ его въ контору. Услыхавъ о моемъ намѣреніи сегодня же вечеромъ увезти съ собою врача, онъ счелъ это невозможнымъ, такъ какъ общезнакомый намъ врачъ, которому успѣли передать мое приглашеніе, отъ него отказался. „Поѣду, сказалъ я, и безъ врача не вернусь“. Сѣвши на извощика, я погналъ въ клиники на Рождественку и, завидѣвши ихъ желѣзныя ворота и ограду, какъ ястребъ заранѣе уже озиралъ дворъ и расправлялъ пальцы, чтобы схватить. Когда извощикъ остановилъ лошадь въ воротахъ, черезъ проѣздъ, по направленію къ лѣвому флигелю, проворно проходилъ какой-то приличный господинъ среднихъ лѣтъ въ шинели съ многоэтажнымъ короткимъ капишономъ. Соскочивъ съ дрожекъ, я стремительно бросился на перерѣзъ проходившему; но онъ успѣлъ уже дойти до двери флигеля и готовъ былъ поставить ногу на чугунную ступень лѣстницы въ бель-этажъ, какъ рука моя схватилась за его куцій капишонъ.

— Что вамъ угодно? обратился онъ ко мнѣ не безъ изумленія.

— Простите великодушно, докторъ... и я, вкратцѣ изложивъ дѣло, сказалъ въ заключеніе: дайте мнѣ какого нибудь врача.

Слова эти явно свидѣтельствуютъ о моемъ маловѣріи въ медицинскую помощь.

— Вамъ не какого нибудь врача надо, любезно отвѣтилъ мой собесѣдникъ, — а надо вамъ дать хорошаго, и я могу вамъ указать на такого въ лицѣ только что ушедшаго изъ клиникъ. Я продиктую вамъ его адресъ (при этихъ словахъ я досталъ свою записную книжку) — и совѣтую вамъ сейчасъ же торопиться къ нему, на первую Мѣщанскую. Это очень далеко, и онъ можетъ уѣхать на практику.

— Пошелъ, пошелъ, кричалъ я всю дорогу и, въѣхавши

наконецъ во дворъ указаннаго дома. я увидалъ у подъѣзда красивую вороную лошадь. Звоню.

— Дома докторъ?

— Они сейчасъ выѣзжаютъ.

— Все равно: мнѣ на минуту.

— Пожалуйте въ кабинетъ, сказалъ мнѣ проходившій по залѣ докторъ, указывая на дверь.

Когда въ возможно краткихъ словахъ я передалъ дѣло, докторъ сталъ сомнительно покачивать головой.

— Я долженъ вамъ сказать, замѣтилъ онъ, что я самъ богатый человѣкъ.

Въ отвѣтъ на это *самъ*, я счелъ нужнымъ сказать правду, что хотя я и далеко не богатый человѣкъ, но въ настоящемъ положеніи готовъ сдѣлать все отъ меня зависящее, т. е. предложить дорогу туда и обратно и триста рублей за время, которое самъ докторъ сочтетъ нужнымъ пробыть около больной.

— Позвольте васъ попросить, сказалъ докторъ, обождать немного здѣсь въ кабинетѣ, пока я схожу и посовѣтуюсь съ женою, и только тогда я могу вамъ дать окончательный отвѣтъ.

— Ради Бога, докторъ, поторопитесь отвѣтомъ, въ виду драгоцѣнности для меня каждой истекающей минуты.

Полчаса, которые я взадъ и впередъ проходилъ по кабинету, показались мнѣ цѣлою вѣчностью. Наконецъ дверь отворилась, и вошедшій докторъ проговорилъ: „ѣду“. На убѣдительную просьбу мою быть точнымъ, онъ сказалъ, чтобы я не сомнѣвался, что такъ какъ курскій поѣздъ нашъ уходитъ въ 5 час. пополудни, то безъ десяти минутъ пять докторъ будетъ въ домѣ Боткиныхъ у Покровскихъ воротъ, держа въ рукахъ свой небольшой мѣшокъ.

При возвращеніи съ поисковъ, я засталъ телеграмму сестры Любиньки такого содержанія: „хорошаго ничего нѣтъ, пріѣзжай немедля“. Въ виду того, что и моимъ домашнимъ, начиная съ письмоводителя, была извѣстна моя рѣшимость выѣхать обыденкой изъ Москвы и потому объ ускореніи моего отъѣзда говорить было излишне, я по здравому смыслу могъ только понять телеграмму такъ: „брось всѣ излишнія

хлопоты, больная умерла“. Но зная, съ кѣмъ я имѣю дѣло, я продолжалъ свои хлопоты.

Конечно, къ назначенному времени извощикъ уже ожидалъ меня у подъѣзда, а слуга съ двумя билетами до Зміевки на вокзалѣ. Часы показывали 50 минутъ пятаго, и началась еще худшая мука ожиданія; но безъ пяти минутъ пять докторъ вошелъ съ своимъ мѣшкомъ, и мы благополучно попали на поѣздъ. По случаю продолжавшейся гололедицы, на Зміевкѣ насъ ожидали тѣ же розвальни, на которыхъ, не взирая на солому и коверъ, приходилось сидѣть чуть ли не на землѣ. Въ полѣ былъ сильный и рѣзкій вѣтеръ, и мой докторъ, очевидно непривычный къ степнымъ переѣздамъ, съ запрокинутымъ на голову капишономъ нерѣдко сидѣлъ въ видѣ чернаго тюльпана; а когда тюльпанъ отцвѣталъ, и мы проѣзжали по деревнямъ, я нѣсколько разъ кричалъ: „докторъ, продвиньтесь впередъ и подберите вашъ капишонъ; собаки непремѣнно его порвутъ!“—„Ничего!“ былъ каждый разъ отвѣтъ на мои увѣщанія, и я долженъ былъ, сожалѣя о чужомъ добрѣ, выслушивать за нашими спинами сперва рѣзкое: гавъ-гавъ! а потомъ ворчаніе, сопровождавшееся звуками: трр-трр!

Но всему бываетъ конецъ, и вотъ мы у Степановскаго крыльца.

— Позвольте мнѣ первоначально обогрѣться, сказалъ докторъ, сбросивши свою шубу въ передней и становясь въ гостиной спиною къ горячей печкѣ.

— Докторъ, сказалъ я минутъ черезъ десять, когда последній, совершенно согрѣвшись, пожелалъ идти къ больной,—прошу васъ сказать мнѣ откровенно ваше заключеніе, каково бы оно ни было. Я не ребенокъ, и если я безпокоилъ васъ, то главнѣйшею цѣлью моей было прекратить тяжелую неизвѣстность.

— Я вамъ передамъ то, что увижу, сказалъ докторъ. уходя въ спальню.

Выйдя черезъ добрыхъ полчаса отъ больной и ставши снова передо мною въ прежнюю позу у печки, докторъ, слегка покачивая головою, сказалъ: „тутъ опредѣлить ничего невозможно: у нея воспаленіе плевры около правой лопатки, и если есть пятьдесятъ процентовъ жизни, то такихъ же пять-

десять процентовъ смерти. Я приказалъ вымазать ее прованскимъ масломъ и обложить мушками. Жаль только, что вы приглашали мѣстныхъ врачей, а они надавали ей, какъ я видѣлъ по рецепту, селитры, произведшей вздутость живота, отъ которой, по слабости больной, ее въ настоящее время избавить невозможно. Приходится ждать завтра рѣшительнаго оборота болѣзни, такъ какъ завтра девятый день. У васъ здѣсь слишкомъ жарко и недостатокъ въ свѣжемъ воздухѣ, продолжалъ онъ, проходя въ переднюю и отворяя дверь настежь въ сѣни. Мнѣ, прибавилъ онъ, позвольте ночевать въ вашей судейской на диванѣ, такъ какъ это самая ближайшая комната отъ больной, около которой я намѣренъ провести большую часть ночи".

— Поступайте совершенно по своему усмотрѣнію, отвѣтилъ я, — но позвольте вамъ замѣтить, докторъ, что, растворяя настежь двери въ сѣни, вы такъ настудите переднюю и комнату вашего ночлега, что попомните мои слова.

Къ утру укладываясь на диванѣ, докторъ вынужденъ былъ сверхъ теплаго одѣяла навалить на себя свою шубу и тѣмъ не менѣе вышелъ къ утреннему чаю синій. Напившись чаю, онъ снова отправился къ больной.

— Ну, теперь наше дѣло идетъ къ лучшему, и можно сказать, что шансовъ жизни 60 противъ сорока смертныхъ. Если дѣло пойдетъ этимъ ходомъ, то завтра утромъ я могу придти къ заключенію о безполезности моего дальнѣйшаго здѣсь пребыванія.

На слѣдующій день, выходя отъ больной, докторъ сказалъ: „теперь я могу васъ поздравить: кризисъ совершился, и выздоровленіе теперь только дѣло времени и точнаго исполненія моихъ наставленій, которыя для вѣрности я вамъ выпишу".

Когда я спросилъ его, что дѣлать съ волосами больной, которые, вѣроятно, будутъ падать отъ горячечнаго состоянія, онъ положительно сказалъ, что ихъ надо остричь, иначе они будутъ, какъ онъ выразился, „гунявые".

Къ четыремъ часамъ дня докторъ былъ уже на Зміевкѣ въ ожиданіи поѣзда.

Только человѣкъ, близко наблюдающій опасно больнаго, можетъ воочію убѣдиться, съ какою апатіей относятся къ жизни

уходящія силы и какъ стремятся къ ней возвращающіяся. Такъ въ первомъ случаѣ противна всякая мысль о пищѣ, а вовторомъ—въ первый день разрѣшенная единая виноградина безъ кожечки и косточки доставляетъ неописанное блаженство.

Л. Толстой писалъ отъ 26 ноября 1870 года:

„Сейчасъ получилъ ваше печальное, но болѣе радостное для насъ письмо. Мы отъ Кузьминскаго знали о болѣзни Марьи Петровны, и оба съ женою безпрестанно ахали и мучились безпокойствомъ о васъ.

„Получивъ ваше письмо, я сейчасъ же рѣшилъ ѣхать къ вамъ и теперь бы сбирался на желѣзную дорогу, если бы не Урусовъ, котораго я вызвалъ къ себѣ для поѣздки въ Оптину Пустынь, и который можетъ пріѣхать завтра. Если онъ не пріѣдетъ, или послѣ нашей поѣздки, я непремѣнно пріѣду къ вамъ. Благодарю васъ, что вы мнѣ такъ написали. Я все понялъ, что вы мнѣ писали, и много того, что вы не писали. Я знаю васъ и Марью Петровну и потому понимаю, что такое для васъ угроза разлуки съ нею. Удивляюсь, какъ вы рѣшились уѣхать въ Москву и радуюсь тому, что это вамъ такъ удалось. Пожалуйста пишите о ея состояніи. Изъ вашего письма еще не видно, вполнѣ ли миновалась опасность. По этому страшному слуху, сообщенному намъ Кузьминскимъ, мы оба съ женою удивились, узнавъ, какъ много мы любимъ васъ и ее. Помогай вамъ Богъ.

Вашъ *Л. Толстой.*

Онъ же въ декабрѣ 1870 г.:

„Получилъ ваше письмо уже съ недѣлю, но не отвѣчалъ, потому что съ утра до ночи учусь по-гречески. Я ничего не пишу, а только учусь. И судя по свѣдѣніямъ, дошедшимъ до меня отъ Борисова, ваша кожа, отдаваемая на пергаментъ для моего диплома греческаго, находится въ опасности. Невѣроятно и ни на что не похоже. Но я прочелъ Ксенофонта и теперь à livre ouvert читаю его. Для Гомера же нуженъ лексиконъ и немного напряженія. Жду съ нетерпѣніемъ случая показать кому нибудь этотъ фокусъ. Но какъ я счастливъ, что на меня Богъ наслалъ эту дурь. Вопервыхъ, я

наслаждаюсь, вовторыхъ,—убѣдился, что изо всего истинно прекраснаго и простаго прекраснаго, что произвело слово человѣческое, я до сихъ поръ ничего не зналъ, какъ и всѣ—и знаютъ, но не понимаютъ;—втретьихъ,—тому, что я не пишу и писать дребедени многословной никогда не стану. И виноватъ, и ей-Богу никогда не буду. Ради Бога объясните мнѣ, почему никто не знаетъ басенъ Эзопа, ни даже прелестнаго Ксенофонта, не говорю уже о Платонѣ, Гомерѣ, которые мнѣ предстоятъ. Сколько я теперь ужъ могу судить, Гомеръ только изгаженъ нашими взятыми съ нѣмецкаго образца переводами. Пошлое, но невольное сравненіе: отварная и дистеллированная вода и вода изъ ключа, ломящая зубы, съ блескомъ и солнцемъ и даже соринками, отъ которыхъ она еще чище и свѣжѣе. Всѣ эти Фоссы и Жуковскіе поютъ какимъ-то медово-паточнымъ, горловымъ и подлизывающимъ голосомъ. А тотъ чортъ и поетъ, и оретъ во всю грудь, и никогда ему въ голову не приходило, что кто-нибудь его можетъ слушать. Можете торжествовать: безъ знанія греческаго — нѣтъ образованія. Но какое знаніе? Какъ его пріобрѣтать? Для чего оно нужно? На это у меня есть ясные какъ день доводы.

„Вы не пишете ничего о Марьѣ Петровнѣ, изъ чего съ радостью заключаемъ, что ея выздоровленіе хорошо подвигается. Мои всѣ здоровы и вамъ кланяются.

Вашъ *Л. Толстой.*

Пріѣхавъ, какъ всегда, въ Москву на самое короткое время, я засталъ бѣднаго Борисова въ гостинницѣ Дрезденъ въ самомъ плачевномъ состояніи. Всегда худощавый, онъ исхудалъ до неузнаваемости и безпрестанно откашливался. Не было никакого сомнѣнія, что смерть, въ видѣ злой чахотки, приближается къ нему быстрыми шагами. Какъ всѣ чахоточные, онъ не падалъ духомъ и былъ увѣренъ, что весенній, деревенскій воздухъ его поправитъ. Конечно, всѣ старались поддерживать въ немъ эти мысли. Когда жена моя въ концѣ апрѣля вернулась въ Степановку, то разсказала, съ какими усиліями ей довелось довезти Ивана Петровича въ

закрытомъ отдѣленіи вагона, и что она во Мценскѣ на платформѣ сдала его выѣхавшимъ къ нему навстрѣчу людямъ.

Новый предводитель дворянства Алекс. Аркад. Тимирязевъ былъ въ то же время и почетнымъ мировымъ судьею и пригонялъ всѣ свои разнородныя занятія какъ разъ ко времени съѣзда. Часа въ четыре, къ концу засѣданія, онъ обыкновенно говорилъ вполголоса пріѣзжимъ изъ деревень судьямъ: „приходите къ пяти часамъ обѣдать, чѣмъ Богъ послалъ“. При частыхъ занятіяхъ въ городѣ, онъ все время держался одной и той же постоянной квартиры со столомъ, съ условіемъ платить хозяйкѣ опредѣленную сумму за каждаго имъ приглашеннаго. Конечно, вино и закуска были его собственныя съ прибавкомъ варенья и соленья изъ деревни.

12-го мая сходя съ лѣстницы мироваго съѣзда, мы, при блескѣ вешняго солнца, въ числѣ нѣскольких человѣкъ, отправились по улицамъ къ квартирѣ предводителя. Дойдя до угла виннаго магазина, Александръ Аркадьевичъ сказалъ намъ: „извините меня, господа, я только зайду сказать, чтобы мальчикъ принесъ намъ сыру и хересу, и если вы не очень будете торопиться, то я васъ догоню“. Не успѣли мы войти въ улицу, ведущую къ дому предводителя, какъ ко мнѣ подошелъ старый Борисовскій слуга, управлявшій по сосѣдству небольшимъ родовымъ имѣніемъ Борисова, и сказалъ: „Иванъ Петровичъ прислали коляску и просятъ васъ и Александра Аркадьевича сегодня откушать“. Конечно, я тотчасъ же передалъ приглашеніе Тимирязеву, который сказалъ: „пообѣдаемте вмѣстѣ и съ послѣднимъ кускомъ сядемъ въ коляску и поѣдемъ въ Новоселки; а уѣхать отъ приглашенныхъ гостей слишкомъ неловко“.

Въ 6 часовъ вечера мы были уже въ Новосельскомъ флигелѣ и нашли во второй комнатѣ на кровати изнеможеннаго Борисова, который чрезвычайно намъ обрадовался. У него былъ прекрасный поваръ, и самъ Иванъ Петровичъ умѣлъ заказать хорошій обѣдъ.

— Какъ жаль, повторялъ онъ,—что вы уже отобѣдали; а вы видите, столъ уже накрытъ, и я бы васъ накормилъ обѣдомъ такимъ, что пальчики облизать. Какъ я радъ, что вы оба здѣсь. Мнѣ необходимо на дняхъ выѣхать заграницу на

воды, и я хотѣлъ просить васъ, Алекс. Арк., о разрѣшеніи мнѣ взять 2,300 рублей Новосельскихъ выкупныхъ, такъ какъ я своихъ собственныхъ денегъ истратилъ на Новоселки гораздо болѣе.

— Очень хорошо, сказалъ предводитель. Пришлите формальное прошеніе, и я въ тотъ же день пришлю вамъ разрѣшеніе на полученіе этихъ денегъ

— Кромѣ того я хотѣлъ, Алекс. Аркад., переговорить съ вами о судьбѣ дѣтей: Пети и Оли.

Услыхавъ эти слова, я, будто бы ища папиросочницу, ушелъ и дѣйствительно вышелъ на крыльцо со знакомымъ намъ уже нѣмцемъ-дядькою Θедоромъ Θедоровичемъ.

— Здѣсь, въ комнатахъ больнаго, нельзя курить, сказалъ я: пойдемте покурить на крыльцо.

О знаніи русскаго языка этимъ педагогомъ можно судить потому, что меня онъ постоянно называлъ: „Аснась-Насъ".

— Добрѣйшій Θедоръ Θедоровичъ, говорилъ я, — не слишкомъ ли вы отважны, собираясь везти Ивана Петровича на воды? Вѣдь онъ и до границы-то пожалуй не доѣдетъ.

— Ну, очего? восклицалъ Θедоръ Θедоровичъ: мы будемъ его подкрѣплять, и онъ будетъ прекрасно доѣзжать. Тамъ онъ можетъ быть еще будетъ здорова, а здѣсь видите, какъ онъ плöхо.

Когда я вернулся къ больному, переговоры ихъ, повидимому, кончились, и предводитель сказалъ: „будьте покойны Иванъ Петровичъ, все будетъ устроено, согласно вашему желанію, а теперь собирайтесь на воды, и дай Богъ вамъ въ скорости поправиться".

На возвратномъ пути въ коляскѣ предводитель передалъ мнѣ убѣдительную просьбу Борисова: не назначать никого, помимо меня, опекуномъ къ его сыну и жениной племянницѣ; — „и, прибавилъ онъ, я считаю, что, не взирая на хлопоты и нравственную отвѣтственность, вы, Аѳ. Аѳ., не имѣете права отказаться отъ этого назначенія".

Черезъ недѣлю я получилъ отъ Тургенева слѣдующее письмо отъ 11 мая 1871 года изъ Лондона:

„Любезный Аѳ. Аѳ., получилъ письмо отъ Борисова, которое меня положительно напугало. Онъ его даже не самъ писалъ, а продиктовалъ кому-то, дотого безграмотному, что

я едва могъ понять, — что онъ желаетъ имѣть свѣдѣнія объ Эмсѣ, а самъ подписался дрожащей рукой. Прикащикъ мой Зайчинскій былъ у него и говоритъ, что онъ не встаетъ съ постели и имѣетъ видъ умирающаго. Я убѣжденъ, что вы теперь уже давно въ Новоселкахъ, но я не могъ утерпѣть, чтобы не написать вамъ: мысль, что бѣдный Борисовъ гаснетъ одинъ, не имѣя возлѣ себя грамотнаго человѣка, слишкомъ для меня тяжела. Пожалуйста напишите мнѣ какъ можно скорѣе. Я здѣсь еще остаюсь два мѣсяца. Бѣдный Иванъ Петровичъ и бѣдный Петя!

Весь васъ *Ив. Тургеневъ.*

Однажды, когда вся Степановка спала непробуднымъ сномъ, я услыхалъ стукъ въ окно спальни; отодвигаю занавѣсъ и вижу у самой террасы тройку лошадей въ хомутахъ и стоящаго подъ окномъ небольшаго человѣчка, въ которомъ тотчасъ же узналъ Чижовскаго ямщика Касьяна, роднаго брата знаменитаго Ѳедота.

— Что тебѣ надо? крикнулъ я, пріотворяя окошко.

— Извольте письмо отъ Петра Аѳанасьевича.

Зажегши свѣчку, я на клочкѣ бумаги, свернутой клинушкомъ, прочелъ: „Ивану Петровичу плохо; сейчасъ пріѣзжай въ Новоселки.

Братъ твой *Петръ.*

— Вотъ тебѣ три рубля и постарайся, сказалъ я Касьяну, на свѣжей лошади дать знать въ Новоселки, что̀ я пріѣду съ первымъ поѣздомъ во Мценскъ.

На другой день тотъ же самый Иванъ Ѳедоровъ принялъ меня на Мценской станціи въ ту же самую коляску. Давно уже колеса гремѣли по городскому шоссе, а я все еще не имѣлъ духу спросить про больнаго. Наконецъ, упрекнувъ себя въ малодушіи, я спросилъ вполголоса: „а что Иванъ Петровичъ?“

— Сегодня въ 4 часа утра кончились, отвѣчалъ Иванъ Ѳедоровъ.

Въ Новоселкахъ я засталъ Борисова уже на столѣ. Лицо его казалось менѣе изнеможеннымъ, чѣмъ я его видѣлъ въ

послѣднiй разъ, и спокойное и рѣшительное выраженiе его какъ бы говорило: „ну вотъ я передъ вами. Судите какъ хотите, а я исполнялъ свой долгъ до конца“.

Надо было подумать о погребенiи, которое, заручившись приличнымъ гробомъ изъ Мценска, мы съ братомъ назначили на третiй день.

Когда все понемногу пришло въ порядокъ, братъ Петруша подалъ мнѣ при Өедорѣ Өедоровичѣ бумажникъ покойнаго со словами: „тутъ рублей двѣсти денегъ, но ты долженъ сейчасъ же всѣхъ насъ обыскать“.

— Помилуй! воскликнулъ я: что за вздоръ! Чтобы я сталъ тебя обыскивать!

— Нѣтъ! ты обязанъ это сдѣлать, продолжалъ братъ.— Погляди-ка сюда: вотъ рукою покойнаго написано: „здѣсь триста рублей“. А ихъ нѣтъ, и они навѣрное у кого-нибудь изъ насъ.

— Да погоди пороть горячку! Вѣдь Осмоловскаго (молодой и юркiй управляющiй опекунскими имѣнiями) дома нѣтъ, и быть можетъ ему извѣстна судьба этихъ денегъ.

Часа черезъ два явился Осмоловскiй и сказалъ, что Иванъ Петровичъ вчера самъ передалъ ему эти триста рублей. Борисова мы понесли въ его приходъ Верхнее Ядрино, гдѣ онъ и былъ похороненъ около могилъ дѣда, бабки, отца, матери, братьевъ и сестеръ. Въ минуту, когда мы уже бросали на гробъ горсти земли, къ кладбищу подъѣхала коляска Александра Аркадьевича, и онъ успѣлъ таки бросить горсть земли въ могилу. „Досадно, что я на полчаса опоздалъ, сказалъ онъ,—какъ ни торопился. Послѣ завтра, сказалъ онъ мнѣ, направляясь къ коляскѣ, вы получите указъ опеки о назначенiи васъ опекуномъ къ обоимъ малолѣтнимъ“.

Надо было отпустить повара, слугу, кучера, продать лошадей и запереть домъ. Отпуская Өедора Өедоровича, мы съ братомъ постарались по мѣрѣ возможности вознаградить его за время, проведенное у постели больнаго, котораго въ последнее время онъ былъ и дядькой, и письмоводителемъ. Иванъ Петровичъ, не знавшiй иностранныхъ языковъ, диктовалъ ему по русски, что привело Тургенева въ такое отчаянiе. А такъ какъ занятiя въ лицеѣ Каткова должны были окончиться въ

послѣднихъ числахъ мая, то я просилъ Ѳедора Ѳедоровича прибыть къ намъ въ Степановку, гдѣ я снабжу его письмомъ къ Леонтьеву объ отпускѣ съ нимъ Пети къ намъ въ Степановку, куда заранѣе я пригласилъ Ѳедора Ѳедоровича на все лѣто до возвращенія Пети въ Лицей.

Тургеневъ писалъ изъ Лондона отъ 4 іюня 1871 г.:

„Не могу сказать, что извѣстіе, сообщенное вами, любезный Аѳ. Аѳ., было мною не ожидано; но тѣмъ не менѣе оно и огорчило, и поразило меня. Побѣжалъ нашъ бѣдный Иванъ Петровичъ по слѣду Николая Толстаго, какъ онъ мнѣ писалъ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ писемъ! Вспоминаю я, какъ часто мы, стоя съ нимъ въ Новосельскомъ саду и глядя на березовую аллею, по которой Николай Толстой пріѣзжалъ изъ за Зуши въ своихъ развалистыхъ дрожкахъ,—бесѣдовали о немъ; а теперь вотъ и самъ хозяинъ ушелъ туда же, въ ту темную бездну, откуда нѣтъ возврата. Придется развѣ съ Петей когда нибудь, стоя на томъ же мѣстѣ, вспоминать объ его отцѣ; а тамъ онъ современемъ будетъ, быть можетъ, разсказывать, что вотъ, молъ, тутъ Тургеневъ—покойный—говорилъ мнѣ о своихъ друзьяхъ. Всѣ тамъ будемъ! Это колесо не останавливается.

„Такъ какъ у васъ самихъ нѣтъ дѣтей, то вамъ уже самъ Богъ велѣлъ взять Петю на свое попеченіе. Я увѣренъ, что у васъ ему будетъ хорошо, и что вы ему замѣните отца, насколько это возможно, ибо вы человѣкъ съ добрымъ и мягкимъ сердцемъ, а это болѣе чѣмъ главное, это все. На Марью Петровну я тоже надѣюсь, какъ на каменную скалу. Этому мальчику нужна спокойная тишина семейной жизни, надо стараться, чтобы его огонекъ не слишкомъ скоро разгорѣлся.

„Вы пишите мнѣ, что въ 51 годъ человѣкъ не мѣняется болѣе;—а въ 53 года человѣкъ не позволяетъ себѣ думать, чтобы онъ могъ кого-нибудь или что-нибудь измѣнить. Да и къ чему мѣняться? Жизненнаго бремени не облегчишь, и каждому самому удобнѣе знать, какъ ему возиться съ этимъ чурбаномъ. Иной его кладетъ на голову, другой на спину, а третій просто волочитъ по землѣ. И то все благо, то добро.

„Поклонитесь отъ меня Марьѣ Петровнѣ и крѣпко поцѣ-

луйте Петю, когда увидите его. Я здѣсь останусь еще 6 недѣль, а тамъ въ Баденъ.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

Наконецъ то добрѣйшій Ѳедоръ Ѳедоровичъ привезъ Петрушу изъ Москвы съ самыми лучшими школьными отмѣтками. Мальчикъ оказался совершенно веселъ и доволенъ и о горячо любившемъ его отцѣ даже и не помянулъ. Энергическій, чтобы не сказать суровый, Иванъ Петровичъ не находилъ въ себѣ никакихъ силъ для противодѣйствія дурнымъ инстинктамъ сына. Когда я, бывало, въ интересахъ высоко талантливаго ребенка, указывалъ на непріятныя черты въ его личности, отецъ постоянно старался обратить это въ ребяческое недоразумѣніе. Такъ, напримѣръ, далеко не ребяческимъ тономъ онъ любилъ повторять отцу слова: „мои Новоселки".

Когда однажды въ Москвѣ 2 января я пришелъ въ номеръ Борисова и засталъ Петю въ слезахъ, то Иванъ Петровичъ со смѣхомъ сказалъ мнѣ:

— Петю сегодня ограбили.

— Какъ такъ? спросилъ я.

— Да сегодня выигралъ не его билетъ.

Однажды, лежа на диванѣ, я, не помню по какому поводу, просматривалъ Тацита. Въ это время вошелъ ко мнѣ Петя. „А вотъ, Петя, сказалъ я: давай попробуемъ общими силами перевести вотъ это мѣсто". Мальчикъ взялъ книгу и сталъ совершенно правильно переводить, что̀ въ 12-ти лѣтнемъ мальчикѣ привело меня въ великое изумленіе. Вдругъ онъ остановился и сказалъ: „вотъ это слово я забылъ. Что значитъ: intueri?"

Желая, чтобы слово осталось навсегда въ его памяти, я сказалъ: „я самъ, право, забылъ. Сходи-ка ты ко мнѣ въ кабинетъ и посмотри въ словарѣ".

Черезъ минуту мальчикъ шелъ ко мнѣ, заливаясь горькими слезами и говоря сквозь рыданія: „вѣдь это слово у меня уже встрѣчалось три раза: *взирать, смотрѣть;* а я опять забылъ".

— О чемъ же ты плачешь, Петя? спросилъ я.—Теперь ужь ты его не забудешь.

— Да, да, продолжалъ онъ съ новымъ порывомъ всхлипываній: а можетъ быть въ лицеѣ есть такой мальчикъ, который помнитъ это слово! При этомъ всхлипыванія переходятъ въ болѣзненный крикъ.

— Ахъ, Петя, сказалъ я, какъ нехорошо то, что ты говоришь. Какое тебѣ дѣло до того, знаетъ ли какой мальчикъ это слово, или нѣтъ? Стараться учиться лучше всѣхъ—законно; но завидовать—стыдно.

Подъ Мценскомъ проживалъ въ своемъ помѣстьи лѣтомъ, состоящій на придворной службѣ, давнишній другъ Борисова, какъ и онъ же, Иванъ Петровичъ Н—въ. Въ этомъ домѣ Петя былъ часто съ самыхъ первыхъ лѣтъ дѣтства и называлъ даже Ивана Петровича Н—а не иначе, какъ дядя Ваня. Дня черезъ два по пріѣздѣ Пети изъ Москвы, я отправилъ его дня на два къ дядѣ Ванѣ. Когда слѣдующаго 12-го числа я увидался съ Ив. Петр. Н—ымъ на мировомъ съѣздѣ, котораго онъ состоялъ почетнымъ судьею, онъ сказалъ мнѣ: „какой этотъ Петя странный байбакъ. Я, можно сказать, насильно заставилъ его проѣхать на могилу къ его отцу. Вѣдь это всего отъ меня за 15 верстъ“.

Впослѣдствіи я убѣдился, что сердце Пети не было совершенно заперто для чувства дружбы и любви; но на первыхъ порахъ мнѣ крайне горько было замѣчать въ мальчикѣ эгоистическое чувство, побуждавшее его все брать, ничего не давая. Честный и правдивый по натурѣ, онъ не способенъ былъ взять что-либо украдкой, а считалъ своимъ правомъ брать чужое, какъ нѣкогда конфекты у дѣтей Толстыхъ. Когда я старался логически доказывать его несправедливость, онъ понималъ меня на полусловѣ и самъ досказывалъ заключительный выводъ; но на дѣлѣ такое головное пониманіе не помогало.

Лицейскимъ докторомъ была указана необходимость для него деревенскихъ прогулокъ: но добрѣйшему Ѳедору Ѳедоровичу стоило большихъ трудовъ вытащить мальчика на воздухъ. Величайшимъ наслажденіемъ для Пети было чтеніе историческихъ книгъ, кромѣ сочиненій русскихъ писателей, всѣхъ эпохъ. Въ гостиной, въ углу за дверью, стояла низкая кушетка со спинкою въ видѣ кресла и длинной покатостью

къ ногамъ. Вотъ эту кушетку Петруша избралъ своею главною квартирой. Тутъ, ложась на грудь, онъ обыкновенно подпиралъ голову локтями и, читая книгу, болталъ поднятыми отъ колѣнъ ногами. Когда, бывало, въ свободные дни я послѣ завтрака садился въ столовой на диванъ противъ двери, то привыкъ видѣть за дверью мельканіе пары ребяческихъ ногъ въ бѣлыхъ чулкахъ и черныхъ ботинкахъ.

Однажды, когда ботинки дѣлали свое дѣло, я увидалъ изъ заднихъ комнатъ подошедшаго Ѳедора Ѳедоровича съ сѣрою шляпою въ рукахъ.

— Peter, wollen wir spazieren gehen.

Отвѣта нѣтъ, и ботинки продолжаютъ свое однообразное болтаніе. Простоявъ съ минуту, Ѳедоръ Ѳедоровичъ самымъ убѣдительнымъ голосомъ напѣваетъ свое воззваніе. Мельканіе ботинокъ продолжается. Третій призывъ не нарушаетъ ихъ мельканія.

— Петруша, говорю я, самымъ дружелюбнымъ голосомъ: ну какъ же тебѣ, любезный другъ, не стыдно заставлять человѣка понапрасну стоять передъ тобою!

Ботинки продолжаютъ раскачиваться, какъ будто бы я не произнесъ ни одного слова.

— Петруша! крикнулъ я отрывисто тѣмъ голосомъ, какимъ Василій Павловичъ, бывало, просилъ меня скомандовать противъ вѣтра: „эскадронъ, стой!“ — Когда я тебя зову, ты въ ту же минуту долженъ, какъ пуля, нестись къ моимъ ногамъ!

Не успѣлъ я окончить этихъ словъ, какъ уже пронесшійся во весь духъ Петруша, блѣдный и дрожащій, стоялъ около моихъ колѣней.

— Видишь, сказалъ я, я настолько довѣряю твоему уму, что надѣюсь, это будетъ тебѣ урокомъ. Не мнѣ судить твои отношенія къ отцу твоему. Но твои отношенія ко мнѣ совершенно просты: мое дѣло требовать отъ тебя того, что я считаю справедливымъ: а твое — безпрекословно исполнять мои требованія. А теперь ступай гулять и будемъ друзьями.

Я не ошибся: съ этой минуты мнѣ ни разу не пришлось встрѣчаться съ тѣнью ослушанія со стороны Петруши. А впослѣдствіи онъ доказалъ несомнѣннымъ образомъ, что единственнымъ человѣкомъ, котораго онъ любилъ, былъ я.

Л. Толстой писалъ отъ 10 іюня 1871 г.:

„Любезный другъ, не писалъ вамъ давно и не былъ у васъ оттого, что былъ и есть боленъ, самъ не знаю чѣмъ, но похоже что-то на дурное, или хорошее, смотря потому, какъ называть конецъ. — Упадокъ силъ и ничего не нужно и не хочется, кромѣ спокойствія, котораго нѣтъ. Жена посылаетъ меня на кумысъ въ Самару или Саратовъ на два мѣсяца. Нынче ѣду въ Москву и тамъ узнаю—куда.

„Очень (хотѣлъ написать) *жаль* о Борисовѣ, но это совсѣмъ невѣрно и завидно невѣрно, а тронуло меня это очень. Радуюсь, что мальчикъ у васъ. Я, можетъ, напишу вамъ съ мѣста.

Вашъ *Л. Толстой*.

Тургеневъ писалъ изъ Лондона отъ 2 іюля 1871 г.:

„Любезнѣйшій Аѳ. Аѳ., — ваше письмо опять меня огорчило.—Не тѣмъ, что̀ вы мнѣ пишете о Петѣ, характеръ котораго вы, впрочемъ, разгадали вѣрно,—это еще можетъ перемолоться, да и вы, кажется, въ отношеніи къ нему стали на настоящую дорогу, — а тѣмъ, что̀ вы мнѣ пишете насчетъ здоровья Л. Толстаго. Я очень боюсь за него, недаромъ у него два брата умерли чахоткой, — и я очень радъ, что онъ ѣдетъ на кумысъ, въ дѣйствительность и пользу котораго я вѣрю. Л. Толстой, эта единственная надежда нашей осиротѣвшей литературы, не можетъ и не долженъ такъ же скоро исчезнуть съ лица земли, какъ его предшественники — Пушкинъ, Лермонтовъ и Гоголь. И дался же ему вдругъ греческій языкъ!

„Черезъ двѣ недѣли я ѣду въ Шотландію, гдѣ буду присутствовать на столѣтнемъ юбилеѣ Вальтеръ-Скотта въ Эдинбургѣ и поохочусь на „гроузовъ" (grouse, родъ бѣлой куропатки), а съ 20-го августа я опять на два мѣсяца въ Баденѣ.

„Жизнь англійская невесела, но любопытна. Когда встрѣтимся (вѣроятно, зимой: я съ ноября до января въ Петербургѣ),—будетъ что̀ разсказать. Поклонитесь отъ меня всѣмъ друзьямъ, начиная, разумѣется, съ Марьи Петровны.

Жму вамъ крѣпко руку и остаюсь—

вашъ *Ив. Тургеневъ*.

Л. Толстой писалъ отъ 18 іюля 1871 г.:

„Благодарю васъ за ваше письмо, любезный другъ. Кажется, что жена сдѣлала фальшивую тревогу, отославъ меня на кумысъ и убѣдивъ меня, что я боленъ. Какъ бы то ни было, теперь, послѣ 4-хъ недѣль, я, кажется, совсѣмъ оправился. И какъ слѣдуетъ при кумысномъ лѣченіи,—съ утра до вечера пьянъ, потѣю и нахожу въ этомъ удовольствіе. Здѣсь очень хорошо, и если бы не тоска по семьѣ, я бы былъ совершенно счастливъ здѣсь. Если бы начать описывать, то я исписалъ бы сто листовъ, описывая здѣшній край и мои занятія. Читаю и Геродота, который съ подробностью и большою вѣрностью описываетъ тѣхъ самыхъ галакто-фаговъ-скиѳовъ, среди которыхъ я живу.

„Вчера началъ писать это письмо, и писалъ, что я здоровъ. Нынче опять болитъ бокъ. Самъ не знаю, насколько я нездоровъ, но нехорошо уже то, что принужденъ и не могу не думать о моемъ бокѣ и груди. Жара третій день стоитъ страшная. Въ кибиткѣ накалено, какъ на полкѣ, но мнѣ это пріятно. Край здѣсь прекрасный, по своему возрасту только что выходящій изъ дѣвственности, по богатству, здоровью и въ особенности по простотѣ и неиспорченности народа. Я, какъ и вездѣ, примѣриваюсь, не купить-ли имѣніе. Это мнѣ занятіе и лучшій предлогъ для узнанія настоящаго положенія края. Теперь остается 10 дней до шести недѣль, тогда напишу вамъ и устроимся. чтобы увидѣться. Помогай вамъ Богъ съ вашими трудами. Хомутовъ на васъ много; и труднѣе, и интереснѣе всѣхъ Петя. Поцѣлуйте его за меня. Душевный поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Л. Толстой.

Тургеневъ изъ Баденъ-Бадена писалъ отъ 6 августа 71 г.:

„Любезнѣйшій Фетъ, ваше письмо застало меня въ постели, съ которой я уже двѣ недѣли не разстаюсь, по милости припадка подагры, которую чертъ дернулъ поселиться на этотъ разъ (въ первый разъ) въ колѣнѣ — и такимъ образомъ лишить меня всякой локомоціи. Сегодня попытаюсь подняться съ двумя костылями: подумаешь, я тоже участвовалъ въ завоеваніи Франціи! А погода между тѣмъ отличная;—дразнитъ

сквозь окна. Спасибо за сообщенныя извѣстія. Я очень радъ, что Толстому лучше, и что онъ греческій языкъ такъ одолѣлъ, это дѣлаетъ ему великую честь и приноситъ ему великую пользу. Но зачѣмъ онъ толкуетъ о необходимости создать какой то особый русскій языкъ? Создать языкъ!!— создать море. Оно разлилось кругомъ безбрежными и бездонными волнами; наше писательское дѣло — направить часть этихъ волнъ въ наше русло, на нашу мельницу! И Толстой это умѣетъ. А потому его фраза лишь настолько меня безпокоитъ, насколько она показываетъ, что ему все еще хочется мудрить. Литераторъ отвѣчаетъ только за напечатанное слово: гдѣ и когда я печатно высказался противъ классицизма? Чѣмъ я виноватъ, что разные дурачки прикрываются моимъ именемъ? Я выросъ на классикахъ и жилъ и умру въ ихъ лагерѣ; но я не вѣрю ни въ какую Alleinseligmacherie даже классицизма и потому нахожу, что новые законы у насъ положительно несправедливы, подавляя одно направленіе въ пользу другаго. „Fair play“ — говорятъ англичане; — равенство и свобода, говорю я. Классическое, какъ и реальное образованіе должно быть одинаково доступно, свободно и пользоваться *одинаковыми* правами. Г. Катковъ говоритъ противное; но я въ жизни ненавидѣлъ только одно лицо (не его, то уже умерло, слава Богу), а презиралъ только трехъ людей: Жирардена, Булгарина и издателя Моск. Вѣдомостей.

„Здѣшній домъ, въ которомъ я жилъ, и который я продалъ по милости дяди, — теперь проданъ окончательно — съ 1-го ноября. Баденская жизнь моя — тю-тю! Какой складъ приметъ будущее—я не знаю да и не интересуюсь слишкомъ.

«И дремля ѣдемъ до ночлега,—
А время гонитъ лошадей!»

„Желаю вамъ здоровья и крѣпко жму вамъ руку.

Ив. Тургеневъ.

Онъ же:

Парижъ,
24 ноября 1871 года.

„Любезнѣйшій Аѳ. Аѳ., такъ какъ вы очень добродушный человѣкъ и не сердитесь, когда другой пожалуй разсер-

дился бы,—то я хочу вамъ доказать, что умѣю цѣнить это ваше качество, —и ни въ какую „прю“ съ вами не вступаю. Меня порадовали извѣстія, сообщенныя вами о Толстомъ. Я очень радъ, что его здоровье исправилось, и что онъ работаетъ. Что бы онъ ни дѣлалъ, будетъ хорошо, если онъ самъ не исковеркаетъ дѣла рукъ своихъ. Философія, которую онъ ненавидитъ, оригинальнымъ образомъ отомстила ему: она его самого заразила, и нашъ врагъ резонерства сталъ резонерствовать напропалую! Авось это все съ него теперь соскочило, и остался только чистый и могучій, художникъ!

„А что вы выводите славныхъ лошадей и вообще хозяйничаете съ толкомъ,—за это вамъ похвальный листъ! Вотъ это точно дѣло, и оставляетъ дѣльный слѣдъ.

„Я начинаю обживаться въ своей квартирѣ въ Парижѣ, хотя почти никого еще не видалъ, по милости припадка подагры. Здѣсь стоятъ страшные холода, а вы знаете, какая это бѣда на Западѣ, вы, плакавшій отъ стужи въ Неаполѣ! Республика кряхтитъ славно; едва ли она продержится. Тьеръ оказывается тряпкой и старымъ рутинеромъ, какимъ онъ и былъ всегда.

„А зерносушилки всетаки не будетъ! Впрочемъ, если вы мнѣ докажете противное, я первый воскликну: „ты побѣдилъ, Галилеянинъ!“

„Засимъ кланяюсь Марьѣ Петровнѣ и васъ дружески обнимаю.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

VIII.

И. А. Остъ принимаетъ управленіе опекунскими имѣніями.—Моя болѣзнь.—Смерть Александра Никитича.—Операція.—Пріѣздъ брата.—Свиданіе съ племянницей. — Письма.—Хлопоты о постройкѣ сельской больницы.—Пріѣздъ племянницы въ Степановку.—Володя Ш—ъ.—Письма.—Я беру Олю изъ пансіона.—Гувернантка.—Мои занятія съ Олей.—Письма.

Наступилъ декабрь, и жена моя уѣхала въ Москву, оставивъ меня одного съ письмоводителемъ. Само собою разумѣется, что, по принятіи мною въ опеку имѣній малолѣтнихъ, всѣ массы бумагъ, документовъ и плановъ по разнымъ картонкамъ и ящикамъ привезены были ко мнѣ. А вотъ наконецъ и управляющій, съ которымъ я познакомился на похоронахъ Борисова, подъ предлогомъ задержки по дѣламъ, прислалъ мнѣ къ подписи готовые опекунскіе отчеты. Заглянувши въ нихъ, я убѣдился въ двухъ вещахъ: вопервыхъ, что управляющій былъ въ полной увѣренности, что я отчетовъ провѣрять не стану и все подмахну не читавши; а вовторыхъ, сперва изъ окончательныхъ выводовъ, а затѣмъ и изъ подробностей, я пришелъ къ заключенію о преднамѣренномъ уменьшеніи всѣхъ цифръ доходностей до невозможнаго минимума.

Время близилось къ вечернему чаю, который подавался въ столовой подъ единственной лампою, тогда какъ гостиная и слѣдующая за нею комната были безъ огня. Злополучные отчеты лежали на столѣ, а я, не зная что̀ предпринять для пресѣченія зла, въ волненіи ходилъ взадъ и впередъ изъ темныхъ комнатъ въ залу. Вдругъ звонокъ, и въ передней у входной двери появилась высокая фигура, казавшаяся еще

выше отъ поднятаго медвѣжьяго воротника. Высокая папаха и шуба были засыпаны снѣгомъ. Тѣмъ не менѣе я съ перваго взгляда узналъ въ закутанномъ пріѣзжемъ знакомаго мнѣ молодаго швейцарца, управляющаго имѣніемъ Горчанъ,— Ив. Ал. Оста.

— Здравствуйте, любезнѣйшій Ив. Ал., сказалъ я входящему въ залу молодому человѣку.

— Позвольте мнѣ прежде всего обогрѣться около печки, отвѣчалъ онъ. — Вы не можете себѣ представить, что дѣлается на дворѣ: такая мятель, что спины кучера не видать.

— Радуюсь, воскликнулъ я,—что, не взирая на непогоду, Богъ донесъ васъ благополучно къ намъ, и вы сейчасъ же убѣдитесь въ причинѣ моего крайняго безпокойства и волненія. Вы вѣроятно уже слышали, что я назначенъ опекуномъ малолѣтнихъ: Борисова и Ш—ой, и, кажется, въ надеждѣ, что, подобно умирающему Борисову, я поверхностно отнесусь къ отчетамъ, управляющій опекунскими имѣніями прислалъ мнѣ лежащіе здѣсь передъ вами на столѣ отчеты. Какъ къ человѣку, въ экономическихъ дѣлахъ опытному, я обращаюсь къ вамъ съ просьбою просмотрѣть отчеты и сказать мнѣ: терпимы или нетерпимы эти отчеты?

Пока обогрѣвшійся молодой человѣкъ подсѣлъ къ висячей лампѣ и углубился въ отчеты, я продолжалъ свое путешествіе вдоль двухъ темныхъ комнатъ и обратно въ свѣтлую столовую. Наконецъ Остъ, закрывши тетрадь и подымая голову, сказалъ: „эти отчеты невозможны и нетерпимы“.

— Очень радъ, отвѣчалъ я, что слова эти сказаны вами, а не мною, хотя вполнѣ подтверждаютъ мое мнѣніе. Не забудьте, что это прошлогодній отчетъ, и что большинство урожая этого года еще по амбарамъ и даже скирдамъ, и скажите,—могу ли я, вслѣдъ за подобнымъ отчетомъ, быть хотя на минуту покоенъ, касательно имущества, ввѣреннаго моему наблюденію?

— Конечно, отвѣчалъ Остъ: тутъ ни за одинъ часъ поручиться нельзя.

— Прекрасно, сказалъ я,—мы разъяснили себѣ дѣло теоретически, но вопросъ: какимъ образомъ практически помочь злу?—настоятельно требуетъ скораго отвѣта. Вы знаете, что

по закону въ моемъ распоряженіи пять процентовъ съ валоваго дохода, которые я готовъ полностью предоставить управляющему; но я не знаю никого, на кого бы я могъ положиться, и кто бы принялъ управленіе опекунскими имѣніями на этомъ основаніи.

— Да я первый, сказалъ Остъ, съ удовольствіемъ приму ваше предложеніе.

— Если вы на это согласны, сказалъ я, то ударимте по рукамъ, и я сейчасъ велю подать самоваръ, чтобы запить чаемъ наше взаимное соглашеніе. А между тѣмъ необходимо принять слѣдующія мѣры: я сейчасъ прикажу приготовить циркулярное предписаніе всѣмъ экономическимъ старостамъ и ключникамъ отобрать въ одно мѣсто 10-ти дневную дачу харчеваго и фуражнаго продовольствія, а затѣмъ запереть остальное, къ дверямъ котораго письмоводителемъ моимъ до особаго моего разрѣшенія будетъ приложена моя печать.

Такимъ образомъ Ив. Ал. Остъ сдѣлался моимъ ближайшимъ помощникомъ во всѣхъ экономическихъ дѣлахъ.

Болѣзнь, которою я сильно страдалъ еще въ кавалерійской службѣ, мало по малу разыгрывалась все болѣе. Сильныя потери крови, которымъ я сначала радовался, какъ облегченію, превратились наконецъ въ болѣзненное истязаніе. Надо было принять какія либо рѣшительныя мѣры противъ страданій, и зная, что Александръ Никитичъ былъ по случаю выборовъ въ Орлѣ, я по дорогѣ въ Москву заѣхалъ къ нему.

Умѣвшій всегда разыскать лакомое съѣстное, онъ и на этотъ разъ угощалъ меня прекрасными солеными вещами и не менѣе вкусною безсѣмянкою. Такъ просидѣлъ я у него до вечерняго поѣзда.

— Ты посиди еще, говорилъ онъ, становясь передъ трюмо и завязывая на шеѣ своего Владиміра,—а я соберусь въ Собранье.

При прощаньи онъ подалъ мнѣ 25-ти рублевую бумажку со словами: „пожалуйста передай отъ меня Володѣ, да такъ чтобы Любинька не знала".

Конечно, Любинька въ свою очередь говорила то же самое по отношенію къ мужу.

По пріѣздѣ въ Москву, я почувствовалъ себя дотого дурно, что принужденъ былъ слечь въ постель. И жена, и милые хозяева Боткины настоятельно требовали, чтобы я обратился къ медицинской помощи.

Только что я слегъ, какъ получаю телеграмму.

„Сегодня утромъ Александръ Никитичъ скончался по дорогѣ изъ Орла.

Кротковъ.

Не зная никакого Кроткова, я долго не могъ догадаться, кто прислалъ телеграмму. Но какъ поступить по отношенію къ сыну, — всего лучше, по моему мнѣнію, могъ рѣшить самый интимный другъ покойнаго, бывшій предводитель В. А. Ш—ъ, проживавшій съ женою близъ Кудрина.

— Владиміра Александовича нѣтъ дома, сказала мнѣ его жена, и если вы такъ настоятельно желаете его видѣть, то я прикажу проводить васъ къ Дорогомиловскому мосту въ ту баню, куда онъ отправился съ человѣкомъ.

— Здѣсь баринъ со слугою? спросилъ я корридорнаго при номерахъ бани.

— Здѣсь, пожалуйте, сказалъ тотъ, указывая на дверь. При болѣзненномъ своемъ состояніи, я тяготился всякою потерею времени. Но вотъ отворяю дверь передбанника и не нахожу ни барина, ни слуги. Одно платье и сапоги свидѣтельствуютъ о ихъ присутствіи, сами же они блаженствуютъ за двойными дверями въ банномъ пару. Не зная, сколько времени придется мнѣ ждать, я сталъ звать купальщика по имени, насколько хватало силъ. Наконецъ то Вл. Ал., узнавши меня по голосу, воскликнулъ:

— Это вы, Аѳ. Аѳ.? я сейчасъ выйду.

— Дверь растворилась, и пышащій паромъ Влад. Алек. спросилъ:

— Что такое?

— Объ Александрѣ Никитичѣ, отвѣчалъ я.

— Умеръ?

— Да. Вотъ телеграмма отъ какого-то Кроткова.

— Да это его прикащикъ Прокофій, сказалъ Влад. Алек. Рѣшено было дать денегъ Володѣ на проѣздъ на похороны къ отцу; и я снова поѣхалъ на постель.

Оказалось, что на третій день послѣ нашего свиданія Ал. Ник., поужинавшій наканунѣ въ клубѣ съ виномъ, котораго съ годъ уже не пилъ, отправился домой. На станціи „Становой Колодезь" его ожидали, по причинамъ снѣжной мятели, двое одиночныхъ саней. Забравши письма и газеты, Ал. Ник. вышелъ на крыльцо и, сѣвши въ однѣ изъ саней, пустилъ въ другихъ впередъ кучера. Но не успѣлъ послѣдній выѣхать изъ воротъ станціи, какъ, услыхавъ громкій голосъ барина: „поворачивай назадъ къ станціи, мнѣ дурно,"—тотчасъ же исполнилъ приказаніе. Проѣзжая мимо заворачивавшихъ въ свою очередь саней барина, кучеръ замѣтилъ, что Ал. Ник. скатился на одну сторону задка, и потому кучеръ, остановивъ лошадей у подъѣзда, побѣжалъ на станцію просить помощи. Когда начальникъ станціи отказался принять трупъ, Ал. Ник. оставался въ саняхъ въ томъ же положеніи болѣе двухъ часовъ, покуда не пріѣхалъ за нимъ его Прокофій и не увезъ домой.

Мнѣ всегда почему-то казалось, что личность закащика сапоговъ въ „Чѣмъ люди живы"—навѣяна Л. Тостому личностью Ал. Ник. Но что всего страннѣе, это то, что въ иллюстраціи В. Шервуда 1882 г. общій типъ закащика, съ котораго снимаютъ мѣрку, очень напоминаетъ Александра Никитича.

Пріѣхавшій алопатъ приказалъ мнѣ снять верхнее платье, стучалъ въ спину и въ грудь и заставлялъ стоять на одной ногѣ. Мнѣ припомнились затѣйливые пріемы вѣдьмы по отношенію къ Фаусту; но думалось, что толку изъ этого не выйдетъ. Принесли изъ аптеки какія-то дорогія серебряныя жемчужины, и безполезно глотая уже другую коробку, я догадался посмотрѣть,—что же это такое за драгоцѣнное снадобье? Оказался простой ревень.

Между прочими добрыми людьми, навѣщавшими мой болѣзненный одръ, былъ и старичекъ швейцарскій консулъ.

— Ничего, сказалъ онъ, эти алопаты вамъ не помогутъ; а позвольте прислать вамъ моего почтеннаго старика доктора гомеопата.

Серебряныя пилюли брошены, и посыпались крупинки.

Въ это время жена моя, навѣщая, много лѣтъ паралич-

наго, Пикулина, сообщила ему о мучительномъ моемъ состояніи.

— Вы, матушка, тамъ, отвѣчалъ Пикулинъ, всѣ сумасшедшіе! Какіе тамъ алопаты и гомеопаты! ему надо позвать хирурга; пусть онъ обратится къ лучшему хирургу Новацкому: тотъ его починитъ.

На другой день любезный и благодѣтельный Иванъ Николаевичъ уже сидѣлъ около моей кровати

— Все это прекрасно, сказалъ онъ;—но прежде чѣмъ что либо предпринять, позвольте васъ освидѣтельствовать.

— Ради Бога, воскликнулъ я, нельзя ли безъ этого обойтись? Вы себѣ представить не можете, какая меня ожидаетъ боль!

— Не хуже васъ это знаю, но не понимаю вашего требованія, чтобы я, не видавши зла, производилъ операцію

Дѣлать нечего, надо было покориться, и затѣмъ я помню только, что лежалъ на постели, и доктора (старикъ гомеопатъ былъ тутъ же) прыскали мнѣ въ лицо холодною водой. Со мною былъ обморокъ. Рѣшено было дать мнѣ хлороформу и затѣмъ произвести внутреннее прижиганіе гальванически накаленною проволокой. Первое вдыханіе хлороформа было крайне непріятно, но затѣмъ, подобно опьяненію, соединено было съ извѣстнымъ наслажденіемъ и усиленною работою воображенія, въ ущербъ внѣшнему ощущенію. Говорятъ, я кричалъ во время операціи, но никакой боли не помню.

Когда, оправившись, я сталъ уже ходить по комнатѣ, изъ Петербурга пріѣхалъ братъ Петръ Аѳан. въ совершенно восторженномъ состояніи. Года три тому назадъ онъ былъ влюбленъ въ одну красивую дѣвушку сосѣдку и ѣздилъ въ домъ, считая себя женихомъ. Въ какой мѣрѣ онъ имѣлъ на это право, судить не берусь; но отецъ дѣвушки самъ говорилъ мнѣ, что былъ бы чрезвычайно радъ, еслибы его дочь согласилась на этотъ бракъ. Восторгамъ брата не было конца; онъ перестроилъ свой домъ для семейной жизни, и вдругъ предметъ его страсти совершенно неожиданно вышла замужъ. Отчаянію брата не было границъ; но современемъ страсть повидимому не токмо погасла, но и перешла въ

томъ же семействѣ на меньшую сестру, которую отецъ въ настоящемъ году вывозилъ въ Петербургѣ. Дѣвушка несомнѣнно была красива. И вотъ по поводу-то ея, братъ и предавался всевозможнымъ лирическимъ порывамъ. Предвидя повтореніе столь пагубнаго для его нравственнаго организма приключенія, я употребилъ всѣ мѣры, чтобы удержать его отъ новаго увлеченія.

— Ахъ, нѣтъ! восклицалъ онъ,—самъ отецъ страстно желаетъ этого брака и приглашаетъ меня бывать у нихъ въ домѣ. Я вѣдь къ нимъ бы и не поѣхалъ послѣ того, что случилось; но онъ самъ въ деревнѣ пріѣхалъ звать меня наканунѣ ея именинъ. Онъ этого страстно желаетъ!

— Да вѣдь онъ и тогда, какъ говорилъ мнѣ самъ, этого желалъ. Вотъ если бы ты могъ сказать, что она этого желаетъ, то я благословилъ бы тебя обѣими руками. А то какъ бы послѣднее не было горше перваго.

— Ахъ, братецъ, пожалуйста, не говори! Вышивала она на подушкѣ пару голубей; я и говорю ей: „что же это ваши голуби отвернулись другъ отъ друга?“—А она подняла на меня глаза и сказала: „а можетъ быть они когда-нибудь и взглянутъ другъ на друга“.

— Какое же ты выводишь заключеніе изъ этихъ словъ?

— Ахъ, братецъ, когда я пріѣхалъ прощаться, къ ней пронесли свѣтло-золотистое палевое платье. Ужь тутъ и говорить-то нечего!

Братъ замолчалъ, и я замолчалъ послѣ такой аргументаціи.

Совершенно поправившись, я передъ отъѣздомъ въ Степановку зашелъ проститься съ В. А. Ш—ымъ, который въ свою очередь жаловался мнѣ на нездоровье. На прощаньи онъ заставилъ меня написать два слова Сергѣю Петровичу Боткину, къ которому собирался съѣздить за совѣтомъ въ Петербургъ.

Чтобы не принимать вида вмѣшательства, мы съ женою, при жизни Ивана Петровича, ни разу не посѣтили маленькой Оли Ш—ой; но ставши ея опекуномъ, я счелъ своею обязанностью взглянуть на дѣвочку, которой не видалъ въ теченіи 13-ти лѣтъ. Ее такъ ревниво оберегали, что я едва могъ добиться свиданія съ нею и нашелъ ее съ воспален-

ными глазами и золотыми браслетами на рукахъ. Напрасно я старался объяснить г-жѣ Эвеніусъ необходимость познакомить дѣвочку съ ея ближайшими родными по отцу и по матери, прося поэтому прислать ее, не долѣе какъ на мѣсяцъ, въ деревню. Г-жа Эвеніусъ только тогда обѣщала исполнить мою просьбу, когда я подтвердилъ ее рѣшительными требованіями опекуна. Рѣшено было, что дѣвочка пріѣдетъ съ классною дамою въ Степановку въ іюлѣ мѣсяцѣ.

Тургеневъ писалъ изъ Парижа отъ 8 января 1872 года:

„Прежде всего поздравляю васъ съ изобрѣтеніемъ зерносушилки, любезнѣйшій Аѳ. Аѳ., если она точно окажется безъ сучка и задоринки. Je ne demande pas mieux que m'ecrièr: tu as vaincu, Galiléen! Радуюсь душевно успѣхамъ Пети: все это обѣщаетъ въ будущемъ хорошіе плоды. Съ удовольстіемъ прочту ваши письма „Изъ деревни", если они будутъ написаны „sine ira et studio". Вы пишете, что „не шутя не знаете ни одного бѣднаго литератора". Это происходитъ оттого, что вы ихъ вообще мало знаете. Укажу вамъ на одинъ примѣръ. Недавно А. Н. Аѳанасьевъ умеръ буквально отъ голода, а его литературныя заслуги будутъ помниться тогда, когда наши съ вашими, любезный другъ, давно уже пожрутся served мракомъ забвенія. Вотъ на такіе-то случаи и полезенъ нашъ бѣдный, вами столь презираемый, фондъ. Надѣюсь, что вы весело пожили въ Москвѣ и „люблю думать", какъ говорятъ французы, что вы не слишкомъ нанюхались Катковскаго прѣлаго духа.

„Въ концѣ февраля я въ Питерѣ, а тамъ въ Москвѣ и пожалуй въ деревнѣ. Жму вамъ руку.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

Настоящія слова Тургенева вызываютъ многія замѣчанія.

1. Поступивши въ Общество Литературнаго Фонда въ качествѣ члена учредителя, я вычеркнулъ себя изъ списка не потому, что считалъ не должнымъ помогать нуждающимся литераторамъ, а только потому, что считалъ необязательнымъ слѣпо подчиняться произволу Общества, измѣнявшаго свою программу введеніемъ расходовъ, не имѣвшихся въ виду при учрежденіи Общества. Если Общество считаетъ такія

измѣненія своимъ правомъ, то не должно и удивляться уходу членовъ, съ нимъ несогласныхъ.

2. Серьезные члены учредители не могутъ не знать, что литература способна быть забавой или отрадой и даже нѣкоторымъ подспорьемъ насущному хлѣбу, но что чисто литературный трудъ въ большинствѣ случаевъ такъ же мало способенъ прокормить отдѣльнаго человѣка, какъ и душевой крестьянскій надѣлъ. Вкоренять въ томъ и въ другомъ случаѣ въ человѣкѣ мысль объ обезпеченности — значитъ завѣдомо вести человѣка къ экономической гибели. Поэтому помощь должна являться къ литератору, какъ и ко всякому другому труженику, только какъ помощь при неожиданномъ несчастіи, но никакъ не въ видѣ поощренія на бездоходный трудъ.

3. Сказанное нами подтверждается отчасти судьбою покойнаго Аѳанасьева, которому служба въ иностранномъ архивѣ давала возможность предаваться своимъ частнымъ литературнымъ занятіямъ. Принимая у себя на собственный рискъ непрощеннаго еще Кельсіева, Аѳанасьевъ, конечно, не могъ разсчитывать, что правительство будетъ продолжать содержать его на службѣ, не взирая на его оппозиціонную роль. Но даже и послѣ потери мѣста онъ не умиралъ съ голоду, какъ говоритъ Тургеневъ, такъ какъ оставилъ своей наслѣдницѣ въ Москвѣ домъ, оцѣненный въ 13 тысячъ.

Л. Толстой писалъ отъ 20 февраля 1872 г.:

„Какъ мнѣ грустно было узнать, что вы были въ Москвѣ и еще хуже, что, когда я на дняхъ въ другой разъ пріѣхалъ въ Москву, я узналъ, что вы наканунѣ уѣхали. Какъ же было не написать мнѣ словечко о своемъ положеніи? Я могу не переписываться по годамъ со своими друзьями, но когда другъ въ бѣдѣ, то ужасно совѣстно и больно не знать. Напишите, какъ вы теперь? Не заработывайтесь своимъ судействомъ. Вы мнѣ это проповѣдываете, а вамъ едва ли не нужнѣе, я ужь лѣтъ 9 не помню васъ хоть на денекъ спокойнымъ и свободнымъ. Въ Москвѣ теперь хотѣлъ съѣздить къ Боткину, чтобы разузнать про васъ, но самъ заболѣлъ, пролежалъ и больной насилу добрался домой. Теперь лучше. Дома все хорошо; и домъ вы нашъ не узнаете: мы всю зиму ужь

пользуемся новой пристройкой. Еще новость, это—что я опять завелъ школу, и, жена и дѣти, мы всѣ учимъ и всѣ довольны. Я кончилъ свои азбуки, печатаю и принимаюсь за задушевное сочиненіе, котораго не только въ письмѣ, но и на словахъ едва ли разскажу, не смотря на то, что вы тотъ, кому можно разсказать. Теперь пишу и вспоминаю, какъ давно мы потерялись изъ виду. Напишите пожалуйста поподробнѣе. Жена и я просимъ передать душевный привѣтъ Марьѣ Петровнѣ. Какъ ея здоровье? Прощайте.

Вашъ искренній другъ

Л. Толстой.

Отъ 26 февраля 72 г. Тургеневъ писалъ изъ Парижа:

„Прежде всего, любезнѣйшій А. А., примите мое поздравленіе съ благополучнымъ исходомъ мучительной, но спасительной операціи, которой вы подверглись; я, хотя и не докторъ, давно предвидѣлъ, что вамъ ея не избѣгнуть, и очень радъ, что все хорошо сошло съ рукъ.

„При всемъ моемъ стараніи, не могу найти въ душѣ моей сильнаго сочувствія къ исчезновенію Александра Никитича; сожалѣю только о томъ, что эта смерть прибавитъ еще нѣкоторое бремя къ обузѣ, отягощающей ваши плечи. Но на то человѣкъ и существуетъ, чтобы ему съ каждымъ годомъ становилось тяжелѣ.

„Прочтя ваше изумительное изреченіе, что: „я (И. С. Т.) консерваторъ, а вы (А. А. Ф.) радикалъ“,—я воспылалъ лирическимъ паѳосомъ и грянулъ слѣдующими стихами:

«Рѣшено! Ура! Виватъ!
Я — Шешковскій, Фетъ — Маратъ!
Я — презрѣнный Волтерьянецъ...
Фетъ — возвышенный Спартанецъ!
Я — буржуй и доктринеръ...
Фетъ — ре-во-лю-ці-о-неръ!
Въ немъ вся ярость нигилиста...
И вся прелесть юмориста!»

„Только вотъ что, новѣйшій Кай Гракхъ:—вы, какъ человѣкъ впечатлительный и піитъ, слишкомъ легко поддаетесь

обаянію *слова:* республиканское заглавіе новаго петербургскаго журнала „*Гражданинъ*" соблазнило васъ, и вы посвятили ему свои задушевныя изліянія.

„Желаю вамъ расцвѣсть на деревенскомъ воздухѣ, какъ ландышъ; а увижусь я съ вами, Богъ дастъ, въ маѣ, ибо выѣду отсюда не раньше апрѣля.

„Передайте мой искренній привѣтъ Марьѣ Петровнѣ и вѣрьте въ искренность моихъ, хотя реакціонерныхъ, но дружескихъ чувствъ.

Ив. Тургеневъ.

Л. Толстой писалъ отъ 16 марта 72 г.:

„Письмо ваше очень порадовало насъ. Какъ бы мнѣ хотѣлось видѣть васъ; а ѣхать не могу, все хвораю. Ради Бога не проѣзжайте меня мимо, когда поѣдете въ Москву. Азбука моя не даетъ мнѣ покоя для другаго занятія. Печатаніе идетъ черепашьими шагами и чортъ знаетъ когда кончится, а я все еще прибавляю, убавляю и измѣняю. Что изъ этого выйдетъ—не знаю; а положилъ я въ него всю душу.

Вашъ *Л. Толстой.*

Вл. Ал. Ш—у не пришлось воспользоваться моимъ письмомъ къ Боткину, и я получилъ извѣстіе о его скоропостижной смерти.

Тургеневъ писалъ:

Парижъ.
29 марта 1872 г.

„Итакъ, любезнѣйшій Аѳ. Аѳ., добродушный В. А. Ш—ъ приказалъ долго жить! Смерть дѣйствительно сильно щелкаетъ вокругъ насъ.

„Что касается до Аѳанасьева, то позвольте вамъ замѣтить, что вы не довольно ясно даете себѣ отчетъ о подраздѣленіяхъ литературы, — на такъ называемую беллетристику, прессу-журналистику и прессу-науку (и педагогику), или, что еще вѣрнѣе, вы сознаете это подраздѣленіе, но цѣните одну беллетристику, да еще какую!—поэзію! Но наше Общество осно-

вано именно для литераторовъ, пользу которыхъ вы съ трудомъ признаёте, и безъ которыхъ пришлось бы плохо дѣлу просвѣщенія. Вотъ оттого-то мы и заботимся объ обезпеченіи этихъ самыхъ литераторовъ отъ голода, холода и прочихъ гадостей.

„А за походъ вашъ по поводу сифилиса нельзя васъ не похвалить. Вотъ это дѣло, и дай Богъ вамъ успѣха и помощи отовсюду. На вашу больницу я немедленно подписываюсь на сто рублей, которые буду имѣть удовольствіе вручить вамъ при нашемъ свиданіи, въ Спасскомъ въ маѣ мѣсяцѣ. А до тѣхъ поръ будьте здоровы и благополучны.

Вашъ *Ив. Тургеневъ.*

На тему этого письма, я въ объясненіе долженъ сказать слѣдующее. Въ прошломъ 71 году истекъ послѣдній срокъ уплаты розданнаго мною голодающимъ капитала, которому я нѣкогда такъ высокомѣрно предназначалъ блестящую и благотворную будущность. Я даже устроилъ изъ мнимо процентныхъ денегъ небольшія стипендіи слѣпымъ и убогимъ изъ бывшихъ дворовыхъ. Но и тутъ разочарованіе готовило мнѣ новый урокъ. Какъ я ни бился, я такъ-таки и не добралъ болѣе 300 руб. основнаго капитала, и въ виду такихъ обстоятельствъ я искалъ возможности и случая дать этому капиталу другое, болѣе разумное назначеніе. Я на опытѣ убѣдился въ истинѣ, которая, будучи a priori несомнѣнна, не требуетъ подтвержденія опыта, а именно: прочный кредитъ можетъ быть только подъ обезпеченіе равноцѣннаго имущества, мгновенно поступающаго въ собственность кредитора, не получившаго утраты. А тамъ, гдѣ заемщикъ, подобно нашему крестьянину, принципіально не владѣетъ никакой личной собственностью, кредитъ немыслимъ.

Еще въ прошломъ году предводителемъ Тимирязевымъ и мною обращено было вниманіе земскаго собранія на непомѣрное распространеніе въ уѣздѣ сифилитической заразы. Всего нагляднѣе зло было для предводителя во время пріема рекрутъ, изъ которыхъ 20 проц. оказывались зараженными. Тогда же собраніе уступило нашимъ требованіямъ немедленной помощи,

и изъ Петербурга была выписана весьма практическая и дѣятельная акушерка, которой пришлось немало побороться съ убійственнымъ зломъ, по одному уже тому, что крестьянки прятались отъ осмотровъ, бѣясь женскаго рекрутскаго набора. Черезъ два года я слышалъ отъ Ал. Арк., что процентъ зараженныхъ рекрутовъ сошелъ съ двадцати на четыре.

Объяснивши министру безнадежное положеніе моего запаснаго капитала, я заблаговременно заручился разрѣшеніемъ обратить его на сельскую больницу. Но когда я на земскомъ собраніи просилъ—или принять отъ меня этотъ капиталъ, или же дозволить мнѣ выстроить больницу, содержаніе которой земство приняло бы на свой счетъ,—то согласія ни на то, ни на другое не послѣдовало, и поднялся ораторъ съ вопросомъ:—„почему де г. Фетъ въ своей больницѣ желаетъ дать предпочтеніе сифилису передъ всѣми другими болѣзнями?“ Напрасно я возражалъ, что больница въ десять коекъ въ примѣненіи ко всѣмъ болѣзнямъ слишкомъ мала; но тамъ, гдѣ отдѣленіе больнаго отъ общей семейной чашки составляетъ благодѣяніе для цѣлой семьи, десять коекъ подъ надзоромъ хорошаго фельдшера представляютъ очевидное благодѣяніе для края. Послѣ многихъ колебаній, Гордіевъ узелъ былъ разрубленъ моимъ ближайшимъ сосѣдомъ М. М. Хрущевымъ, (бывшимъ когда-то въ числѣ лейбъ драгуновъ, угощавшихъ насъ, уланъ, въ Ревельской гостинницѣ). Онъ объявилъ собранію, что такъ какъ въ сѣверо-западной части Мценскаго уѣзда, при селѣ Воинѣ, имѣется земская больница, то если земство ассигнуетъ извѣстную сумму на содержаніе больницы въ юго-восточной части уѣзда, при селѣ Долгомъ, то онъ даритъ подъ больницу десятину земли и на полученныя отъ меня деньги выстроитъ и самую больницу.

Больница эта существуетъ и въ настоящее время, но, къ сожалѣнію, въ ней принимаются всевозможныя болѣзни.

Я уже говорилъ, что покойный Александръ Никитичъ былъ человѣкъ толковый и весьма хорошій хозяинъ. Получивши въ послѣднее время денежное наслѣдство въ два три десятка тысячъ послѣ покойнаго своего отца, онъ не только расплатился съ долгами, въ томъ числѣ и со мною, но довелъ свое полевое и домашнее хозяйство до возможнаго совершенства,

не задаваясь никакими модными пріемами. Онъ даже, верстахъ въ 15-ти, прикупилъ небольшое имѣніе со скромной, но прекрасной усадьбой. Въ послѣднее время онъ за два года не продавалъ хлѣба.

Однажды, не успѣли мы сѣсть за завтракъ, какъ пріѣхала Любинька и послѣ первыхъ привѣтствій сказала: „а я къ тебѣ за серьезнымъ совѣтомъ. Куда ты мнѣ посовѣтуешь класть деньги?“

— Боже мой, сказалъ я: какая ты исключительно счастливая особа! Мы, грѣшные, и знали бы куда положить, да нечего. Но такъ какъ ты просишь совѣта, то, вопервыхъ, продавай хлѣбъ и въ хвостъ, и въ голову,—такъ какъ онъ у тебя сыръ и можетъ перегорѣть въ навозъ, а вовторыхъ, такъ какъ Поповка куплена на имя Алекс. Никит. и заложена во Мценскомъ банкѣ, то ты клади сбереженія куда хочешь, кромѣ Мценскаго банка, въ которомъ ты только будешь очищать дѣла твоего Володи, нисколько не обезпечивая себя. Конечно, современемъ и твое, какъ и Александра Никитича, достанется вашему сыну, но до времени не мѣшаетъ держать его на извѣстной привязи.

— Ахъ, помилуй, что ты... и т. д. И я замолчалъ.

Наконецъ въ іюлѣ классная дама привезла къ намъ 13-ти лѣтнюю Олю, познакомившуюся съ своими двоюродными братьями: Ш-ымъ и Борисовымъ.

Къ обычному нашему семейному торжеству 22 іюля, на этотъ разъ набралось гостей болѣе обыкновеннаго. Пріѣхавшій еще къ завтраку 16-ти лѣтній Ш—ъ не преминулъ блеснуть своею возмужалостью передъ Петей и Олей и разсказалъ, что онъ, къ сожалѣнію, не можетъ одновременно съ Петей возвратиться въ лицей, такъ какъ долженъ быть шаферомъ у М-lle М—ой и къ этому дню долженъ заказать себѣ фракъ и три пары перчатокъ. Одну—чтобы держать вѣнецъ, другую—чтобы наливать шампанское, а третью—для танцевъ. Когда передъ обѣдомъ я старался по возможности занимать гостей, съ балкона подошелъ Петя и шепнулъ мнѣ: „тетя Люба проситъ тебя придти на минуту въ аллею“.

Улучивъ минуту, я дѣйствительно нашелъ сестру Любовь Аѳанасьевну въ аллеѣ вдвоемъ съ предводителемъ дворянства.

„Вотъ, сказала она, я просила Алекс. Арк. назначить тебя опекуномъ къ Володѣ“. Вмѣстѣ съ этимъ она обняла меня, припадая лицомъ на правое плечо мое, на которомъ я вскорѣ услыхалъ горячую влагу слезъ.

— Любинька, отвѣчалъ я, ты напрасно такъ сильно плачешь. Я буду очень радъ, если дѣло хорошо пойдетъ и безъ моей помощи; но если послѣдняя окажется нужной, то я считаю себя не вправѣ отказываться. Я прошу у васъ извиненія, но въ настоящую минуту долженъ идти къ дамамъ, сказалъ я и пошелъ на балконъ.

Когда позвали къ обѣду, предводитель, проходя мимо меня, сказалъ вполголоса: „послѣ завтра вы получите указъ опеки, о назначеніи васъ опекуномъ къ малолѣтнему Ш—у“.

Часовъ въ 10 вечера, когда всѣ гости разъѣхались, мы за длиннымъ столомъ на террасѣ оставались еще въ семейномъ кругу, такъ какъ Володя Ш—ъ еще не уѣзжалъ, а Оля съ классной дамой еще не ушли въ свои комнаты. Все время мнѣ почему-то казалось нескромнымъ обратиться съ какимъ либо вопросомъ къ дѣвочкѣ, находящейся такъ всецѣло на рукахъ начальницы своего пансіона. Но принимая во вниманіе 13-ти лѣтній возрастъ, я на этотъ разъ рѣшился успокоить себя наиболѣе элементарнымъ вопросомъ и спросилъ: „*Я тебя люблю;*—которое изъ этихъ трехъ словъ глаголъ?“

Дѣвочка какъ-то порывисто сказала сначала: *я,* затѣмъ *тебя* и только наконецъ—*люблю.*

Надо было съ одной стороны видѣть мягкое оцѣпенѣніе на лицѣ классной дамы, какъ бы желавшей сказать: „пусть хоть разрушается небесный сводъ, а это дѣло не наше;“ —а съ другой—восторженный блескъ глазъ и всего лица Петруши. Я самъ не радъ былъ своему вопросу и, что называется, въ ротъ воды набралъ. Когда тихій ангелъ пролетѣлъ, и разговоръ оживился снова, я сказалъ: „если я за кого либо радуюсь, такъ это за тебя, Володя“.

— Почему это, дядя? сказалъ онъ.

— А потому, что съ послѣ-завтра исчезнутъ съ твоей стороны всѣ излишнія нужды. Никакого фрака и особенныхъ перчатокъ тебѣ не нужно, а поѣдешь ты одновременно съ Петей въ Катковскій лицей.

На этомъ разговоръ пока прекратился; но вслѣдъ затѣмъ, замѣтивъ, что я прошелъ съ балкона въ гостиную, Володя прошелъ за мною слѣдомъ и, подойдя ко мнѣ, сказалъ: „могу ли я, дядя, сдѣлать тебѣ совершенно отвлеченный и принципіальный вопросъ? Я никогда не дозволю себѣ тебя ослушаться“.

— Да я тебѣ не совѣтую и пробовать этого, отвѣчалъ я.

— Этого никогда и не будетъ, продолжалъ отрокъ, но я бы желалъ себѣ наглядно представить послѣдствія моего отказа ѣхать, напримѣръ, одновременно съ Петею въ лицей.

— Я очень радъ помочь твоему недоразумѣнію, сказалъ я: ты, быть можетъ, не знаешь, что опекунъ замѣняетъ отца, и что, съ минуты моего назначенія, настоящимъ хозяиномъ въ твоемъ Ивановскомъ буду я, и человѣкъ, не исполняющій моего приказанія, не можетъ долѣе оставаться въ имѣніи. Если бы ты не послушался слова, то пришлось бы тебя отправить силой, т. е. приказать двумъ здоровеннымъ ребятамъ связать и довезти тебя на станцію, сѣсть съ тобою въ III-й классъ и доставить при моемъ письмѣ Леонтьеву, котораго бы я просилъ не пускать тебя домой на каникулы, такъ какъ ты не умѣешь себя держать прилично.

Пора было отправляться на покой, и мы обнялись на прощанье. На другой день, около 12-ти часовъ, сестра Любинька какъ-то особенно важно вошла въ гостиную и сѣла въ кресло, расправляя свой траурный шлейфъ.

— Я хотѣла тебѣ сказать два слова, произнесла она. Я до такой степени дорожу твоимъ расположеніемъ и нашими дружескими отношеніями...

— Пожалуйста не продолжай, перебилъ я.—ты не желаешь, чтобы я былъ у васъ опекуномъ. Пойми, какую нравственную обузу ты съ меня снимаешь; но я не знаю, въ какой мѣрѣ это будетъ полезно для Володи и для всего вашего имущества.

Вначалѣ августа Петя и Оля уѣхали въ Москву, а Володя остался заказывать фракъ и покупать перчатки къ предстоящему шаферству.

Въ виду грамматическихъ свѣдѣній дѣвочки, я слезно молилъ г-жу Эвеніусъ найти особеннаго репетитора грамматики

вообще и русской въ особенности. Къ осени я получилъ обычное дѣтское письмо съ прибавленіемъ: „я уже прочла всего Пушкина, Лермонтова, Тургенева и Толстаго“.

Эти слова поразили меня въ самое сердце. „Нѣтъ, подумалъ я, этому долженъ быть положенъ рѣшительный конецъ. Оставаясь у старой дѣвы, влюбленной въ дѣвочку, послѣдняя навѣрное не пріобрѣтетъ даже самыхъ элементарныхъ свѣдѣній, а между тѣмъ ея матеріальное и общественное положенія не мирятся съ такимъ круглымъ невѣдѣніемъ, въ которомъ современемъ я не буду въ состояніи избѣжать ни сторонних, ни собственныхъ упрековъ“.

Тургеневъ писалъ изъ Баденъ-Бадена отъ 16-го августа 1872 года:

„Вотъ я опять здѣсь, любезнѣйшій А. А., и письмо ваше получилъ. Остаюсь въ Баденѣ до октября, а тамъ въ Парижъ.

„Мнѣ жаль, что Петя только разсердился на меня за мое письмо, а не почувствовалъ, что̀ въ немъ было справедливо. Когда онъ будетъ большой, я, если буду живъ, и если онъ сдѣлается — въ чемъ я не сомнѣваюсь — хорошимъ человѣкомъ, покажу ему его первое письмо, *написанное ко мнѣ послѣ кончины его отца*, — и онъ постыдится его и подивится тому, до чего можетъ доходить эгоизмъ молодости. Теперь онъ, въ силу своихъ успѣховъ въ Катковскомъ лицеѣ, чувствуетъ себя какъ бы царькомъ; а до царей, извѣстно, истина проникаетъ съ трудомъ. Когда я свижусь съ вами, мы побесѣдуемъ о новѣйшей англійской *поэзіи*, о которой у насъ никто, или почти никто, не имѣетъ понятія. Штука не симпатическая, но интересная, и есть одинъ очень большой лирическій талантъ: Свинбернъ (Swinberne).

„Что вамъ не нравится званіе „Литераторъ“,—это вашъ конекъ, — а жизнь научила меня обходиться съ чужими коньками почтительно. По моему, „литераторъ“ такое же званіе или опредѣленіе рода занятій, какъ „сапожникъ“ или „пирожникъ“. Но есть пирожники хорошіе и дурные, и литераторы тоже. Засимъ кланяюсь Марьѣ Петровнѣ и крѣпко жму вамъ руку.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ*.

Л. Толстой:

15 октября 1872 года.

„Очень благодаренъ вамъ за Өедора Өедоровича. Онъ былъ у меня и обѣщалъ пріѣхать совсѣмъ 16-го. Онъ мнѣ очень нравится и попалъ ко мнѣ въ то самое время, когда нужнѣе всего. Пришла дурная погода, и духъ работы и тишины приближается, и я ему радуюсь. Немножко охоты и хозяйственныя заботы. и потомъ жизнь съ собой и съ семьей и только. Я съ радостью думаю объ этомъ, и потому вѣрю, что я счастливъ. Я на дняхъ былъ въ Москвѣ и былъ въ лицеѣ. Видѣлъ Петю; онъ мнѣ показался очень милъ и жалокъ тѣмъ, что некуда ему идти въ воскресенье. Я экзаменовалъ его изъ греческаго—очень хорошо; изъ математики тоже хорошо.

„Я прилаживаюсь все писать, но не могу сказать чтобы началъ. Азбука выйдетъ 10 ноября, какъ мнѣ обѣщаютъ.

Вашъ *Л. Толстой*.

Тургеневъ:

Парижъ.
16 октября 1872 года.

„Вы желаете имѣть обо мнѣ извѣстія, любезный Фетъ,— спасибо вамъ, но я утѣшительнаго сообщить не могу. Вотъ скоро полгода, какъ я въ когтяхъ у подагры, и пишу вамъ лежа въ постели, по милости новаго припадка, по счету *одиннадцатаго*. Вотъ въ чемъ состоитъ эта прелесть: вдругъ у тебя ни съ того, ни съ сего страшно распухаетъ колѣно или плюсна; появляются нестерпимыя боли, шевельнуться нельзя, приходится пролежать въ постели пять, шесть дней, недѣлю; потомъ ты начинаешь ползти съ помощью костылей, брести на палкахъ, понемногу ты начинаешь надѣяться на выздоровленіе—бацъ! опять rechute, опять мука, опять недвижное лежаніе въ постели... Вы понимаете, что при такого рода обстоятельствахъ мнѣ не до того, чтобы разсуждать о значеніи демократіи, о томъ, что людямъ слова дороже дѣлъ и т. п. Эти остроумства хороши для здоровыхъ счастливцевъ, къ которымъ, къ великому моему удовольствію, принадлежите вы; а мнѣ хочется, по выраженію Писанія, обратиться

лицомъ къ стѣнѣ и, насколько возможно, позабыть все житейское. Нѣтъ сомнѣнія, что и я побѣжалъ по дорожкѣ покойнаго Василія Петровича и долженъ готовиться къ подобному же концу.

„Мои сто рублей къ вашимъ услугамъ, и какъ только вы мнѣ дадите знать, я напишу Зайчинскому. Кланяюсь Марьѣ Петровнѣ; дружески жму вамъ руку.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

Л. Толстой:

12 ноября 1872 г.

«Какъ стыдно луку передъ розой,
Хотя стыда причины нѣтъ;
Такъ стыдно мнѣ отвѣтить прозой
На вызовъ вашъ, любезный Фетъ.
Итакъ, пишу впервой стихами,
Но не безъ робости, отвѣтъ.—
Когда? Куда? рѣшайте сами,
Но заѣзжайте къ намъ, о Фетъ!
Сухимъ доволенъ буду лѣтомъ,
Пусть погибаютъ рожь, ячмень,
Коль побесѣдовать мнѣ съ Фетомъ
Удастся вволю цѣлый день.
Заботливы мы слишкомъ оба,
Пускай въ грядущемъ много бѣдъ,
Своя довлѣетъ дневи злоба,—
Такъ лучше жить, любезный Фетъ».

„Безъ шутокъ, пишите поскорѣе, чтобы знать, когда выслать за вами лошадей. Ужасно хочется васъ видѣть.

Вашъ *Л. Толстой.*

Тургеневъ:

11 декабря 72 г.
Парижъ.

„Очень вамъ благодаренъ, любезнѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ, за ваши сочувственныя слова; но если бы я хотѣлъ ждать возможности сообщить вамъ хорошія о себѣ вѣсти, мнѣ бы пришлось прекратить наши письменныя сношенія. Подагра продолжаетъ терзать меня, и я васъ прошу

объ одномъ: не употребляйте столь часто слышанныхъ мною quasi-утѣшеній, что эта болѣзнь, молъ, un brevet de longue vie, и т. п. Невольное чувство враждебности и злобы шевелится во мнѣ всякій разъ, когда я слышу эти нелѣпыя слова; а я не желалъ бы чувствовать ничего подобнаго въ отношеніи къ вамъ. Если бы даже подагра (что вовсе неправда) имѣла привиллегію продолжать жизнь въ этомъ видѣ, то чортъ бы съ ней совсѣмъ, съ такой поганой жизнью! Вотъ уже 7-й мѣсяцъ, какъ я веду совершенно отшельническую жизнь, и потому не имѣю ничего сказать вамъ, кромѣ того, что̀ вы сами можете вычитать въ журналахъ. Работать тоже невозможно, и остается одно чтеніе. Я и читаю все, что попадается подъ руку, большею частію безъ всякаго удовольствія.

„Радуюсь успѣхамъ Пети; впрочемъ отъ него нельзя было ожидать ничего инаго; лишь бы здоровье его утвердилось!—

„Выписалъ я „Азбуку“ Л. Толстаго; но за исключеніемъ прекраснаго разказа *Кавказскій плѣнникъ*,—не нашелъ въ ней ничего интереснаго. А цѣна безумно высокая для подобнаго рода сочиненія.

„Погода у насъ пакостная; да и у васъ, по слухамъ, не лучше; впрочемъ, такъ какъ я постоянно сижу дома, то это мнѣ съ полу-горя.

„Дружески кланяюсь Марьѣ Петровнѣ и жму вамъ руку.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ*.

Убѣдивши не безъ великаго труда содержательницу пансіона г-жу Эвеніусъ, что знакомство нашей Оли съ ея далеко не многочисленными родственниками не ослабитъ ея привязанности къ своей воспитательницѣ, я въ бытность свою въ Москвѣ бралъ иногда по воскресеньямъ карету и лично привозилъ къ намъ изъ пансіона и отвозилъ обратно 14-ти лѣтнюю Олю. Дѣвочка уже настолько къ намъ привыкла, что перестала насъ дичиться.

Недаромъ Тургеневъ упрекалъ меня въ излишней боязни передъ фразою. Прелестно однажды въ томъ же смыслѣ выразился по отношенію ко мнѣ Левъ Ник. Толстой:

„Есть люди, которые на словахъ живутъ гораздо выше своей практической морали; но есть и такіе, которые живутъ ниже этого уровня; вы же до такой степени боитесь, чтобы проповѣдь ваша не была выше вашей практики,— что вы преднамѣренно заноситесь съ нею гораздо ниже этого уровня."

Всякій человѣкъ умѣетъ различить добро отъ зла. Эти слова я всегда считалъ фразою весьма условной и въ сущности требующей перифразы: никто не можетъ различить добра отъ зла. Это обстоятельство и дѣлаетъ необходимымъ административное и судебное наказаніе. Если мы сравнимъ наше вступленіе въ невѣдомое грядущее со входомъ въ неизвѣстный городъ, то неудивительно, если на распутьи мы будемъ колебаться въ выборѣ путей; но если улица направо открыта, а налѣво затянута веревкой, за которою полицейскій можетъ самымъ энергическимъ образомъ направить напирающаго на него на прямой путь, то надо быть исключительно разсѣяннымъ, чтобы и тутъ не разобрать должнаго пути отъ недолжнаго. Что касается до меня, то тамъ, гдѣ послѣдствія поступка не выступаютъ со всею своей грубою рѣзкостью, я никогда не умѣю отличить добра отъ зла, такъ какъ и эти два понятія тоже относительны. „Когда дѣти въ потьмахъ, ихъ сердца угнетены, и они начинаютъ громко пѣть", говоритъ Гейне. Неудивительно, что на этомъ основаніи я, сходясь за обѣдомъ съ нашими любезными хозяевами Боткиными,—нѣтъ, нѣтъ, да и заводилъ разговоръ о настоятельной необходимости украсть дѣвочку изъ пансіона, гдѣ она, въ видимый ущербъ своему здоровью, теряетъ драгоцѣнное время ученія.

— Удивляюсь, говорила Софья Сергѣевна Боткина, какъ вы можете волноваться этимъ вопросомъ? Дѣвочкѣ съ ея золотушно-больными глазами необходимо съ весны основательное лѣченіе въ Старой Руссѣ или Славянскѣ, и нужно всѣми силами постараться наверстать потерянное для занятій время. Въ чемъ же вы тутъ сомнѣваетесь? Вы рѣшили ее взять къ себѣ и возьмите.

— Ахъ, Софья Сергѣевна! вспомните пословицу: чужую бѣду руками разведу, а вотъ я то къ своей ума не приложу.

— Право даже странно, чтобы не сказать жалко, видѣть такое колебаніе въ мужчинѣ; вы опекунъ, всѣ права на вашей сторонѣ, а между тѣмъ я вижу, что это васъ мучаетъ.

— То то и бѣда, что если это дѣлать, то надо закинуть надежную удочку и разомъ тащить рыбку; а если она сорвется, то на другой разъ ее и не поймаешь.

— Не понимаю и не понимаю я этихъ сравненій. Вотъ вы на дняхъ собираетесь ѣхать въ Петербургъ. Поручите намъ съ Марьей Петровной взять Оленьку изъ пансіона и, избѣжавъ всякихъ треволненій, вы по возвращеніи найдете свою племянницу уже у насъ.

— Нѣтъ, Софья Сергѣевна, ради Бога этого не дѣлайте; иначе вы мнѣ окончательно испортите это дѣло.

Такъ какъ еще въ бытность въ деревнѣ я рѣшился взять свою племянницу въ Степановку, то заблаговременно уже озаботился пріискать ей благонадежную воспитательницу. Добрая знакомая не только указала мнѣ на почтенную и пожилую гувернантку, окончившую воспитаніе ея племянницъ и въ совершенствѣ владѣющую, кромѣ русскаго, нѣмецкимъ, французскимъ и англійскимъ языками и могущую преподавать начальные уроки музыки, — но и снабдила меня адресомъ почтенной M-lle Роподовской еще не пріискавшей себѣ въ Петербургѣ мѣста. Впечатлѣніе, произведенное на меня личнымъ свиданіемъ въ Петербургѣ съ M-lle Роподовской, преисполнило меня надежды на успѣхъ нашей общей съ нею задачи. Такъ какъ она вполнѣ располагала своимъ временемъ, то я просилъ ее тронуться въ путь по желѣзной дорогѣ въ Степановку тотчасъ-же по полученіи отъ меня телеграммы.

Прошли праздники, въ теченіи которыхъ я не разъ бралъ на нѣсколько часовъ Олю къ намъ. Но предчувствуя всякаго рода трагикомедіи, я рѣшился взять дѣвочку къ себѣ передъ самымъ отъѣздомъ въ деревню.

Итакъ, однажды въ воскресенье я лично отправился въ пансіонъ и привезъ Олю къ обѣду; но когда пришло время отвозить ее въ пансіонъ, я написалъ Эвеніусъ, что такъ какъ, согласно моему рѣшенію, Оля не должна вернуться въ пансіонъ, то я прошу прислать съ нарочнымъ бѣлья и платьевъ,

сколько Эвеніусъ сочтетъ необходимымъ на самое первое время.

Пока продолжались письменные переговоры, время приблизилось къ чаю, т. е. къ 8-ми часамъ, и хозяйка, напоивши имъ домашнихъ, усѣлась въ чайной комнатѣ у лампы за свое безконечное вышиваніе, тогда какъ дѣти, въ томъ числѣ и Оля, уже очнувшаяся отъ обморока, въ который упала при вѣсти о невозвращеніи въ пансіонъ,—продолжали рѣзвиться по комнатамъ. Хотя я былъ въ той-же чайной и мирно разсуждалъ съ Дмитріемъ Петровичемъ о какомъ-то постороннемъ предметѣ, но чувствовалъ нѣчто вродѣ томленія, ощущаемаго ко времени уборки сельскимъ хозяиномъ, завидѣвшимъ на горизонтѣ черную тучу съ бѣлымъ градовымъ въ ней клокомъ. Вошелъ слуга и доложилъ: „госпожа Эвеніусъ“. Не успѣлъ я сказать „проси“, какъ Софья Сергѣевна, вскочивши съ кресла, бросилась вслѣдъ за дѣтьми, крича: „наверхъ, наверхъ! спать! спать!“

Это было болѣе чѣмъ своевременно, такъ какъ первымъ словомъ поднявшейся по лѣстницѣ и вошедшей въ комнату Эвеніусъ,—было: „où est Olga? Je veux voir Olga“. Хотя ей объяснили, что дѣти уже спятъ, но было весьма трудно заставить ее удовлетвориться этимъ отвѣтомъ.

Такъ какъ въ данную минуту Дмитрій Петровичъ, вышедши изъ кабинета, сидѣлъ съ нами, то я, поклонившись Эвеніусъ и приглашая ее рукою въ кабинетъ, сказалъ, что вѣроятно ей будетъ удобнѣе передать мнѣ порученіе ея сестры (содержательницы пансіона, такъ какъ посѣтительница была только ея сестрой), и затѣмъ мы оба поднялись въ кабинетъ, гдѣ глазъ на глазъ могли переговариваться по занимающему насъ вопросу. Напрасно предлагалъ я нежданной гостьѣ сѣсть на какое либо изъ разнообразныхъ креселъ; она остановилась среди комнаты противъ меня, сложила крестообразно руки на груди и, все болѣе возвышая голосъ, стала допрашивать меня о совершенномъ мною злодѣяніи. Конечно, мнѣ было съ одной стороны крайне жаль причинить похищеніемъ Оли внезапное страданіе дѣйствительно привязанной къ ней Эвеніусъ. Но вѣдь я былъ опекуномъ Оли, а не утѣшителемъ Эвеніусъ.

Конечно, вся іеремiада произносилась на французскомъ языкѣ, и затѣмъ категорически поставленъ былъ вопросъ: „monsieur, je vous prie de me dire, pourquoi avez vous déchiré le coeur d'une mère?"

Припертый къ стѣнѣ, я тѣмъ не менѣе не хотѣлъ сказать правды.

— Вы спрашиваете, почему я это сдѣлалъ, сказалъ я:— потому что я старый упрямецъ, выжившій изъ ума. Мнѣ кажется, передъ подобнымъ основаніемъ всѣ другіе доводы вынуждены безмолвствовать.

Но моя откровенность была гласомъ вопіющаго въ пустынѣ.

Вопросы того же содержанія повторялись въ новой формѣ, и, желая положить конецъ нашимъ переговорамъ, я предложилъ гостьѣ спуститься снова въ чайную. Когда я на этотъ разъ проходилъ мимо стула хозяйки, она шепнула мнѣ: „я виновата, я проиграла, вы были правы".

Напрасно и я, и хозяева предлагали гостьѣ сѣсть на стулъ: она усѣлась на мраморный подоконникъ спиною къ морозному стеклу.

— Вы тамъ простудитесь, рѣшился я пролепетать въ моемъ смущеніи.

— Нѣтъ, мнѣ здѣсь прекрасно, былъ отвѣтъ; и распросы, и упреки продолжали сыпаться, не взирая на присутствіе хозяевъ, которые какъ въ ротъ воды набрали. Я не въ состояніи въ настоящее время сказать, долго ли продолжалась эта пытка; къ счастію, вошелъ снова слуга и доложилъ, что привезли для барышни вещи изъ пансіона. При этихъ словахъ M-lle Эвеніусъ побѣжала въ пріемную и, какъ оказалось, не безцѣльно. Когда я въ свою очередь вышелъ къ женщинѣ, доставившей вещи, и хотѣлъ дать ей на чай, она смиренно поклонилась, но денегъ не взяла, а M-lle Эвеніусъ бросила на меня торжествующій взглядъ. Когда грозная посѣтительница уѣхала, Софья Сергѣевна признала себя вполнѣ побѣжденной, говоря, что она и представить себѣ не могла того, что я такъ давно предчувствовалъ и чего такъ боялся.

— Ну, теперь дѣло сдѣлано, сказалъ я, но необходимо его

завершить, и для этого я завтра же въ часъ дня буду съ Оленькой на скоромъ почтовомъ поѣздѣ въ Тулу, чтобы оттуда заѣхать къ Толстымъ, а тѣмъ временемъ и Марья Петровна, и петербургская гувернантка сберутся въ Степановкѣ,—и трагикомедіи будетъ конецъ.

Такимъ образомъ, прежде чѣмъ дѣвицы Эвеніусъ успѣли обсудить свое положеніе, мы съ Оленькой въ 6 час. вечера были уже на вокзалѣ въ Тулѣ, но тутъ мнѣ представилось новое препятствіе. До Ясной Поляны отъ вокзала будетъ не менѣе 15-ти верстъ, а такъ какъ я не успѣлъ телеграфировать Толстымъ о высылкѣ лошадей,—пришлось везти дѣвочку по довольно сильной мятели въ городскихъ извощичьихъ саняхъ. Не смотря на то, что на Олѣ была мѣховая шубка и капоръ, я всетаки, хотя и сѣвши самъ съ навѣтренной стороны, боялся простудить ее, и когда замѣчалъ, что шубка ея расползалась, накрывалъ ей колѣни полою своей шубы. Но укрывая ребенка, я незамѣтно раскрывалъ собственное лѣвое колѣно и на всю жизнь снабдилъ его ревматизмомъ, который и понынѣ напоминаетъ о себѣ въ дурную погоду. Излишне говорить, что хозяева Ясной Поляны, хотя и изумленные нежданнымъ пріѣздомъ гостей, приняли въ насъ самое живое участіе, и затѣмъ черезъ сутки мы съ Олей прибыли въ Степановку, куда дня черезъ два собрались и остальные ея обитатели.

Конечно, потребно было нѣкоторое время, для того чтобы намъ понять другъ друга и поудобнѣе взяться за общую задачу. Все, что я предварительно слышалъ о почтенной особѣ Рополовской, по отношенію къ ея свѣдѣніямъ, вполнѣ оправдалось. Она оказалась идеальною учительницей; но я сразу понялъ, что на нее никакъ нельзя разсчитывать, какъ на воспитательницу, не взирая на ея строгое православіе. Такая учительница вполнѣ на своемъ мѣстѣ тамъ, гдѣ дѣти получили уже стремленіе къ развитію; но тамъ, гдѣ учащему предстоитъ прежде всего самому возбудить это стремленіе,— и наилучшій преподаватель оказывается безсильнымъ, если онъ прежде всего не воспитатель.

Въ виду вполнѣ независимаго состоянія дѣвочки, я думалъ, что было бы безсмысленно стѣсняться необходимыми тратами

на ея здоровье и образованіе. Чтобы ребенку, привыкшему находиться среди сверстницъ, деревенское уединеніе не показалось слишкомъ тяжелымъ, мы по рекомендаціи и съ согласія Над. Ал. пригласили изъ Орла 14-ти лѣтнюю дѣвочку изъ хорошаго, но бѣднаго нѣмецкаго семейства. Дѣвочку звали Региной.

12-ти аршинная зала, на пристройкѣ Василія Петровича, была раздѣлена на-двое библіотечными шкафами, и одна сторона занята спальнею Оли и Регины, а другая служила имъ салономъ и классной. Над. Ал. помѣщалась въ сосѣдней комнатѣ, выходящей на ту же площадку лѣстницы. У нихъ была отдѣльная горничная, прачка и коляска съ отдѣльнымъ кучеромъ и четверкой лошадей. Послѣднее тѣмъ болѣе было необходимо, что, независимо отъ всякихъ катаній, Надежда Алекс. требовала во всякое время года и во всякую погоду экипажа въ церковь, находившуюся отъ насъ въ 5-ти верстномъ разстояніи.

Недаромъ сказано: „вѣра безъ дѣлъ мертва“, и никакія слова не въ состояніи замѣнить вліянія, производимаго дѣломъ. Мы готовы сравнить личную вѣру человѣка съ прекраснымъ смычкомъ, но непокрытымъ канифолью. Такой смычекъ ходитъ по струнамъ, не возбуждая ни малѣйшаго звука, тогда какъ, покрытый ею, онъ вызываетъ всю лѣстницу звуковъ, отъ самыхъ глубокихъ и тихихъ до высочайшихъ и вопіющихъ.

По этому поводу приходитъ мнѣ на память прекрасное слово Льва Никол. Толстаго. Однажды, когда я ему говорилъ о распространяющемся въ литературѣ мнѣніи, что поэзія отжила свой вѣкъ, и лирическое стихотвореніе стало невозможнымъ, онъ сказалъ: „они говорятъ — нельзя, а вы напишите имъ отличное стихотвореніе: это будетъ наилучшимъ возраженіемъ“.

Все значеніе христіанства, безъ сомнѣнія, заключается въ любви къ ближнему, проявляющейся въ ежеминутномъ вниманіи къ нашимъ поступкамъ, могущимъ вызывать страданія другаго человѣка. Никто не станетъ оспаривать у человѣка вѣковѣчной потребности молитвы; но едва ли рѣшимость.— продержать кучера и четверку лошадей въ теченіи 3-хъ ча-

совъ подъ проливнымъ осеннимъ дождемъ,—не слѣдуетъ скорѣе приписать рутинѣ, чѣмъ христіанству. Можно ли считать внушенною христіанскимъ чувствомъ утреннюю прогулку по черноземнымъ дорожкамъ сада, еще влажнымъ отъ недавняго дождя, причемъ только что тщательно выглаженный и нагофрированный бѣлый капотъ какъ ни въ чемъ не бывало волочится по землѣ и долженъ быть по возвращеніи немедленно перемѣненъ на другой такой же. Мы бы не остановились на этихъ подробностяхъ, если бы послѣднія въ свое время не вынудили меня поступать такъ, а не иначе.

Конечно, изъ сердца исходятъ всякаго рода помышленія. но такъ какъ мнѣ постоянно приходилось имѣть дѣло не съ помышленіями, а съ вытекающими изъ нихъ дѣлами, то я вынужденъ сказать, что любовь г-жи Эвеніусъ принесла нашей бѣдной Олѣ вмѣсто пользы жестокій вредъ.

Передъ нами сидѣла золотушная дѣвочка, не могшая выносить вечерняго освѣщенія безъ помощи зеленаго зонтика надъ глазами. О какихъ либо успѣхахъ въ наукахъ не могло быть и рѣчи, такъ какъ дѣвочка ни на какомъ языкѣ не могла прочитать безъ ошибокъ ни одной строчки, и это, конечно. настолько же происходило отъ непривычки связывать буквы, насколько и отъ неумѣнія воспринимать ихъ смыслъ. При подобныхъ обстоятельствахъ я какъ-то инстинктивно чувствовалъ, что моя личная дѣятельность тутъ незамѣнима, и, попросивъ Надежду Алекс. насколько возможно не отягощать дѣвочку уроками, я всѣ усилія воспитанія сосредоточилъ на времени послѣ вечерняго чая, когда просилъ Олю ежедневно прочитывать мнѣ сначала не болѣе четырехъ строкъ самаго незатѣйливаго содержанія; и тутъ на первыхъ порахъ я поставилъ себѣ задачею не столько довести ее до правильнаго складыванія и произношенія словъ, сколько до отреченія отъ того самоувѣреннаго тона, съ которымъ она читала невозможныя слова.

Этотъ тонъ прямо говорилъ: „вы ждете отъ меня медленнаго чтенія, какое бываетъ у начинающихъ дѣтей, но я, какъ ученая дѣвица изъ знаменитаго пансіона, не стану затрудняться такими пустяками, а вы видите, какъ я могу

быстро и съ удареніемъ читать что̀ угодно".—И вслѣдъ затѣмъ полная несостоятельность. Надо было прежде всего дать дѣвочкѣ убѣдиться самой въ ея безпомощности и затѣмъ уже идти къ ней на выручку. Испытавши лично глубокое отвращеніе, возбуждаемое въ ребенкѣ методомъ: „отселева и доселева" и сплошнымъ долбленіемъ такихъ безбрежныхъ предметовъ, какъ исторія и географія, — я взялъ преподаваніе этихъ наукъ на себя, исключая изъ уроковъ все книжное и письменное. Указавъ на христіанскую эру, отъ которой ведется у насъ какъ попятное, такъ и наступательное лѣтосчисленіе, я вкратцѣ разсказалъ событія, ставшія рубежами между древней и средней и средней и новой исторіями. Въ то же время уроки надъ глобусомъ знакомили насъ съ тремя главнѣйшими и двумя новѣйшими частями свѣта. Затѣмъ въ древней исторіи, твердо ограниченной годомъ паденія Западной Римской Имперіи, мы находили въ пятисотыхъ годахъ Кира, а въ трехсотыхъ Александра, и только мало по малу знакомились съ выдающимися лицами и событіями, появляющимися между незыблемыми годами, обозначающими историческія эпохи. Невозможно, напримѣръ, искать Демосѳена вначалѣ III вѣка, такъ какъ торжество Филиппа при Херонеѣ уже въ 338 г. было причиною смерти знаменитаго оратора.

Чтобы не возвращаться болѣе къ школьнымъ пріемамъ, къ которымъ прибѣгалъ, скажу, что въ теченіи четырехъ лѣтъ я день въ день, за исключеніемъ праздниковъ, задыхаясь всходилъ по лѣстницѣ въ классную и отдохнувши давалъ отъ часу и до полутора уроки исторіи и географіи, причемъ, нимало не затрудняясь, клалъ толстый конецъ бревна на свое плечо, а тонкій—на плечо дѣвочки. Дѣйствовалъ я по собственному соображенію, не прибѣгая ни къ какимъ, невѣдомымъ мнѣ, педагогическимъ руководствамъ. Но я долженъ съ удовольствіемъ сказать, что въ концѣ четвертаго года всѣ крупныя историческія событія были утверждены нами въ памяти, и я полагаю, что у бывшей моей ученицы они и понынѣ сохранились въ памяти гораздо лучше, чѣмъ въ моей собственной.

Тургеневъ писалъ изъ Парижа отъ 21 февраля 1873 года:

„Любезнѣйшій Фетъ, получилъ я ваше письмо и отвѣчаю немедленно. Такъ какъ вы дружески интересуетесь моимъ здоровьемъ, то скажу вамъ, что я теперь почти совсѣмъ молодецъ, и хотя я пятый день сижу дома, но это по причинѣ гриппа, болѣзни скучной, но пустой. Подагра пока меня оставила, и мнѣ только слѣдуетъ принять мѣры, если нѐ устранить, то по крайности ослабить ее. Для этого я въ маѣ мѣсяцѣ отправляюсь въ Маріенбадъ или въ Карлсбадъ, — еще не знаю навѣрное. Братъ писалъ мнѣ о вашемъ намѣреніи пріобрѣсти Долгое; съ своей стороны, онъ также желаетъ продать это имѣніе; не понимаю я, какъ вы не можете сойтись.

„Картины дѣйствительно меня занимаютъ. при отсутствіи всякаго другаго живаго интереса; но хорошія страшно кусаются (никогда французы такъ сорвиголовно не бросали деньги,—видно, они страшно богаты), а посредственныя картины не стоитъ покупать. Я однако пріобрѣлъ очень хорошій пейзажъ Мишеля за 1600 фр. Мишель этотъ—французскій живописецъ, умершій 30 лѣтъ тому назадъ; онъ оставилъ много картинъ, которыя тогда продавались за 25, 50, много 100 фр., а теперь за иныя изъ нихъ даютъ до 10,000. Но это ничего передъ Мессоньѐ, который недавно продалъ небольшую картинку съ двумя фигурами за 80,000 фр. Пока ходить въ Hôtel Drouot, гдѣ совершаются картинные аукціоны, меня забавляетъ. Другаго я ничего не дѣлаю, да и не собираюсь дѣлать. Въ концѣ апрѣля я выѣзжаю отсюда и черезъ Вѣну отправляюсь въ Маріенбадъ или въ Карлсбадъ пить воды; а въ іюлѣ буду въ Россіи, гдѣ надѣюсь встрѣтиться съ вами. До тѣхъ поръ желаю вамъ всего хорошаго, кланяюсь вашей супругѣ и остаюсь преданный вашъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. „Выпишите себѣ черезъ какого нибудь книгопродавца — „Les Poëmes Barbares“ par Leconte du Lisle. Онъ хотя французъ, но поэтъ настоящій и доставитъ вамъ удовольствіе“.

Замѣчательно, что, по почину одного изъ близкихъ сосѣдей Х—а, я рѣшился пополамъ съ послѣднимъ купить землю Николая Сергѣевича Тургенева, и по этому поводу ѣздилъ въ Москву, гдѣ на словахъ сошелся по всѣмъ подробностямъ покупки. Къ назначенному дню для совершенія купчей я выѣхалъ въ Орелъ, куда пріѣхалъ въ то же время и повѣренный Тургенева. При пересмотрѣ взаимныхъ условій, онъ вдругъ ни съ того, ни съ сего заявилъ, что желаетъ, вопреки прежнему условію, не сбавляя цѣны имѣнію, оставить скотъ за собою, и когда я на это не согласился, то покупка разстроилась. Черезъ нѣсколько дней я узналъ, что мой товарищъ не стѣснился возвышеніемъ требованія и одинъ купилъ всѣ 600 десят. при селѣ „Долгомъ Колодцѣ". Могъ ли я въ ту минуту знать, до какой степени судьба заботилась при разстройствѣ этой покупки о моей свободѣ при моемъ стремленіи на югъ.

Л. Н. Толстой писалъ отъ 17 марта 1873 г.:

„Не сердитесь за лаконизмъ моихъ писемъ. Мнѣ всегда такъ много хочется сказать именно вамъ, что ужъ ничего не говорю, кромѣ практическаго. Радуюсь тому, что вы *послали пастись* Ш—а племянника, но насчетъ того, что Петя считается съ вами письмами не огорчаюсь, но огорчаюсь, что вы способны принять это слишкомъ къ сердцу и дать этому такое значеніе, какого оно не имѣетъ. Онъ въ томъ самомъ возрастѣ, въ которомъ мальчики поджигаютъ дома, а не поджигаютъ, то отпускаютъ ногти и воротнички и фразы и думаютъ, что они отъ этого лучше будутъ, что еще безсмысленнѣе поджоговъ.—Какъ мнѣ жаль, что, хотя я и умѣю наслаждаться чтеніемъ вашихъ писемъ, я не умѣю самъ писать, а вы для меня — соды — кислота: какъ только дотронусь до васъ, такъ и зашиплю,—столько хочется вамъ сказать. Работа моя не двигается; но я не очень этимъ огорчаюсь. Слава Богу, есть чѣмъ жить, разумѣется не въ смыслѣ денегъ. Передайте нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой*.

11 мая 1873.

„Стихотвореніе ваше прекрасно. Это новое, никогда не уловленное прежде чувство боли отъ красоты выражено прелестно. У васъ весною поднимаются поэтическія дрожжи, а у меня воспріимчивость къ поэзіи. Я былъ въ Москвѣ, купилъ 43 номера покупокъ на 450 рублей, и ужь не ѣхать послѣ этого въ Самару нельзя. Какъ уживается въ новомъ гнѣздѣ ваша пташка? Не забывайте насъ. До 20-го мы не уѣдемъ, а послѣ 20-го адресъ—Самара.

Вашъ *Л. Толстой*.

IX.

Разговоръ съ Петей Борисовымъ по поводу моей фамиліи.—Оля уѣзжаетъ въ Славянскъ.—Неожиданное открытіе.—Моя поѣздка въ Славянскъ.—Старушка Казакова.—Письма.—Перемѣна фамиліи.—Сестра Каролина Петровна.—Василій Павловичъ.

Пріѣхавшій въ концѣ мая, по обычаю съ наилучшими отмѣтками, Петя Борисовъ принесъ къ намъ въ домъ все увлеченіе ранней молодости и духовной весны. Этого нечего было заинтересовывать и возбуждать, а приходилось на каждомъ шагу только сдерживать. Не разъ, оставаясь со мною наединѣ, на скамьѣ въ рощѣ или въ саду, онъ задавалъ мнѣ вопросъ, которымъ я самъ промучился всю сознательную жизнь съ 14-ти лѣтняго возраста, т. е. съ моего поступленія въ пансіонъ Крюммера въ гор. Верро.

— Дядичка, говорилъ Петя вкрадчивымъ голосомъ,—я никогда не могу уяснить себѣ, почему ты не Шеншинъ, когда ты, подобно дядямъ Васѣ и Петѣ—Аѳанасьевичъ и родился въ маминыхъ Новоселкахъ. Какъ сюда замѣшался Фетъ, и почему Фетъ мнѣ родной дядя,—меня постоянно спрашиваютъ, и я никакого отвѣта дать не могъ. Дорогой дядичка, если бы можно было тебѣ наконецъ назваться Шеншинымъ, то ты не можешь себѣ представить, какое бы это было для всѣхъ насъ счастіе и облегченіе.

— Милый другъ мой, отвѣчалъ я,—это такая сложная исторія, которую нужно передать во всѣхъ подробностяхъ, для того чтобы она явилась неискаженной, и когда нибудь я найду минуту сообщить тебѣ эти подробности.

Конечно, умный мальчикъ смекнулъ, что тутъ что-то неладно.

Неладное же это заключалось въ томъ, что я, даже разсказавъ все мнѣ извѣстное о моемъ рожденіи, ни на шагъ не подвинулъ бы вопроса, почему я Фетъ, а не Шеншинъ? Извѣстно же было мнѣ только слѣдующее. До 14-ти лѣтняго возраста, т. е. до отправленія моего въ Верро, я былъ несомнѣннымъ Аѳ. Аѳ. Шеншинымъ, хотя не разъ слыхалъ, что заграницей, у брата матери моей въ Дармштадтѣ, откуда отецъ привезъ нашу мать, у насъ есть сестра Лина, которая учится прилежно и дѣлаетъ успѣхи въ наукахъ, не такъ, какъ мы, русскіе лѣнтяи и байбаки.

Хотя характеристика дяди моего Петра Неофитовича Шеншина и его ко мнѣ отношеніе слѣдуютъ въ мои отроческія воспоминанія, тѣмъ не менѣе не могу здѣсь умолчать о немъ, въ видахъ возможной полноты всѣхъ данныхъ, извѣстныхъ мнѣ о моемъ рожденіи. Умный, образованный во всю ширину французской и русской литературы, съ баснями Крылова, Иліадою Гнѣдича, освобожденнымъ Іерусалимомъ Раича на устахъ, дядя Петръ Неофитовичъ, богатый холостякъ, писавшій самъ стихи, ни отъ кого не скрывалъ своей исключительной ко мнѣ любви и привязанности. Въ Верро, какъ новичекъ, несвободно объясняющійся по нѣмецки, я, конечно, сдѣлался предметомъ школьнической травли, но по мѣрѣ умноженія мною навыка въ нѣмецкомъ языкѣ, травля Шеншина мало по малу унималась. Вдругъ нежданно для меня возникло обстоятельство, доставившее мнѣ немало мученій. Чтобы не разносить писемъ по классамъ, директоръ, черезъ руки котораго шла вся ученическая переписка, передъ обѣдомъ обыкновенно громко называлъ тѣхъ, кому послѣ обѣда слѣдуетъ зайти къ нему въ кабинетъ за письмомъ. Въ день, въ который онъ назвалъ и Шеншина, онъ, подавая мнѣ письмо, сказалъ: „это тебѣ". На конвертѣ рукою отца было написано: „Аѳ. Аѳ. Фету", а въ письмѣ между прочимъ было сказано, что выставленное на конвертѣ имя принадлежитъ мнѣ. Конечно, при той замкнутости, въ которой отецъ держалъ себя по отношенію ко всѣмъ намъ, мнѣ и въ голову не могло придти пускаться въ какія либо по этому предмету объясненія. Но зная дружбу, существовавшую между отцомъ и дядею, я былъ увѣренъ, что дядѣ хорошо должно

было быть извѣстно основаніе данной мнѣ инструкціи, и что, не входя ни въ какія, быть можетъ, нескромныя объясненія, я могу доказать свое благонравіе безмолвнымъ подчиненіемъ волѣ отца. Поэтому, въ слѣдующемъ письмѣ къ дядѣ, которому я писалъ довольно часто, я, вмѣсто всякихъ объясненій, подписался: *А. Фетъ.* Тогдашняя телѣжная почта доставляла письмо изъ Мценска въ Верро не раньше двухъ недѣль, и потому только на второй мѣсяцъ я получилъ отъ дяди письмо, смутившее меня не менѣе предварительно полученнаго отъ отца.

„Я ничего не имѣю сказать противъ того, что, быть-можетъ, въ оффиціальныхъ твоихъ бумагахъ тебѣ слѣдуетъ подписываться новымъ твоимъ именемъ; но кто тебѣ далъ право вводить оффиціальныя отношенія въ нашу взаимную кровную привязанность? Прочитавши письмо съ твоею новой подписью, я порвалъ и истопталъ его ногами; и ты не смѣй подписывать писемъ ко мнѣ этимъ именемъ.“

Эта двойственность истины съ оффиціальной ея оболочкою, навлекавшая въ теченіи 3-хъ лѣтъ на меня столько непріятныхъ вопросовъ и насмѣшекъ, продолжала сопровождать меня въ жизни и все время почти годичнаго пребыванія моего въ приготовительномъ пансіонѣ М. П. Погодина и окончилась совершенно театральнымъ изумленіемъ знакомой мнѣ молодежи, когда, по вызову экзаменатора по фамиліи *Фетъ*, вышелъ къ экзамену знакомый имъ *Шеншинъ*. За все время моего студенчества, я, пріѣзжая на каникулы домой, по какому-то невольному чувству не только не искалъ объясненій по гнетущему меня вопросу, но и тщательно избѣгалъ его, замѣчая его приближеніе. Это не мѣшало мнѣ понять смыслъ случайно попавшагося мнѣ письма дяди къ отцу, въ которомъ говорилось: „ты знаешь, что я предоставляю тебѣ противъ брата нашего Ивана (другой женатый мой дядя) сто тысячъ для уравненія твоихъ дѣтей.“ Еще несомнѣннѣе были слова дяди Петра Неоф., съ которыми онъ подъ веселую руку не разъ обращался ко мнѣ, указывая на голубой желѣзный сундукъ, стоявшій въ его кабинетѣ: „не безпокойся, о тебѣ я давно подумалъ, и вотъ здѣсь лежатъ твои сто тысячъ рублей“. Когда въ 1842 г., кончивши курсъ, я пріѣхалъ

въ Новоселки, то засталъ мать въ предсмертныхъ томленіяхъ восемь лѣтъ промучившаго ее рака. Лежа въ комнатѣ съ закрытыми ставнями, она не въ силахъ даже была принимать никого долѣе двухъ-трехъ минутъ.

Раньше того, въ годъ торжественнаго въѣзда въ Москву Ихъ Имп. Высочествъ Государя Наслѣдника Александра Николаевича и Марьи Александровны, родной дядя мой по матери, Эрнстъ Беккеръ, сопровождалъ въ качествѣ адъютанта принца Александра Гессенскаго, а вслѣдъ затѣмъ прибыла изъ заграницы для свиданія съ матерью и старшая сестра наша Лина Фетъ. Встрѣченная въ Новоселкахъ самымъ радушнымъ образомъ и проживши тамъ цѣлый годъ, она видимо соскучилась въ деревенскомъ уединеніи и снова уѣхала въ Дармштадтъ. Такъ какъ первымъ изъ нѣсколькихъ лютеранскихъ именъ ея отца было *Петръ*, то по-русски она прозвана была Каролиной Петровной, — имя, которое она затѣмъ на всю жизнь сохранила въ Россіи.

Въ Новоселкахъ, по окончаніи курса, я нашелъ на свое имя письмо дяди Петра Неофитовича, писавшаго мнѣ: „раздѣлывайся скорѣе съ своею премудростью и пріѣзжай ко мнѣ въ Пятигорскъ (онъ лѣчился на водахъ и чувствовалъ себя значительно бодрѣе и свѣжѣе прежняго); я пріискалъ тебѣ мѣсто адъютанта у моего пріятеля генерала“.

Единовременно съ этимъ извѣстіемъ отецъ сообщилъ мнѣ, что въ бытность свою заграницей нашъ дальній родственникъ Ал. Павл. Матвѣевъ, назначенный въ настоящее время профессоромъ въ Кіевъ, влюбился въ Лину и сдѣлалъ ей формальное предложеніе, о чемъ оба писали въ Новоселки, испрашивая родительскаго благословенія. При этомъ Матвѣевъ писалъ, что служебныя обязанности не дозволяютъ ему самому ѣхать за своею невѣстой.

— Кромѣ тебя ѣхать некому, сказалъ отецъ. Да кстати ты учинишь разсчетъ съ адвокатомъ по раздѣлу наслѣдства матери и получишь причитающіяся на ея долю деньги.

Встрѣтившій меня уже на креслахъ, параличный дядя Эрнстъ приходилъ въ страшное раздраженіе отъ оффиціальнаго моего имени Фетъ. Хотя онъ очень хорошо зналъ, какихъ усилій стоило отцу моему, чтобы склонить опекуновъ сестры

Лины къ признанію за мною фамиліи ея отца, дядя не переставалъ горячиться и спрашивать меня: „wie kommst du zu dem Namen?“ (какъ пришелъ ты къ этому имени?)

Когда, провозившись болѣе мѣсяца съ адвокатомъ, я наконецъ подъѣхалъ изъ Штетина къ набережной петербургской таможни, то прежде еще наложенія трапа, стоя на палубѣ, увидалъ привѣтливо кивающую мнѣ голову Ив. П. Борисова, проживавшаго въ Питерѣ въ качествѣ офицера, готовящагося въ военную академію. Покуда всѣ пассажиры стремительно бросились на палубу, мы имѣли возможность въ опустѣвшей каютѣ перекинуться съ Борисовымъ нѣсколькими словами.

— Ну что? спросилъ я.

— Хорошаго мало, отвѣчалъ онъ: дядя твой скоропостижно скончался въ Пятигорскѣ, и сопровождавшая его дворня уже вернулась домой.

— А мои деньги? спросилъ я.

— Исчезли безъ слѣда.

Тѣмъ дѣло и кончилось. Нужно однако было что либо предпринимать послѣ свадьбы сестры Каролины Петровны. Тѣмъ временемъ Борисовъ, внезапно перешедши изъ артиллеріи въ кирасирскій Военнаго Ордена полкъ, сманилъ меня туда, и, признаюсь, я сердечно былъ радъ поступить въ новую среду на дальней сторонѣ, гдѣ бывшій Шеншинъ уже ни на минуту не сбивалъ съ толку несомнѣннаго иностранца Фета. Но и здѣсь, даже по принятіи мною русскаго подданства, измышленіе это было для меня неоднократнымъ источникомъ самыхъ тяжелыхъ минутъ. Такъ какъ я несомнѣнно родился въ Новоселкахъ, то, чтобы не набрасывать на нашу бѣдную мать ничѣмъ незаслуженной, неблагопріятной тѣни, я вынужденъ былъ прибѣгать ко лжи, давая подразумѣвать, что первый мужъ ея Фетъ вывезъ ее въ Россію, гдѣ и умеръ скоропостижно.

При всѣхъ приведенныхъ здѣсь данныхъ, я конечно не могъ дать никакого удовлетворительнаго объясненія Петрушѣ Борисову, потому уже, что въ теченіи 38-ми лѣтъ и самъ никакъ не могъ его отыскать; но съ этой невозможностью я тѣмъ не менѣе давно примирился.

Что бѣдная Оля страдала золотухой, въ этомъ не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, и что лучшимъ средствомъ противъ этой болѣзни являются Славянскія воды,—не менѣе несомнѣнно. Увѣренный, что никакой серьезный врачъ не въ состояніи сказать въ настоящемъ случаѣ чего-либо другаго, мы рѣшились отправить дѣвочку въ Славянское купанье; и во второй половинѣ мая жена моя повезла и устроила Олю у минеральнаго источника вмѣстѣ съ Надеждой Алекс., Региной и ихъ горничною. Устроившись по возможности съ дѣвочкой, я принялся за привезенныя ко мнѣ изъ Новоселокъ Шеншинскія и Борисовскія бумаги, хаосъ которыхъ необходимо было привести хоть въ какой либо порядокъ. Перебирая грамоты, данныя, завѣщанія и межевыя книги, я напалъ на связку бумагъ, исписанныхъ четко по нѣмецки. Оказалось, что это письма моего дѣда Беккера къ моей матери. Развертывая далѣе эту связку, я между прочимъ увидалъ на листѣ синей писчей бумаги слѣдующее предписаніе Орловской консисторіи мценскому протоіерею.

„Отставной штабсъ-ротмистръ Аѳанасій Шеншинъ, повѣнчанный въ лютеранской церкви заграницею съ женою своей Шарлотою, проситъ о вѣнчаніи его съ нею по православному обряду, почему консисторія предписываетъ вашему высокоблагословенію, наставивъ оную Шарлоту въ правилахъ православной церкви и совершивъ надъ нею міропомазаніе, обвѣнчать оную по православному обряду.“

Сентября..... 1820 г.

Изумленные глаза мои мгновенно прозрѣли. Тяжелый камень мгновенно свалился съ моей груди; мнѣ не нужно стало ни въ чемъ обвинять моей матери: могла ли она, 18-ти лѣтняя вдова, обвѣнчанная съ человѣкомъ, роковымъ образомъ исторгавшимъ ее изъ дома ея отца, предполагать, что бракъ этотъ гдѣ бы то ни было окажется недѣйствительнымъ? А между тѣмъ, когда, не дожидаясь всѣхъ дальнѣйшихъ переходовъ присоединенія къ православію и новаго бракосочетанія, я соблаговолилъ родиться 23-го ноября, то хотя и записанъ былъ въ метрической книгѣ сыномъ Аѳ. Неоф. Шеншина.

чѣмъ въ то время удовлетворились всѣ, начиная съ крестнаго отца моего Петра Неофитовича,—тѣмъ не менѣе недостаточность лютеранскаго бракосочетанія по существовавшимъ законамъ уже таилась во всемъ событіи и раскрылась только при оффиціальномъ моемъ вступленіи на поприще гражданской жизни. Что переименованіе Шеншина въ Фета послѣдовало уже въ 1834 г., явно было изъ приложенной черновой съ прошенія въ Орловскую консисторію о прибавленіи къ моей метрикѣ поясненія, что записанъ я Шеншинымъ по недоразумѣнію священника. Конечно, во избѣжаніе всякаго рода непріятныхъ толковъ, я никому, за исключеніемъ Ивана Александровича Оста да подъѣхавшаго къ тому времени брата Петра Аѳан., не сказалъ ни слова. На нашемъ тройственномъ совѣтѣ Остъ настаивалъ на необходимости представить всѣ находящіеся подъ руками документы на Высочайшее Его Величества благоусмотрѣніе, испрашивая, въ виду двойнаго брака моихъ родителей, всемилостивѣйшаго возвращенія мнѣ родоваго имени. Единовременно съ моимъ прошеніемъ, братъ Петръ Аѳан., страстно принявшій дѣло къ сердцу, испрашивалъ и съ своей стороны для меня Монаршей милости, которая одна могла вполнѣ доставить мнѣ надлежащую силу, какъ опекуну круглыхъ сиротъ.

Тургеневъ писалъ отъ 20 іюля 1873 г.:

Bougival.

„Любезнѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ, кончивъ — благополучно или нѣтъ—это покажетъ время,—мое Карлсбадское лѣченіе, прибылъ я на дняхъ сюда, и живу теперь тихо и смирно, какъ тараканъ за печкой. Комнатка у меня уютная, воздухъ и вода здѣсь отличные, предстоитъ даже возможность хорошей охоты, — чего больше нужно человѣку? Ноги мои поправились и не болятъ. Будемъ ждать дальнѣйшаго и молить благосклонныхъ боговъ, да не позавидуютъ они бѣдному и тихому жительству устарѣвшаго смертнаго!

„Сколько я могъ понять нѣсколько аллегорическое начало вашего письма,—мое письмо васъ слегка огорчило или оскорбило. Въ такомъ случаѣ я виноватъ; но если я счелъ за нуж-

ное, въ извиненіе моего молчанія, указать на скуку, какъ на фактъ, заставившій меня взять перо въ руки, — то въ этомъ вы не должны были признать ниже тѣнь пренебреженія, а скорѣе укоръ, обращенный на меня самого. Вся моя жизнь потускнѣла: поневолѣ ослабли и старинныя связи. Вы пишете мнѣ, что въ теченіи 19-ти лѣтъ нашего знакомства вы успѣли узнать меня, каковъ я есть; позвольте и мнѣ увѣрить васъ, что и я васъ знаю хорошо и потому именно и люблю васъ искренно, въ чемъ прошу васъ не сомнѣваться, какъ бы ни были сухи и кратки выраженія моихъ писемъ.

„Я уже написалъ Зайчинскому, чтобы онъ преподнесъ вамъ посильную лепту для вашей, столь полезной, сифилитической больницы.

„Я на будущій годъ опять поѣду на пять недѣль въ Карлсбадъ. Въ Россію я пріѣду въ ноябрѣ и останусь до конца февраля. По крайней мѣрѣ я теперь такъ предполагаю. Не знаю какъ у васъ, а у насъ здѣсь стоитъ чудесная погода.

„Передайте мой усердный поклонъ вашей супругѣ и поцѣлуйте отъ меня Петю. Скажите ему, что я сердечно радуюсь его успѣхамъ. Дружески жму вамъ руку.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. „Говорятъ, бѣдный Ѳ. И. Тютчевъ совсѣмъ при смерти; очень будетъ его жаль“.

Желая лично ознакомиться съ ходомъ лѣченія племянницы, я отправился въ Славянскъ, гдѣ нашелъ дѣвочку болѣе свѣжей и здоровой на видъ; тѣмъ не менѣе главный докторъ на водахъ сказалъ мнѣ, что, для совершеннаго оздоровленія Оли, ей необходимо и въ слѣдующемъ году повторить Славянскія купанія.

На водахъ я, съ одной стороны пользуясь полною свободою, съ увлеченіемъ предавался великолѣпной охотѣ по куропаткамъ, а съ другой—познакомился со старушкой Казаковой, давно овдовѣвшей и привезшей внучекъ къ Славянскимъ купаньямъ. Кажется, что она и сама находила для себя воды полезными. Благоустройства въ домашнемъ хозяй-

ствѣ бездѣтной старухи ожидать было трудно, и я нисколько не удивлялся, что присланныхъ мною ей въ подарокъ куропатокъ таскали по двору собаки, хотя она и усердно благодарила меня за нихъ, говоря, что онѣ такія «*жжирныя*». Можно бы предположить, что вопросъ о ея самостоятельности смутно безпокоилъ ее самое, иначе съ какой бы стати ей безъ особеннаго повода было защищать свое личное управленіе имѣніемъ, повторяя: „Екатерина (старушка сама была Екатерина) всей Россіей управляла, а чтобы я не могла управиться съ моимъ имѣніемъ!“

Оставивъ Оленьку доканчивать курсъ, я, возвращаясь къ должности, успѣлъ дорогой набить штукъ 30 куропатокъ къ 22-му Іюля.

Тургеневъ писалъ отъ 21 августа 1873 года:

Буживаль.

„Съ вашимъ письмомъ, любезнѣйшій Фетъ, случились различныя бѣды: пущенное 27-го іюля, оно достигло своей цѣли три дня тому назадъ, слѣдовательно, пребывало въ дорогѣ три недѣли слишкомъ. Спѣшу отвѣчать, чтобы опять не быть въ долгу передъ вами. Радуюсь тому, что вы, сколько могу судить, здоровы и даже охотитесь блистательно. Что касается до меня, то я пожалуй тоже здоровъ и охочусь, но только не блистательно, а напротивъ скверно. Третьяго дня я съ плохой собакой протаскался подъ проливнымъ дождемъ по пустымъ мѣстамъ часовъ пять и убилъ одну куропатку и одного перепела. Кончено! вопервыхъ, во Франціи нѣтъ дичи, а вовторыхъ, — я слишкомъ старъ для подобной забавы. Вчера и сегодня ноги ноютъ, правое колѣно слегка припухло—basta cosi!

„То же самое восклицаніе можетъ относиться и къ литературѣ, которая становится для меня „ein fremdes Gebiet“ и даже не возбуждаетъ особеннаго интереса въ новыхъ своихъ проявленіяхъ. Je ne lis plus, je relis, и между прочимъ снова и съ немалымъ удовольствіемъ перечитываю Вергилія.

„Глубоко жалѣю о Тютчевѣ; онъ былъ славянофилъ, но не въ своихъ стихахъ; а тѣ стихи, въ которыхъ онъ былъ имъ,

тѣ то и скверны. Самая сущная его суть,—le fin du fin,—это Западная, сродни Гёте, напр.: „Есть въ свѣтлости осеннихъ вечеровъ“... и „Островъ пышнааай, островъ чуднааай“... К. Аксакова *) нѣтъ никакого соотношенія. То — изящно выгнутая лира Феба; а это—дебелый, купцомъ пожертвованный, колоколъ. Милый, умный, какъ день умный, Ѳедоръ Ивановичъ! Прости,—прощай!

„Радуюсь также преуспѣянію Пети. Что онъ еще не однажды чхнетъ вамъ на самую голову, это въ порядкѣ вещей. Молодой эгоизмъ и молодое самолюбіе не могутъ не взять своего. Но такъ какъ онъ теперь уже уменъ и *будетъ* знающъ, то изъ опытовъ жизни онъ почерпнетъ необходимые уроки, и выйдетъ изъ него толкъ.

„Что вы мнѣ ничего не говорите о Львѣ Толстомъ? Онъ меня „ненавидитъ и презираетъ,“ а я продолжаю имъ сильно интересоваться, какъ самымъ крупнымъ современнымъ талантомъ.

„Рекомендація ваша М. Н. Лонгинову, при его отъѣздѣ изъ Орла, возымѣла свое дѣйствіе: „Вѣстникъ Европы“ получилъ второе предостереженіе. То-то вы порадуетесь, когда этотъ честный, умѣренный, монархическій органъ будетъ прекращенъ за революціонерство и радикализмъ.

„Извините эту немного желчную выходку, но досада хоть кого возьметъ!

„Кланяюсь вашей женѣ и жму вамъ руку.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

P. S. „Не сомнѣваюсь въ томъ, что Зайчинскій нагрѣваетъ себѣ руки; но несомнѣнно также и то, что я никогда столько не получалъ дохода, какъ съ тѣхъ поръ, что онъ у меня живетъ. Неужто вы точно видѣли его пьянымъ? — Я что-то этого за нимъ не замѣчалъ. И не можете ли вы подъ рукою, но достовѣрно узнать, гдѣ и какое онъ купилъ имѣніе? Сплетниковъ, вы знаете, хоть прудъ пруди“.

---

*) Это ошибка: стихотвореніе принадлежитъ Хомякову.

Л. Толстой отъ 25 августа 1873 г. писалъ:

„22-го мы благополучно пріѣхали изъ Самары и сгораемъ желаніемъ васъ видѣть. Спасибо, что не забываете насъ. По настоящему, нѣтъ времени нынче писать вамъ; но такъ боюсь, чтобы вы не проѣхали мимо насъ, что пишу хоть два слова. Не смотря на засуху, убытки, неудобства, мы всѣ, даже жена, довольны поѣздкой и еще больше довольны старой рамкой жизни и принимаемся за труды респективные. Нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ и Оленькѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

Тургеневъ писалъ:

13 сентября 1873 года.
Chateau de Nohant.

„Любезнѣйшій Фетъ, я гощу здѣсь у г-жи Жоржъ Зандъ; я пріѣхалъ сюда третьяго дня изъ Парижа и привезъ съ собою ваше письмо съ эпиграфомъ изъ Гёте, неизвѣстно къ кому относящимся, — къ вамъ или ко мнѣ. Начну съ того, что вы напрасно обвиняете меня въ томъ, будто я оборачиваюсь къ вамъ подкладочной стороной. Жизненная подкладка—это грубое и вонючее полотно—меня самого со всѣхъ сторонъ окружаетъ, гдѣ ужь тутъ! Когда вамъ приходится думать обо мнѣ, не забывайте пожалуйста, что я сталъ теперь существомъ, постоянно, какъ часовой маятникъ, колеблющимся между двумя, одинаково безобразными, чувствами: отвращеніемъ къ жизни и страхомъ смерти,—а потому и не взыскивайте съ меня. Съ эстетическими штучками и прочими пакостями, которыми вы во мнѣ дорожили, мнѣ приходится встрѣчаться теперь очень рѣдко. Я не сдѣлался болѣе серьезнымъ, но ужь навѣрное болѣе скучнымъ человѣкомъ.

„Вы правы: стихъ, приписанный мною Аксакову, принадлежитъ Хомякову. Но онъ возбудилъ во мнѣ воспоминаніе о К. С. Аксаковѣ, вопервыхъ, потому, что я не разъ слышалъ его въ устахъ К. С., сопровождаемаго обычнымъ колокольнымъ гудѣньемъ, а вовторыхъ, потому, что очень къ нему идетъ. Что же касается до моей нелюбви къ славянофильству, то какъ ни совѣстно, а приходится цитировать самого себя: „все дѣло въ ощущеніи,“ говоритъ Базаровъ.—Вы не любите

принциповъ 92-го года (а 89-го года вы ужь будто такъ любите?)—интернаціоналку, Испанію, поповичей, вамъ это все претитъ; а мнѣ претитъ Катковъ, Баденскіе генералы, военщина и т. д. Объ этомъ, какъ о зàпахахъ и вкусахъ, спорить нельзя.

„Вы напрасно такъ строго отзываетесь о Вергиліи. Постройки, характеры и проч. его Энеиды не имѣютъ значенія; но въ отдѣльныхъ выраженіяхъ, въ эпитетахъ, въ колоритѣ,—онъ не только поэтъ, но смѣлый новаторъ и романтикъ. Напомню вамъ—per amica *silentia* lunae (хоть бы Тютчеву) или—futura jam pallida morte,—(о Дидонѣ, когда она *съ яростью* восходитъ на свой костеръ, чтобы покончить съ собою) и т. п. Овидія я читалъ для того, чтобы etvas latein treiben съ молодымъ Віардо. И онъ тоже не такъ плохъ, какъ вы пишете.

„Здѣшняя хозяйка мила и умна до нельзя; теперь она совсѣмъ добрая старушка. Ко мнѣ она очень благоволитъ, и я сердечно къ ней привязанъ.

„Радуюсь, что Левъ Толстой меня не ненавидитъ, и еще болѣе радуюсь слухамъ о томъ, что онъ оканчиваетъ большой романъ. Дай только Богъ, чтобы тамъ философіи не было.

„Поклонитесь отъ меня Марьѣ Петровнѣ, поцѣлуйте умницу Петю и будьте здоровы, веселы и благополучны.

Вашъ *Ив. Тургеневъ*.

P. S. „Былъ на дняхъ на охотѣ и убилъ *лисицу*. (Третью во всей моей жизни)“.

Л. Толстой писалъ отъ 25 сентября 1873 г.

„Я такъ избалованъ вами, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, что, давно не имѣя отъ васъ извѣстій, не только мнѣ чего-то недостаетъ, но безпокоюсь и я, и жена—все ли у васъ благополучно? Сколько мнѣ помнится, вы писали мнѣ въ Самару и говорили, что заѣдете ко мнѣ, если будете знать, дома ли я. Я сейчасъ же по пріѣздѣ отвѣчалъ вамъ, и съ тѣхъ поръ мѣсяцъ ни слуху, ни духу. Пожалуйста напишите, что бы у васъ ни было. Вѣдь мы право оба съ женою не такъ только знакомы, а мы любимъ васъ. Если вы благополучно, то напишите. Что ваши птенцы, дѣла, планы? Мы все по старому.

засѣли крѣпко опять лѣтъ на 11 (нынче 11 лѣтъ, что мы женаты). Я начинаю писать, т. е. скорѣе кончаю начатой романъ. Дѣти учатся, жена хлопочетъ, учитъ. У меня каждый день, вотъ уже съ недѣлю, живописецъ Крамской дѣлаетъ мой портретъ въ Третьяковскую галлерею, и я сижу и болтаю съ нимъ и изъ петербургской стараюсь обращать въ крещеную вѣру. Я согласился на это потому, что самъ Крамской пріѣхалъ, согласился сдѣлать другой портретъ очень дешево для насъ, и жена уговорила.

Вашъ всею душой

Л. Толстой.

18 ноября 1873 года.

„У насъ горе: Петя меньшой заболѣлъ крупомъ и въ два дня умеръ. Это первая смерть за 11 лѣтъ въ нашей семьѣ, и для жены очень тяжелая. Утѣшаться можно, что если бы выбирать одного изъ насъ восьмерыхъ, эта смерть легче всѣхъ и для всѣхъ; но сердце и особенно материнское—это удивительное высшее проявленіе Божества на землѣ,—не разсуждаетъ, и жена очень горюетъ. Благодарю васъ, что не забываете меня письмами. Какъ бы хорошо было, если бы не забыли и проѣзжая въ Москву.

„Порадовался я успѣхамъ вашихъ занятій съ Оленькой; я такъ и ждалъ. У меня одно изъ лучшихъ, радостнѣйшихъ занятій—это уроки съ дѣтьми математики и греческаго. Передайте нашъ душевный привѣтъ Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

Въ концѣ декабря пріятель, слѣдившій за движеніемъ нашихъ съ братомъ просьбъ въ комисіи прошеній, увѣдомилъ меня, что, при докладѣ Его Величеству этого дѣла, Государь изволилъ сказать: „Je m'imagine, ce que cet homme a du souffrir dans sa vie“.

Вслѣдъ затѣмъ отъ 26 декабря 1873 г. данъ былъ Сенату Высочайшій Его Величества указъ о присоединеніи отставнаго гвардіи штабсъ-ротмистра Аѳ. Аѳ. Фета къ роду отца

его Шеншина со всѣми правами, званію и роду его принадлежащими.

Это, можно сказать, совершенно семейное событіе не избѣжало однако же зоркости „Новаго Времени“, гдѣ появилось слѣдующее четверостишіе:

«Какъ съ неба свѣтъ,
Какъ снѣгъ съ вершинъ,
Исчезнулъ Фетъ
И всталъ Шеншинъ».

Покойный отецъ нашъ терпѣть не могъ писанія стиховъ, и можно бы съ великою натяжкою утверждать, что судьба въ угоду старику не допустила Шеншина до литературнаго поприща, предоставивъ послѣднее Фету.

Конечно, и братъ Петруша, и дѣти, а главнымъ образомъ Петя Борисовъ, были обрадованы Монаршею милостью, выводившею все семейство изъ какой-то завѣдомой неправды, но наибольшій восторгъ возбудило это извѣстіе въ проживавшей заграницей старшей сестрѣ моей Каролинѣ Петровнѣ Матвѣевой, урожденной Фетъ. Можно бы было ожидать, что эта, всѣмъ сердцемъ любящая меня, сестра будетъ огорчена въ своемъ заграничномъ одиночествѣ вѣстью, разрывающею номинальную между нами связь, но вышло совершенно наоборотъ. Поздравительное письмо ея представляетъ самый пылкій диѳирамбъ великодушному Монарху, возстановившему истину. Выше, по поводу добрѣйшаго Василія Павловича, я уже говорилъ о семейной слабости къ женщинамъ всѣхъ братьевъ Матвѣевыхъ. Зять мой А. П., прекраснѣйшій и благодушнѣйшій человѣкъ, могъ въ свою очередь служить весьма яркимъ образчикомъ такой натуры. Странно сказать, что одна и та же страсть любви на долгіе годы развела дружественныхъ между собою супруговъ Матвѣевыхъ. Правда, предметы этой страсти были у обѣихъ сторонъ различны. Красавица Матвѣева не хотѣла любить никого кромѣ мужа и не могла помириться съ его безграничной любовью ко всѣмъ женщинамъ. Чтобы не возвращаться къ этимъ грустнымъ воспоминаніямъ, позволю себѣ забѣжать впередъ. Года черезъ два я получилъ изъ Кіева извѣстіе о глубокомъ горѣ, постигшемъ Матвѣева

10 Заказ 117

по случаю смерти любимой имъ женщины, оставившей ему двухъ малолѣтнихъ дѣтей, а въ непродолжительномъ времени я получилъ изъ Кіева слѣдующее письмо отъ сестры: „Узнавши о горѣ бѣднаго Александра, я подумала, что теперь не время сѣтовать на женщину, которая такъ долго разлучала меня съ мужемъ, а нужно помочь ему не падать духомъ на старости лѣтъ и стараться замѣнить несчастнымъ дѣтямъ покойную ихъ мать. Я почти мѣсяцъ какъ уже въ Кіевѣ и обращаюсь къ тебѣ съ усердною просьбой. Я желаю еще разъ въ жизни увидаться съ тобою, чтобы еще разъ обнять тебя и сказать, какъ сердечно я тебя люблю. Поэтому пріѣзжай въ возможно скоромъ времени дня на три къ намъ въ Кіевъ. Александръ тоже будетъ сердечно тебѣ радъ“.

Матвѣева я не видалъ съ проѣзда черезъ Кіевъ, но, по прибытіи поѣзда къ кіевскому дебаркадеру, тотчасъ же узналъ въ сильно посѣдѣвшемъ и ищущемъ кого-то глазами по галлереѣ господина—А. П. Матвѣева. Излишне говорить, какъ мы съ сестрою обрадовались другъ другу. Въ темнорусыхъ волосахъ ея не было ни единой сѣдинки, и вообще черты лица ея мало измѣнились, но какая-то болѣзненная полнота портила производимое ею впечатлѣніе. Самъ Матвѣевъ въ свободныя минуты отдавался садоводству, и при благословенномъ кіевскомъ климатѣ, непосредственно прилегавшій къ домашнему двору садъ его, съ персиковыми шпалерами, всевозможными карликовыми деревьями, фонтаномъ и оросительнымъ бассейномъ, дѣйствительно заслуживалъ полнаго вниманія. Отъ своихъ древесныхъ питомниковъ онъ ожидалъ большихъ доходовъ, но едва ли ихъ дождался.

Когда Матвѣевъ утромъ уѣзжалъ на практику, мы съ сестрою благодушествовали въ ея кабинетѣ, передавая другъ другу наше прошлое. Воспитывавшаяся заграницей, она плохо говорила по-русски, но зато кромѣ нѣмецкаго хорошо знала французскій, англійскій и даже итальянскій языки, такъ какъ послѣдніе пять лѣтъ провела во Флоренціи. Какъ ни грустно говорить объ этомъ, скажу, что, не взирая на заботу сестры о домашнемъ хозяйствѣ и двухъ дѣтяхъ Матвѣева, которыхъ я не разъ видалъ у нея на рукахъ, я сталъ замѣчать въ разговорахъ ея фантастическій элементъ, о которомъ между

прочимъ сообщилъ ея мужу. Главнымъ, поразившимъ меня мотивомъ была твердая увѣренность сестры, что, основываясь на ея знакомствѣ со многими языками, іезуиты приняли ее еще въ Италіи за русскаго агента и даже шпіона и потому преслѣдовали ее по всей Европѣ разными преднамѣренными неисправностями по гостинницамъ и продолжаютъ преслѣдовать и здѣсь, въ Кіевѣ. Обнимая меня при прощаніи на широкой площадкѣ лѣстницы, сестра, съ самой спокойной увѣренностью непреложности словъ своихъ, благодарила за исполненіе ея послѣдняго желанія. Конечно, и такое положительное предсказаніе я счелъ болѣзненнымъ настроеніемъ. Но черезъ мѣсяцъ я получилъ письмо Матвѣева съ черною печатью, извѣщавшее о внезапной смерти Каролины Петровны.

Для окончательной характеристики Александра Павловича, слѣдуетъ прибавить, что черезъ годъ онъ женился на молодой красавицѣ, которая, судя по фотографіи, напоминала сестру Каролину въ молодости. Конечно, эта новая погоня за женской красотой кончилась тяжелымъ разочарованіемъ и формальнымъ разводомъ.

Попавъ на тему характеристики рода Матвѣевыхъ, ограничусь только заключительными словами о миломъ Василіи Павловичѣ, игравшемъ нѣкогда столь замѣтную роль въ моей жизни.

Послѣ нашего московскаго свиданія, онъ, вмѣстѣ съ принятымъ имъ Орденскимъ полкомъ, отправился на усмиреніе Польши. Но здѣсь какая-то полька сразу овладѣла его сердцемъ, объявивъ, что уступитъ его искательствамъ только въ качествѣ законной жены. Когда слухъ о намѣреніи полковаго командира жениться на повстанкѣ разнесся по полку, офицеры въ полномъ составѣ отправились къ Василію Павловичу, почтительно прося его отказаться отъ своего намѣренія, кидающаго самый неблагопріятный свѣтъ на весь полкъ, и предупреждая, что въ противномъ случаѣ они вынуждены будутъ подать рапортъ обо всемъ случившемся. Конечно, пылкій Матвѣевъ, не взирая на свои 50 лѣтъ, не обратилъ вниманія на просьбу полка и вслѣдствіе рапорта офицеровъ былъ тотчасъ же отчисленъ по кавалеріи, а по истеченіи года уволенъ въ отставку съ чиномъ генералъ-маіора и соотвѣтственнымъ пенсіономъ. Въ теченіи этого года

бѣдный Василій Павловичъ успѣлъ потерять нѣжно любимую жену и сына, котораго она ему подарила. Такимъ образомъ роковая страсть его жестоко подшутила надъ нимъ, лишивши его разомъ и плодовъ многолѣтняго тяжкаго труда, и того, во имя чего они были принесены въ жертву. Къ счастію, онъ нашелъ тихое пристанище близь станціи Александровки по Моск.-Курской желѣзной дорогѣ въ домѣ втораго брата своего, знаменитаго и богатаго агронома Аѳанасія М—ва.

Помня наши скромныя кулебяки по поводу 22-го февраля, Василій Павловичъ два раза пріѣзжалъ ко мнѣ на именины. Видно было, что послѣднія событія жизни сломили его выносливую природу; онъ сильнó опустился, постарѣлъ, съ усиліемъ выходилъ изъ задумчивости и, судя по сильному кашлю, былъ уже во власти скоротечной чахотки. Когда въ слѣдующій за послѣднимъ его посѣщеніемъ годъ я дружески выразилъ ему въ письмѣ сожалѣніе, что 22-го февраля его не было съ нами,—отвѣта не послѣдовало. Бѣдный Василій Павловичъ былъ уже въ могилѣ.

X.

Письма.—Оля уѣзжаетъ въ Славянскъ.—Пріѣздъ брата.—Векселя.—Французъ.—Просьба брата.—Новыя гувернантки.—Слезы Петруши.—Покупка Грайворонки.—Ссора съ Тургеневымъ.—Письма.—Братъ уѣзжаетъ въ Славянскія земли.

Въ концѣ 1873 г. на праздники мы отправились въ Москву, но не одни уже, какъ прежде, а съ нашей племянницей, ея гувернанткой и компаньонкой, которымъ взяли отдѣленіе въ Славянскомъ базарѣ, а сами попрежнему помѣстились на Покровкѣ у Боткиныхъ. Впрочемъ мы съ Олей недолго оставались въ Москвѣ. Черезъ двѣ недѣли я вернулся къ своей камерѣ, а она къ урокамъ.

Л. Толстой писалъ:

15 января 1874 года.

„Очень удивился я, получивъ ваше письмо, дорогой Аѳан. Аѳан., хотя я и слышалъ отъ Борисова давно ужь исторію всей этой путаницы; и радуюсь вашему мужеству распутать когда бы то ни было. Я всегда замѣчалъ, что это мучило васъ и хотя самъ не могъ понять, чѣмъ тутъ мучиться, чувствовалъ, что это должно было имѣть огромное вліяніе на всю вашу жизнь. Одно только, что мы не знали, хорошее или дурное, потому что не знали, что бы было, если бы этого не было. Для меня навѣрно хорошее, потому что того Шеншина я не знаю, а Фета-Шеншина знаю и люблю. Тороплюсь писать, потому что сейчасъ ѣду въ Москву, а не хочу оставить письмо ваше неотвѣченнымъ. Я очень радъ, что вы ничего не дали въ этотъ мерзостный литературный сборникъ.

Это не только глупо, но даже нагло и скверно. Я такъ радъ, что мы съ вами вмѣстѣ *abs*. Жена благодаритъ за память.

Вашъ всею душой *Л. Толстой.*

Тургеневъ:

Парижъ.
4 марта 1874 года

„Любезнѣйшій Аѳан. Аѳан., какимъ то чудомъ (французская почта чрезвычайно исправна) ваше письмо съ уполномоченіемъ Толстаго прибыло въ rue de Douai только вчера, т. е. черезъ съ небольшимъ три недѣли! мнѣ этотъ фактъ въ сущности только потому непріятенъ, что онъ могъ внушить вамъ мысль, что я не умѣлъ оцѣнить готовность, съ которою вы исполнили мою просьбу. А я и вамъ, и Л. Н. Толстому очень благодаренъ. Теперь уже сезонъ на исходѣ, но я все таки постараюсь помѣстить въ Revue des deux mondes или въ Temps его „Три смерти", а къ осени непремѣнно напечатаю „Казаковъ". Чѣмъ чаще перечитываю я эту повѣсть, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что это chef d'oeuvre Толстаго и всей русской повѣствовательной литературы. Надѣюсь, что онъ совсѣмъ поправился въ своемъ здоровьи. Ко мнѣ, послѣ 16-ти мѣсячнаго молчанія, вернулась подагра, и вотъ уже цѣлая недѣля, какъ я не схожу съ дивана или постели. Что дѣлать!—терпѣніе, больше ничего не остается. Со всѣмъ тѣмъ мой отъѣздъ въ Россію не откладывается. Полагаю выѣхать отсюда въ концѣ апрѣля. Нынѣшнимъ лѣтомъ мы увидимся навѣрное. А до тѣхъ поръ желаю вамъ всяческаго благополучія на всѣхъ вашихъ поприщахъ: хозяйственномъ, судебномъ, педагогическомъ, литературномъ; жму вамъ крѣпко руку и прошу передать Марьѣ Петровнѣ мой усердный поклонъ.

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

Л. Толстой:

Марта 1874 года.

„У насъ горе за горемъ; вы съ Марьей Петровной вѣрно пожалѣете насъ, главное Соню. Меньшой сынъ 10-ти мѣся-

цевъ заболѣлъ недѣли три тому назадъ той страшной болѣзнью, которую называютъ головною водянкой, и послѣ страшныхъ 3-хъ недѣльныхъ мученій третьяго дня умеръ, а нынче мы его схоронили. Мнѣ это тяжело черезъ жену, но ей, кормившей самой, было очень трудно.

„Вы хвалите *Каренину*, мнѣ это очень пріятно, да и какъ я слышу, ее хвалятъ; но навѣрное никогда не было писателя, столь равнодушнаго къ своему успѣху, какъ я. Съ одной стороны школьныя дѣла, съ другой—странное дѣло—сюжетъ новаго писанья, овладѣвшій мною именно въ самое тяжелое время болѣзни ребенка и самая эта болѣзнь и смерть. Ваше стихотвореніе мнѣ кажется эмбріономъ прекраснаго стихотворенія; оно, какъ поэтическая мысль, мнѣ совершенно ясно, но совершенно неясно, какъ произведеніе слова. Отъ Тургенева получилъ переводъ, напечатанный въ Temps, *Двухъ гусаровъ* и письмо въ третьемъ лицѣ, просящее извѣстить, что я получилъ и что Г-жой Віардо и Тургеневымъ переводятся другія повѣсти,—что̀ ни то, ни другое совсѣмъ не нужно было.

„Очень благодарю Петра Аѳан. за генеалогію лошадей. Я боюсь только, не слишкомъ ли тяжелъ и рысистъ молодой жеребецъ; старый жеребецъ мнѣ больше бы нравился. Очень рады будемъ съ женою, если вы съ Марьей Петровной заѣдете къ намъ и подарите намъ денекъ.

Вашъ *Л. Толстой*.

Тургеневъ:

24 апрѣля 1874.

„Пишу вамъ, любезнѣйшій А. А., за два дня до собственнаго моего отъѣзда въ Россію и пишу изъ домика на хрустальномъ заводѣ, занимаемаго моею дочерью, съ которою я пріѣхалъ проститься. Я получилъ ваше письмо съ приложеннымъ письмомъ любезнаго Пети, у котораго уже образовался совершенно литературный и ученый почеркъ. Отвѣчать я ему буду не письменно, а словесно, во время моего пребыванія въ Москвѣ; нарочно поѣду въ лицей Каткова (мнѣ молодой Милютинъ сказывалъ, что я не рискую встрѣтить тамъ

гнуснаго его владѣльца) и пріятельски побесѣдую съ молодымъ мудрецомъ. Говорятъ, онъ подвигается впередъ гигантскими шагами; лишь бы здоровье его выдержало! Благодарю васъ за сообщенныя вами извѣстія; особенно порадовалъ меня фактъ окончанія Толстымъ своего романа: жду отъ него богатыхъ и великихъ милостей. Радуюсь я также тому, что и дѣла ваши, и здоровье, все идетъ какъ слѣдуетъ. Не могу однако скрыть отъ васъ своего изумленія: я едва повѣрилъ глазамъ своимъ, когда прочелъ въ вашемъ письмѣ нѣчто похожее на одобреніе презрѣннѣйшихъ статей г-на А. (Авсѣенко?) въ Русскомъ Вѣстникѣ объ Анненковѣ! Все написанное Анненковымъ о Пушкинѣ такъ умно, дѣльно, такъ портретно-вѣрно. что если бы вы не были закрѣпощеннымъ г ну Каткову человѣкомъ, вы бы съ вашимъ тонкимъ поэтическимъ и гуманнымъ чутьемъ прежде всѣхъ другихъ оцѣнили бы по достоинству прекрасный трудъ нашего пріятеля и съ гадливостью отвернулись бы отъ инсинуаціонныхъ, клеветническихъ и пошлыхъ и тупыхъ кляузъ этого Булгарина redivivus... Но Катковъ васъ забралъ въ руки, и вы считаете нужнымъ защищать Пушкина — отъ кого? отъ Анненкова!! и въ угоду кому! — г-ну Авсѣенко, по поводу котораго невольно вспоминаются слова Ривароля: „qu'il fait tache sur la boue“. Да... дѣйствительно правы люди, утверждающіе, что стоитъ только немножко долго пожить—до всего доживешься и все увидишь. Но признаюсь, это меня изумило.

„Я думаю прибыть въ Москву около 25-го или 30-го мая, а въ Спасское въ десятыхъ числахъ іюня. А до тѣхъ поръ будьте здоровы и благополучны.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

Спасское.
13 іюня 1874 г.

„Любезнѣйшій Аѳ. Аѳ.! Я въ понедѣльникъ уѣзжаю. Не знаю, когда и гдѣ увидимся, — быть можетъ въ Петербургѣ зимой или въ Москвѣ. Во всякомъ случаѣ желаю вамъ всего

хорошаго и нѣкотораго смягченія вашихъ жестокихъ чувствъ противъ прогресса, либераловъ, эманципаціи и т. п.

„Кланяюсь Марьѣ Петровнѣ, цѣлую Петю и жму вамъ руку.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

Л. Толстой:

24 іюня 1874 года.

„Съ тѣхъ поръ, какъ вы уѣхали, дорогой Аѳан. Аѳан., каждый день собирался писать вамъ, собирался и выѣхать къ вамъ навстрѣчу въ Козловку, но не удалось, а все затѣмъ, что отъ проклятаго Г.... я въ послѣдній пріѣздъ вашъ какъ будто и не видалъ васъ. И тоже нѣсколько разъ повторяла жена. Даже боюсь, что отъ того же проклятаго народнаго поэта между нами какъ будто холодность пробѣжала. Избави Богъ! Вы не повѣрите, какъ я дорожу вашей дружбой. Пожалуйста напишите словечко, что все это вздоръ и было, но прошло, или мнѣ только показалось, и исполните обѣщаніе заѣхать къ намъ съ Петей.

„Мы третьяго дня похоронили тетушку Татьяну Александровну. Она медленно и равномѣрно умирала, и я привыкъ къ умиранію ея, но смерть ея была, какъ и всегда смерть близкаго и дорогаго человѣка, совершенно новымъ, единственнымъ и неожиданно-поразительнымъ событіемъ. Остальные здоровы, и домъ нашъ также полонъ. Чудесная жара. купанье, ягоды привели меня въ любимое мною состояніе праздности умственной, и только настолько и остается духовной жизни, чтобы помнить друзей и думать о нихъ. И вотъ теперь ужасно сильно и часто хочется съ вами поговорить совсѣмъ свободно и во весь умъ, что такъ съ рѣдкими можно дѣлать. Передайте нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

Тургеневъ:

Спасское.
16 іюня 1874 г.

„Вы хотя и проницательны, любезнѣйшій Аѳ. Аѳ., а едва ли отгадаете, что̀ со мною происходитъ. Вмѣсто того чтобы

покинуть родныя Палестины (чортъ бы ихъ побралъ!!), я со вчерашняго дня лежу съ сильнѣйшимъ припадкомъ подагры въ колѣнѣ и сколько страдаю—единому Богу извѣстно! Это въ 3-й разъ сряду и все въ іюлѣ мѣсяцѣ родина меня такъ награждаетъ. Сообщите это извѣстіе М. А. Милютиной, которая, находясь въ дер. *Рыбницы,* въ 40-ка минутномъ разстояніи отъ Зміевки, и отъ васъ вѣрно недалеко. Кланяюсь Марьѣ Петровнѣ, обнимаю Петю и васъ.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

Въ виду очевидной пользы, принесенной Оленькѣ Славянскими водами, на этотъ разъ еще съ зимы была нанята на водахъ болѣе просторная и удобная квартира, а вначалѣ сезона жена моя съ гувернанткой, Оленькой и ея компаніонкой отправилась въ Славянскъ, гдѣ, устроивъ племянницу, пробыла не болѣе недѣли, такъ какъ сѣрный воздухъ тяжело дѣйствовалъ на ея легкія.

Совершенно неожиданно, къ самому времени хлѣбной уборки, явился въ Степановку братъ Петръ Аѳан. Хотя психопатологическій этюдъ его характера представлялъ бы самъ по себѣ большой интересъ, но я отказываюсь отъ подобной задачи, вопервыхъ, потому, что это отклонило бы меня отъ главной стези разсказа, а вовторыхъ, потому, что, изъ желанія воспроизвести дѣйствительный образъ живаго человѣка, боюсь невольно приписать ему не дѣйствительное, а только мнѣ кажущееся. Поэтому ограничусь однимъ необходимымъ для разъясненія всего затѣмъ случившагося. Всякій, даже лично незнакомый съ гр. Л. Ник. Толстымъ, можетъ догадаться о его способности, или лучше сказать потребности, всматриваться въ нравственный образъ всякаго предстоящаго лица. Полагаю, что Толстой до сей минуты не знаетъ, до какой степени страстный ружейный и псовый охотникъ и великій знатокъ коннозаводства братъ Петруша восторгался его твореніями; но дѣло въ томъ, что самъ графъ не только любилъ Петра Аѳан., но неоднократно выставлялъ его, какъ примѣръ высоко-нравственнаго дѣятеля, въ смыслѣ самоотверженности. Вполнѣ раздѣляя такое воззрѣніе, считаю необходимымъ ука-

зать на особенность въ характерѣ брата, объясняющую, по моему мнѣнію, энергію задуманныхъ имъ дѣйствій. Обращаясь къ извѣстной цѣли, братъ очевидно преднамѣренно закрывалъ глаза на всѣ окружающія препятствія.

Припомнимъ разговоръ мой съ братомъ въ 1872 году тотчасъ послѣ моей операціи, разговоръ, кончившійся восклицаніемъ о палевомъ бальномъ платьѣ. Напрасно старался я въ то время указывать на возможность повторенія несказаннаго горя, испытаннаго братомъ по случаю выхода замужъ старшей дочери того же семейства; опасеніямъ моимъ пришлось въ скорости осуществиться.

Вначалѣ 1873 года я узналъ, до какой степени братъ убитъ выходомъ замужъ второй красавицы дочери, которою онъ увлекся дотого, что въ качествѣ жениха оставилъ въ рукахъ отца ея на ея имя векселей на 200 тысячъ, представляющихъ всю цѣнность его имѣнія. Послѣднее обстоятельство заставило меня обратиться ко главѣ семейства съ письмомъ приблизительно такого содержанія: „конечно, никто не изумится, что женихъ передаетъ все свое состояніе будущей своей супругѣ, чтобы разомъ раскрыть карты своихъ будущихъ къ ней отношеній; но какъ вамъ неугодно было причислить брата моего къ своему семейству, то послѣднее обстоятельство мѣняетъ все дѣло. Я бы и въ настоящемъ случаѣ воздержался отъ всякаго сужденія, если бы въ качествѣ опекуна не былъ обязанъ блюсти интересы рода Шеншиныхъ и убѣжденъ, что безденежные векселя эти будутъ возвращены по принадлежности, какъ вещественныя доказательства неудачной попытки несчастнаго брата“.

Въ отвѣтъ на это я получилъ письмо въ нѣсколько обиженномъ тонѣ, съ увѣреніемъ, что векселя, несомнѣнно слѣдующіе къ возвращенію, ожидаютъ только категорическаго востребованія. Съ этимъ отвѣтомъ въ рукахъ я немедля отправился къ брату, который въ моемъ присутствіи черезъ мои же руки получилъ векселя обратно. Признаюсь, передавши на обратномъ пути къ усадьбѣ брата, лунной ночью въ коляскѣ, торопливою по обстоятельствамъ рукою при сильномъ вѣтрѣ 10 векселей по 20 тысячъ, я потомъ долго мучился деликатностью, вслѣдствіе которой не надорвалъ ихъ.

Въ настоящій пріѣздъ, братъ передалъ мнѣ всю пачку векселей со словами: „возьми ихъ себѣ, они у тебя будутъ болѣе безопасны“.

— Конечно, отвѣчалъ я, надрывая бумаги и пряча въ чугунку, гдѣ они хранятся и по сей день.

Такъ какъ, проводившій у насъ вакаціонное время, Петя Борисовъ свободно и совершенно правильно писалъ и говорилъ по французски, то я не знаю, по какому поводу (вѣроятно, въ качествѣ провожатаго по желѣзной дорогѣ) Леонтьевъ прислалъ съ нимъ гувернера француза, вдобавокъ съ валлонскимъ выговоромъ. Гувернеръ этотъ цѣлые дни возился съ своимъ двухствольнымъ ружьемъ и не говорилъ ни слова ни на какомъ языкѣ кромѣ французскаго. Какъ ни упрашивалъ я Петрушу оказывать больше вниманія своему несчастному спутнику, ничего не помогало. Французъ дѣйствительно былъ мало интересенъ, и Петруша всегда находилъ способъ отъ него уйти, такъ что однажды за вечернимъ чаемъ французъ сказалъ моей женѣ: „я желалъ бы, сударыня, знать, для кого собственно я здѣсь?“

— Для меня, отвѣчала она, такъ какъ безъ васъ мнѣ не съ кѣмъ играть въ шахматы и домино.

— А, отвѣчалъ французъ, теперь я покоенъ.

По своему добродушію, Петръ Аѳан. тоже старался быть любезенъ съ французомъ, и затѣмъ, какъ страстный садоводъ и цвѣтоводъ, занялся исцѣленіемъ поломовъ и изъяновъ, оказавшихся въ нашемъ разросшемся саду. Признаюсь, я былъ очень доволенъ, что братъ съ такимъ увлеченіемъ принялся за садъ, убѣжденный, что такимъ образомъ скучать ему будетъ некогда. Зато надо было видѣть, сколько труда полагалъ онъ на расчистку какого нибудь загнившаго мѣста отломленнаго сука. Онъ вычищалъ образовавшееся углубленіе не такъ, какъ бы онъ хотѣлъ его залѣпить варомъ, а какъ бы готовилъ его подъ лакъ.

— Не знаете ли вы, спросила однажды жена моя входившаго на балконъ француза,—что дѣлаетъ Петръ Аѳан.?

— O madame, il creuse, отвѣчалъ онъ голосомъ покорнаго убѣжденія.

Однажды, когда я проходилъ мимо большаго зеркала въ го-

стиной, меня догналъ братъ и, не сказавши ни слова, упалъ передо мною на колѣни.

— Что за вздоръ ты дѣлаешь! воскликнулъ я, — встань и говори, что тебѣ нужно.

— Нѣтъ, не встану, покуда ты не обѣщаешь исполнить мою просьбу.

— Такъ, любезный другъ, нельзя обѣщать то, исполнимость чего неизвѣстна. Ты знаешь, что все для меня возможное я исполню и безъ всякихъ трагическихъ пріемовъ.

— Купи у меня Грайворонку! воскликнулъ онъ.

Я насилу могъ поднять его съ колѣнъ, еще не знавши, что нѣсколько минутъ тому назадъ онъ съ тою-же просьбой падалъ на колѣни передъ женою и обратился ко мнѣ только послѣ категорическаго ея отвѣта, что она никакими крупными экономическими дѣлами не завѣдуетъ.

— Умоляю тебя именемъ дружбы нашей, говорилъ братъ, сними ты съ меня эту гнетущую обузу; я не могу жить на Грайворонкѣ; она меня душитъ, я тамъ съума сойду. Чѣмъ возиться и отыскивать сторонняго покупателя, пусть она перейдетъ къ тебѣ, и я буду совершенно покоенъ.

— Все это прекрасно, отвѣчалъ я, но у меня 70 тысячъ всѣхъ денегъ, а этого далеко не хватаетъ на покупку Грайворонки.

— О, этого съ меня совершенно довольно, отвѣчалъ братъ, и ты, не вдаваясь ни въ какія стороннія соображенія, развяжи мою душу, ударивъ по рукамъ!

— Продавая за полцѣны имѣніе, отвѣчалъ я, избавь меня по крайней мѣрѣ отъ формальныхъ обсужденій подробностей этого дѣла. Все это ты можешь рѣшить съ Иваномъ Алек. Остомъ, который какъ разъ сегодня пріѣхалъ и въ настоящую минуту гуляетъ въ рощѣ.—Я сейчасъ схожу туда, продолжалъ я, и объясню ему все дѣло, а затѣмъ онъ будетъ ждать тебя на скамьѣ подъ березкой. Тамъ никто вамъ не помѣшаетъ, и если ты дѣйствительно хочешь осуществленія своей просьбы, то до полнаго окончанія дѣла храни о немъ упорное молчаніе.

Черезъ полчаса дѣло было окончательно улажено, и совершеніе купчей отложено до октября, времени окончанія

молотьбы. Успокоенный братъ уѣхалъ въ свое Воронежское имѣніе.

Тургеневъ писалъ:

Петербургъ.
16 іюля 1874 г.

„Любезнѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ, ваше письмо не застало меня уже въ Спасскомъ, но не на радость я выѣхалъ оттуда. Двѣ недѣли тому назадъ я прибылъ въ Петербургъ и тотчасъ же свалился какъ снопъ, пораженный жесточайшей подагрой разомъ въ оба колѣна и въ обѣ плюсны. чего со мной еще не бывало. Мучился я лихо; теперь начинаю елозить на костыляхъ по комнатѣ, и докторъ полагаетъ, что я могу въ спальномъ вагонѣ отправиться въ субботу въ Берлинъ, а оттуда въ Карлсбадъ; но я человѣкъ муштрованный и повѣрю, что я уѣхалъ въ Карлсбадъ только тогда, когда изъ него выѣду. Сказать, что этотъ утрегубленный припадокъ (три раза сряду) усилилъ въ сердцѣ моемъ пламя любви къ родинѣ, — было-бы мало вѣроятно. Скорѣе выйдетъ то, что я буду впредь думать тако: „Ты, родина. процвѣтай тамъ, а я ужь буду прозябать *здѣсь*, отъ тебя подальше. А то ты уже больно (говоря языкомъ „Опаснаго сосѣда")—охотница подарочки дарить. Много довольны, спасибо и такъ.

„Кланяюсь Марьѣ Петровнѣ и цѣлую умницу Петю. Вамъ дружески жму руку.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

Тѣмъ временемъ Оленька, съ лицомъ пышащимъ здоровьемъ, вернулась изъ Славянска вмѣстѣ съ компаньонкой и гувернанткой. Послѣдняя, прожившая у насъ болѣе году. ссылаясь на свою слабость, просила увольненія отъ должности. Дѣлать было нечего, и мнѣ пришлось ѣхать въ Москву для разысканія новой наставницы. По совѣту нѣкоторыхъ лицъ, я обратился съ просьбою къ пастору, который обѣщалъ выписать мнѣ изъ заграницы опытную въ дѣлѣ

воспитанія француженку. Успокоенный положительнымъ обѣщаніемъ добраго старика, я вернулся въ Степановку.

Получивъ черезъ мѣсяцъ телеграмму о высылкѣ на Змѣевку въ назначенный день экипажъ, мы дѣйствительно въ этотъ день приняли въ домъ очевидно многоопытную особу. Черные какъ смоль волоса ея, высоко зачесанные, увѣнчивались широкою лопатою испанскаго гребня; въ ушахъ ея висѣли разноцвѣтно эмальированные подвѣски, и пальцы рукъ были покрыты разнообразными перстнями. Явно было, что она старалась, сколько возможно, молодиться, но самыя ея притиранья и гриммировка приводили къ увѣренности, что голова ея покрыта очень искусно приложеннымъ парикомъ. Цѣлый мѣсяцъ я все болѣе убѣждался въ справедливости словъ оставившей нас Надежды Алекс., что иностранныя гувернантки въ большемъ случаѣ далеко уступаютъ хорошимъ русскимъ въ основательномъ образованіи.

Напрасно новая гувернатка разсказывала о своемъ пребываніи въ Римѣ, Аѳинахъ, Яффѣ, Іерусалимѣ, Лиссабонѣ и главное въ Каирѣ,—дѣло преподаванія въ рукахъ ея спориться не могло по тому уже одному, что она не знала правилъ французской грамматики, хотя никакимъ другимъ языкомъ не владѣла. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что она, не будучи въ состояніи давать уроковъ музыки, крайне небрежно относилась къ дѣлу воспитанія. Съ чувствомъ раздраженія и гадливости вспоминаю послѣднее наше съ нею объясненіе. Зная, что она одна въ классной, я, взошедши по лѣстницѣ, попросилъ у нея позволенія перевести духъ, стѣсненный одышкою.

— Позвольте, сказалъ я отдохнувши, высказать нѣкоторыя мысли, на которыя попрошу васъ сдѣлать свои замѣчанія.

— Но я тоже хочу помѣстить свое словечко.

— Я объ этомъ только васъ и прошу; но позвольте прежде мнѣ сказать нѣсколько словъ.

— Но я всетаки хочу сказать свое словечко.

— Вамъ угодно говорить предзарительно,—я васъ слушаю.

— Нѣтъ, я не знаю, о чемъ вы желаете говорить.

— Въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ высказаться.

— Но я тоже хочу помѣстить свое словечко.

— Вы же не даете мнѣ говорить.

— Но я всетаки хочу помѣстить свое словечко.

И такъ до безконечности, пока я не всталъ и не ушелъ, громко хлопнувъ дверью.

Черезъ часъ коляска, долженствующая отвезти ее на станцію, была у крыльца, и она, получивши разсчетъ и паспортъ, уѣхала, ни съ кѣмъ не простясь.

На этотъ разъ не довѣряя рекомендаціямъ, я увезъ прямо изъ конторы небольшую, среднихъ лѣтъ, нѣмку съ весьма замѣтными усами. Каковы въ сущности были ея воспитательныя способности, сразу рѣшить было трудно; но въ громкой самоувѣренности, по крайней мѣрѣ, у ней недостатка не было. Такъ, напримѣръ, увѣряя, что любой ученикъ въ полгода научится у нея играть въ четыре руки, она повторяла: „so spielt er mir" (онъ у меня заиграетъ). Даже за обѣдомъ она не скрывала своихъ научныхъ свѣдѣній, и нужно было видѣть зарю счастья въ глазахъ насмѣшливаго Петруши, когда гувернантка, передавая извѣстный анекдотъ объ учрежденіи ордена Подвязки, съ полной увѣренностью приписала эту любезность Оттону III. Съ какимъ злораднымъ счастіемъ Петруша старался расчистить дорогу передъ ея Оттономъ, не обращая вниманія на мои укоризненные взгляды. Зато тотчасъ же послѣ обѣда я задалъ школьнику жестокую головомойку. „Тебѣ, говорилъ я, весело щеголять своимъ грошевымъ знаніемъ, но ты не хочешь подумать, каково мнѣ ежеминутно бѣгать въ Москву за новыми гувернантками. То, что ты дѣлаешь, настолько же неделикатно по отношенію къ гувернанткѣ, какъ и ко мнѣ. Если ты желаешь мѣшать воспитанію сестры, то оставайся на вакацію въ лицеѣ у Павла Михайловича".

Не могу не припомнить одной, случайно проявившейся, черты характера 15-ти лѣтняго Петруши Борисова.

Однажды, при видѣ кипы старинныхъ семейныхъ бумагъ, онъ сталъ вкрадчивымъ голосомъ просить позволенія просмотрѣть свои Борисовскіе документы. „Можешь, отвѣчалъ я, если снова уложишь ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ найдешь".

Такъ какъ бывшая наша спальня, въ которой хранились

бумаги, была темновата отъ навѣса надъ террасой, то Петруша усѣлся за своими бумагами въ столовой. Зная, какъ онъ спартански терпѣливъ ко всякой физической боли, я былъ крайне удивленъ, замѣтивъ мимоходомъ, что онъ плачетъ надъ своими бумагами.

— Что съ тобой? о чемъ ты плачешь? замѣтилъ я.

При этомъ вопросѣ слезы превратились въ ревъ.

— Какъ же мнѣ не плакать, всхлипывалъ онъ: вѣдь вотъ Борисовъ-то какой-то совѣтникъ, это вѣдь попросту подъячій; а вѣдь вотъ же подпись: стольникъ и воевода Семенъ Шеншинъ; моя мать Шеншина, а я не Шеншинъ. Какъ же тутъ въ отчаяніе не приходить!

— То, что ты говоришь, Петруша, нехорошо, а главное нелѣпо; въ этомъ ты самъ убѣдишься.

Л. Толстой писалъ:

1874 года 22 октября.

„Дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ! у меня затѣялась необходимая покупка земли въ Никольскомъ, для которой мнѣ нужно на годъ занять 10 тысячъ подъ залогъ земли. Можетъ случится, что у васъ есть деньги, которыя вамъ нужно помѣстить. Если такъ, то напишите Ивану Ивановичу Орлову въ Чернь, село Никольское, и онъ пріѣдетъ къ вамъ для переговоровъ о подробностяхъ и будетъ вести это дѣло съ вами независимо отъ нашихъ отношеній. Я еще не отвѣчалъ вамъ на ваше послѣднее письмо, хотя очень благодаренъ вамъ за него. Какъ бы я охотно пріѣхалъ къ вамъ, но заваленъ такъ дѣлами школьными, семейными и хозяйственными, что даже на охоту не успѣваю ходить. Надѣюсь быть свободнѣе, какъ зима станетъ. Нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

Тургеневъ писалъ отъ 30 октября 1874 г.:

Парижъ.

„Любезнѣйшій Аѳ. Аѳ., я виноватъ передъ вами тѣмъ, что, высказавъ мое откровенное мнѣніе о господинѣ Катковѣ,

упомянулъ о его вліяніи на васъ. Лучше было вовсе не говорить объ этомъ субъектѣ. Не могу однако не выразить своего удивленія вашему упреку г-ну Каткову въ *либерализмѣ!* послѣ этого вамъ остается упрекнуть Шешковскаго въ республиканизмѣ и Салтычиху въ мягкосердечіи. Васъ на это станетъ, чего добраго.

„Вы чрезвычайно довольны всѣмъ окружающимъ васъ бытомъ:—ну и прекрасно! Помните, какъ 20 лѣтъ тому назадъ вы въ Спаскомъ, въ самый разгаръ Николаевскихъ мѣропріятій, огорошили меня изъявленіемъ вашего мнѣнія—что выше положенія тогдашняго россійскаго дворянина, и не только выше, но благороднѣе и прекраснѣе,—умъ человѣческій придумать ничего не можетъ. А такіе антецеденты дѣлаютъ все возможнымъ, все, кромѣ хотя мгновеннаго соглашенія между нами двумя по какому бы то ни было вопросу.

„Вмѣсто того чтобы толковать о „шаткости" убѣжденій Анненкова, я бы посовѣтовалъ вамъ прочесть его классическую книгу о Пушкинѣ, передъ которымъ и онъ, и я благоговѣемъ не меньше васъ и уже навѣрное больше того негодяя, который въ Русск. Вѣстникѣ извергнулъ какую-то дрянную слюню по поводу этой мастерской монографіи. А пока позволю себѣ выписать изъ только что полученнаго мною письма того же Анненкова слѣдующія золотыя строки:

„Мало ли что можно наговорить на Европу: это мальчикъ рѣзвый, безпрестанно выдѣлывающій разныя штуки, и котораго по всей справедливости можно сѣчь каждый день. Но противопоставлять ему и съ торжествомъ жирнаго плаксу, который тихо сидитъ тамъ, гдѣ его посадили, и никогда не учитъ болѣе того, что задано,—этого не одобряю."

„Душевно радуюсь успѣхамъ Пети и готовъ вѣрить въ его необыкновенныя способности; но признаюсь, не понимаю вашего восклицанія: *„никакой эстетической способности! это просто Зевесовъ орелъ!!"*—До сихъ поръ очень умныхъ и замѣчательныхъ дѣтей,—ни оппозиціанистовъ, ни либераловъ,—я не встрѣчалъ (не говорю, чтобы они таковыми оставались),—ссылаюсь на самого того Шиллера, о комъ вы упоминаете:—но можетъ быть новое время... vous avez changé tout cela.—На здоровье!

Желаю вамъ лучшаго, благодарю Марью Петровну за память и остаюсь

преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

Наконецъ Иванъ Александровичъ получилъ письмо отъ Петра Аѳан., въ которомъ послѣдній проситъ Оста пріѣхать на Грайворонку, чтобы вмѣстѣ отправиться за сто верстъ въ Воронежъ для совершенія купчей. Погода стояла грязная, и путешественники, какъ я позднѣе узналъ, совершали формальный походъ по дорогѣ, лишенной всякихъ, даже первобытныхъ удобствъ. Этимъ однако только началось трудное ихъ паломничество. Оказалось необходимымъ, какъ писалъ мнѣ Остъ, не только справиться въ московскомъ опекунскомъ совѣтѣ о накопившейся на имѣніе недоимкѣ, но и представить нотаріусу квитанцію объ ея уплатѣ. Конечно, я тотчасъ же прибѣгъ къ помощи Боткинской конторы, прося телеграфировать мнѣ сумму недоимки.

Всѣмъ еще памятенъ женскій трудъ на телеграфныхъ станціяхъ. И вотъ черезъ день, въ часъ ночи (чтобы заплатить за ночную доставку три рубля) получаю телеграмму, въ которой сказано: „недоимокъ на Грайворонкѣ числится %“. Вотъ вамъ и свѣдѣнія для руководства; а между тѣмъ наши несчастные дѣльцы томятся въ Воронежской гостинницѣ. Я телеграфирую въ контору: „прошу уплатить, сколько бы недоимокъ ни оказалось и квитанцію выслать: Воронежъ, Осту“.

Получаю извѣстіе, что недоимокъ уплачено 8 тысячъ, и что квитанція отослана по указанному адресу.

Наконецъ, къ первымъ числамъ декабря, братъ и Остъ, принявшій уже Грайворонку въ наше завѣдываніе, появились въ Степановкѣ съ купчей и даже вводнымъ листомъ въ рукахъ. Братъ былъ очевидно веселъ болѣе обыкновеннаго. Остъ потомъ разсказывалъ, что когда по полученіи купчей они вернулись въ номеръ отъ нотаріуса, братъ сначала упалъ передъ образомъ на колѣни и, помолившись усердно, бросился обнимать и цѣловать Оста. Не помню, на другой или на тре-

тій день, когда мы собирались сѣсть за столъ, Иванъ Александровичъ, держа въ рукахъ письмо, обратился ко мнѣ со словами: „я только сію минуту получилъ съ Грайворонки непріятную вѣсть: вся деревянная часть усадьбы, за исключеніемъ барскаго дома и коннозаводскихъ построекъ, сгорѣла до тла, со всѣмъ хозяйственнымъ инвентаремъ, такъ что въ имѣніи не осталось ни одной сохи, ни одного хомута и ни одной телѣги. Слава Богу, что пожаръ не тронулъ гумна и хлѣбнаго амбара“.

Такъ какъ мы съ женою давно уже порывались въ Москву, то поджидали только рѣшенія Грайворонскаго дѣла, чтобы уѣхать и начать съ продажи пшеницы, которой, къ счастію. оказалось на Грайворонкѣ въ этомъ году порядочное количество. Между тѣмъ передъ самымъ выѣздомъ изъ Степановки я получилъ слѣдующее письмо Тургенева:

Парижъ.
29 ноября 1874 г.

„Любезный Шеншинъ, сегодня я получилъ ваше письмо, а четвертаго дня пришло ко мнѣ письмо Полонскаго, изъ котораго выписываю вамъ слѣдующій пассажъ:

„Фетъ (Шеншинъ) распустилъ про тебя, будто ты въ свой послѣдній пріѣздъ говорилъ съ какими-то юношами (слышалъ, съ племянниками Милютина, порученными надзору и попеченію Ф. Ш.) и старался заразить ихъ жаждой идти въ Сибирь. Въ первый разъ я слышалъ это отъ Маркевича у кн. М—аго тому назадъ недѣль пять, шесть. На дняхъ я опять слышалъ повтореніе этого слуха съ тою же ссылкой на Ф. Ш.“.

„Вспоминая свой разговоръ у Милютиной съ ея сыномъ и Петей и зная вашу охоту къ преувеличиванію и *прочія привычки*, говорю вамъ безъ обиняковъ, что я вполнѣ вѣрю тому, что вы дѣйствительно произнесли слова, которыя вамъ приписываютъ, и потому полагаю лучшимъ прекратить наши отношенія, которыя уже и такъ, по разности нашихъ воззрѣній, не имѣютъ „raison d'être“.

„Откланиваясь вамъ не безъ нѣкотораго чувства печали, которое относится, впрочемъ, исключительно къ прошедшему.

желаю вамъ всѣхъ возможныхъ благъ и преуспѣянія въ обществѣ гг. Маркевичей, Катковыхъ и т. п.

„Передайте также мой прощальный привѣтъ вашей любезной супругѣ, съ которой мнѣ уже, вѣроятно, не придется свидѣться.

Ив. Тургеневъ.

На это неожиданное письмо я немедля отвѣчалъ, что Тургеневу странно не знать, что я неспособенъ отказываться отъ своихъ словъ, каковы бы они ни были, но что дѣло, дошедшее въ такомъ видѣ, состояло въ слѣдующемъ.

Однажды, когда въ кабинетѣ Каткова между имъ и Маркевичемъ зашелъ разговоръ объ общественномъ мнѣніи насчетъ государственной благонадежности лицея, я сказалъ: „въ этомъ отношеніи сомнѣваться трудно, если принять во вниманіе мнѣніе людей, далеко не сочувствующихъ самой школѣ, какъ, напримѣръ, Тургеневъ. При этомъ я разсказалъ, какъ въ гостиной у М—ой Тургеневъ при мнѣ обратился къ ея сыну и его товарищу Петѣ Борисову со словами: „Je vous felicite, messieurs, en votre qualité de lycéens. Le gouvérnement ne manquera pas de vous recevoir à bras ouverts“.

Къ этимъ подлиннымъ словамъ Тургенева я не прибавилъ ни одного слова.

На это письмо мое нежданно послѣдовало еще разъ письмо Тургенева:

Парижъ.
12 декабря 74.

Милостивый Государь.

Аѳанасій Аѳанасьевичъ!

„Вы, вѣроятно, удивитесь, получивъ отъ меня письмо, да и я не ожидалъ, что буду еще бесѣдовать съ вами: но одна фраза вашего отвѣта заставляетъ меня взяться за перо. Вы пишете:

„Вы говорите: „я этому вѣрю“, и это и должно быть закономъ для всѣхъ и обычнымъ поводомъ швырять оскорбленія въ лицо даже такимъ безупречнымъ личностямъ,

какъ Л. Т.“ (полагаю, что эти буквы означаютъ Льва Толстаго).

„Если въ этой фразѣ вы имѣли цѣлью единственно украшеніе рѣчи вродѣ „стола Спартака“, то мнѣ остается сожалѣть, что вамъ угодно было употребить именно это украшеніе; если подъ этимъ скрывается какая-нибудь сплетня, то прошу васъ быть увѣреннымъ, что я никогда и ни передъ кѣмъ не отзывался о Львѣ Толстомъ иначе, какъ съ полнымъ уваженіемъ къ его таланту и характеру, и это уваженіе будетъ мною въ скоромъ времени высказано передъ французской публикой въ предисловіи къ изданію переводовъ съ его произведеній; если же наконецъ вамъ померещилось что нибудь подобное въ моихъ письмахъ, то вамъ стоитъ ихъ перечесть, чтобы убѣдиться въ вашей ошибкѣ. Не сомнѣваюсь въ вашемъ чувствѣ справедливости и увѣренъ, что вы даже мысленно откажетесь отъ фразы вашего письма, приведенной мною. Къ тому же я не привыкъ швыряться ни оскорбленіями, ни грязью, не потому, чтобы иные люди этого не стоили, но я не охотникъ марать руки и предоставляю другимъ подобныя упражненія.

„Не могу не замѣтить, что вы напрасно благодарите судьбу, устранившую ваше имя отъ соприкосновенія съ нынѣшней литературой; ваши опасенія лишены основанія: какъ Фетъ, вы имѣли имя, какъ Шеншинъ, вы имѣете только фамилію.

Остаюсь съ совершеннымъ уваженіемъ

вашъ покорнѣйшій слуга

Ив. Тургеневъ.

Это письмо исполнило наконецъ мѣру моего долготерпѣнія. Впослѣдствіи, при своемъ примиреніи съ Толстымъ, къ которому Тургеневъ явился съ повинною въ Ясную Поляну, послѣдній жаловался ему, что въ отвѣтномъ письмѣ, о которомъ здѣсь говорится, я собралъ все, чѣмъ только могъ уязвить его наиболѣе чувствительнымъ образомъ. Я началъ съ того, что замѣтилъ, какъ въ первомъ письмѣ онъ очевидно не зналъ что сказать и по написанному крупно написалъ „*прочія привычки*“. Жаль, что не сказалъ какія. Конечно, я скло-

ненъ къ гиперболическимъ выраженіямъ, которыя заслуживаютъ названія преувеличенія; но кто дастъ себѣ только трудъ прочесть помѣщаемыя письма Тургенева, убѣдится, что такимъ безвреднымъ преувеличеніемъ страдаетъ онъ и самъ, но это не даетъ никому права утверждать, будто онъ или я преднамѣренно искажаемъ чьи либо слова, чтобы повредить ему во мнѣніи другаго. Что же касается до меня, то на *привычки*, или лучше повадки, Тургенева указать я не затруднюсь. Я припомнилъ ему, какъ, на мой упрекъ въ нестерпимомъ упрямствѣ, онъ возразилъ: „а меня всѣ считаютъ слабымъ и безхарактернымъ".—И получилъ въ отвѣтъ: „твердость и устойчивость не должно смѣшивать съ упрямствомъ, составляющимъ отличительную черту людей слабыхъ. А слабость де ваша еще въ Петербургѣ не была для насъ ни для кого тайной, когда какъ-то сорвавшееся у меня съ языка слово: слабецъ—дошло и до вашихъ ушей, какъ вѣроятно и чье то стихотвореніе, котораго хвалебнаго начала не упомню, но которое кончалось:

«Но нравъ его разслабленный
Такъ жидокъ и мучнистъ,
Что въ лавръ его самъ просится
Александрійскій листъ».

И это было бы еще не бѣда, если бы за этой слабостью и упрямствомъ въ сущности добраго человѣка не скрывалось самое дѣтское самолюбіе безпощаднаго эгоизма. Отсюда совершенно прозрачное козыряніе съ одной стороны и позорное искательство съ другой; отсюда небрежно невѣжливое обращеніе съ дамами, гдѣ это считалось возможнымъ, и неузнаваніе знакомыхъ на водахъ въ обществѣ высокопоставленныхъ дамъ. Приводились примѣры. Такъ однажды въ Петербургѣ я передалъ Тургеневу, что премилая жена племянника Егора Петровича Ковалевскаго проситъ меня привести его къ ней на вечерній чай. Раскланявшись съ хозяйкой, Тургеневъ, поставивъ шляпу подъ стулъ, сѣлъ спиною къ хозяйкѣ дома и, проговоривши съ кѣмъ-то все время помимо хозяйки, къ немалому сокрушенію моему, раскланялся и уѣхалъ. На другой день Егоръ Петровичъ

своимъ добродушнымъ тономъ выговарилъ мнѣ: „ну какъ же вашему Тургеневу не стыдно такъ обижать молодую бабенку? Она всю ночь проплакала“. — И это не единственный примѣръ. Съ другой стороны я разсказалъ Тургеневу, какъ Кетчеръ встрѣтилъ меня своимъ громогласнымъ—„ха-ха-ха!“ и восклицаніемъ: „два раза издавалъ я сочиненія Тургенева и два раза вычеркивалъ ему его постыднсе подлизываніе къ мальчишкамъ. Нѣтъ таки, — напечаталъ, и съ той поры ко мнѣ не является: знаетъ, что обругаю“.

Его поступокъ съ дядей, его заносчивыя выходки съ Толстымъ и со мною не имѣютъ ли забавнаго вида самыхъ слабосильныхъ, но и самыхъ задорныхъ пѣтушковъ корольковъ. Нельзя же вѣкъ разсчитывать на снисхожденіе къ слабости, но еще забавнѣе бреттерствовать человѣку, цѣлый вѣкъ толковавшему объ ужасѣ смерти передъ людьми, цѣлый вѣкъ толкующими объ ужасѣ жизни. Что касается до фразъ о некиданіи ни въ кого грязью, то фразамъ этимъ можетъ довѣрять только тотъ, кто слова „qu'il fait tache sur la boue“ и другія имъ подобныя, обращенныя на людей непріятныхъ Тургеневу, считаетъ розами. Если можно глубоко уважать человѣка и въ то же время говорить ему въ глаза самыя оскорбительныя вещи — совмѣстимо, — въ такомъ случаѣ я беру свои слова о его посягательствѣ на личность Толстаго назадъ.

Этимъ объясненіемъ кончилась до поры до времени моя съ Тургеневымъ переписка.

Наконецъ-то мы цѣлымъ домомъ, въ томъ числѣ и съ братомъ Петромъ Аѳ. усѣлись въ вагонъ для переѣзда въ Москву.

На этотъ разъ, разсчитывая снова на короткое пребываніе въ Москвѣ, мы всѣ остановились въ меблированныхъ комнатахъ Руднева на Тверской.

Когда мы ночью проѣзжали мимо Серпухова, Петръ Аѳ. вышелъ изъ вагона, озабоченный продажею Грайворонской пшеницы, по старой памяти всегдашнему своему покупателю. На другой день вечеромъ братъ вошелъ ко мнѣ въ комнату со словами: „мнѣ стыдно на глаза къ тебѣ показаться; я твою пшеницу страшно продешевилъ; я продалъ ее 7 р. 50 к. на мѣстѣ, а вотъ и 1,500 р. задатку“. Цѣна

по тому времени была великолѣпная, тѣмъ не менѣе я долго не могъ успокоить брата.

Л. Толстой писалъ:

28 декабря 1874 г.

„Только что говорили съ женою о томъ, что соскучились безъ васъ и безъ извѣстій объ васъ, какъ получили ваше письмо и обѣщаніе побывать у насъ да еще съ Петромъ Аѳанасьевичемъ, что еще лучше. Получивъ ваше письмо, жена тотчасъ же отвѣчала вамъ въ Москву, въ домъ Боткина. А я еще прежде писалъ вамъ со вложеніемъ письмеца къ Петру Аѳан. Вообще какъ бы то ни было, мы не виноваты, а главное мы не виноваты въ томъ, чтобы не любить васъ и не цѣнить ваше участіе. У насъ съ начала зимы все были невзгоды, но теперь слава Богу началась опять наша нормальная жизнь, и потому тѣмъ болѣе будемъ рады вамъ и Петру Аѳан. Напишите, когда выслать за вами лошадей. Досвиданья!

Вашъ *Л. Толстой.*

12 января 1875.

„Благодарю васъ, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, за хорошія о насъ рѣчи. Все веселѣе, какъ похвалятъ. У насъ слава Богу теперь повеселѣе стало, т. е. я пересталъ бояться за здоровье жены, которое очень было начало пугать меня. За кобылъ низко кланяюсь обоимъ братцамъ, въ особенности Петру Аѳан. Когда прикажете прислать за нихъ деньги? А что планъ дѣятельности по народному образованію? Какъ бы я счастливъ былъ, если бы онъ состоялся, и я бы могъ быть чѣмъ нибудь полезенъ Петру Аѳанасьевичу. Былъ я въ Москвѣ, и въ тотъ вечеръ, какъ сидѣлъ у Каткова, ему пришли объявить, что братъ его вырвался изъ полицейской больницы, пришелъ въ лицей и опять стрѣлялъ и опять никого не застрѣлилъ.

Вашъ *Л. Толстой.*

На тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ прошломъ году, мы съ Олей послѣ Крещенія уѣхали въ Степановку, причемъ я

заѣхалъ на денекъ въ Ясную Поляну. И въ это, какъ и въ прежнія посѣщенія, я съ особеннымъ удовольствіемъ нашелъ въ цѣломъ семействѣ Толстыхъ то же чувство симпатіи къ добрѣйшему Ѳедору Ѳедоровичу. А такъ какъ дѣти по возрасту подходили одинъ за другимъ къ надзору дядьки-нѣмца, то Л. Н. былъ увѣренъ, что Ѳедоръ Ѳедоровичъ останется у нихъ на долгіе годы. Когда я глазъ на глазъ сталъ поздравлять Ѳед. Ѳед. съ надолго обезпеченнымъ будущимъ, онъ, къ удивленію моему, сообщилъ мнѣ, что желаетъ оставить домъ Толстыхъ. Какъ ни старался я ставить ему на видъ, что всѣ его любятъ и имъ дорожатъ, онъ упорно повторялъ: „я тоже хочу meine *avanctage* haben“.

Между тѣмъ братъ чрезвычайно заинтересовался движеніемъ въ Герцеговинѣ и Черногоріи противъ турокъ.

Тѣмъ временемъ Ивану Александровичу сгорѣвшая Грайворонка доставила немало хлопотъ. Надо было начать съ того, чтобы распустить цѣлую толпу тунеядцевъ, окружавшихъ брата, и по счетамъ неуплаченнаго жалованья, признаннымъ самимъ братомъ, пришлось уплатить:

ветеринару	3 тысячи
конторщику въ качествѣ прикащика . .	3 „
столяру, носившему названіе машиниста.	3 „
повару	300 руб.

и такъ далѣе всѣмъ бывшимъ дворовымъ уплачено болѣе 12 тысячъ рублей. Къ этому присоединились частные долги въ нѣсколько тысячъ; даже долгъ уѣздному училищу, гдѣ братъ состоялъ почетнымъ членомъ.

Л. Толстой писалъ:

12 марта 1875 г.

„Я, кажется, нечаянно написалъ вамъ ужасную глупость. Вы пишете, что хотите къ намъ пріѣхать, а я. вообразивъ себѣ, что мы—подразумѣвается—вы и Марья Петровна, пишу что мы очень рады. Какъ ни справедливо это, когда я разсказалъ женѣ, что я отвѣчалъ, она говоритъ: „да мы—значитъ—братья“. Если это такъ навѣрное, то пожалуйста передайте Петру Аѳан., что кромѣ всегдашняго желанія моего

поближе сойтись съ нимъ, мнѣ особенно нужно по разнымъ дѣламъ видѣть его, кое о чемъ посовѣтовать и кое о чемъ попросить совѣта. Пожалуйста отвѣтьте поскорѣе и чтобы въ концѣ письма было указаніе, когда васъ встрѣчать на Козловкѣ.

Вашъ всею душой *Л. Толстой*.

Вмѣсто этихъ плановъ случилось слѣдующее. Братъ пріучилъ меня къ своимъ требованіямъ денегъ, на которыя имѣлъ безспорное право.

Однажды въ началѣ марта, взявши тысячу рублей, онъ объявилъ мнѣ, что ѣдетъ по своимъ дѣламъ въ Орелъ. Кучеръ, отвезшій его на станцію, передалъ, что Петръ Аѳан. сами будутъ писать; и дня черезъ два я получилъ письмо, въ которомъ братъ извинялся, что, не желая тревожить насъ своимъ отъѣздомъ, уѣхалъ не простясь въ славянскія земли.

Л. Толстой писалъ по возвращеніи изъ новокупленнаго Самарскаго имѣнія:

26 августа 1875 г.

„Вотъ третій день, что мы пріѣхали благополучно, и я только что опомнился и спѣшу писать вамъ, дорогой Аѳан. Аѳанасьевичъ, и благодарить васъ за ваши два письма, которыя больше чѣмъ всегда были цѣнны въ нашей глуши. Надѣюсь, что здоровье ваше лучше. Это было замѣтно по второму вашему письму, и надѣюсь, что вы преувеличивали. Дайте мнѣ еще опомниться, тогда подумаю, какъ бы побывать у васъ. Вы же по старой, хорошей привычкѣ пожалуйста, какъ это вамъ ни трудно, — не проѣзжайте въ Москву не заѣхавъ. Урожай у насъ былъ средній, но цѣны на работу огромныя, такъ что въ концѣ только сойдутся концы. Я два мѣсяца не пачкалъ рукъ чернилами и сердца мыслями. Теперь же берусь за скучную, пошлую А. Каренину съ однимъ желаніемъ: поскорѣе опростать себѣ мѣсто—досугъ для другихъ занятій, но только не педагогическихъ, которыя люблю, но хочу бросить. Они слишкомъ много берутъ времени. Какъ о многомъ и многомъ хочется съ вами переговорить, но писать не умѣю. Надо пожить, какъ мы жили въ

Самарской здоровой глуши, видѣть эту совершающуюся на глазахъ борьбу кочеваго быта (милліоновъ на громадныхъ пространствахъ) съ земледѣльческимъ первобытнымъ, чувствовать всю значительность этой борьбы, чтобы убѣдиться въ томъ, что разрушителей общественнаго порядка, если не 1, то не болѣе 3 скоро бѣгающихъ и громко кричащихъ, что это болѣзнь паразита живаго дуба, и что дубу до нихъ дѣла нѣтъ. Что это не дымъ, а тѣнь, бѣгущая отъ дыма.

„Къ чему занесла меня судьба туда (въ Самару)—не знаю, но знаю, что я слушалъ рѣчи въ англійскомъ парламентѣ (вѣдь это считается очень важнымъ), и мнѣ скучно и ничтожно было;—но что тамъ мухи, нечистота, мужики Башкирцы, а я съ напряженнымъ уваженіемъ, страхомъ проглядѣвъ, вслушиваюсь, вглядываюсь и чувствую, что все это очень важно. Нашъ усердный поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

XI.

Новая пристройка для брата.—Гувернантка M-me Milete. Француженка-пьянистка.—Извѣстіе о братѣ изъ Варшавы.—Письма.—Пріѣздъ брата.—Письма. — Поѣздка на Грайворонку. — Ливенское кладбище. — Револьверъ. — Пріемка лошадей. — Братъ снова уѣзжаетъ въ Сербію.—Поѣздка въ Москву.—Племянникъ В. Ш—ъ и сестра Любовь Аѳанасьевна.—Сдача лошадей.—Письма.—Пріѣздъ Л. Толстаго и Н. Н. Страхова.—Поѣздка въ Москву съ Олей.—Оля остается въ Москвѣ.—Поѣздка на Грайворонку. — Планы о переѣздкѣ изъ Степановки. — Покупка Воробьевки и продажа Степановки.—Постройки въ Воробьевкѣ.—Эпизодъ о перевозкѣ раненыхъ.

Не взирая на выходку брата, спеціально предназначавшаяся для него постройка была доведена до конца и оказалась весьма удобною. Входъ въ домъ съ подъѣзда превратился въ широкую галлерею, изъ которой первая дверь направо вела въ большой кабинетъ брата, предшествующій спальнѣ, а вторая затѣмъ дверь направо вела, какъ и прежде, въ мой бывшій кабинетъ, окончательно превратившійся въ судебную камеру со скамьями для присутстующихъ. Изъ того же коридора вверхъ подымалась неширокая лѣстница въ большую залу въ два свѣта съ балкончикомъ къ подъѣзду и смежною комнатой, въ которой во время вакацій помѣщался Петя Борисовъ. Мебель для этихъ помѣщеній была привезена съ Грайворонки, по указанію брата.

На этотъ разъ короткій зимній сезонъ намъ пришлось проводить на Тверской, въ гостинницѣ Парижъ, гдѣ мы заняли два отдѣленія и запаслись своею прислугой. Обѣ Г-жи Эвеніусъ, искавшія свиданія съ Олей, повидимому, примирились съ ея пребываніемъ у насъ и высказали готовность по-

мочь намъ въ пріисканіи благонадежной воспитательницы, взамѣнъ строптивой поклонницы Оттона III-го.

Въ гостиной Эвеніусъ меня ожидала m-me Milete, урожденная княжна Г—а, которая на прекрасномъ французскомъ языкѣ объявила, что согласна на 1000 руб., но съ тѣмъ, что она не можетъ разстаться съ любимой ею дѣвочкой, англичанкой Мери. „Станешь самъ искать, подумалъ я, и неизвѣстно, на что попадешь; а тутъ по крайней мѣрѣ рекомендуютъ специалистки.“ —И послѣ праздниковъ я уѣхалъ съ Оленькой въ Степановку, увозя съ собою M-me Milete и M-lle Мери.

— Мы будемъ заниматься болѣе при помощи чтенія и разговоровъ, говорила новая воспитательница.

Не имѣя ничего противъ методы, я тѣмъ не менѣе въ скорости убѣдился, что метода новой воспитательницы была несомнѣнною потерею времени. Вѣроятно, вступивъ на совершенно дотолѣ ей неизвѣстное поприще, M-me Milete тотчасъ же согласилась со мною, что ея занятія пользы принести не могутъ, и сама возвратилась въ Москву, оставивъ у насъ Мери, съ которою, какъ прежде говорила, разстаться не въ состояніи. Она писала Мери, что отправилась въ качествѣ воспитательницы въ богатое купеческое семейство, помнится въ Пермь, и что будетъ ей высылать денегъ. Но на дѣлѣ оказалось, что сдержанная и добродушная англичанка изъ скуднаго своего жалованья умѣла удѣлить небольшую часть и нетрезвому отцу своему въ Лондонѣ, и M-me Milete въ Пермь. Пришлось бы мнѣ снова отправляться въ Москву искать гувернатку, если бы судьба не послала намъ молодую француженку M-lle Оберлендеръ, которая, не взирая на свою нѣмецкую фамилію, не знала ни слова по-нѣмецки. Зато это была замѣчательная пьянистка, а такъ какъ остальные предметы я преподавалъ самъ, то и успокоился на этомъ. Рояль изъ небольшой нашей столовой перенесена была наверхъ въ залу пристройки для брата, которая по своему резонансу могла бы быть концертною.

Однажды въ числѣ бумагъ, поступившихъ въ камеру, я увидалъ конвертъ съ печатью канцеляріи Варшавскаго генералъ-губернатора. Въ бумагѣ говорилось, что содержащійся въ мѣстахъ заключенія, по неимѣнію письменнаго вида, моло-

дой человѣкъ, называя себя дворяниномъ Петромъ Шеншинымъ, указываетъ на меня, какъ на роднаго брата своего, почему канцелярія проситъ у меня разрѣшенія настоящаго дѣла. Конечно, въ ту же минуту я мысленно остановился на добрѣйшемъ Ѳедорѣ Ѳедоровичѣ, который, оставивши Толстыхъ, пріютился въ Орлѣ въ богатомъ магазинѣ своего пріятеля нѣмца-кондитера Зальмана. Видно было, что ширина денежныхъ оборотовъ кондитера совершенно подавляла Ѳедора Ѳедоровича, и достаточно было поговорить съ нимъ полчаса, чтобы узнать, что Зальманъ покупаетъ по 50-ти бочекъ сахару разомъ. Братъ Петруша любилъ Ѳедора Ѳедоровича, и потому нельзя было придумать лица болѣе пріятнаго брату для первой встрѣчи.

Въ тотъ же день я послалъ письмоводителя въ Орелъ за Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ, которому въ спутники приготовилъ благонадежнаго бывшаго слугу нашего Матвѣя, проживавшаго въ настоящее время въ качествѣ прикащика въ небольшомъ, но красивомъ имѣніи, купленномъ нами на берегу рѣки Неручи. На другой день оба нарочные, снабженные формальными удостовѣреніями и деньгами, отправились въ Варшаву.

Тѣмъ временемъ Л. Толстой писалъ:

1 марта 1876 г.

„Кажется, что я у васъ въ долгу письмомъ, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ; но отъ этого мнѣ всетаки не легче и всетаки хочется вашихъ писемъ и главное знать про васъ. Все ли живы и здоровы? У насъ все не совсѣмъ хорошо. Жена не справляется съ послѣдней болѣзни, кашляетъ, худѣетъ—и то лихорадка, то мигрень. А потому и нѣтъ у насъ въ домѣ благополучія и во мнѣ душевнаго спокойствія, которое мнѣ особенно нужно теперь для работы. Конецъ зимы и начало весны всегда мое самое рабочее время, да и надо кончить надоѣвшій мнѣ романъ.

„Напишите пожалуйста про себя и про брата Петра Аѳан., который очень меня интересуетъ. Передайте нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ и Оленькѣ; я всегда надѣюсь, что у васъ

расшатается зубъ въ челюсти или въ молотилкѣ, и вы поѣдете въ Москву, а я разставлю паутину на Козловкѣ да и поймаю васъ.

Вашъ *Л. Толстой.*

29 апрѣля 1876 г.

„Получилъ ваше письмо, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, и изъ этого коротенькаго письма и изъ разговоровъ Марьи Петровны, переданныхъ мнѣ женою, и изъ одного изъ послѣднихъ писемъ вашихъ, въ которомъ я пропустилъ фразу: „*хотѣлъ звать васъ посмотрѣть, какъ я уйду*", — написанную между соображеніями о кормѣ лошадямъ, и которую я понялъ только теперь, я перенесся въ ваше состояніе, мнѣ очень понятное и близкое, и мнѣ жалко стало васъ. И по Шопенгауэру, и по нашему сознанію, состраданіе и любовь есть одно и то же, — и захотѣлось вамъ писать. Я благодаренъ вамъ за мысль позвать меня посмотрѣть, какъ вы будете уходить, когда вы думали, что близко. Я тоже сдѣлаю, когда соберусь *туда,* если буду въ силахъ думать. Мнѣ никого въ эту минуту такъ не нужно бы было, какъ васъ и моего брата. Передъ смертью дорого и радостно общеніе съ людьми, которые въ этой жизни смотрятъ за предѣлы ея; а вы и тѣ рѣдкіе *настоящіе* люди, съ которыми я сходился въ жизни, не смотря на здравое отношеніе къ жизни, всегда стоятъ на самомъ краюшкѣ и ясно видятъ жизнь только отъ того, что глядятъ то въ нирвану, въ безпредѣльность, въ неизвѣстность, то въ сансару, и этотъ взглядъ въ нирвану укрѣпляетъ зрѣніе. А люди житейскіе, сколько они ни говори о Богѣ, непріятны нашему брату и должны быть мучительны во время смерти, потому что они не видятъ того, что мы видимъ, именно того Бога, болѣе неопредѣленнаго, болѣе далекаго, но болѣе высокаго и несомнѣннаго, какъ говорится въ этой статьѣ.

„Вы больны и думаете о смерти, а я здоровъ и не перестаю думать о томъ же и готовиться къ ней. Посмотримъ, кто прежде. Но мнѣ вдругъ изъ разныхъ незамѣтныхъ данныхъ ясна стала наша глубоко родственная мнѣ натура-душа

(особенно по отношенію къ смерти), что я вдругъ оцѣнилъ наши отношенія и сталъ гораздо больше чѣмъ прежде дорожить ими. Я многое, что я думалъ, старался выразить въ послѣдней главѣ апрѣльской книжки Русск. Вѣстника. Пожалуйста напишите Петѣ Борисову, чтобы онъ непремѣнно пріѣхалъ ко мнѣ и дня на три по крайней мѣрѣ. Я знаю, что это вамъ близко серцу, и я не торопясь, безъ всякой предвзятой мысли и безъ желанія противорѣчить, высмотрю его и сообщу вамъ мое впечатлѣніе. Предвзятая мысль у меня будетъ одна: это сильнѣйшее желаніе полюбить его для васъ.

Вашъ *Л. Толстой.*

Излишне говорить, до какой степени мы обрадовались, когда въ комнату вошелъ братъ Петруша въ сопровожденіи Ѳедора Ѳедоровича. Конечно, моимъ нарочнымъ пришлось одѣвать Петра Аѳан. заново съ ногъ до головы. Матвѣй разсказывалъ, что на братѣ были невозможные сапоги. Приготовленнымъ ему у насъ помѣщеніемъ братъ остался совершенно доволенъ, и по врожденной крайней чистоплотности, вѣроятно, подъ вліяніемъ недавно пережитыхъ неудобствъ, по цѣлымъ днямъ плескался въ купальнѣ. Мало по малу онъ сталъ передавать отдѣльные моменты изъ фантастическаго своего странствованія, и изо всего мнѣ памятно только слѣдующее. Не знаю, запасся ли онъ въ Орлѣ заграничнымъ паспортомъ; но если и запасся,—вѣроятно, въ скоромъ времени его потерялъ. А какъ видовъ на желѣзныхъ дорогахъ не спрашиваютъ, между тѣмъ на пограничной станціи онъ необходимъ, то братъ прибѣгалъ къ услугамъ жидковъ, переносившихъ его на спинѣ въ видѣ контрабанды черезъ пограничное болото. Изъ Бокки Которской въ окрестности Цетиньи проводникомъ служила ему баба крестьянка, и затѣмъ на Черной горѣ братъ былъ любезно принятъ главнѣйшими руководителями движенія въ ихъ болѣе чѣмъ скромныхъ жилищахъ. Что странныхъ людей достаточно во всѣхъ странахъ — можно заключить изъ того, что молодой итальянецъ, сопутствовавшій брату тоже въ качествѣ добровольца, также не озаботился запастись ружьемъ, и они вмѣстѣ съ братомъ, усѣвшись на каменномъ обрывѣ.

слѣдили за перестрѣлкой между черногорцами и турками, причемъ одна пуля попала въ стоявшую между ними березку.

Л. Толстой писалъ:

12 мая 1876 года.

„Я уже дней пять какъ получилъ лошадь и каждый день сбираюсь и все не успѣваю написать вамъ. У насъ началась весенняя и лѣтняя жизнь, и полонъ домъ гостей и суеты. Эта лѣтняя жизнь для меня точно какъ сонъ; кое-что, кое-что остается изъ моей реальной зимней жизни, но больше какія-то видѣнія то пріятныя, то непріятныя изъ какого-то безтолковаго, неруководимаго здравымъ разсудкомъ, міра. Въ числѣ этихъ видѣній былъ и вашъ прекрасный жеребецъ. Очень вамъ благодаренъ за него. Куда прислать деньги? Пожалуйста оставьте мнѣ и тѣхъ трехъ жеребцовъ, если позволите взять ихъ въ концѣ іюля или началѣ августа. Напишите пожалуйста, какой масти тѣ два жеребца отъ Гранита, о которыхъ вы говорили, и какая ихъ крайняя цѣна? Они меня очень соблазняютъ. Я перваго іюня собираюсь ѣхать въ Хрѣновую на нѣсколько дней, а жена въ Москву. Пожалуйста напишите Петѣ Борисову, чтобы онъ пріѣхалъ къ намъ. У меня событіе, занимающее очень меня теперь, это экзамены Сережи, которые начнутся 27-го. Что за ужасное лѣто! У насъ страшно и жалко смотрѣть на лѣсъ, особенно на молодыя поросли. Все погублено. Купцы уже стали ѣздить торговать пшеницу. Видно будетъ плохой годъ. Передайте нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой*.

18 мая 1876 года.

„На ваше длинное и задушевное письмо я давно не отвѣчалъ оттого, что все былъ нездоровъ и не въ духѣ и теперь также, но пишу хотя нѣсколько строкъ. У насъ полонъ домъ народа: племянница Нагорная съ 2-мя дѣтьми, Кузминскіе съ 4-мя дѣтьми, и Соня все хвораетъ, и я въ унынiи и тупости. Одна надежда на хорошую погоду, а ея то и нѣтъ. Такъ какъ мы съ вами похожи, то вы должны знать это состояніе: то

чувствуешь себя богомъ, что нѣтъ для тебя ничего сокрытаго, а то глупѣе лошади, и теперь я такой. Такъ не взыщите. До другаго письма.

Вашъ *Л. Толстой*.

21 іюля 1876 года.

„Я очень виноватъ передъ вами, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, за то, что такъ давно не писалъ. Собираюсь каждый день писать, и все некогда, потому что ничего не дѣлаю. Первый и самый интересный для меня предметъ бесѣды съ вами, это Петя Борисовъ. Въ письмѣ, разумѣется, не скажешь всего (я надѣюсь, что мы скоро увидимся),—но онъ мнѣ очень понравился, въ особенности тѣмъ, что соединяетъ два рѣдкія качества: умъ и простоту. За послѣднее я особенно боялся; но онъ очень перемѣнился къ лучшему въ этомъ отношеніи.

„Теперь какъ бы намъ сдѣлать, чтобы увидаться? Если вы не измѣнили своего плана ѣхать въ августѣ на Грайворонку, мнѣ бы очень хотѣлось съѣздить туда вмѣстѣ съ вами. Для этого нужно мнѣ знать: 1) *хотите ли вы, чтобы я ѣхалъ съ вами?* 2) *когда именно вы ѣдете?* 3) *сколько времени продлится вся поѣздка?* Какъ ваше здоровье? Послѣднія извѣстія отъ васъ были хорошія. У меня недѣлю тому назадъ былъ Страховъ, съ которымъ, безпрестанно поминая васъ, я нафилософствовался до усталости. Если, Богъ дастъ, поѣдемъ въ Грайворонку, то приставимъ къ себѣ полицеймейстеромъ Петю. чтобы онъ не позволялъ говорить всю дорогу ни о философіи, ни о поэзіи, чтобы не было и помину ни о Л. Толстомъ, ни о Фетѣ. Л. Н. пріятель съ Фетомъ зимою, а лѣтомъ пусть будутъ едва ли не больше пріятели помѣщики: Толстой съ Шеншинымъ.

„Передайте нашъ поклонъ съ женою Марьѣ Петровнѣ. Жму руку Петру Аѳан. Желалъ бы послушать его разсказы о Герцеговинѣ, въ существованіе которой я не вѣрю.

„Я въ сентябрѣ собираюсь ѣхать въ Самару. Если Петръ Аѳан. не имѣетъ никакихъ плановъ на сентябрь, не поѣдетъ ли онъ со мною посмотрѣть киргизовъ и ихъ лошадей. Какъ бы весело было! Со мною еще ѣдетъ мой племянникъ.

Вашъ *Л. Толстой*.

Дождаться Льва Николаевича для совмѣстной поѣздки на Грайворонку мнѣ не удалось; а между тѣмъ Иванъ Александровичъ зазывалъ меня къ себѣ, чтобы посовѣтоваться на мѣстѣ о необходимыхъ экономическихъ постройкахъ. Такъ какъ, за отсутствіемъ почтоваго тракта на Грайворонку, переѣздъ туда на собственныхъ лошадяхъ былъ затруднителенъ, то мы обыкновенно прибѣгали къ слѣдующей уловкѣ: мы за два дня высылали свой экипажъ въ Ливны на постоялый дворъ, чтобы проѣхать въ немъ 75 верстъ до Грайворонки, а до Ливенъ доѣзжали въ одинъ день по Орловско-Грязской дорогѣ и идущей со станціи Верховья узкоколейной, раздражающей нервы своимъ черепашьимъ ходомъ по 15-ти верстъ въ часъ.

Собираясь въ обратный путь, я выразилъ Ивану Александр. свое сомнѣніе насчетъ своевременнаго прибытія въ Ливны къ вечернему поѣзду, отходящему въ 7 часовъ. Найдутся ли на половинѣ дороги лошади, которыя у случайныхъ бѣдняковъ часто бываютъ далеко въ полѣ?

— Зачѣмъ же вамъ брать лошадей? отвѣчалъ Иванъ Александровичъ: мой Аѳанасій на моей привычной тройкѣ доставитъ васъ по теперешней хорошей дорогѣ въ шесть часовъ, и если вы отсюда выѣдете въ полдень, то какъ разъ будете въ Ливнахъ за часъ до поѣзда. Онъ только напоитъ лошадей на половинѣ дороги.

Припоздавъ немножко съ выѣздомъ, мы съ Аѳанасіемъ тронулись въ путь около 12-ти съ половиною часовъ дня. Можно было залюбоваться гнѣдою коренною маткою и двумя разношерстными пристяжными. Какъ онѣ спокойно, безъ малѣйшаго задора, пустились машистою рысью въ долгій путь. Правда, пыльная дорога съ боковымъ вѣтеркомъ была гладка, какъ шоссе, и равномѣрное движеніе тройки имѣло какой-то автоматическій характеръ. На половинѣ дороги Аѳанасій, подъѣхавъ къ деревенскому колодцу съ журавлемъ, вдоволь, къ немалому ужасу моему, напоилъ потныхъ лошадей, и автоматическое движеніе тройки началось снова.

Въ Ливнахъ съ моста пришлось подыматься по долгому и крутому каменному взъѣзду въ городъ, и потомъ проѣхать весь его до желѣзнодорожной станціи. Когда мы

остановились передъ нею, было ровно 6 часовъ. Такимъ образомъ тройка безъ особеннаго утомленія, безъ малѣйшаго удара возжей, пробѣжала почти 80 верстъ въ $5^1/_2$ часовъ.

Оказалось, что поѣздъ отходитъ не въ 7 часовъ, а въ половинѣ восьмаго, и такимъ образомъ мнѣ приходилось провести $1^1/_2$ часа, которые я не зналъ куда дѣвать. Въ томленіи я пошелъ по площади и, замѣтивъ растворенную калитку въ церковную ограду, надъ которою трепетали вершины разнородныхъ деревьевъ, вошелъ туда и очутился передъ прекрасною церковью, окруженною большимъ и тѣнистымъ кладбищемъ. Здѣсь, рядомъ съ весьма старинными надгробными камнями, возвышались если и не красивые, но зато весьма богатые памятники, на которые Ливенское купечество, видимо, не пожалѣло ни чугуна, ни гранита, ни мрамора. Чтобы продлить по возможности время, я не позволялъ себѣ миновать ни одного камня, не прочитавши на немъ всѣхъ надписей. Черезъ часъ, возвращаясь уже къ выходу, я наткнулся на обелискъ изъ простаго сѣраго песчаника. На одной изъ четырехъ его сторонъ были глубоко врѣзаны слова: *здѣсь погребено тѣло крестьянской дѣвицы Маріи;* съ другой стороны стояло: *здѣсь же погребенъ младенецъ женскаго пола.* На противоположной отъ имени усопшей сторонѣ было вырѣзано: *вотъ тибе друхъ мой послѣднiй отъ мине нарятъ.* А внизу: *отставной унтеръ-офицеръ такой-то.*

Никогда ни одна могильная надпись не производила на меня такого задушевно-нѣжнаго впечатлѣнія.

Недаромъ покойный зять нашъ Александръ Никитичъ всю жизнь жаловался на упрямство жены своей. Всѣ мы, не исключая и брата Петруши, чувствовали всю справедливость этого обвиненія, но никогда никто изъ насъ не предполагалъ, чтобы самобытныя выходки сестры способны были принимать игривый или шуточный характеръ. Между тѣмъ только подобнымъ предположеніемъ со стороны брата, часто навѣщавшаго сестру и принимавшаго живое участіе въ ея дѣлахъ, можно объяснить слѣдующую сцену. Какъ я уже выше замѣтилъ, окна въ кабинетѣ брата выходили къ подъѣзду, и изъ нихъ видны были всѣ прибывающіе въ усадьбу. Такъ, между прочимъ, я замѣтилъ проѣхавшаго парой въ таран-

тасикѣ письмоводителя становаго пристава. Какъ въ это утро засѣданія не было, я сидѣлъ у брата за большимъ письменнымъ столомъ, куря и о чемъ-то благодушно бесѣдуя. Около насъ усѣлся и любопытный до крайности Петя Борисовъ.

Въ комнату вошелъ мой письмоводитель и со словами: „отъ становаго пристава"—положилъ передо мною подписной листъ отъ предводителя дворянства въ пользу сербовъ. Такъ какъ я считалъ Сербію какимъ то горячечнымъ бредомъ географіи, то, конечно, не подписалъ бы ничего; но какъ листъ былъ отъ предводителя, то совѣстно было написать: читалъ такой-то; и я, подписавъ рубль серебромъ, благодушно повернулъ листъ къ брату со словами: „не подпишешься-ли?"

— Это что же! воскликнулъ братъ, гнѣвно сверкнувъ глазами: эти рубли — знать, насмѣшка? это все Любинькины штуки! Но я положу этому конецъ. Гдѣ этотъ нарочный?

Съ этими словами братъ всталъ, растворилъ шкафъ и, взявши съ полки револьверъ, сталъ изъ коробочки вдвигать въ него патроны. Напрасно старался я доказывать, что трудно Любинькѣ поддѣлать оффиціальную бумагу,—раздраженіе брата зашло уже слишкомъ далеко, и настоятельно противодѣйствовать ему — значило подливать масло въ огонь. Не понимая этого, Петя, трусъ по природѣ, началъ приставать къ брату съ плаксивыми восклицаніями: „дядя! да помилуй! оставь!"

Выведенный изъ себя братъ, обращая револьверъ со взведеннымъ куркомъ на мальчика, воскликнулъ: „Петруша!"

Успѣвши уже раза съ два крикнуть племяннику: „отстань!" — и видя безполезность моихъ увѣщаній, я громко крикнулъ брату: „валяй, валяй его, наповалъ! Это будетъ ему хорошимъ урокомъ, не вмѣшиваться, гдѣ его не спрашиваютъ!"

Все это произошло въ одинъ моментъ; братъ какъ будто опомнился, а Петруша въ одинъ мигъ превратился въ мѣловое изваяніе.

— Гдѣ онъ? крикнулъ братъ, направляясь къ дверямъ.— Я имъ покажу, что это за шутки! И онъ быстрыми шагами направился вдоль корридора къ дверямъ камеры, держа наготовѣ взведенный револьверъ.

Слѣдуя за братомъ по пятамъ, съ намѣреніемъ въ роковое мгновеніе ударить его по рукѣ, я издали закричалъ письмоводителю:

— А что сотскій, что привезъ бумагу,—уѣхалъ?

Къ счастію, письмоводитель догадался закричать намъ навстрѣчу: „уѣхалъ, давно уѣхалъ". При этихъ словахъ братъ съ поднятымъ револьверомъ вошелъ въ камеру, въ которой спиною къ двери на передней скамьѣ сидѣлъ письмоводитель становаго пристава.

— Ну хорошо, что онъ уѣхалъ, сказалъ братъ, опуская револьверъ, и мы возвратились въ его кабинетъ. Не прошло двухъ минутъ, какъ я увидалъ рукавъ шинели письмоводителя, наброшенной въ накидку, развѣвающійся вслѣдъ за тарантасомъ, проносящимся мимо оконъ во весь духъ. Оказалось, что онъ и портфель свой съ бумагами оставилъ на скамьѣ въ камерѣ, со словами: „Богъ съ вами, тутъ лишь бы живу-то остаться!"

Хотя сестра Любовь Аѳанасьевна въ скорости по смерти мужа и спрашивала меня — куда ей дѣвать деньги?—и такъ испугалась моего опекунства, — то, что я предвидѣлъ, осуществилось въ полной мѣрѣ. Обильный урожай ржи оставался въ полѣ въ проростающихъ копнахъ, а неисправленная молотилка представляла въ пору молотьбы одну трату времени и платы рабочимъ.

Между тѣмъ половина августа настоятельно требовала зерна на посѣвъ.

— Любинька проситъ у тебя отпустить сто четвертей ржи, сказалъ братъ, вернувшись изъ Ивановскаго.

— Ты знаешь, отвѣчалъ я, что я равно избѣгаю брать и давать взаймы.

— Да ты отпусти не ей, а мнѣ, сказалъ братъ.

— Тебѣ,—другое дѣло,—такъ какъ для меня безразлично,— платить ли тебѣ рожью или деньгами.

Л. Толстой писалъ:

18 октября 1876 года.

„Не повѣрите, какъ ваше письмецо меня обрадовало, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ; лошади будутъ на Козловкѣ

въ середу 20 октября. „*Вотъ тибе друхъ мой послѣднiй отъ мине нарятъ*“—прелестно! Я это разсказывалъ раза два,—и всякiй разъ голосъ у меня срывался отъ слезъ. Слова же, которыя вы мнѣ выписываете изъ Revue des deux mondes, я въ тотъ же день цитировалъ женѣ, какъ замѣчательно вѣрныя. Удивительно, какъ мы близко родня по уму и по сердцу.

Вашъ всею душой

Гр. Левъ Толстой.

13 ноября 1876 г.

„Что отъ васъ давно нѣтъ вѣсточки, дорогой Аѳанасiй Аѳанасьевичъ? Здоровы-ли вы? Это главное. Ѣздилъ я въ Москву узнавать про войну. Все это волнуетъ меня очень. Хорошо тѣмъ, которымъ все это ясно; но мнѣ страшно становится, когда я начинаю вдумываться во всю сложность тѣхъ условiй, при которыхъ совершается исторiя; какъ дама какая нибудь А—ва, съ своимъ тщеславiемъ и фальшивымъ сочувствiемъ къ чему-то неопредѣленному,—оказывается нужнымъ винтикомъ во всей машинѣ.

„Пожалѣйте меня въ двухъ вещахъ: 1) негодяй кучеръ повелъ жеребцовъ въ Самару; подъ хуторомъ, уже въ 15-ти верстахъ, утопилъ Гуниба въ болотѣ, желая сократить дорогу. 2) Сплю и не могу писать; презираю себя за праздность и не позволяю себѣ взяться за другое дѣло.

„Передайте наши поклоны Марьѣ Петровнѣ и Оленькѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

7 декабря 1876 г.

„Письмо ваше съ стихотворенiемъ пришло ко мнѣ съ тою же почтой, съ которой привезли мнѣ и ваше собранiе сочиненiй, которое я выписывалъ изъ Москвы. Стихотворенiе это не только достойно васъ, но оно особенно и особенно хорошо, съ тѣмъ самымъ философски поэтическимъ характеромъ, котораго я ждалъ отъ васъ. Прекрасно, что это говорятъ звѣзды. И особенно хороша послѣдняя строфа. Хорошо тоже,—что̀ замѣтила жена,—что на томъ же листкѣ, на ко-

торомъ написано это стихотвореніе, излиты чувства скорби о томъ, что керасинъ сталъ стоить 12 коп. Это побочный, но вѣрный признакъ поэта. Съ вашими стихотвореніями выписалъ я Тютчева, Баратынскаго и Толстаго. Сообществомъ съ Тютчевымъ я знаю, что вы довольны. Баратынскій тоже не осрамитъ васъ своей компаніей; Баратынскій настоящій, хотя мало красоты, изящества, но есть прекрасныя вещи.

„Я понемножку началъ писать и очень доволенъ своею судьбой.

Вашъ *Л. Толстой.*

Будучи назначенъ завѣдующимъ военно-коннымъ пунктомъ при Городищенской волости, я приказалъ привести лошадей въ Степановку, какъ къ болѣе центральному мѣсту.

Когда началась пріемка, ко мнѣ подошелъ витія и политикъ Матвѣй Васильевичъ, бывшій лѣтъ пять единственнымъ нашимъ слугою и года четыре уже превратившійся изъ прикащика въ арендатора сосѣдняго нашего хутора на рѣкѣ Неручи.

— Прикажите, прошепталъ онъ, записать отъ меня добровольной поставкою воронаго мерина.

— Матвѣй, сказалъ я, ты знаешь, что я этого воронаго купилъ 5-ти-лѣткомъ у Александра Никит. за 60 рублей; а когда онъ проработалъ у меня 4 года, я уступилъ его тебѣ за 40 рублей; вѣдь онъ у тебя, должно быть, три или четыре года работаетъ, а ты хочешь его сдать въ казну за 90 руб. Извини, я на это несогласенъ.

12 сентября во Мценскѣ, по окончаніи засѣданія съѣзда, я совершенно равнодушно смотрѣлъ изъ окна, окропляемаго мелкимъ и холоднымъ дождемъ, на пріемку офицеромъ выбранныхъ мною для сдачи лошадей. Такъ какъ любопытнаго при этомъ было мало, то, не дождавшись конца, я уѣхалъ въ гостинницу. Вечеромъ приходитъ Матвѣй.

— А вѣдь я воронаго-то сдалъ въ казну, говоритъ онъ.

— Какъ такъ? спрашиваю я.

— На все надо умѣнье! отвѣчалъ онъ не безъ надменности.— Я сунулъ военному писарю синенькую,—вороной-то и поступилъ на службу.

Настала зима, выпалъ глубокій снѣгъ, и я не безъ удовольствія видѣлъ, что братъ усердно занялся выѣздкою молодыхъ лошадей. Совѣстно вспомнить, что я вторично простодушно попался на ту же самую штуку. Взявши наканунѣ 1000 рублей, братъ объявилъ, что ѣдетъ по дѣлу въ Орелъ; а черезъ недѣлю я получилъ изъ Кіева письмо, въ которомъ братъ указывалъ мнѣ адресъ своего кіевскаго пріятеля, который постоянно будетъ знать о мѣстѣ его нахожденія и служить передаточнымъ пунктомъ простой и денежной корреспонденціи. Въ то же время братъ сообщалъ, что отправляется въ Сербію добровольцемъ. Черезъ нѣсколько времени пріятель его сообщилъ мнѣ, что братъ купилъ себѣ верховую лошадь и испросилъ, если не ошибаюсь, на смотру въ Бѣлой Церкви, какъ милости, у Его Имп. Высочества Главнокомандующаго дозволенія поступить волонтеромъ въ казаки. Такимъ образомъ онъ и поступилъ въ казачій полкъ рядовымъ. Это было послѣднимъ, полученнымъ мною о братѣ, извѣстіемъ.

Въ этотъ зимній пріѣздъ въ Москву, мы снова остановились въ гостинницѣ *Парижъ*, и насмѣшливый Борисовъ презабавно представлялъ содержательницу француженку, ловившую его въ корридорѣ съ вопросомъ: „etes vous riche, monsieur?"

Такъ какъ Оленькѣ минуло 18 лѣтъ, то мы стали съ нею понемногу выѣзжать. Пришлось мнѣ раза два побывать и въ гостинницѣ Лондонъ, въ Охотномъ ряду, гдѣ на время остановилась Любовь Аѳанасьевна, и гдѣ у подъѣзда я каждый разъ находилъ ѣздившаго съ ея сыномъ, Катковскимъ лицеистомъ, лихача извощика съ пунцовымъ покрываломъ на рукѣ. Конечно, я не говорилъ ни слова, такъ какъ моего мнѣнія не спрашивали. Но и безъ этого мнѣнія дѣло не обошлось.

Однажды, когда въ гостиной сестры сидѣла ея золовка, съ которою мы познакомились въ началѣ нашихъ воспоминаній, Любовь Аѳанасьевна подошла ко мнѣ и сказала: „ты знаешь, nous avons decidé взять Володю отъ Каткова".

По всему, что я видѣлъ, я этого ожидалъ, не взирая на то, что мальчикъ учился очень удовлетворительно и прекрасно

владѣлъ двумя древними и французскимъ и нѣмецкимъ языками, а потому я сказалъ только: „а!“

Госпожа С..., которой это было, очевидно, такъ же непріятно, какъ и мнѣ, не выдержала.

— Любинька, сказала она: ты говоришь: nous; могутъ подумать, что и я въ числѣ рѣшающихъ; говори лучше: moi.

Оказалось, что я понадобился для того, чтобы выручать вещи и книги юноши, тайно бѣжавшаго изъ школы.

По возвращеніи въ Степановку, мы нашли всѣ шкафы и комоды брата опустошенными и узнали, что сестра Любовь Аѳан., заботясь о братѣ, послала ему въ Молдавію всѣ прекрасныя его шубы и все бѣлье, тщательно нами приготовленное. Возможно ли было сомнѣваться въ томъ, что въ сумбурѣ внезапнаго похода всякая подобная частная посылка окажется приношеніемъ невѣдомому Ваалу? Не только подобные узлы, но даже застрахованные 1500 рублей, посланные мною на имя полковаго командира, были мнѣ по окончаніи войны пересланы обратно.

Между тѣмъ воззваніе въ пользу сербовъ облетало наши убогія веси, осуществляя пословицу: „съ міру по ниткѣ“. Бабы отличались усердіемъ въ приношеніи холста. Вначалѣ февраля я долженъ былъ ѣхать на сдачу выбранныхъ мною лошадей военному пріемщику, полковнику N... По глубокимъ снѣгамъ пришлось верстъ за 10 до Городищенской волости ѣхать гуськомъ. Когда часамъ къ четыремъ пріемка была окончена, я, въ виду цѣлаго голоднаго дня, проведеннаго нами на морозѣ, предложилъ полковнику заѣхать къ намъ пообѣдать, на что онъ съ удовольствіемъ согласился. Ѣхали мы сравнительно довольно рѣзво; но когда за версту до дому слѣдовало проѣзжать черезъ деревню Плоты, то, по причинѣ страшныхъ ухабовъ и разваловъ по заметенной снѣгомъ улицѣ, пришлось ѣхать шагомъ. Помню, какъ на тихій лязгъ колокольчика, на порогѣ избы показалась любопытная дѣвченка отъ 14—15 лѣтъ, босая и въ одной рубахѣ, грязной и засаленной до невозможности. Быть можетъ эта загрязненность рубахи была причиной того, что послѣдняя, вѣроятно, ломаясь какъ картонъ, порвалась прямо сверху внизъ, такъ что незнакомый съ костюмомъ

могъ бы принять, что дѣвочка обвѣшана неширокими фартуками.

— Знаете ли, обратился вдругъ ко мнѣ полковникъ: я только что изъ Сербіи, для которой мы сбираемъ вспомоществованіе; но я тамъ нигдѣ подобной нищеты не видалъ.

Въ подтвержденіе словъ полковника, я сообщилъ ему, что по скудости урожая, за неимѣніемъ топлива, по три семьи собрались на зимовку въ одну избу.

Л. Толстой писалъ:

11 января 1877 года.

„Дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, повинную голову не сѣкутъ, не рубятъ! А я ужь такъ чувствую свою голову повинною передъ вами, какъ только можно. Но право я въ Москвѣ нахожусь въ условіяхъ невмѣняемости; нервы разстроены, часы превращаются въ минуты, и какъ нарочно являются тѣ самые люди, которыхъ мнѣ не нужно, чтобы помѣшать видѣть того, кого нужно. На праздникахъ былъ у насъ Страховъ, и вамъ вѣрно икалось: мы часто поминали васъ, и ваши слова, и мысли, и ваши стихи. Послѣднее „Въ звѣздахъ“ — я прочелъ ему изъ вашего письма, и онъ пришелъ въ такое же восхищеніе, какъ и я. Въ Русск. Вѣстникѣ перечли мы его съ женою еще. Это одно изъ лучшихъ стихотвореній, которыя я знаю. Со Страховымъ же я всегда говорю часто про васъ, потому что мы родня всѣ трое по душѣ. Что ваша служба? есть ли надежда на награду? Что Петръ Аѳан.? Нѣтъ ли извѣстій? Передайте нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ и Оленькѣ, не забывайте меня, не сердитесь и любите такъ же, какъ мы васъ любимъ.

Вашъ *Л. Толстой*.

5 марта 1877.

„Дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, давно отъ васъ нѣтъ извѣстій, и мнѣ ужь чего-то недостаетъ и грустно. Напишите пожалуйста; какъ здоровье ваше и духъ? Посылаю нѣсколько стихотвореній *) 18-ти лѣтняго юноши. Что вы ска-

---

*) Не привожу стихотвореній, не представляющихъ интереса.

жете? Пожалуйста внимательно прочтите и скажите. У насъ все слава Богу.

Вашъ *Л. Толстой.*

23 марта 1877.

„Вы не повѣрите, какъ мнѣ радостно ваше одобреніе моего писанья, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, и вообще ваши письма. Вы пишете, что въ Русск. Вѣстникѣ напечатали чужое стихотвореніе, а ваше *Искушеніе* лежитъ у нихъ. Такой тупой и мертвой редакціи нѣтъ другой. Они мнѣ ужасно опротивѣли не за меня, а за другихъ.

„Какъ въ казаки? Какимъ же чиномъ? И зачѣмъ въ Бѣлой Церкви? - Меня Петръ Аѳан. ужасно интересуетъ.

„Голова моя лучше теперь, но насколько она лучше, настолько я больше работаю. Мартъ и начало апрѣля самые мои рабочіе мѣсяцы, и я все продолжаю быть въ заблужденіи, что то, что я пишу, очень важно, хотя и знаю, что черезъ мѣсяцъ мнѣ будетъ совѣстно это вспоминать. Замѣтили ли вы, что теперь вдругъ вышла линія, что всѣ пишутъ стихи, очень плохіе, но пишутъ всѣ. Мнѣ штукъ пять новыхъ поэтовъ представилось.

„Извините за безтолковость и краткость письма. Хотѣлось только вамъ написать, чтобы вы помнили, что васъ любятъ и ждутъ въ Ясной Полянѣ. Наши поклоны вашимъ.

Л. Толстой.

14 апрѣля 1877 года.

„Послѣднее письмо ваше, писанное въ три пріема, слава Богу, не пропало. Я дорожу всякимъ письмомъ вашимъ и особенно такимъ, какъ это. Вы не повѣрите, какъ меня радуетъ то, что вы приписываете въ предпослѣднемъ, какъ вы говорите, „о сущности божества“. Я со всѣмъ согласенъ и многое хотѣлъ бы сказать, но въ письмѣ нельзя и некогда. Вы въ первый разъ говорите мнѣ о божествѣ — Богѣ. А я давно уже не переставая думаю объ этой главной задачѣ. И не говорите, что нельзя думать;—не только можно, но должно. Во всѣ вѣка лучшіе т. е. настоящіе люди думали объ этомъ.

И если мы не можемъ *такъ-же*, какъ они, думать объ этомъ, то мы обязаны найти—*какъ*. Читали ли вы: Pensées de Pascal? т. е. недавно на большую голову. Когда, Богъ дастъ, вы пріѣдете ко мнѣ, мы поговоримъ о многомъ, и я вамъ дамъ эту книгу. Если бы я былъ свободенъ отъ своего романа, котораго конецъ уже набранъ, и я поправляю корректуры, я бы сейчасъ по полученіи вашего письма пріѣхалъ къ вамъ Такъ, я не знаю почему, ваше послѣднее письмо забрало меня за живое, т. е. дружбу къ вамъ. Ужасно хочется васъ видѣть.

„Поэтъ мой К..., которому я велѣлъ наизусть выучить то, что вы пишете мнѣ о немъ, написалъ тутъ же вамъ посланіе, очень плохое, но просилъ послать. Боюсь, что онъ болѣе стихотворецъ, чѣмъ поэтъ. Но какое милое стихотвореніе Полонскаго, оно напечатано въ Нивѣ.

„Прощайте до свиданія, пожалуйста пишите о себѣ, о своемъ здоровьи, хоть два слова. Жена кланяется вамъ и Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой*.

Въ серединѣ лѣта совершенно неожиданно пріѣхалъ гр. Л. Н. Толстой вмѣстѣ съ гостившимъ въ это время у него Н. Н. Страховымъ, съ которымъ я за годъ передъ тѣмъ познакомился въ Ясной Полянѣ. Излишне говорить, до какой степени мы были рады дорогимъ гостямъ, столь богатымъ внутреннимъ содержаніемъ.

Чуткій эстетикъ по природѣ, графъ такъ и набросился на фортопіанную игру нашей М-lle Оберлендеръ. Онъ садился играть съ нею въ четыре руки, и такимъ образомъ они вмѣстѣ переиграли чуть ли не всего Бетховена.

— Знаете ли, говорилъ мнѣ графъ, что во время нашей юности подобныя пьянистки разъѣжали по Европѣ и давали концерты. Она всякія ноты читаетъ такъ же, какъ вы стихи, находя для каждаго звука соотвѣтственное выраженіе

Въ августѣ я сталъ побаиваться повторенія органическаго разстройства, отъ котораго нѣкогда спасенъ былъ благодѣтельною рукою профессора Новацкаго. Къ этому присоединилась зубная боль Оленьки, такъ что я рѣшился немедля ѣхать съ нею вдвоемъ въ Москву, гдѣ остановился на Пок-

ровкѣ въ пустомъ домѣ Боткиныхъ, проводившихъ лѣто на дачѣ въ Кунцевѣ. Такъ какъ Оленька по лѣтамъ своимъ могла только быть подъ попечительствомъ, а не подъ опекой, то я нисколько не препятствовалъ ея частымъ посѣщеніямъ пансіона Г-жи Эвеніусъ, во главѣ котораго уже года съ два тому назадъ стояла меньшая сестра, заступая мѣсто умершей его основательницы.

Наканунѣ обратнаго отъѣзда въ Степановку, Оленька попросила у меня разрѣшенія остаться на нѣсколько дней у Г-жи Эвеніусъ, сказавши, что присылать за нею никого не нужно, такъ какъ Г-жа Эвеніусъ даетъ ей въ провожатыя классную даму. Когда я сталъ укладывать свой небольшой чемоданъ. Оленька, увидавши довольно большой хлѣбный ножъ, сказала: „дядя, этотъ ножъ тебѣ возить въ чемоданѣ ноудобно; позволь, я уложу его на дно моего деревяннаго сундука, гдѣ онъ ничего повредить не можетъ, а между тѣмъ никакой бѣды отъ того не будетъ, что я привезу его недѣлею позже въ Степановку.“

Такъ, къ общему удивленію домашнихъ, я вернулся въ деревню одинъ. Черезъ недѣлю прибыло письмо Оли съ просьбою о продленіи пребыванія въ Москвѣ,—исполненное любезныхъ ласкъ и извиненій. Затѣмъ письма стали приходить все болѣе короткія и формальныя, изъ которыхъ я убѣдился, что усердныя руки содержательницы пансіона уже не выпустятъ неопытную дѣвочку. Роковое письмо не заставило себя ждать: оно увѣдомило, что Оленька остается въ Москвѣ. Конечно, я въ тотъ же день отвѣчалъ, что ни опекуномъ, ни попечителемъ племянницы быть не желаю и прошу указать личности, которымъ я могу сдать все ея состояніе.

Такъ неожиданно разыгралось событіе, еще разъ указавшее мнѣ наглядно, что жизнь причудливо уводитъ насъ совершенно не по тѣмъ путямъ, которые мы такъ усердно прокладывали и расчищали. Ошибался ли я, или во мнѣ говорило инстинктивное чувство самосохраненія, но я вдругъ почувствовалъ себя окруженнымъ атмосферою недоброжелательства, рѣзко враждебнаго моимъ наилучшимъ инстинктамъ. Мирная, отстроенная, обросшая зеленью Степановка сдѣлалась мнѣ ненавистна. Я въ ней задыхался. На третій

день мы съ женою и неразлучнымъ Иваномъ Александровичемъ сидѣли на желѣзной дорогѣ въ Ливны, гдѣ ожидала высланная впередъ коляска, чтобы везти насъ на Грайворонку. На широкой степи близь красивыхъ табуновъ я вздохнулъ свободнѣе, но при этомъ я старался не думать о предстоящемъ возвращеніи въ Степановку.

Въ день отъѣзда, послѣ завтрака жена моя ушла къ себѣ готовиться къ дорогѣ, а мы съ Иваномъ Александровичемъ все еще сидѣли въ столовой за круглымъ столомъ подъ лампою. Говорить не хотѣлось. Наступила минута, про которую говорятъ: „тихій ангелъ пролетѣлъ". Торопливый маятникъ стѣнныхъ часовъ усердно отчеканивалъ свой педантическій счетъ.

— Знаете ли Иванъ Алекс., воскликнулъ я, до какой степени мнѣ противно возвращаться въ Степановку!

— Надобно, отвѣчалъ Остъ, отъ этого избавиться.

— Какимъ же образомъ?

— Ужь вы только поручите мнѣ: я Степановку продамъ, а вамъ сейчасъ же куплю, что вамъ будетъ по вкусу.

— Сердечно буду вамъ признателенъ, если вы такой волшебникъ; но тутъ есть сторона, которую не надо упускать изъ виду. Вспомните, что въ Степановкѣ нѣтъ дерева, нѣтъ куста, который бы не былъ насаженъ мною, при помощи Марьи Петровны. И если она не захочетъ принести добровольную жертву, отказавшись отъ жизни въ долговременно взлелѣянномъ ею саду, то прекрасныя наши мечтанія осуждены оставаться мечтами. А чтобы не томиться этимъ вопросомъ, пойду и тотчасъ же спрошу, согласна ли Марья Петровна на такую перемѣну.

Къ радости моей, я вернулся съ самымъ благопріятнымъ отвѣтомъ, и съ этой минуты начались наши общія вслухъ мечтанія. Не пріискавъ новаго пристанища, невозможно было продавать Степановки, и поэтому слѣдовало прежде найти подходящее имѣніе, въ которомъ должны были сосредоточиться качества, противоположныя Степановскимъ. Имѣніе должно было быть въ черноземной полосѣ, съ лѣсомъ, рѣкою, каменною усадьбой и въ возможной близости отъ желѣзной дороги.

На другой день по пріѣздѣ домой, Иванъ Алекс. отправился по желѣзной дорогѣ на югъ искать счастья.

Черезъ два дня мы получили слѣдующую телеграмму: „подходящее имѣніе близь Московско-Курской чугунки—850 десятинъ за 100 тысячъ нашелъ. Отвѣчайте Курскъ.“

Остъ.

Мы отвѣчали:

„Кончайте, задаточныя деньги получите банковымъ переводомъ изъ Москвы“.

Дня черезъ четыре вернувшійся Иванъ Алекс. разсказалъ слѣдующее:

„Конечно, я прежде всего бросился къ нотаріусамъ. И вотъ сижу я въ Курскѣ у нотаріуса и разсказываю ему о своей задачѣ. Въ конторѣ случился какой-то мужичекъ: „да вотъ, говоритъ, у насъ по сосѣдству сколько лѣтъ ужь продается имѣніе, какое вамъ надо,—сельцо Воробьевка наслѣдниковъ Ширковыхъ. А продаютъ его опекуны: графъ Сиверсъ да еще баринъ Гришинъ—что-ли, въ Харьковѣ ихъ хорошо знаютъ, да вотъ покупателей то все нѣтъ. Земля у крестьянъ въ арендѣ, лѣсу до 300 десят.; усадьба старинная, каменная; мельница на рѣкѣ“.

„Сбѣгалъ я посмотрѣть имѣніе въ 25-ти верстахъ отъ Курска по нашей желѣзной дорогѣ. Имѣніе мнѣ понравилось. Я захватилъ деньги изъ банка и бросился въ Харьковъ, гдѣ отыскалъ графа Сиверса, съ которымъ мы тотчасъ кончили дѣло въ два слова за 100 тысячъ рублей и купчую пополамъ. Вотъ и домашняя расписка въ полученіи пяти тысячъ задатку. Купчая должна быть совершена 1 ноября“.

На этомъ дѣло пока и остановилось, если не считать, что я, по просьбѣ Ивана Александр., всетаки проѣхалъ хоть мелькомъ взглянуть на окончательно приторгованную уже Воробьевку.

Побывавши въ паркѣ, въ лѣсу и осмотрѣвши усадьбу, я остался весьма доволенъ покупкою, но никакъ не настоящимъ состоянія имѣнія, къ которому приходилось усердно прикладывать руки.

Я уже имѣлъ случай въ перепискѣ съ Тургеневымъ выска-

зывать свое нерасположеніе появляться въ печати. Это же чувство заставило меня, не помню въ какомъ именно журналѣ, подъ разборомъ Анны Карениной, подписать фамилію моего письмоводителя *Болговъ*.

Л. Н. Толстой писалъ:

1 сентября 1877 г.

„Нынче утромъ самъ повезъ вамъ отвѣтъ на письмо со статьею на Козловку и получилъ ваше письмо. Статью Болгова проглотилъ и только сокрушался, что онъ не отдѣльное новое лицо, — былъ бы новый другъ. Послалъ статью Страхову.

„Очень грустно мнѣ за васъ, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, за чувство, которое въ васъ долженъ былъ вызвать послѣдній домашній эпизодъ; но я всегда за себя и за близкихъ утѣшаюсь, что все къ лучшему. Можетъ быть вамъ пришлось бы испытать болѣе тяжелыя чувства. Теперь вы спокойны, только обидно, что ваши труды у васъ не на лицо.

Вашъ *Л. Толстой*.

2 сентября 1877 г.

„Какъ мало на свѣтѣ настоящихъ умныхъ людей, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ! появился было Г-нъ Болговъ, и какъ я обрадовался ему, но и тотъ тотчасъ же обратился въ васъ. Можно не узнать произведеніе ума, къ которому равнодушенъ, но произведеніе ума любимаго, выдающее себя за чужое, такъ же смѣшно и странно видѣть, какъ если бы я пріѣхалъ къ вамъ судиться и, глядя на васъ во всѣ глаза, увѣрялъ бы, что я адвокатъ Петровъ. Не могу хвалить вашей статьи, потому что она хвалитъ меня; но я вполнѣ согласенъ съ нею; и мнѣ очень радостно было читать анализъ своихъ мыслей, при которомъ всѣ мои мысли, взгляды, сочувствія, затаенныя стремленія поняты вѣрно и поставлены всѣ на настоящее мѣсто. Мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы она была напечатана; хотя я обращалъ къ вамъ то, что вы говорили мнѣ, знаю, что почти никто не пойметъ ея.

„Я все это время охочусь и хлопочу объ устройствѣ нашего педагогическаго персонала на зиму. Ѣздилъ въ Москву въ поискахъ за учителемъ и гувернеромъ. Нынче же чувствую себя совсѣмъ больнымъ. Вы не пишите о себѣ, стало быть хорошо Нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

Не помню, по какому случаю мы съ Иваномъ Александр. поѣхали въ Орелъ. На вокзалѣ Остъ объявилъ, что прежде чѣмъ пріѣхать ко мнѣ въ гостинницу, онъ думаетъ побывать у жестокаго кулака купца, сосѣда, приторговывавшаго смежную съ его землею Степановку, при самыхъ стѣснительныхъ для насъ условіяхъ.

— И охота вамъ, Иванъ Александровичъ, сказалъ я, понапрасну набиваться этому кулаку. Воробьевка намъ понадобилась, такъ мы сами нашли покупателя. Впрочемъ, дѣлайте, какъ хотите. Я велю подать самоваръ и буду поджидать васъ.

Когда черезъ полчаса я усѣлся въ номерѣ за самоваромъ,— вошелъ и Иванъ Александровичъ.

— Ну что? съ неудовольствіемъ спросилъ я.

— Продалъ Степановку,—былъ отвѣтъ.

— Что вы! воскликнулъ я.

— Вотъ и домашняя запродажная расписка, а вотъ и тысяча рублей задатку, сказалъ онъ, кладя передъ мною то и другое.

— Вотъ ужь, сказалъ я, вы въ полномъ смыслѣ заслуживаете прозванія: магъ и волшебникъ.

Степановка была продана за 30 тысячъ, изъ к‹оторы›хъ десять должны были быть уплачены при совершеніи куп‹ч›ей, а двадцать—въ іюнѣ 1878 года. Лошади и рогатый ск‹о›тъ должны оставаться до отправленія въ Воробьевку на подножный кормъ, т. е. до конца мая. Весь урожай настоящаго года долженъ поступить въ нашу пользу.

Купчая въ скоромъ времени была совершена и девять тысячъ въ уплату получены, а затѣмъ, такъ какъ срокъ совершенія купчей на Воробьевку приближался, Иванъ Александр. уѣхалъ въ Курскъ. Не обошлось и тутъ безъ передрягъ, и Воробьевка въ свою очередь подтвердила пословицу: „сгово-

ренная невѣста всему свѣту мила". Когда Остъ явился къ опекуну графу Сиверсу, послѣдній подалъ ему телеграмму отъ петербургскаго сонаслѣдника по имѣнію, гласившую: „возвращаю Шеншиной задатокъ въ двойномъ количествѣ и надбавляю пять тысячъ".

Послѣ небольшихъ переговоровъ, Остъ надбавилъ пять тысячъ, и графъ отвѣчалъ телеграммой: „Воробьевка безповоротно продана Шеншиной".

При вторичномъ общемъ нашемъ и болѣе подробномъ осмотрѣ усадьбы, оказалось, сколько хлопотъ и труда требовало ея мало-мальское благоустройство. Насъ съ женою встрѣтила старушка генеральша въ желтой турецкой шали и, указывая на валяющіеся по полу огрызки моркови, яблокъ, картофельныя корки и пустую яичную скорлупу,—проговорила: „ужь извините,—вотъ крѣпостныхъ то нѣтъ и чистоты нѣтъ".

На высокихъ и сырыхъ стѣнахъ парадныхъ комнатъ когда то прекрасные обои висѣли каскадами; о домашнихъ комнатахъ и говорить было нечего. Въ домѣ съ двойными рамами не было окна, въ которомъ разбитыя бѣлыя стекла не были залѣплены осколками зеленаго. Взобравшись съ Остомъ на мезонинъ, мы полюбопытствовали осмотрѣть и чердакъ, чтобы убѣдиться въ благонадежности желѣзной крыши. Когда въ полумракѣ мы бережно пробирались по мусору, я вдругъ невольно вскрикнулъ: „ай!"

— Что съ вами? испуганно спросилъ Иванъ Александр.

— Да помилуйте, тутъ цѣлая половина антресолей занята чердакомъ, который, какъ видите, снабженъ сходными ступенями, вѣроятно, съ цѣлью развѣшиванія бѣлья. Если высота этого чердака дозволитъ, то тутъ выйдетъ три большихъ жилыхъ комнаты, которыхъ въ домѣ такъ мало.

Оказалось, что, строившій усадьбу за сто лѣтъ тому назадъ, помѣщикъ Ртищевъ не любилъ, чтобы у него ходили надъ головой, и потому занялъ верхъ надъ парадными комнатами чердакомъ. Конечно, первой заботою нашею было смѣрить высоту чердака отъ пола до верхнихъ балокъ. — Увы! она оказалась всего въ три аршина, чего очевидно было слишкомъ мало; — и вотъ съ этой минуты мысль о поднятіи по-

толка надъ чердакомъ, не трогая желѣзной крыши, сдѣлалась моею маніей.

Такъ какъ дѣло покупки было уже безповоротно рѣшено, то я бросился въ Москву, съ тѣмъ чтобы взять у Боткиныхъ принадлежавшіе мнѣ билеты учетнаго банка на сумму 80-ти тысячъ; а такъ какъ денегъ на покупку Воробьевки всетаки не хватало, то я попросилъ контору Боткиныхъ ссудить меня 20-ю тысячами до полученія въ іюнѣ этой суммы съ покупателя Степановки. Когда наконецъ мы всѣ съѣхались въ Курской гостинницѣ, и женѣ моей оставалось только получить купчую, я отправился къ графу Сиверсу съ деньгами и пакетомъ билетовъ, съ приложеніемъ разсчета процентовъ по номерамъ, тщательно исполненнаго бухгалтеромъ Боткинской конторы. Такъ какъ сумма и срокъ билетовъ былъ неодновременный, то для точнаго вычисленія процентовъ по текущій день требовалось много вниманія и навыка. И вотъ двое опекуновъ и мы съ Остомъ пустились въ ариѳметическія выкладки, результаты которыхъ въ каждомъ билетѣ хотя незначительно, но расходились, а въ общей суммѣ представляли извѣстную разницу. Съ своей стороны я предавался такимъ вычисленіямъ только изъ желанія убѣдить графа въ вѣрности сдаваемыхъ ему денегъ; но встрѣтившись нѣсколько разъ съ нежданной убылью и прибылью суммы противъ обозначенной у бухгалтера, самъ графъ наконецъ воскликнулъ: „знаете что, господа! — это считалъ спеціалистъ. Ужь не остановиться ли намъ на его цифрѣ?"

— Графъ, я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе, сказалъ я, передавая бумаги и получая купчую.

Въ тотъ же день графъ, явившись къ обѣду въ нашъ номеръ, принесъ женѣ моей великолѣпную бонбоньерку; и мы разъѣхались. Чтобы сдѣлать Воробьевскій домъ къ ранней веснѣ жилымъ, нельзя было тратить ни минуты времени. И вотъ въ то время, какъ жена моя была озабочена пересылкою на наемныхъ подводахъ всей мебели, посуды, книгъ и прочаго имущества, даже кактусовъ и привезеннаго изъ Тургеневскаго Спасскаго каштана—въ Воробьевку, мы съ Иваномъ Александр. забрались въ кабинетъ пустыннаго Воробьевскаго дома, куда заблаговременно выписали съ Грайво-

ронки стариннаго искуснаго мастера Антона печника. Пріѣхалъ днемъ раньше Антона его широкоплечій помощникъ и пошелъ шагать съ нами по холодному корридору дома, слушая приказанія Ивана Александровича о томъ, что печи слѣдуетъ перекладывать, не трогая зеркалъ, выходящихъ въ парадныя комнаты. Когда мы проходили мимо одной печки, печникъ, ударяя по ней широкой ладонью, съ прохладцемъ проговорилъ: „вотъ, Богъ дастъ, придетъ весна, и мы ихъ всѣ переложимъ".

— Ну, ты, братъ, поѣзжай назадъ на Грайворонку, сказалъ Остъ:—и тамъ ужь дожидайся весны; а здѣсь надо сейчасъ же ломать и перекладывать.

— Да какъ же теперь, стыть пойдетъ? такъ какъ же тутъ работать-то?

— А ты не знаешь какъ на горячей водѣ работаютъ? Такъ и ступай на Грайворонку!

— Что-жь! мы и на горячей водѣ можемъ съ нашимъ удовольствіемъ!

Еще при послѣдней поѣздкѣ въ Москву, я старался заговаривать съ инженерами по вопросу о поднятіи потолка, не трогая стропилъ и крыши; но не получилъ ни отъ кого удовлетворительнаго отвѣта.

Однажды ночью во время безсонницы я нашелъ искомое разрѣшеніе, и только слыша глубокій сонъ Оста, не рѣшился его будить; но не успѣлъ онъ утромъ раскрыть глазъ, какъ я ему крикнулъ: „а вѣдь я додумался, какъ поднять потолокъ! надо на существующія балки внутри подъ крышу взрубить два вѣнца, что прибавитъ $^1/_2$ аршина высоты, и сверхъ этихъ то вѣнцовъ скрѣпить стропила повыше новыми балками, и когда это будетъ исполнено, нижнія балки обрѣзать за подъ-лицо съ возведенными вѣнцами. Это будетъ и дешево, и сердито".

Конечно, при передѣлкѣ и поправкѣ запущенныхъ построекъ, надо было по возможности пользоваться стариннымъ матеріаломъ, какого въ нашъ прогрессивный вѣкъ уже не существуетъ. Такъ превосходные полы парадныхъ комнатъ слѣдовало перестлать во вновь устраиваемомъ верхнемъ помѣщеніи, а въ парадныя комнаты слѣдовало положить паркетъ. Домъ по очисткѣ отъ пыли, грязи и плѣ-

сени предстояло переклеить новыми обоями; изъ заброшенныхъ кухни и флигеля вывезти цѣлыя горы грязи, кирпичу и битой посуды, а затѣмъ передѣлать разрушенныя печи и прогнившіе полы. Прибывшая изъ Степановки мебель размѣстилась въ прекрасныхъ и пустыхъ каменныхъ амбарахъ, такъ какъ Воробьевскія поля состояли уже 30 лѣтъ въ арендѣ у крестьянъ.

Понятно, что въ опустѣвшемъ Степановскомъ домѣ жить было невозможно, и мнѣ приходилось ѣхать сначала во Мценскъ для заявленія съѣзду, что по перемѣнѣ мѣста жительства продолжать быть участковымъ мировымъ судьею не могу, а затѣмъ и въ Москву за паркетомъ, обоями, замками, зеркалами, взамѣнъ оказавшихся въ домѣ разбитыми и т. п. Въ это время наша Моск.-Курская желѣзная дорога имѣла видъ передвижнаго лагеря. Войска, раненые, а впослѣдствіи и военно-плѣнные на всѣхъ запасныхъ путяхъ станцій. Помню небольшой эпизодъ, разсказанный мнѣ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, тогдашнимъ мценскимъ предводителемъ дворянства.

— Получаю, говорилъ онъ, увѣдомленіе о передачѣ намъ во Мценскѣ 35-ти раненыхъ. Конечно, я бросился по знакомымъ купеческимъ и обывательскимъ домамъ и къ назначенному дню приготовилъ какъ надлежащее количество лошадей для перевозки раненыхъ, такъ и соотвѣтственное число коекъ, врачей и фельдшеровъ. Въ ночи мы съ городскимъ головою, полицеймейстеромъ и главнымъ докторомъ отправились на станцію желѣзной дороги, и въ 12 часовъ въ темную ночь пришелъ поѣздъ съ багажными вагонами, гдѣ на скудной соломенной подстилкѣ при 25-ти градусахъ мороза лежали раненые. На платформу вышелъ полковникъ и, узнавши во мнѣ предводителя, спросилъ: „сколько мнѣ вамъ ихъ выкинуть?“

— Помилуйте, полковникъ, отвѣчалъ я, — выкидываютъ только замороженныя туши, а мнѣ указано принять 35 раненыхъ.

„При помощи желѣзнодорожной и нашей прислуги, раненыхъ стали наскоро выносить и складывать на платформѣ, а затѣмъ поѣздъ свистнулъ и скрылся во мракѣ, сверкая

своимъ заднимъ фонаремъ. Когда мы стали подбирать раненыхъ для отправки въ лазаретъ, оказалось, что полковникъ дѣйствительно выкинулъ пять человѣкъ лишнихъ. Надо было ночью поднимать суетню, связанную съ помѣщеніемъ нежданныхъ пяти человѣкъ. Когда раненымъ, уложеннымъ на койкахъ, предложили согрѣться приготовленнымъ для нихъ чаемъ съ калачами, они единогласно объявили, что не хотятъ ничего.

„Дайте, говорятъ, намъ полежать въ теплой комнатѣ, лучше этого ничего не можетъ быть". Оказалось, что у несчастныхъ раны изъ Болгаріи не перевязаны. При благопріятныхъ условіяхъ раненые скоро стали поправляться".

Наконецъ паркетъ и прочія строительныя принадлежности были высланы изъ Москвы въ Воробьевку, и, не взирая на энергическую дѣятельность Ивана Александр., мнѣ пришлось самому пріѣхать въ Воробьевку, гдѣ единственно свободнымъ помѣщеніемъ оказалась комната при кухнѣ. Тамъ поставлены были наши двѣ складныхъ кровати и письменный столъ, служившій въ то же самое время и обѣденнымъ, и мы съ Остомъ ревностно занялись планами неотложныхъ перемѣнъ, связанныхъ съ переходомъ владѣльческой земли отъ крестьянской къ экономической запашкѣ. Оказалось, что съ открытія весны слѣдуетъ строить хотя леймпачный конный дворъ съ помѣщеніями для имѣющаго прибыть изъ Степановки коннаго завода, перекрыть болѣе полдюжины крышъ желѣзомъ на мѣсто сгнившихъ тесовыхъ и соломенныхъ и выстроить въ теченіи лѣта на противоположной сторонѣ рѣки отдѣльный хозяйственный хуторъ, вырывъ для него первоначально колодезь.

XII.

Письмо Н. В. Гербеля.—Постройка хутора.—Письмо брата и пріѣздъ его въ Воробьевку.—Письмо сестры Любовь Аѳан. къ брату.—Пріѣздъ племянника. — Отъѣздъ брата. — Пріѣздъ Н. Н. Страхова. — Примиреніе Л. Толстаго и мое съ Тургеневымъ. — Разговоръ съ Петей Борисовымъ по поводу его имѣній. — Поѣздка во Мценскъ. — Свиданіе въ Орлѣ съ сестрою. — Извѣстія о братѣ. — Встрѣча съ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ. — Учительница. — Свиданіе съ Олей Ш—ой. — Смерть Любовь Аѳанасьевны.—Фаустъ.

Въ моихъ запискахъ я нигдѣ не упомянулъ о любезномъ Ник. Вас. Гербелѣ, поручикѣ лейбъ-гвардіи уланскаго полка, съ которымъ познакомился тотчасъ-же по прибытіи въ Петербургъ и переводѣ моемъ въ лейбъ-гвардіи уланскій Его Высочества полкъ; многочисленные и добросовѣстные труды Ник. Вас. показываютъ, до какой степени онъ былъ преданъ дѣлу русской литературы. Но потому ли, что я никогда не состоялъ съ нимъ въ особенно близкихъ сношеніяхъ, или почему либо другому, я никогда не могъ опредѣлить его личнаго характера. Полагаю, что и самъ онъ не очень былъ способенъ различать основные образы мыслей отдѣльныхъ людей.

Отъ 28 декабря 1877 г. онъ писалъ мнѣ:

„Многоуважаемый Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Ваше дружеское и теплое письмо очень меня порадовало, тѣмъ болѣе, что я былъ въ это время глубоко огорченъ только что полученнымъ мною извѣстіемъ о смерти Некрасова, съ которымъ я былъ постоянно въ дружескихъ отношеніяхъ въ теченіи цѣлыхъ 26-ти лѣтъ, и со смертью котораго разрываются мои послѣднія связи съ литературой, теперешній составъ кото-

рой мнѣ почти чуждъ и вовсе не по сердцу. Некрасовъ умеръ вчера въ 8 час. вечера послѣ 15-ти часовой агоніи, исполненной нечеловѣческихъ страданій. Послѣдніе 10 мѣсяцевъ его жизни до и послѣ страшной операціи, вынесенной имъ съ величайшимъ терпѣніемъ, были непрерывною цѣпью мученій, доходившихъ иногда дотого, что стоны его слышались изъ третьей комнаты, куда послѣднее время никого уже не пускали. Послѣдній разъ я видѣлъ его три недѣли тому назадъ. Я засталъ его сидѣвшимъ за столомъ, на которомъ были разложены газеты. Онъ такъ измѣнился, что я его почти не узналъ. Лицо страшно вытянулось и осунулось; худоба была неимовѣрная,—именно, что называется, кожа да кости. Голоса его почти невозможно было разслушать. Вчера въ 2 часа пополудни я видѣлъ его уже на столѣ. Лицо его совершенно потемнѣло и сдѣлалось рѣшительно неузнаваемо. Я былъ всѣмъ этимъ дотого глубоко пораженъ, что слезы буквально полились изъ моихъ глазъ, и я цѣлый часъ не могъ придти въ себя. Потеря ужасная, особенно при теперешней безталанности молодаго поколѣнія, не производящаго ничего мало - мальски замѣчательнаго. Миръ праху твоему, поэтъ!

„Если вы доставите мнѣ свой переводъ „Границы человѣчества“, то весьма обяжете. Не переведете ли вы еще что нибудь изъ Гёте? Деньги за „Германа и Доротею“ 100 руб. мною будутъ сегодня же переданы въ контору Боткина.

Искренно васъ уважающій

Николай Гербель.

Жена моя пріѣхала изъ Москвы по послѣднему санному пути въ мартѣ мѣсяцѣ, и мы заняли единственно отдѣланную и обитаемую комнату спальню, въ которую надо было пробираться по клѣткамъ накатника, на который еще не успѣли наложить паркетъ. Но по мѣрѣ накладки его, мы, такъ сказать, завоевывали одну комнату за другой изъ подъ рукъ столяровъ, маляровъ и оклейщиковъ.

Расчистили снѣгъ въ паркѣ по дорожкѣ къ теплицѣ, откуда нанесли олеандровъ въ цвѣту, кипарисовъ, филодендроновъ и

множество цвѣтовъ. Но несчастная, крытая соломой, хотя и каменная теплица грозила окончательнымъ разрушеніемъ и настоятельно требовала кореннаго исправленія. Словомъ, куда ни обернись, всюду предстояла безотлагательная поправка, начиная съ каменной террасы передъ балкономъ, чугунныя плиты которой были покрыты грудою развалившихся каменныхъ столбовъ. На мѣсто, выбранное нами съ осени для хутора, перевезены уже были по зимнему пути и дубовые срубы для жилой избы и для будущаго колодца, рыть который пришли мало-архангельскіе копачи.

Изба была совершенно готова, и печка въ ней сложена: но когда подняли высокую временную, соломенную крышу, то, съ одной стороны, никакъ не могли вызвать для окончанія высокой трубы загулявшаго печника, а съ другой, по причинѣ разлившейся рѣки, невозможно было переѣхать черезъ рѣчку, а слѣдовательно, и доставить за 5 верстъ нехватающихъ кирпичей. Между тѣмъ вывесть трубу была крайняя необходимость, такъ какъ рабочіе колодезники мучительно зябли въ ночные морозы въ нетопленой избѣ.

Напрасно Иванъ Александр. ежедневно уговаривалъ и бранилъ добродушнаго мужика и искуснаго печника Павла. „Завтра, говорилъ Павелъ, безпремѣнно пойду". Такъ продолжалось нѣсколько дней. Тѣмъ временемъ мы пришли къ слѣдующему заключенію. Съ утра и до обѣда верхомъ легко четыре раза съѣздить на хуторъ и назадъ и послѣ обѣда столько же разъ. Если десяти работникамъ дать въ концы перекиднаго мѣшка по пяти кирпичей, т. е. по десятку, то такимъ образомъ можно въ бродъ черезъ рѣку переслать въ день на хуторъ 800 кирпичей, что и было нами исполнено.

Однажды, когда Иванъ Александр. обходилъ работы, на колѣни передъ нимъ упалъ печникъ Павелъ, восклицая: „простите меня, Иванъ Александровичъ!"

— Встань! что тебѣ надо? сказалъ Остъ.

— Ни за что не встану! простите Бога ради! Это онъ меня все водитъ. Проснусь и говорю: „сегодня ни за что не пойду". А онъ и говоритъ: „Павелъ, сходи". — „Нѣтъ, говорю, не пойду".—„Эй, говоритъ, лучшей ступай!"—Махну рукой, переѣду въ лодкѣ и пройду мимо кабака; „а не то, говоритъ,

Павелъ, вернись“.—„Не вернусь, говорю“.—„Эй, Павелъ, вернись, говорю тебѣ“.—Глядишь, и вернулся, и пропалъ“.

Наконецъ и онъ какъ-то допустилъ Павла довести трубу, и колодезникамъ стало по ночамъ тепло.

Боже мой, если бы люди, навязывающіе намъ изъ городовъ неподсильныя улучшенія, присмотрѣлись на дѣлѣ, съ какими первобытными пріемами неизбѣжно связаны наши сельскія производства, то не дивились бы, подобно одному образованному чиновнику, почему болотомъ по проселку такъ грязно, тогда какъ по Невскому такъ гладко. Наше дѣло было посажённо заплатить колодезникамъ, ушедшимъ уже сажень на 12 въ глубину. Но надо было видѣть ихъ снаряды, неумѣлость, которую главный копачъ, стоя по колѣни въ ледяной водѣ и обливаемый сверху ловкими товарищами, восполнялъ большимъ количествомъ водки, про которую говорилъ, что „надо ее брать съ собою туда въ колодезь“.

Л. Н. Толстой писалъ отъ 27 января 1878 года:

„Къ моему великому несчастію, предположенія ваши невѣрны, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, я не только не за работой, но вамъ не отвѣчалъ потому, что все это время былъ нездоровъ. Послѣднее время я даже лежалъ нѣсколько дней. Простуда въ разныхъ видахъ: зубы, бокъ,—но результатъ тотъ; что время проходитъ, мое лучшее время, и я не работаю. Спасибо вамъ, что не наказываете меня за молчаніе, а еще награждаете, давъ намъ первымъ прочесть ваше стихотвореніе. Оно прекрасно, на немъ есть тотъ особенный характеръ, который есть въ вашихъ послѣднихъ, столь рѣдкихъ, стихотвореніяхъ. Очень они компактны, и сіяніе отъ нихъ очень далекое. Видно, на нихъ тратится ужасно много поэтическаго запаса. Долго накопляется, пока кристаллизируется. „*Звѣзды*“, это и еще одно изъ послѣднихъ — одного сорта. Въ подробностяхъ же вотъ что. Прочтя его, я сказалъ женѣ: „стихотвореніе Фета прелестное, но одно слово нехорошо“. Она кормила и суетилась, но за чаемъ, успокоившись, взяла читать и тотчасъ же указала на то слово, которое я считалъ нехорошимъ: „*какъ Боги*“. Страховъ мнѣ пишетъ, спрашивая о васъ; я далъ ему вашъ адресъ. Нашъ душевный поклонъ Марьѣ Петровнѣ. Дай вамъ Богъ устраивать по-

лучше и подольше не устроить, а то скучно будетъ. До слѣдующаго письма,—нынче некогда.

Вашъ *Л. Толстой.*

P. S „Главное быть здоровымъ и меня любить по старому“.

25 марта 1878 года.

„Не сердитесь на меня, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, за то, что давно не писалъ. Виноватъ. А вы, добрый человѣкъ, не покидаете меня, зная, что мнѣ нужно знать, *что* вы существуете въ Будановкѣ. Я на прошлой недѣлѣ былъ послѣ 17-ти лѣтъ въ Петербургѣ для покупки у генерала Б... самарской земли. Это оттуда Фета *просятъ* написать стихи на смерть *двигателя* *)! Вашъ генералъ хорошъ, но я тамъ видѣлъ пару генераловъ орловскихъ, такъ жутко дѣлается; точно между двухъ путей стоишь, и товарные поѣзды проходятъ. И чтобы перенестись въ душу этихъ генераловъ, я долженъ вспоминать рѣдкія въ моей жизни дни пьянства или самаго перваго дѣтства.

Вашъ *Л. Толстой.*

Въ самый разливъ рѣки, на лодкѣ получено было письмо, на которомъ я узналъ руку брата. Онъ писалъ, что на дняхъ прибылъ черезъ Константинополь въ Одессу, гдѣ ходитъ еще въ казацкомъ платьѣ, не имѣя средствъ перемѣнить его на штатское. А такъ какъ послѣ всего, что было, ему невозможно жить въ Россіи иначе, какъ на ея окраинахъ, то онъ рѣшился основаться въ Одессѣ, гдѣ нашелъ стараго университетскаго товарища, который уступаетъ ему свою торговлю учебными принадлежностями за 5000 рублей, которые братъ проситъ меня немедленно ему переслать.

Первою моею мыслью было: слава Богу, живъ человѣкъ,—а второю: нашелся добрый человѣкъ, желающій сбыть ему

---

*) Меня дѣйствительно просили воспѣть смерть лично знакомаго мнѣ политическаго дѣятеля. Я, конечно, отказался, по совершенной неспособности къ подобнаго рода стихотвореніямъ.

аспидныхъ досокъ, карандашей и тетрадокъ—цѣнностью на 200 рублей—за 5000. Но такъ какъ увѣщанія въ этомъ случаѣ не помогутъ, то приходится дѣлать, что можно. И я написалъ брату: „у насъ рѣки разлились. Поэтому до возстановленія путей сообщенія о присылкѣ неимѣющихся у меня на лицо пяти тысячъ нечего и помышлять. Но чтобы не оставить тебя въ крайности, посылаю нарочнаго верхомъ черезъ воды въ почтамтъ съ приложеніемъ тысячи рублей, а недѣли черезъ двѣ пришлю и остальныхъ четыре.

Зная, что единственно крупнымъ событіемъ въ жизни брата было замужество любимой имъ дѣвушки съ другимъ, я писалъ ему, что не вижу въ этомъ причины держаться по окраинамъ родины, такъ какъ такія обстоятельства дотого многочислены, что большая часть мужчинъ засѣлила бы всѣ отечественныя окраины. При этомъ я объяснилъ брату наше переселеніе въ Воробьевку и спрашивалъ, не обрадуетъ ли онъ насъ своимъ пріѣздомъ?

Весна наступила теплая и обворожительная. 25 марта мы уже въ лѣтнихъ одеждахъ ходили по парку, и посѣянный нами овесъ сталъ уже всходить. Въ виду полнаго благорастворенія воздуха, мы приглашали нашихъ гостепріимныхъ московскихъ хозяевъ Боткиныхъ пріѣхать къ намъ со всѣмъ семействомъ и получили ихъ обѣщаніе прибыть въ концѣ апрѣля.

При полномъ разстройствѣ, въ которомъ мы застали имѣніе, невозможно было достаточно торопиться поправками Вмѣсто старыхъ, мѣстами повалившихся или совершенно отсутствующихъ, плетней, дозволявшихъ крестьянской скотинѣ бродить по всему парку, испещряя газоны свинороями, отъ дома наскоро строилась дубовая рѣшетка до самой рѣки на протяженіи какихъ-нибудь 150-ти сажень. И краска ожидала какъ новую рѣшетку, такъ и новыя желѣзныя крыши. Очищенный отъ обломковъ балконъ получилъ прежній видъ съ новыми тумбами и черными рѣшетками. Я самъ старался собственноручно исправить всякій, попадавшійся мнѣ подъ руку, изъянъ.

Однажды, когда я садовыми ножницами подрѣзалъ вѣтки сирени, слишкомъ свѣсившіяся на дорожку, ко мнѣ при-

мчался мальчикъ слуга, изъ Грайворонскихъ дворовыхъ, съ радостнымъ восклицаніемъ: „Петръ Аѳанасьевичъ пріѣхалъ“.

Не успѣлъ я опомниться, какъ прибѣжалъ братъ и бросился обнимать меня.

Когда мы всѣ понемногу успокоились, начались разсказы о всевозможныхъ похожденіяхъ, о которыхъ я здѣсь умалчиваю, ограничиваясь лично мною испытаннымъ или письменно несомнѣннымъ Зная брата, нельзя было сомнѣваться въ самыхъ фантастическихъ его приключеніяхъ, и надо было только удивляться, что онъ, приложившись изъ винтовки на водопоѣ въ своего эскадроннаго командира, не былъ разстрѣлянъ и, выпросившись на день въ Константинополь, сидѣлъ въ настоящую минуту въ Воробьевкѣ, слѣдовательно, въ качествѣ дезертира. Видно было, что ему нужна была, во что бы ни стало, внѣшняя дѣятельность, и когда Боткины въ концѣ апрѣля явились большимъ обществомъ, братъ и самъ былъ въ востсргѣ отъ ежедневныхъ катаній и прогулокъ и восхитилъ всѣхъ своею любезностью. Взыскательный и разборчивый во всѣхъ предметахъ хозяйства, онъ, къ удивленію, былъ совершенно доволенъ купленнымъ нами имѣніемъ, которое иначе не называлъ, какъ „Воробьевочка“. Порицанія его заслуживало только состояніе деревьевъ въ паркѣ въ лѣсу, и торчавшихъ своими сухими вѣтвями. „Это скандалъ“, говорилъ онъ и потребовалъ плотниковъ, съ которыми принялся опиливать и даже рубанкомъ застрагивать сухіе сучья. Я не мѣшалъ ему въ его копоткой, но дѣйствительно мастерской работѣ, благодѣтельные слѣды которой сохранились по сей день.

Однажды, когда посѣтившее насъ московское общество уѣхало. и мы остались въ тѣсномъ домашнемъ кругу, за завтракомъ брату подали письмо, которое онъ, прочитавъ, шлепкомъ ударилъ о паркетъ и такъ и оставилъ около своего стула.

— Что тебя такъ разсердило? спросилъ я черезъ минуту.

— Э! да что! воскликнулъ братъ, нетерпѣливо тряхнувъ головою. — Любиньку доктора посылаютъ для операціи въ Вѣну, а она зоветъ меня съ собою въ качествѣ спутника и охранителя.

— На что же ей лучшаго охранителя, чѣмъ родной сынъ? сказалъ я.

— Она пишетъ, продолжалъ братъ, что сыну нельзя отлучиться въ рабочее время отъ экономіи.

— Ты самъ знаешь, замѣтилъ я, что хозяйствомъ онъ заниматься не умѣетъ и не захочетъ, а мотать деньги въ Вѣнѣ еще легче, чѣмъ въ Орлѣ

Проходившій слуга поднялъ письмо и положилъ подъ зеркало.

„Боже! подумалъ я: какой безпощадный эгоизмъ! ну какимъ провожатымъ и охранителемъ можетъ быть больной братъ, котораго добрая судьба наконецъ принесла къ тихому пристанищу? Надолго ли—это другой вопросъ“.

Недѣли двѣ послѣ этого небольшаго происшествія прошли благополучно. Братъ, страдавшій лихорадочными припадками, совершенно оправился, и тѣмъ временемъ жена моя подсунула ему совершенное подобіе его шертинговыхъ сорочекъ, только прекраснаго полотна, и положила на кровать теплый халатъ, до котораго онъ съ недѣлю не дотрогивался. На этотъ счетъ у него были свои понятія о томъ, что онъ имѣетъ право только на удобства, личнымъ трудомъ пріобрѣтенныя.

Я забылъ сказать, что изъ Одессы онъ привезъ 45 руб., которые отдалъ мнѣ на сохраненіе, говоря, что остальныя деньги положилъ въ банкъ. Конечно, я понялъ, что банкомъ оказался его харьковскій товарищъ. Я разсказываю, а не философствую, и припоминаю, что графъ Л. Н. Толстой не разъ говорилъ о братѣ, какъ о высокомъ нравственномъ идеалѣ.

Однажды, пройдя по старой вязовой аллеѣ до калитки, выходящей на дорогу, я увидалъ въ нѣсколькихъ шагахъ подымавшуюся по пригорку во дворъ крытую извощичью линейку со станціи и подъ навѣсомъ ея одинокаго сѣдока, въ которомъ тотчасъ же узналъ своего племянника Ш—а. При отсутствіи побудительныхъ причинъ для этого юноши къ посѣщенію Воробьевки, я мгновенно догадался, что цѣлью пріѣзда былъ братъ Петруша.

— Какъ это кстати, сказалъ я племяннику, что я здѣсь

перехватилъ тебя, такъ какъ ты вѣрно съ письмомъ мамаши къ дядѣ Петѣ.

— Да, письмо у меня въ карманѣ.

— Вотъ и прекрасно! я велю отпустить извощика и взять твой мѣшокъ; а мы съ тобою пройдемъ въ паркъ и предварительно обсудимъ наши поступки. Мамаша твоя зоветъ дядю Петю съ собою въ Вѣну въ качествѣ няньки и вѣроятно проситъ его взять на первый случай денегъ, такъ какъ у васъ на поѣздку денегъ нѣтъ. Денегъ взять слѣдуетъ, но дядю отсюда сманивать грѣхъ, тѣмъ болѣе что онъ самъ нуждается въ уходѣ. Я тебѣ все это говорю въ полной увѣренности, что ты поймешь меня.

— Дядя, я вполнѣ тебя понимаю и раздѣляю твое мнѣніе; поэтому позволь попросить тебя принять это письмо и не передавать его дядѣ Петѣ.

— Нѣтъ, любезный другъ, я сдѣлать этого не могу; письмо идетъ изъ вашего дома и могло быть писано или нѣтъ; но въ моихъ рукахъ это будетъ скрытое письмо, и при подозрительности дяди Пети насчетъ всякаго посягательства на его свободу, такая утайка будетъ поступкомъ, котораго онъ мнѣ никогда не проститъ.

Съ этимъ вмѣстѣ мы отправились въ домъ, гдѣ, какъ я предчувствовалъ, письмо тотчасъ же передано было брату. По прочтеніи его, онъ какъ-то затихъ и сосредоточился.

— Ну что? не безъ страха спросилъ я, когда мы очутились одни.

— Мнѣ надо ѣхать, былъ отвѣтъ.

Признаюсь, меня взорвало отъ этой неприглядной комедіи и, видя безуспѣшность всѣхъ моихъ доводовъ, я пересталъ стѣсняться выраженіями.

— Ну подумай, говорилъ я,—какой ты охранитель! развѣ ты не видишь, что тутъ вопросъ въ деньгахъ? сколько она проситъ взять тебя денегъ?

— 1000 рублей.

— Пошли ей двѣ и оставайся здѣсь.

— Не могу, я долженъ ѣхать.

Съ трудомъ удержалъ я брата не уѣзжать вмѣстѣ съ племянникомъ, неотвязно подбивавшимъ его къ этому отъѣзду.

— Я былъ очень радъ твоему пріѣзду, сказалъ я племяннику, провожая его; но если мы будемъ стараться разрушать другъ у друга душевное спокойствіе, то гораздо проще намъ не встрѣчаться.

Напрасно ожидалъ я для брата отрезвленія отъ ночнаго сна. Утромъ на другой день онъ пришелъ и сталъ въ кабинетѣ у письменнаго стола съ видомъ провинившагося школьника. Я догадался, что онъ не измѣнилъ рѣшенія.

— „Ѣдешь?“—„Ѣду.“—„Сколько нужно денегъ?“

— Не знаю.

— Вѣдь это, братецъ, глупо.

— Она пишетъ: 1000 рублей.

— Да вѣдь это она пишетъ, а ты-то съ чѣмъ останешься? Возьми на первый случай хоть 1500, а изъ Вѣны пришли свой адресъ, по которому вышлю сколько нужно.

Черезъ часъ онъ уже уѣхалъ на станцію.

Л. Н. Толстой писалъ:

6 апрѣля 1878 года.

„Получилъ ваше славное, длинное письмо, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ. Не хвалите меня. Право, вы видите во мнѣ слишкомъ много хорошаго, а въ другихъ слишкомъ много дурнаго. Хорошо во мнѣ одно,—что я васъ понимаю и потому люблю. Но хотя и люблю васъ такимъ, какой вы есть, всегда сержусь на васъ за то, что „Марѳа печется о многомъ, тогда какъ единое есть на потребу.“ И у васъ это единое очень сильно, но какъ-то вы имъ брезгуете, а все больше билліардъ устанавливаете. Не думайте, чтобы я разумѣлъ стихи: хотя я ихъ и жду, но не о нихъ рѣчь, они придутъ и надъ билліардомъ, а о такомъ міросозерцаніи, при которомъ бы не надо было сердиться на глупость людскую. Кабы насъ съ вами истолочь въ одной ступѣ и слѣпить потомъ пару людей, была бы славная пара. А то у васъ такъ много привязанности къ житейскому, что если какъ-нибудь оборвется это житейское, вамъ будетъ плохо, а у меня такое къ нему равнодушіе, что нѣтъ интереса къ жизни; и я тяжелъ для другихъ однимъ вѣчнымъ переливаніемъ изъ пустаго въ порожнее. Не думайте, что я рехнулся. А такъ не

въ духѣ и надѣюсь, что вы меня и черненькимъ полюбите. Непремѣнно пріѣду къ вамъ. Нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

6 мая 1878 года.

„Не тотчасъ отвѣтилъ на ваше письмо, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, потому что былъ въ Москвѣ. Мнѣ странно отвѣчать на вашъ запросъ о пріѣздѣ къ намъ. Радуюсь, что вы пріѣдете; я все время буду дома, и у насъ, слава Богу, всѣ здоровы; пріѣзжайте, когда хотите. Совершенно понимаю и согласенъ со всѣмъ тѣмъ, что вы говорите о Ренанѣ. Какъ только люди говорятъ о своихъ мысляхъ и чувствахъ, то все ясно и вѣрно. Вся путаница идетъ отъ людей, у которыхъ нѣтъ своихъ мыслей и чувствъ, а они хотятъ о нихъ говорить. Нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

13 іюня 1878 года.

„Передъ самымъ отъѣздомъ въ Самару пишу теперь только нѣсколько словъ, чтобы благодарить за ваше послѣднее письмо и сообщить первый временный адресъ: Самара, до востребованія. Оттуда уже напишу и сообщу вѣроятно другой, когда устрою болѣе близкій пунктъ. Я рѣдко когда такъ радовался лѣту, какъ нынѣшній годъ, но съ недѣлю тому назадъ простудился и заболѣлъ и только первый день ожилъ.

„Завтра, Богъ дастъ, выѣдемъ на Нижній и 14-го будемъ на мѣстѣ. Буду ждать письма отъ васъ тамъ Страховъ пишетъ, что ѣдетъ къ вамъ 15-го. Радуюсь за обоихъ васъ. Небольшая книга его очень велика по содержанію. Нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

Съ отъѣздомъ брата, сельская тишина вполнѣ овладѣла мною. Но привыкши къ обязательной десятилѣтней дѣятельности, я скоро почувствовалъ себя подъ невыносимымъ гнетомъ скуки. Ухудшавшіяся съ каждымъ годомъ внѣшнія

условія сельской жизни отпугивали меня отъ хозяйственныхъ занятій. Не будучи въ состояніи исправить безобразій, я старался по возможности не видать ихъ и поэтому даже при прогулкахъ по парку избѣгалъ ходить по опушкѣ, а держался среднихъ дорожекъ. Усидчивая и серьезная работа сдѣлалась мнѣ необходимою. Я сталъ читать Канта, перечитывалъ Шопенгауэра и даже приступилъ къ его переводу: „Міръ какъ воля и представленіе."

Въ іюнѣ, къ величайшей моей радости, къ намъ пріѣхалъ погостить Н. Н. Страховъ, захватившій Толстыхъ еще до отъѣзда ихъ въ Самару. Конечно, съ нашей стороны поднялись распросы о дорогомъ для насъ семействѣ, и я, къ немалому изумленію, услыхалъ, что Толстой помирился съ Тургеневымъ.

— Какъ? по какому поводу? спросилъ я.

— Просто по своему теперешнему религіозному настроенію онъ признаетъ, что смиряющійся человѣкъ не долженъ имѣть враговъ, и въ этомъ смыслѣ написалъ Тургеневу.

Событіе это не только изумило меня, но и заставило обернуться на самого себя.

„Между Толстымъ и Тургеневымъ, подумалъ я, была хоть формальная причина разрыва; но у насъ съ Тургеневымъ и этого не было. Его невѣжливыя выходки казались мнѣ всегда болѣе забавными, чѣмъ оскорбительными, хотя я не рѣшился бы отнестись къ нимъ такъ же, какъ покойный Кетчеръ, который въ подобномъ случаѣ расхохотался бы своимъ громовымъ хохотомъ и сказалъ бы дурака. Смѣшно же людямъ, интересующимся въ сущности другъ другомъ, расходиться только на томъ основаніи, что одинъ западникъ безъ всякой подкладки, а другой такой же западникъ только на русской подкладкѣ изъ ярославской овчины, которую при нашихъ морозахъ покидать жутко."

Всѣ эти соображенія я написалъ Тургеневу.

Къ величайшей радости моей, Страховъ,—которому, вручивши нѣмецкій экземпляръ Шопенгауэра, я сталъ читать свой переводъ,—остался послѣднимъ совершенно доволенъ.

Хотя я никогда не стѣснялся указывать Петрушѣ Борисову на его промахи, тѣмъ не менѣе любилъ вступать въ

разговоры съ этимъ замѣчательно смѣтливымъ и талантливымъ малымъ и притомъ безусловно правдивымъ.

— Ты знаешь, сказалъ я ему, что материнскія твои Новоселки даже при наилучшемъ управленіи даютъ едва три тысячи рублей, а отцовское Фатьяново—около тысячи двухсотъ рублей. Пока мы жили въ Степановкѣ, т. е. на сто верстъ ближе, чѣмъ теперь, къ твоимъ имѣніямъ, да къ тому же я былъ опекуномъ и имѣній Оленьки, расположенныхъ въ той-же сторонѣ, надзоръ за твоими имѣніями могъ между прочимъ обходиться значительно дешевле; но теперь, когда ты и самъ-то неохотно туда ѣздишь, заочное управленіе такими незначительными имѣніями обходится несоразмѣрно дорого. Если бы ты, кончивши университетское образованіе и отбывши воинскую повинность, располагалъ надѣть высокіе сапоги и усиленнымъ трудомъ подымать благосостояніе наслѣдственныхъ гнѣздъ, то я бы ничего тебѣ не сказалъ.

— Дядичка, можно мнѣ сказать тебѣ правду?

— Должно, какъ всегда.

— Оба эти гнѣзда, какъ ты называешь, мнѣ ужасно несимпатичны; ихъ грустное, тяжелое прошлое гнететъ меня до болѣзненности; мнѣ такъ тяжело бывать тамъ.

— Если на то пошло, замѣтилъ я, то я не только понимаю твое чувство, но и раздѣляю его, и поэтому предложилъ бы тебѣ продать эти оба имѣнія, и если получить за нихъ хоть 70 тысячъ, то, такъ какъ ты готовишься къ ученому поприщу, о личномъ сельскомъ хозяйствѣ при этомъ не можетъ быть и рѣчи.

Положено было при первой возможности продать мценскія Борисовскія имѣнія.

Вынужденный пробѣжать по дѣламъ въ Москву, я не только пригналъ свою поѣздку къ 12 числу, ежемѣсячному сроку Мценскаго мироваго съѣзда, но разсчелъ время такъ, чтобы, пробывши сутки въ Ясной Полянѣ, сѣсть 11-го на почтовый поѣздъ и въ 4 часа утра прибыть во Мценскъ къ занявшему въ гостинницѣ для насъ номеръ Ивану Александровичу.

Не знаю какъ кому, но мнѣ, въ минуты большой дѣятельности и озабоченности, всегда бывало особенно отрадно находить опору въ собственной безсознательной личности. Помню,

съ какимъ удовольствіемъ я мгновенно проснулся и вскочилъ съ вагоннаго дивана, точно меня кто толкнулъ въ бокъ. „Вотъ какой я молодецъ, подумалъ я, глядя въ окно на едва разсвѣтавшее утро: когда нужно, то словно тѣло мое находится на стражѣ“.

Какъ ни хорошо извѣстна мнѣ Моск.-Курская дорога, но по безпредметнымъ мѣстамъ опознаешься больше по общему характеру мѣстности. На этотъ разъ, какъ я ни старался всматриваться въ бѣгущія мимо оконъ поля, я никакъ не могъ признать ихъ принадлежащими мѣстности на сѣверъ отъ Мценска. Всматриваюсь изъ оконъ по обѣ стороны,—Боже! да вѣдь это окрестности Оптухи. — Вся гордость безсознательной бдительности моей натуры была напрасна, я самымъ постыднымъ образомъ проспалъ Мценскъ и подъѣзжаю къ Орлу. Въ отчаяніи выбѣгаю на платформу и жалуюсь на судьбу встрѣчному кондуктору.

— Вѣдь мнѣ надо быть на съѣздѣ, отъ котораго я на всѣхъ парахъ уѣзжаю!

— Не безпокойтесь, отвѣчалъ кондукторъ, мы сейчасъ же въ Орлѣ пересадимъ васъ на встрѣчный скорый поѣздъ, и въ 9 часовъ утра вы будете во Мценскѣ.

Когда въ 9½ часовъ я отворилъ дверь номера, въ которомъ засталъ за самоваромъ Ивана Александровича, послѣдній съ изумленіемъ воскликнулъ: „откуда вы?“ и за отвѣтомъ: „изъ Орла“—послѣдовало объясненіе приключенія.

— Завтра будетъ отличная погода, сказалъ я Осту, сидя вечеромъ въ пролеткѣ, подвозившей насъ къ станціи: посмотрите, какъ великолѣпно освѣщено передъ нами большое, бѣлое зданіе на пригоркѣ. Вѣдь это тюрьма? спросилъ я извощика.

— Пересылочная тюрьма, отвѣчалъ онъ.

— Для политическихъ преступниковъ, прибавилъ Остъ,— и знаете ли, что̀ получаетъ поваръ, готовящій имъ кушанье?

— Конечно, не знаю; отставной какой-нибудь солдатъ кашеваръ, — должно быть, отъ шести и до десяти рублей въ мѣсяцъ.

— Сорокъ рублей! съ удареніемъ сказалъ Остъ: это должно быть государственная мѣра, чтобы заслужить благорасполо-

женіе этихъ людей, равно и остальныхъ имъ сочувствующихъ, въ видахъ предупрежденія новыхъ покушеній.

— Да мы то съ вами, сказалъ я, не бунтуемъ?

— Кажется.

— А платимъ ли мы повару 40 рублей?

— Нѣтъ.

— Почему же 40 рублевому повару приписывается такая охранительная сила?

— Это не нашего ума дѣло, отвѣчалъ Остъ: поживемъ, увидимъ. А теперь спросите во Мценскѣ кого угодно, и вамъ скажутъ о 40 рублевомъ поварѣ.

Дѣйствительно, при дальнѣйшихъ моихъ распросахъ, слова Оста подтвердились.

Въ отвѣтъ на мое послѣднее письмо, Тургеневъ писалъ слѣдующее:

21 августа 1878 года.
С. Спасское-Лутовиново.

„Любезный Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Я искренно порадовался, получивъ ваше письмо. Старость только тѣмъ и хороша, что даетъ возможность смыть и уничтожить всѣ прошедшіе дрязги и, приближая насъ самихъ къ окончательному упрощенію,—упрощаетъ всѣ жизненныя отношенія. Охотно пожимаю протянутую вами руку и увѣренъ, что при личной встрѣчѣ мы очутимся такими же друзьями, какими были встарину. Не знаю только, когда эта встрѣча сбудется: я черезъ недѣлю уѣзжаю отсюда и прямо въ Парижъ. Развѣ зимою въ Петербургѣ или въ Москвѣ; а не то, не заглянете ли вы сами къ намъ въ мѣстечко Парижъ?

„Но какъ бы то ни было, повторяю вамъ мой привѣтъ и мое спасибо. Передайте мой дружескій поклонъ Марьѣ Петровнѣ. Если я не ошибаюсь, ея лицо промелькнуло передо мною въ вагонѣ на станціи за Орломъ. Я возвращался изъ Мало-Архангельскаго уѣзда, а она, вѣроятно, ѣхала въ ваше новое помѣстье.

„Еще разъ желаю вамъ всего хорошаго, начиная со здоровья и остаюсь

преданный вамъ
Ив. Тургеневъ.

Л. Н. Толстой писалъ:

5 сентября 1878 г.

„Дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ! получилъ на дняхъ ваше послѣднее, краткое, но много-содержательное письмо и вижу по его тону, что вы въ очень хорошемъ душевномъ настроеніи, хотя и были больны. Вы поминаете о вашей статьѣ. Пожалуйста не приписывайте значенія моему сужденію, вопервыхъ, потому, что я плохой судья при слушаніи, а не чтеніи про себя, а вовторыхъ, потому, что въ этотъ день я былъ въ самомъ дурномъ физически расположеніи духа. Когда вы будете передѣлывать, не забудьте еще выправить пріемы связей отдѣльныхъ частей статьи. У васъ часто встрѣчаются излишнія вступленія, какъ напр.: „теперь мы обратимся“... или—„взглянемъ“... и т. п. Главное, разумѣется, въ расположеніи частей относительно фокуса и когда правильно расположено, — все ненужное, лишнее само собою отпадаетъ, и все выигрываетъ въ огромныхъ степеняхъ.

„Тургеневъ на обратномъ пути былъ у насъ и радовался полученію отъ васъ письма. Онъ все такой же, и мы знаемъ ту степень сближенія, которая между нами возможна. Мнѣ ужасно хочется писать, но нахожусь въ тяжеломъ недоумѣніи: фальшивый ли это или настоящій аппетитъ.

„Ужасно хочется побывать у васъ и навѣрное побываю, но теперь еще много поѣздокъ необходимѣйшихъ. Нынче ѣду на земское собраніе.

Вашъ *Л. Толстой.*

Тургеневъ писалъ:

30 декабря 1878 г.
Буживаль.

„Любезнѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ, сегодня минуло три недѣли, какъ я здѣсь, а я только теперь собрался отвѣтить на ваше дружеское письмо, въ чемъ извиняюсь. Странное дѣло! подъ старость и жизнь катится шибче и ничего не успѣваешь сдѣлать, хотя собственно и дѣлать то нечего. Не могу извиниться даже нездоровьемъ, ибо, напротивъ, давно такъ хорошо себя не чувствовалъ, благодаря пилюлямъ, отреко-

мендованнымъ мнѣ однимъ старымъ подагрикомъ. Съ сожалѣніемъ слышу, что ваше здоровье въ состояніи неудовлетворительномъ. Видно, всякій человѣкъ, перешедшій черту 50-ти-лѣтія, превращается въ нѣкоторое подобіе Плевны, осажденной всякими недугами, подъ предводительствомъ „Ѳанатоса"; остается только упорно отбиваться до послѣдней отчаянной вылазки или сдачи... будемъ надѣяться, что эта бѣда еще не скоро настанетъ.

„Вы описываете свое настоящее мѣстопребываніе съ несовсѣмъ выгодной стороны; однако я слышалъ, что ваша Воробьевка прекрасное имѣніе: одинъ дубовый паркъ въ 18 десятинъ чего стоитъ! Въ настоящую минуту я мысленно переношусь къ вамъ и вижу васъ съ ружьемъ въ рукѣ, стрѣляющимъ по вальдшнепамъ въ вашемъ паркѣ: конецъ сентября самый ихъ привалъ въ нашихъ краяхъ. Помните, какія мы съ вами свершали охоты! Что касается до меня, то, со времени моего переселенія изъ Бадена, я пересталъ даже думать о ней: ни собаки нѣтъ, ни ногъ, да и дичи не имѣется во Франціи для людей не милліонеровъ. Мы съ Віардо пустили было нѣсколько паръ кроликовъ въ нашъ паркъ—онъ не такъ великъ, какъ вашъ, а десятинъ шесть въ немъ всетаки будетъ,—но наши кролики не поддержали своей стародавней репутаціи;—не только ничего не наплодили,—да и сами ушли. Въ теченіи послѣднихъ двухъ лѣтъ я убилъ всего одну галку и то не здѣсь, а въ Россіи, въ Мало-Архангельскомъ уѣздѣ...

„Мнѣ было очень весело снова сойтись съ Толстымъ, и я у него провелъ три пріятныхъ дня; все семейство его очень симпатично; а жена его прелесть. Онъ самъ очень утихъ и выросъ. Его имя начинаетъ пріобрѣтать европейскую извѣстность;—намъ, русскимъ, давно извѣстно, что у него соперника нѣтъ.

„Поклонитесь отъ меня вашей супругѣ и передайте мой привѣтъ вашему племяннику Петѣ, или, какъ теперь слѣдуетъ его величать,—Петру Борисову. Онъ, говорятъ, умникъ большой руки.

Преданный вамъ

Ив. Тургеневъ.

Парижъ.
31 октября 1878 года.

„Любезнѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ, извините, что не тотчасъ отвѣчалъ на ваше дружелюбное и обстоятельное письмо. Я былъ въ разъѣздахъ, между прочимъ посѣтилъ Англію, гдѣ очень хорошо поохотился и насмотрѣлся на тамошніе два университета: Оксфордъ и Кембриджъ.—Чудесно, дико, величественно, глупо—все вмѣстѣ, а главное—совсѣмъ намъ чуждо. Вы, вѣроятно, подивитесь какъ это теперь, именно теперь, русскій человѣкъ можетъ ѣздить въ Англію... да ужь такъ вышло.

„Ненавидятъ насъ тамъ лихо и не скрываютъ, оно впрочемъ и лучше. Когда-нибудь при встрѣчѣ покалякаемъ, а письменно все это передать невозможно: я не въ одномъ литературномъ отношеніи отчудился (можно ли такъ выразиться?) отъ пера.

„Не совсѣмъ хорошо то, что вы мнѣ говорите о вашемъ здоровьи. А впрочемъ, вы мнѣ напоминаете Пирра и его бесѣду съ Кинеасомъ. Помните: „когда мы все завоюемъ, мы будемъ отдыхать"...—„Да отчего не сейчасъ отдыхать!"... Такъ и вы: завоевали себѣ такой кладъ, какимъ, по вашимъ описаніямъ, является Воробьевка... кажись, чего еще?—А вы все волнуетесь и тревожитесь. Впрочемъ, если поразмыслить хорошенько, такъ приходится вамъ завидовать: вотъ я, напримѣръ: застываю и затягиваюсь пленкой, какъ горшокъ съ топленымъ саломъ, выставленный на холодъ; — всякой тревогѣ былъ бы радъ — да что! не тревожится душа уже ничѣмъ. Кстати и здоровье недурно; подагра молчитъ, и я за ней безмолвствую.

„То, что вы мнѣ пишете о Петѣ Борисовѣ,—не совсѣмъ благополучно; однако и тутъ все еще можетъ придти въ настоящую норму. Очень онъ ужь уменъ и довременно уравновѣшенъ и съ практически-эпикурейскими тенденціями. Но стоитъ какому нибудь сильному чувству — любви, напримѣръ, его встряхнуть хорошенько, такъ чтобы онъ почувствовалъ, что собственное *Ich* не альфа и омега всего,—и все перемѣнится.

„Поклонитесь ему отъ меня. Передайте также мой усердный привѣтъ вашей супругѣ.

„А вамъ позвольте дружески пожать руку и увѣрить васъ въ искренне преданныхъ чувствахъ

вашего *Ив. Тургенева*.

Повторяю неоднократно мною выраженное, — что пишу воспоминанія, а не романъ. Покойный, въ свое время извѣстный литературному міру, Ник. Ант. Ратынскій, разсказавши какой-либо забавный анекдотъ изъ дѣйствительной жизни, нерѣдко прибавлялъ: „оно, положимъ, было не совсѣмъ такъ, но такъ это надо разсказывать". Этими словами ясно опредѣляется добросовѣстное отношеніе къ художественному повѣствованію. Но добросовѣстность по отношенію къ простымъ воспоминаніямъ состоитъ въ совершенно противоположномъ: недобросовѣстно прятать развязку, созданную самой жизнью, только потому, что она чѣмъ-либо оскорбляетъ знакомый и, быть можетъ, дорогой намъ образъ. Въ угоду такой добросовѣстности, я долженъ передать лично слышанное мною отъ Ивана Сергѣевича про его послѣднее свиданіе съ ослѣпшимъ уже 83-хъ лѣтнимъ старикомъ дядей, къ которому нарочно ѣздилъ въ его Карачевское имѣніе Юшково. Слѣпой былъ чрезвычайно радъ примирительному свиданію, не въ мѣру выпилъ шампанскаго и при этомъ вдался въ выраженія самаго необузданнаго цинизма.

Л. Н. Толстой писалъ:

26 октября 1878 г.

„Уже и не знаю, какъ въ какомъ духѣ начать писать вамъ, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ; всетаки нѣтъ другихъ словъ, какъ виноватъ, виноватъ и кругомъ виноватъ. Хотя и всегда излишне выставленіе причинъ извиняющихъ, я всетаки ихъ напишу, потому что онѣ справедливы и объяснятъ вамъ мое состояніе. Вотъ уже съ мѣсяцъ, коли не больше, я живу въ чаду не внѣшнихъ событій (напротивъ, мы живемъ одиноко и смирно), но внутреннихъ, которыхъ назвать не умѣю. Хожу на охоту, читаю, отвѣчаю на вопросы, которые мнѣ дѣлаютъ, ѣмъ, сплю, но ничего не могу дѣлать, даже написать письмо. У меня ихъ набралось до двадцати, изъ которыхъ есть почти такія-же, какъ ваше. Нынче я какъ только

немного очнулся, пишу вамъ. У насъ все, слава Богу, здорово и хорошо. Обычная зимняя жизнь, со все усложняющимся воспитаніемъ и ученіемъ дѣтей, идетъ какъ и прежде. Мы очень заняты: жена—самыми ясными, опредѣленными дѣлами, а я—самыми неопредѣленными и потому постоянно имѣю стыдливое сознаніе праздности среди трудовой жизни. Вы вѣрно уже кончили передѣлку своей статьи, и если здоровы, то, вѣроятно, заняты чѣмъ-нибудь новымъ. Если вы меня простили, то напишите мнѣ и о своемъ здоровьи, которое, по послѣднему письму, угрожало разладиться,—и о своей духовной работѣ. Такъ пожалуйста не разсердитесь на меня. Помните, что мы все по старому васъ любимъ, а что я неаккуратенъ, такъ это только подробность моего характера. Опять откладываю поѣздку къ вамъ. Теперь и не могу и не гожусь. А вотъ если Богъ дастъ поработать и устать отъ работы, то зимою, если вы меня позовете, поѣхать отдохнуть къ вамъ. Жена проситъ передать свой поклонъ вамъ и Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой*.

22 ноября 1878 года.

„Дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, поѣду въ Москву и велю напечатать на своей почтовой бумагѣ „виноватъ". Но мнѣ кажется, что я не виноватъ въ томъ, что не отвѣчалъ на то письмо, въ которомъ вы обѣщаете заѣхать. Помню свою радость при этомъ извѣстіи и то, что я сейчасъ же отвѣчалъ вамъ. Если же не отвѣчалъ, то пожалуйста не накажите за это, а пріѣзжайте. Богъ дастъ, будетъ снѣгъ; если же нѣтъ, то вышлемъ коляску въ Ясенки. Мы такъ давно не видались.

„Теперь другое: стихотвореніе ваше прекрасно. Съ женою мы о васъ, какъ человѣкѣ и другѣ и какъ о поэтѣ, всегда вполнѣ совпадаемъ. У насъ, слава Богу, все здорово и идетъ по божьи.

„Вчера получилъ отъ Тургенева письмо; и знаете, рѣшилъ лучше подальше отъ него и отъ грѣха. Какой-то задира непріятный.

„Поздравляю васъ съ днемъ рожденія. И теперь не забуду поздравлять васъ къ 23-му, и желаю не забывать этого разъ

двѣнадцать. Больше не надо ни для себя, ни для васъ. Досвиданья!

Вашъ *Л. Толстой.*

Уже по первому снѣгу явился проживавшій прежде у насъ, а затѣмъ у Любиньки, кучеръ Иванъ Ивановъ отъ племянника, съ письмомъ, въ которомъ говорилось, что мамаша, чувствуя себя чрезвычайно слабой, требуетъ его въ Вѣну, причемъ дядя Петя поручилъ взять у меня и доставить ему 700 рублей. Въ Вѣну племянникъ уѣзжаетъ послѣ завтра.

„Какъ это все странно, подумалъ я; если дядя Петя не приложилъ ко мнѣ спеціальной записки, то какъ же было не приложить мнѣ хоть для косвеннаго удостовѣренія письмо, въ которомъ поручалось взять эту сумму?“ Но раздумывать было некогда; я при Иванѣ Александр. отсчиталъ деньги и, вложивши ихъ въ конвертъ, передалъ запечатанными Ивану.

На этотъ разъ мы снова поѣхали встрѣчать Новый годъ по привычкѣ къ Покровскимъ воротамъ; но меня тянула домой уже не обязательная служба, а тишина сельскаго кабинета, съ предстоящею постоянною умственною работой. Благодарю судьбу, пославшую съ тѣхъ поръ этотъ успокоительный трудъ и невозмутимые досуги.

Въ Москвѣ я получилъ извѣстіе, что сестра Любовь Аѳан., благополучно выдержавъ трудную операцію вырѣзыванія рака, вернулась въ Орелъ, гдѣ, остановившись въ гостинницѣ, проситъ меня посѣтить ее при моемъ возвращеніи въ Воробьевку. Послѣ Крещенія, я съ обычной радостью заѣхалъ въ Ясную Поляну, а черезъ день, по предварительному уговору, засталъ въ Орлѣ Ивана Александровича.

Сестру нашелъ я исхудавшей до неузнаваемости, не чувствующей особенныхъ болей, но зато при видимомъ упадкѣ силъ. Сынъ ея, получившій отъ нея при отъѣздѣ заграницу полную довѣренность, управлялъ имѣніемъ во всю руку, и въ Орлѣ я его не видалъ. Конечно, первый мой вопросъ былъ: „что братъ Петруша?“ И вотъ сопоставляю все, что успѣлъ узнать и отъ сестры, и отъ сопровождавшей ее горничной Ульяны:

Остановившись въ одной съ сестрой гостинницѣ въ Вѣнѣ, братъ терпѣливо выжидалъ исхода операціи. Но когда дѣло

пошло на выздоровленіе, сестра сочла своею обязанностью позаботиться о здоровьи брата. Вѣрно въ умѣ ея носилось, что братъ нерѣдко обращался въ послѣднее время ко мнѣ съ просьбою распорядиться съ нимъ, какъ съ больнымъ человѣкомъ. Но я никогда не поддавался такимъ его вспышкамъ самосознанія; зато сестра, обладавшая гораздо меньшимъ противъ него запасомъ энергіи, напускаясь на него съ высоты опеки, разыграла роль Крыловскаго вороненка, запутавшагося въ рунѣ неподсильной добычи. Когда братъ услыхалъ, что къ нему хотятъ привести доктора, онъ, показывая Ульянѣ заряженный пистолетъ, сказалъ: „вотъ что будетъ тому, кто придетъ ко мнѣ съ докторами". А затѣмъ въ одно прекрасное утро номеръ его оказался оплаченнымъ и пустымъ, а онъ неизвѣстно куда скрылся. Я вспомнилъ, какъ однажды въ Воробьевкѣ онъ шутя сказалъ: „ужь куда мнѣ теперь—и не знаю. Не махнуть ли въ Америку?"

Въ небольшихъ городахъ легко узнается все, что дѣлается въ другихъ домахъ, и кто вновь пріѣхалъ въ гостинницы. Поэтому не удивительно, что тотчасъ послѣ обѣда мы съ Иваномъ Александр. были обрадованы приходомъ Ѳедора Ѳедоровича, котораго крупная вывѣска: *Оптическій магазинъ* красовалась черезъ улицу какъ разъ противъ нашихъ оконъ. Дѣло въ томъ, что онъ женился на вдовѣ, за которою взялъ въ приданое магазинъ бронзовыхъ и поливенныхъ вещей, между прочимъ очковъ и биноклей.

Добрый Ѳедоръ Ѳедоровичъ былъ явно доволенъ и гордъ своимъ новымъ положеніемъ и нѣсколько разъ ошибкою вынималъ изъ кармана какой-то конвертъ, который снова быстро пряталъ съ видимой небрежностью. При повтореніи этого маневра, я невольно спросилъ: „Ѳедоръ Ѳедор., что это за бумага?"

— Ахъ это kommerztelegramm! отвѣчалъ онъ какъ бы мимоходомъ.

Уходя, онъ просилъ насъ взглянуть на его новое житье-бытье, зашедши въ магазинъ. Вечеромъ въ магазинѣ Ѳедоръ Ѳедор. особенно рекомендовалъ мнѣ полученный изъ Вѣны морской бинокль, который просилъ испробовать утромъ на другой день. Бинокль дѣйствительно оказался превосходнымъ,

и покойный Дмитрій Петровичъ Боткинъ, бравшій его много лѣтъ спустя въ театръ, говаривалъ, что покупать бинокли надо не въ Парижѣ, а въ Орлѣ.

Проведя черезъ магазинъ, Ѳедоръ Ѳедор. взвелъ насъ въ бельэтажъ, въ свое укромное, но чистое помѣщеніе и поручилъ женѣ своей напоить насъ чаемъ. Оказалось, что у жены его были отъ перваго брака двѣ дѣвочки, на видъ 10-ти и 12-ти лѣтъ. Усадили насъ съ Иваномъ Алекс. въ небольшой гостиной на диванѣ передъ овальнымъ столомъ, накрытымъ шерстяною салфеткой и, въ ожиданіи приготовляемыхъ намъ хозяйкою въ другой комнатѣ двухъ стакановъ чаю, намъ долго пришлось любоваться слюдовою бабочкой, кружившейся надъ лампой посреди стола. Но вниманіе наше въ скорости было отвлечено отъ бабочки появленіемъ двухъ дочерей хозяйки, явившихся, вѣроятно, вмѣстѣ съ приходомъ ихъ учительницы, на обычное мѣсто уроковъ, т. е. по другую сторону занимаемаго нами стола. Насколько хозяйскія дочери были одѣты попросту, настолько учительница, какъ мы впослѣдствіи узнали — гимназистка,—въ своемъ щегольскомъ черномъ платьѣ съ безукоризненными воротничками и рукавчиками,—отличалась изяществомъ. Начался урокъ, въ которомъ наши двѣ чуждыхъ личности, очевидно, не имѣли ни малѣйшаго значенія. Ученицы были слишкомъ взволнованы затрудненіемъ отвѣчать на вопросы, а учительница видимо торопилась окончить неинтересный для нея урокъ.

— Семь и пятнадцать,—много ли это будетъ? спрашивала она. Но такъ какъ изумленный взглядъ ученицы былъ пока единственнымъ отвѣтомъ, то учительница убѣдительно подхватывала: „неправда ли, это будетъ 22?—такъ, прекрасно!“ Затѣмъ, обращаясь къ старшей: „если изъ 25-ти яблокъ вы отдадите 20, — много ли у васъ останется? Неправда ли,— у васъ останется пять? — Очень хорошо!“—и такъ далѣе въ томъ же родѣ. Но вдругъ безо всякаго перехода слухъ мой былъ пораженъ вопросомъ, обращеннымъ къ меньшой дѣвочкѣ: „отчего люди родятся?“ спросила воспитательница. Тутъ уже вмѣстѣ съ дѣвочкой вытращилъ глаза и я.

— Отъ молока! вдругъ протяжно и пугливо пропищала ученица.

— Ну да, ну да! млекопитающіе!

Тутъ изъ магазина поднялся къ намъ Ѳедоръ Ѳедор., и внутренняя связь и смыслъ послѣдняго вопроса остался для меня навсегда загадкой. Поблагодаривъ хозяевъ, я отправился прямо въ свой номеръ, а по лицу вошедшаго черезъ полчаса Ивана Алекс. я замѣтилъ, что онъ что-то хочетъ мнѣ сказать.

— Вы чѣмъ-то взволнованы, сказалъ я, — такъ говорите прямо.

— Это правда, отвѣчалъ Остъ; но я не знаю, какъ вы примете мои слова. Я только что отъ Любовь Аѳанасьевны и засталъ тамъ, кого бы вы думали?

— Не знаю.

— Ольгу Васильевну. Она видимо мнѣ обрадовалась и въ то же самое время смутилась. Она просила меня испросить у васъ позволенія явиться сейчасъ къ вамъ съ повинною. И я подумалъ, что, право, съ вашей стороны было бы благое дѣло забыть увлеченіе полу-ребенка подъ вліяніемъ особы, овладѣвшей волею дѣвочки чуть ли не съ первыхъ дѣтскихъ шаговъ.

Не задумавшись ни минуты, я отправился къ сестрѣ Любовь Аѳанасьевнѣ, и тамъ не только все прошлое было забыто, но я уступилъ даже убѣдительнымъ просьбамъ племянницы быть хозяиномъ бала, даваемаго ею на другой день.

Л. Н. Толстой писалъ отъ 1-го февраля 1879 г.:

„Дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, получилъ уже съ недѣлю ваше особенно хорошее послѣднее письмо съ очень хорошимъ, но не превосходнымъ стихотвореніемъ и не отвѣчалъ тотчасъ же, потому что, повѣрите ли, съ тѣхъ поръ не поправился отъ своего нездоровья, и нынче только получше, и голова свѣжа, но все еще не выхожу. *Правда то, что правда*. Это изъ истинъ истина. Но правду, такъ же какъ и эту истину, можно не доказывать, но выслѣдить, придти къ ней и увидать, что дальше идти некуда, и что отъ нея-то я и пошелъ. Стихотвореніе послѣднее мнѣ не такъ понравилось, какъ предшествующее и по формѣ (не такъ круто, какъ то), и по содержанію, съ которымъ я не согласенъ, какъ можно быть несогласнымъ съ такимъ невозможнымъ представленіемъ. У Верна есть разсказъ вокругъ луны. Они тамъ на-

ходятся въ точкѣ, гдѣ нѣтъ притяженія. Можно ли въ этой точкѣ подпрыгнуть, — знающіе физику различно отвѣчали. Такъ и въ вашемъ предположеніи должно различно отвѣчать, потому что положеніе невозможно, не человѣческое. Но вопросъ духовный поставленъ прекрасно. И я отвѣчаю на него иначе, чѣмъ вы. — Я бы не захотѣлъ опять въ могилу. Для меня и съ уничтоженіемъ всякой жизни кромѣ меня, все еще не кончено. Для меня остаются *еще* мои отношенія къ Богу, т. е. отношенія къ той силѣ, которая меня произвела, меня тянула къ себѣ и меня уничтожитъ или видоизмѣнитъ. Стихотвореніе хорошо уже потому, что я читалъ дѣтямъ, изъ которыхъ нѣкоторыя заняты чумой, и оно, отвѣчая на ихъ страхъ, тронуло ихъ.

„Дай Богъ вамъ здоровья, спокойствія душевнаго и того, чтобы вы признали необходимость отношеній къ Богу, отсутствіе которыхъ вы такъ ярко отрицаете въ этомъ стихотвореніи.

Вашъ *Л. Толстой.*

16 февраля 1879 года.

„Я все хвораю, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, и отъ этого не отвѣчалъ вамъ тотчасъ же на ваше письмо съ превосходнымъ стихотвореніемъ. Это вполнѣ прекрасно. Коли оно когда нибудь разобьется и засыпется развалинами, и найдутъ только отломанный кусочекъ: *въ немъ слишкомъ много слезъ*, то и этотъ кусочекъ поставятъ въ музей и по немъ будутъ учиться. Я не боленъ, не здоровъ, но умственной и душевной бодрости, которая нужна мнѣ,—нѣтъ. Не такъ какъ вы— сухо дерево. Присылайте же еще стихи. Странно, какъ умствованія мало убѣдительны. Въ послѣднемъ письмѣ я вамъ писалъ, что я не согласенъ съ мыслью послѣдняго стихотворенія. Что я не захотѣлъ бы вернуться въ могилу, потому что у меня остались бы *еще* мои отношенія къ Богу. Вы ничего на это не отвѣчали. Отвѣтьте пожалуйста. Если вамъ это кажется просто глупостью, такъ и скажите. Дай Богъ вамъ всего лучшаго, передайте наши поклоны Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

25 марта 1879 г.

„Мнѣ совѣстно молчать передъ вами, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, изображая изъ себя этимъ молчаніемъ или краткостью писемъ занятаго человѣка, тогда какъ не имѣю права этого сказать, такъ какъ я дѣлаю что то такое, что не оставляетъ никакихъ слѣдовъ внѣ меня. У насъ все хорошо. Радуюсь, что у васъ тоже. Я былъ въ Москвѣ, собиралъ матерьялы и измучился и простудился. Юрьевъ проситъ вашего сотрудничества въ своемъ журналѣ. Ему разрѣшенъ. Я чуть не попалъ къ вамъ. Хотѣлъ ѣхать въ Кіевъ и къ вамъ. Отложилъ, но буду живъ, доставлю себѣ эту радость. Будьте здоровы и любите насъ, какъ мы васъ любимъ.

Вашъ *Л. Толстой*.

17 апрѣля 1879 г.

„Есть молитва, которая говоритъ: не по заслугамъ, но по милосердію твоему. Такъ и вы. Еще получилъ отъ васъ длинное, хорошее письмо. Непремѣнно и скоро поѣду въ Кіевъ и Воробьевку, и все тогда вамъ разскажу, а теперь только отвѣчу на ваши опасенія. Декабристы мои Богъ знаетъ гдѣ теперь, я о нихъ и не думаю, а если бы и думалъ, и писалъ, то льщу себя надеждой, что мой духъ одинъ, которымъ пахлобы, былъ бы невыносимъ для стрѣляющихъ въ людей для блага человѣчества. Какъ правы мужики и вы, что стрѣляютъ господа, и хоть не за то, что отняли, а потому что отняли мужиковъ. Но долженъ сказать, я добросовѣстно не читаю газетъ даже теперь и считаю обязанностью всѣхъ отвращать отъ этой пагубной привычки. Сидитъ человѣкъ старый, хорошій въ Воробьевкѣ; переплавилъ въ своемъ мозгу двѣ-три страницы Шопенгауэра и выпустилъ ихъ по русски, съ кія кончилъ партію, убилъ вальдшнепа, полюбовался жеребенками отъ Закраса, сидитъ съ женою, пьетъ славный чай, куритъ, всѣми любимъ и всѣхъ любитъ, и вдругъ привозятъ вонючій листъ сырой, рукамъ больно, глазамъ больно, и въ сердцѣ злоба осужденій, чувство отчужденности, чувство, что никого я не люблю, никто меня не любитъ и начинаетъ говорить, говоритъ и сердится, и страдаетъ. Это надо бросить.

Будетъ много лучше. Надѣюсь, досвиданья. Наши поклоны Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

25 мая 1879 г.

„Благодарю васъ, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, что вы меня не забываете; только не сердитесь пожалуйста на меня за то, что я мою желанную поѣздку къ вамъ все еще откладываю. Нельзя сказать, что именно меня до сихъ поръ задерживало, потому что ничего не было замѣтнаго, а все мелочи: нынче гувернеры уѣхали, завтра надо въ Тулу ѣхать, переговорить въ гимназіи объ экзаменахъ, потомъ маленькій нездоровъ, и т. д. Главная причина всетаки—экзамены мальчиковъ. Хоть и ничего не дѣлаешь, а хочется слѣдить. Идутъ они не совсѣмъ хорошо: Сережа по разсѣянности и неумѣлости дѣлаетъ въ письменныхъ экзаменахъ ошибки; а поправить послѣ уже нельзя. Но теперь экзамены уже перевалили за половину, и надѣюсь, что ничто меня не задержитъ. Одна изъ причинъ тоже—это прекрасная весна. Давно я такъ не радовался на міръ Божій, какъ нынѣшній годъ. Стоишь разиня ротъ, любуешься и боишься двинуться, чтобы не пропустить чего. У насъ все слава Богу. Жена поѣхала въ Тулу съ дѣтьми, а я почитаю хорошія книжки и пойду часа на четыре ходить. Пожалуйста вы мною не стѣсняйтесь, извѣщая меня, когда вы что хотите дѣлать. Если бы я пріѣхалъ къ вамъ, васъ не засталъ (чего не можетъ случиться), то мнѣ подѣломъ; въ другой разъ пріѣду. Наши поклоны Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

13 іюля 1879 года.

„Не сердитесь на меня, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, что не писалъ вамъ, не благодарилъ васъ за пріятный день у васъ и не отвѣчалъ на послѣднее письмо ваше. Правда должно быть, что я у васъ былъ не въ духѣ (простите за это), я и теперь все не въ духѣ. Все ломаюсь, мучаюсь, тружусь, исправляюсь, учусь; и думаю, что не такъ ли, какъ Василій Петровичъ покойникъ, доведется и мнѣ заполнить

пробѣлъ да и умереть; а все не могу не разворачивать самъ себя.

„У насъ все корь: половину дѣтей перебрала, а остальныхъ ждемъ. Что жь вы въ Москву? Только не дай Богъ, чтобы для здоровья, а хорошо бы для винтовъ какихъ-нибудь въ машину, и къ намъ бы заѣхали. Нашъ поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

28 іюля 1879 года

„Благодарю васъ за ваше послѣднее хорошее письмо, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, и за апологъ о соколѣ, который мнѣ нравится, но который я желалъ бы болѣе пояснить. Если я этотъ соколъ и если, какъ выходитъ изъ послѣдующаго, залетаніе мое слишкомъ далеко состоитъ въ томъ, что я отрицаю реальную жизнь, то я долженъ оправдаться. Я не отрицаю ни реальной жизни, ни труда, необходимаго для поддержанія этой жизни, но мнѣ кажется, что большая доля моей и вашей жизни наполнена удовлетвореніями не естественныхъ, а искусственно привитыхъ намъ воспитаніемъ и самими нами придуманныхъ и перешедшихъ въ привычку потребностей, и что девять десятыхъ труда, полагаемаго нами на удовлетвореніе этихъ потребностей,—праздный трудъ. Мнѣ-бы очень хотѣлось быть твердо увѣреннымъ въ томъ, что я даю людямъ больше того, что получаю отъ нихъ; но такъ какъ я чувствую себя очень склоннымъ къ тому, чтобы высоко цѣнить свой трудъ и низко цѣнить чужой, то я не надѣюсь увѣриться въ безобидности для другихъ разсчета со мной однимъ усиленіемъ своего труда и избраніемъ тяжелѣйшаго (я непремѣнно увѣрю себя, что любимый мною трудъ есть самый нужный и трудный);—я желалъ бы какъ можно меньше брать отъ другихъ и какъ можно меньше трудиться для удовлетворенія своихъ потребностей; и думаю, такъ легче не ошибиться. Жалѣю очень, что здоровье ваше все нетвердо, но радуюсь тому, что вы духомъ здоровы, что видно изъ вашихъ писемъ. Отъ души обнимаю васъ и прошу передать наши поклоны Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

Не смотря на удачную операцію въ Вѣнѣ, не оставившую послѣ себя никакихъ болѣзненныхъ слѣдовъ, Любовь Аѳанасьевна, собиравшаяся навѣстить насъ въ Воробьевкѣ, съ каждымъ днемъ видимо ослабѣвала и гасла и наконецъ навѣки заснула въ своемъ номерѣ, откуда перевезена была въ свой приходъ, въ село Долгое и близь церкви похоронена рядомъ съ мужемъ.

Однажды, когда мы съ Петей Борисовымъ ходили взадъ и впередъ по комнатѣ, толкуя о ширинѣ замысла и исполненія Гётевскаго Фауста, Петруша сказалъ мнѣ, что онъ въ шутку пробовалъ переводить особенно ему нравившіеся стихи этой трагедіи, какъ наприм., въ рекомендаціи Мефистофеля ученику изучать логику.

— Я, говорилъ Борисовъ,—перевелъ:

«Тутъ духъ вашъ чудно дрессируютъ,
Въ сапогъ испанскій зашнуруютъ».

— Прекрасно! воскликнулъ я, — какъ бы разомъ учуявъ тонъ, въ которомъ слѣдуетъ переводить Фауста, — и при этомъ признался Петѣ, что много разъ, лежа въ Спасскомъ на диванѣ въ то время, какъ Тургеневъ работалъ въ сосѣдней комнатѣ, усердно скрипя перомъ, — я, какъ ни пытался, не могъ перевести ни одной строчки Фауста, очевидно только потому, что подходилъ къ нему на ходуляхъ, тогда какъ онъ сама простота, доходящая иногда до тривіальности. Но тутъ, продолжая ходить взадъ и впередъ съ Борисовымъ, я шутя перевелъ нѣсколько стиховъ, которые помнилъ наизусть.

— Дядичка! воскликнулъ Борисовъ;—умоляю тебя, возьмись за переводъ Фауста. Кому же онъ яснѣе и ближе по содержанію, чѣмъ тебѣ?

— Не могу, не могу, отвѣчалъ я —Знаю это по опыту.

На этомъ разговоръ и кончился. Тѣмъ не менѣе, въ скорости по отъѣздѣ Борисова въ лицей, я осмѣлился приступить къ переводу Фауста, который сталъ удаваться мнѣ съ совершенно неожиданной легкостью.

Л. Н. Толстой писалъ:

31 августа 1879 года.

„Дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, разумѣется, я опять виноватъ передъ вами, но, разумѣется, не отъ недостатка любви къ вамъ и памяти о васъ. Мы со Страховымъ то и дѣло говорили про васъ: судили и рядили, какъ мы всѣ судимъ другъ о другѣ, и какъ дай Богъ, чтобы обо мнѣ судили. Страховъ очень доволенъ пребываніемъ у васъ и еще больше вашимъ переводомъ. Мнѣ удалось вамъ рекомендоватъ чтеніе 1001-й ночи и Паскаля; и то, и другое вамъ не то что понравилось, а пришлось по васъ. Теперь имѣю предложить книгу, которую еще никто не читалъ, и я на дняхъ прочелъ въ первый разъ и продолжаю читать и ахать отъ радости; надѣюсь, что и эта придется вамъ по сердцу, тѣмъ болѣе что имѣетъ много общаго съ Шопенгауэромъ: это Соломона Притчи, Эклезіастъ и книга Премудрости,—новѣе этого трудно что-нибудь прочесть; но если будете читать, то читайте по славянски. У меня есть новый русскій переводъ, но очень дурной. Англійскій тоже дуренъ. Если бы у васъ былъ греческій, вы бы увидали, что̀ это такое. Поклонитесь отъ меня Петѣ Борисову и посовѣтуйте ему отъ меня почитать по-гречески и сличить съ переводами. Я сейчасъ ходилъ гулять и думалъ о Петѣ. Не знаю, чему ему надо еще учиться, но знаю, что съ его знаніями я могу предложить ему дѣла четыре такія, на которыя нужно посвятить жизнь и успѣхъ, хотя неполный, заслужитъ навѣки благодарность всякаго русскаго, пока будутъ русскіе.

„У насъ послѣ пріѣзда Страхова были гость на гостѣ, театръ и дымъ коромысломъ, 34 простыни были въ ходу для гостей, и обѣдало 30 человѣкъ,—и все сошло благополучно, и всѣмъ, и мнѣ въ томъ числѣ, было весело. Нашъ душевный привѣтъ Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

XIII.

Продажа Новоселокъ.—Тереза Петровна.—Письма.—Поѣздка въ Крымъ.—Семейство Ребиллiоти.—Ихъ усадьба.—Севастополь.—Тази и Реуновъ.—Севастопольское кладбище.—Ялта.—Продажа Фатьянова.—Покупка Борисовымъ Ольховатки.—1-е марта 1881 года.—Письмо брата.

Встрѣтивъ Новый годъ и на этотъ разъ у Покровскихъ воротъ, я, по крайней мѣрѣ лично, пробылъ въ Москвѣ весьма короткое время и уѣхалъ въ Воробьевку, заѣхавши по дорогѣ въ Ясную Поляну.

Отыскался и серьезный покупатель на Новоселки. Не буду вспоминать всѣхъ раздражительныхъ и тяжелыхъ минутъ, по случаю всякаго рода мелочныхъ препятствiй, возбужденныхъ при этомъ покупателемъ. Непрiятно обрывать свое собственное, но быть вынужденнымъ обрывать чужое, ввѣренное вашей охранѣ,—пытка. Но вотъ, худо ли, хорошо ли, запродажа нашихъ родныхъ Новоселокъ состоялась, и я со свободною душей могъ снова усѣсться въ моемъ уединенномъ кабинетѣ, устроенномъ, какъ я выше говорилъ, въ числѣ трехъ комнатъ на бывшемъ чердакѣ. Срокъ аренды орловскому имѣнiю, снятому Иваномъ Алекс., кончился, и онъ возобновить его къ Новому году не захотѣлъ; а потому, по просьбѣ нашей, 70-ти лѣтняя старушка матушка его, Тереза Петровна, переѣхала къ намъ.

Оглядываясь на свои тихiе кабинетные труды того времени, не могу безъ благодарности вспомнить доброй старушки, сдѣлавшейся безотлучной гостьей моего кабинета. Окна во всемъ бывшемъ чердакѣ, а слѣдовательно и въ моемъ

кабинетѣ, были пробиты уже при нашей перестройкѣ дома, и рамы, сдѣланныя изъ столѣтнихъ досокъ, уцѣлѣвшихъ въ видѣ закромовъ въ амбарѣ, были дотого плотны, что старушка, чувствительная ко всякихъ атмосфернымъ вліяніямъ. садилась съ своимъ шитьемъ зимою на подоконникъ. Такъ какъ въ стихотворныхъ переводахъ я, кромѣ вѣрности тона, требую отъ себя и тождественнаго количества стиховъ, то иногда давалъ Терезѣ Петровнѣ въ руки Гётевскаго Фауста, прося сосчитывать стихи отдѣльныхъ дѣйствующихъ лицъ. При этомъ она всегда опережала меня и говорила: zwei или drei und zwanzig — раньше чѣмъ я говорилъ: два или двадцать три. Не взирая на такую систематическую провѣрку, мы ухитрились пропустить три стиха, которые были возстановлены уже въ изданіи 2-й части трагедіи.

Л. Н. Толстой писалъ:

31 мая 1880 года.

„Прежде чѣмъ сказать вамъ, какъ мнѣ совѣстно передъ вами и какъ я чувствую себя виноватымъ передъ вами, прежде всего я ужасно благодаренъ вамъ, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, за ваше доброе, прекрасное, главное умное письмо. Вы имѣли причины быть недовольнымъ мною и вмѣсто того чтобы высказать мнѣ свое нерасположеніе, которое очень могло бы быть, вы высказали мнѣ причины своего недовольства мною добродушно и главное такъ, что я почувствовалъ, что вы всетаки любите меня. Письмо ваше произвело на меня чувство умиленія и стыда за свою неряшливость, — ничего больше. Вотъ что было, и вотъ мои послѣднія впечатлѣнія о нашихъ отношеніяхъ. Вы мнѣ писали, какъ всегда; я, какъ всегда, съ радостью получалъ ваши письма, но не какъ всегда (съ еще большей неаккуратностью чѣмъ прежде, вслѣдствіе своихъ особенно напряженныхъ занятій нынѣшняго года)— отвѣчалъ; но передъ весною я получилъ отъ васъ письмо, въ которомъ видѣлъ, что вы меня въ чемъ то считаете виноватымъ. Вина моя единственная и ненастоящая передъ вами была та, что, прочтя это письмо, я не написалъ тотчасъ же вамъ, что я и хотѣлъ сдѣлать, прося у васъ объясненія, за что вы недовольны мною. Опять мои занятія немного изви-

няютъ меня, и прошу васъ простить меня за это. Въ первой же главной моей винѣ, какъ вамъ это должно казаться, что я не отвѣчалъ вамъ на ваше предложеніе пріѣхать въ Ясную,— я рѣшительно невмѣняемъ. Не понялъ ли я этого, просмотрѣлъ ли, но совершенно забылъ, и для меня этого вашего предложенія пріѣхать не существовало. Я вамъ все это такъ пишу, потому что знаю, что вы мнѣ повѣрите, что я пишу истинную правду. Какъ это случилось—не знаю. Но въ этомъ я не виноватъ. Не виноватъ потому, что всегда читаю ваши письма по нѣскольку разъ и вникая въ каждое слово, не виноватъ уже навѣрно въ томъ, чтобы я могъ промолчать, не подхвативъ его съ радостью, ваше предложеніе пріѣхать къ намъ. Во всякомъ случаѣ простите, но не мѣняйтесь ко мнѣ, какъ я не перемѣнюсь къ вамъ, пока мы живы. И очень, очень благодарю васъ за ваше письмо. Мнѣ такъ хорошо стало теперь; потому что твердо надѣюсь, что получу отъ васъ хорошую вѣсточку, и можетъ быть вы уже совсѣмъ покажете мнѣ, что прощаете меня, пріѣхавъ къ намъ. Жена кланяется вамъ; она чувствовала то же, что я, относительно васъ, еще сильнѣе меня.

Вашъ *Л. Толстой.*

8 іюля 1880.

„Дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Страховъ мнѣ пишетъ, что онъ хотѣлъ исполнить мою просьбу: уничтожить въ васъ всякое, какое могло быть, недоброжелательство ко мнѣ или недовольство мною,—но что это оказалось совершенно излишне. Онъ ничего не могъ мнѣ написать пріятнѣе. И это же я чую въ вашемъ письмѣ. А это для меня главное. И еще будетъ лучше, когда вы по старой привычкѣ заѣдете ко мнѣ. Мы оба съ женою ждемъ этого съ радостью. Теперь лѣто и прелестное лѣто, и, я какъ обыкновенно, ошалѣваю отъ жизни и забываю свою работу. Нынѣшній годъ долго я боролся, но красота міра побѣдила меня. И я радуюсь жизнью и больше почти ничего не дѣлаю. У насъ полонъ домъ гостей. Дѣти затѣяли спектакль, и у нихъ шумно и весело. Я съ трудомъ нашелъ уголокъ и выбралъ минутку, чтобы написать вамъ

словечко. Пожалуйста же по старому любите насъ, какъ и мы. Передайте нашъ привѣтъ Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

26 сентября 1880.

„Дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Страховъ пишетъ мнѣ, что вы жалуетесь на меня. Вы жалуйтесь и ругайте меня и лучше всего мнѣ самому, я это ужасно люблю; но попрежнему пишите, заѣзжайте и любите меня. Что вашъ Шопенгауэръ? Я жду его съ большимъ интересомъ. Я очень много работаю. Всѣ у насъ здоровы. Жена вамъ кланяется. Нашъ общій поклонъ Марьѣ Петровнѣ.

Вашъ *Л. Толстой.*

Наслушавшись зимою восторженныхъ восклицаній Каткова объ очаровательной природѣ Крыма, я все лѣто толковалъ, что стыдно проживать въ недалекомъ сравнительно разстояніи отъ Крыма и умереть, не видавши южнаго берега, не взирая на Севастопольскую желѣзную дорогу. Къ этому желанію случайно присоединился дошедшій до меня слухъ, что добрый мой товарищъ, однополчанинъ кирасирскаго Военнаго Ордена полка,—Ребилліоти, покинувшій полкъ еще до Венгерской компаніи, женатъ и проживаетъ въ своемъ имѣніи близъ станціи Бахчисарай. Конечно, тотчасъ же на письмо мое къ нему послѣдовало самое любезное и настойчивое приглашеніе начать знакомство съ Крымомъ съ его имѣнія въ долинѣ Качи.

Какъ ни порывались мы съ женою и Иваномъ Александровичемъ въ Крымъ, молотьба и сѣвъ не отпустили насъ раньше послѣднихъ чиселъ сентября, хотя мы чувствовали, что нѣсколько запоздали. Наконецъ мы свободны и въ вагонѣ съ запасомъ закусокъ, чайныхъ приборовъ и сливокъ. Того же вечера прибываемъ въ Харьковъ, и пересѣвши въ полдень на слѣдующій день въ Лозовой на другой поѣздъ, — пускаемся въ дальнѣйшій путь. Ночь, озаряемая полнолуніемъ и миріадами звѣздъ. спустилась на землю почти свѣтла, какъ день.

Вдругъ поѣздъ нашъ покатился по бѣлоснѣжной землѣ, и я догадался, что мы подходимъ къ Сивашу съ его вѣковѣчнымъ солянымъ богатствомъ. Человѣкъ, составившій себѣ изъ географіи поверхностное понятіе о Крымѣ, какъ о горной странѣ, будетъ, проѣхавши Перекопъ, немало удивленъ полнымъ отсутствіемъ видоизмѣненія почвы. Кругомъ все та же необозримая степь, на которую пришлось наглядѣться, начиная съ Харькова. Понятно, почему крымскія борзыя искони считались самыми выносливыми и сильными. Но вотъ солнце мало по малу озарило безоблачное небо. Мы съ первой станціи благодушно занялись утреннимъ кофеемъ.

— А, вотъ онѣ наконецъ! воскликнулъ я, взглянувъ въ лѣвое окно вагона.

— Кто онѣ? спросилъ Иванъ Александровичъ.

— Горы. отвѣчалъ я, указывая на изсиза-лиловую дымчатую гряду, потянувшуюся на горизонтѣ къ юго-востоку.

— Помилуйте, да это облака, замѣтилъ Иванъ Александровичъ.

— Погодите съ часъ или два, отвѣчалъ я, — и какъ намъ неизбѣжно приближаться къ этимъ облакамъ, то вы убѣдитесь, что они такое.

Окончательное убѣжденіе Ивана Александровича не заставило себя долго ждать. — когда мы въѣхали въ ущелье, гдѣ Симферополь пріютился на берегахъ Салгира.

«О скоро-ль вновь увижу васъ,
Брега веселые Салгира?»

„Вотъ. невольно подумалъ я, какъ игриво весела эта невзрачная рѣченка въ волшебныхъ стихахъ поэта“.

Но вотъ Бахчисарайская станція.

— Есть экипажъ отъ Ребилліоти?

— Есть.

Проѣхавъ минутъ сорокъ по каменистой дорожкѣ по долинѣ Качъ, мы въѣхали въ каменныя ворота прекрасной каменной, но видимо запущенной усадьбы, и застали на дворѣ самого хозяина, видимо насъ поджидавшаго. Я тотчасъ его узналъ, не взирая на его сѣдые волосы. Онъ поспѣшилъ познакомить насъ съ своей женой, какъ и онъ, гречанкой,

сохранившей еще явные слѣды красоты, а также и съ милыми своими дочерями.

Когда, оправившись послѣ двухъ-суточнаго пребыванія въ вагонѣ, — мы стали осматриваться кругомъ, то были поражены всѣмъ видимымъ. Признаюсь, я ничего подобнаго нигдѣ не встрѣчалъ. Небольшой, но весьма помѣстительный двухъэтажный домъ съ подъѣздомъ со двора выстроенъ, очевидно, умѣлой и широкой рукой. Въ нижнемъ этажѣ расположены жилыя, а вверху парадныя комнаты. Дубовый потолокъ гостиной украшенъ посрединѣ большою розеткой изъ золоченыхъ металлическихъ листьевъ аканѳа. Стеклянная дверь выходитъ на балконъ, висящій прямо надъ быстрыми струями Качи, заключенной въ каменный арыкъ, вращающій могучимъ паденіемъ воды мельничное колесо, но при закрытіи шлюза орошающій всѣ четыре десятины сада. И что это за садъ смотритъ вамъ въ лицо! Какіе тополи, кипарисы и орѣхи стоятъ тотчасъ же по другую сторону арыка, уносящаго у ногъ вашихъ множество падающихъ въ него яблокъ.

Чтобы не отнимать у васъ возможности любоваться садомъ и лежащими за нимъ горами, гигантскія деревья разступаются, связанныя между собою только могучимъ побѣгомъ лозы, бросившейся съ высоты и увѣшанной темно-сизыми гроздьями. Самыя фруктовыя деревья дотого усыпаны краснѣющими яблоками, что безъ сотенъ подпорокъ не въ состояніи бы были выдержать тяжести.

„Вотъ гдѣ, думалъ я, человѣкъ можетъ жить обезпеченно при наименьщихъ со стороны своей усиліяхъ. Конечно, и тутъ необходимо думать о поддержкѣ сада, но что же значитъ работа на четырехъ десятинахъ въ сравненіи съ нашими хозяйствами на тысячахъ десятинахъ". А между тѣмъ, видимо безпечный хозяинъ говорилъ мнѣ, что садъ его былъ бы игрушечка, если бы онъ могъ тратить на него 2 тысячи рублейв ъ годъ. А хозяйка жаловалась, что не далѣе какъ нынѣшней весною торговцы давали ея мужу за нынѣшній урожай 20 тысячъ рублей, но онъ не отдавалъ до самой осени, а теперь продалъ садъ за 8 тысячъ. „И такъ, говорила она, мы поступаемъ ежегодно".

По поводу восхищенія моего Актачами, хозяинъ сказалъ: „это имѣніе представляетъ только бѣдный остатокъ отцовскаго достоянія. Отецъ нашъ, отставной генералъ-лейтенантъ, мало по малу пріобрѣлъ почти всѣ земли южнаго берега, которыя, конечно, въ то время не представляли своей настоящей цѣнности, и отецъ пріобрѣталъ ихъ у татарскихъ владѣльцевъ, иногда вымѣнивая на восточные ятаганы и сабли. Только современемъ всѣ эти имѣнія, какъ Мисхоръ, Гурзуфъ, Ливадія, Оріанда и т. д., перепроданы имъ новымъ владѣльцамъ.

Нечего говорить, что послѣ прекраснаго обѣда, вѣнчаннаго самыми изысканными фруктами, мы въ кабинетѣ хозяина предавались нашимъ полковымъ воспоминаніямъ, и тутъ я узналъ, что бывшій нашъ товарищъ, Севастопольскій грекъ, полковникъ Тази въ настоящее время проживаетъ въ Севастополѣ въ домѣ зятя своего, отставнаго капитана Реунова.

Прогостивши два дня у любезныхъ хозяевъ, мы уѣхали отъ нихъ съ такимъ разсчетомъ времени, чтобы имѣть возможность осмотрѣть Бахчисарай и на другой день съ утреннимъ поѣздомъ уѣхать въ Севастополь.

Не буду говорить о замѣчательномъ въ своемъ родѣ и характерномъ, хотя и небогатомъ дворцѣ и ханскомъ кладбищѣ; скажу только, что Бахчисарай съ его тѣсной горной улицей, харчёвнями, лавками, мѣдными и жестяными производствами, дѣйствующими открыто на глазахъ прохожихъ, сохранилъ полностью характеръ азіатскаго города. Въ лучшей гостинницѣ, гдѣ пришлось намъ ночевать, мы послѣ девяти часовъ вечера могли только получить чайникъ кипятку, такъ какъ самовара уже не полагается.

Но вотъ на другой день, пройдя нѣсколько туннелей, мы остановились на Севастопольской станціи. Говорятъ, въ настоящее время Севастополь неузнаваемъ. Но въ то время онъ производилъ самое тяжелое впечатлѣніе почти сплошными развалинами. Кромѣ изуродованныхъ стѣнъ въ бывшихъ домахъ ничего не оставалось и, благодаря мощной южной растительности, въ разломанныя амбразуры оконъ и дверей порою виднѣлись зеленѣющія деревья. Въ гостинницѣ, на распросъ мой

о домѣ Реунова, указали на развалину на противоположной сторонѣ улицы, предупреждая, что Реунова я долженъ искать за этими развалинами въ другомъ уже обновленномъ его домѣ. Добравшись по адресу, я спросилъ квартиру полковника Тази. и деньщикъ его ввелъ меня къ моему старому Александру Андреевичу.

Еще во время моего адъютантства, когда Тази командовалъ пятымъ эскадрономъ, генералъ Бюлеръ жаловался, что Александръ Андреевичъ порою не слышитъ команды; но при Севастопольской встрѣчѣ, на вопросъ мой о здоровьи, Тази отвѣчалъ: „какъ видишь, слава Богу, здоровъ, только глухъ сталъ". И дѣйствительно, не взирая на приставленную имъ къ уху ладонь, нужно было ему кричать, и самъ онъ, не соразмѣряя звуковъ, кричалъ нестерпимо.

— Ну какъ же ты поживаешь? спросилъ я его.

— Да слава Богу! получаю небольшой доходъ съ наслѣдственныхъ садовъ да пенсію; и вотъ поселился у своего родственника, отставнаго капитана Реунова, который женатъ былъ на моей покойной сестрѣ. Тотъ тоже получаетъ пенсіонъ за свою Севастопольскую службу, и кромѣ того въ этомъ домѣ у него бани, въ которыя ходитъ много народу. и поэтому довольно доходныя. Даромъ-то жить какъ то совѣстно; такъ я плачу ему за эти двѣ комнаты 25 рублей и ежегодно хожу къ нему обѣдать. Гостей у него никогда не бываетъ, и мы всегда обѣдаемъ только втроемъ: онъ съ женою и я.

— Да вѣдь ты же сказалъ, что твоя сестра умерла?

— Умерла, братецъ, точно, умерла 6 лѣтъ тому назадъ. Только зять мой никогда безъ нея обѣдать не сядетъ. Ей ежедневно накрывается третій приборъ, и противъ него ставится большой ея фотографическій портретъ. Это, братецъ. большой чудакъ. Онъ вздумалъ было мнѣ отказывать деньги по духовному завѣщанію. Насилу я могъ его уговорить, что это смѣшно. Ну на что мнѣ деньги, когда я не знаю, куда и своихъ дѣвать? Самъ онъ ежедневно ходитъ колоть дрова для бани. Ахъ. да вотъ и онъ, сказалъ Тази, глядя изъ окна во дворъ.

Взглянувъ въ свою очередь въ окно, я увидалъ худоща-

ваго старичка въ блузѣ неопредѣленнаго цвѣта, въ сѣрыхъ нанковыхъ старыхъ брюкахъ и женскихъ изношенныхъ башмакахъ на босу ногу. Минутъ черезъ пять тотъ же старичекъ вошелъ въ комнату Александра Андреевича, который тотчасъ же познакомилъ насъ. Старичекъ присѣлъ противъ меня на стулъ, и разговоръ самъ собою склонился къ оборонѣ Севастополя и къ печальному виду покрывающихъ его развалинъ.

— Да, сказалъ Реуновъ, развалины эти для другихъ безмолвны, но для меня онѣ краснорѣчивѣе всякихъ обитаемыхъ жилищъ. Поневолѣ поправилъ я вотъ этотъ домъ, въ которомъ живу; а вотъ тотъ, что выходитъ на улицу, и котораго я возстановлять не соберусь, напоминаетъ мнѣ не только время осады, но и покойную мою жену, жившую въ немъ почти до полнаго его разрушенія. Какъ я ее ни уговаривалъ измѣнить своимъ привычкамъ въ такое опасное время, она продолжала сидѣть на своемъ обычномъ мѣстѣ подъ окномъ и вязать чулокъ. Я въ это время командовалъ Николаевскимъ бастіономъ при входѣ въ Сѣверную бухту и долженъ былъ выдерживать усиленный огонь непріятельскаго флота. Тѣмъ не менѣе жена моя ежедневно приходила ко мнѣ на бастіонъ со служанкой и всѣми чайными принадлежностями въ обычное время—восемь часовъ вечера. Видя вокругъ себя ежеминутныя жертвы непріятельскихъ снарядовъ и потоки крови, я умолялъ жену не подвергать себя безполезной опасности; но она на всѣ мои убѣжденія отвѣчала, что иначе поступать не можетъ, и, напоивши меня чаемъ, помогала убирать и перевязывать раненыхъ. У окна своего бель-этажа она привыкла по шуму снарядовъ узнавать ихъ направленіе, и однажды, услыхавъ шуршаніе бомбы,—подумала: „вотъ это уже близко къ намъ“. Въ ту же минуту бомба, пробивши крышу и потолокъ, прошибла полъ у ногъ жены и, пройдя антресоль, разорвалась въ подвальномъ этажѣ, въ которомъ отдыхала и чистилась смѣнившаяся рота. Занимавшій антресоль столяръ, бывшій въ то время на дворѣ, услыхавъ взрывъ бомбы, вспомнилъ, что у него остался въ комнатѣ маленькій сынъ въ колыбели. Каковъ же былъ его ужасъ, когда, вбѣжавъ въ комнату, онъ увидалъ люльку

пустою и рядомъ съ нею отверстіе въ полу, пробитое бомбой. Въ отчаяніи онъ бросился въ подвалъ, гдѣ изъ груды тѣлъ замѣтилъ торчащую дѣтскую ручку. Устранивъ посторонніе мертвыя тѣла, онъ досталъ своего безжизненнаго ребенка и, положивши его на плечо, вынесъ на дворъ. На воздухѣ мнимо-умершій ребенокъ сталъ дышать и ожилъ, не имѣя на тѣлѣ никакихъ поврежденій, за исключеніемъ царапинъ на стегнѣ, полученныхъ при паденіи въ расщепленное бомбою отверстіе пола. День въ день черезъ 20 лѣтъ послѣ этого происшествія жена моя скончалась, и можно было подумать, что Божественный промыслъ сказалъ ей: „ты усомнилась въ минуту полета снаряда, такъ вотъ тебѣ чудо: ребенокъ, можно сказать, влетѣвшій въ подвалъ верхомъ на бомбѣ, спасенъ. А ты сама проживешь еще 20 лѣтъ“.—Спасенный мальчикъ, прибавилъ разскащикъ, и по сей день ходитъ здоровый по улицамъ Севастополя.

Оригинальный отставной капитанъ говорилъ, что въ свое время журналы описывали поведеніе его жены.

Нигдѣ и никогда не испытывалъ я того подъема духа, который такъ мощно овладѣлъ мною на братскомъ кладбищѣ. Это тотъ самый геройскій духъ, отрѣшенный отъ всякихъ личныхъ стремленій, который носится надъ полемъ битвы и одинъ способенъ стать предметомъ героической пѣсни. Кто со смысломъ читалъ Иліаду, начало „Классической Вальпургіевой ночи“ во второй части Фауста, или Севастопольскіе разсказы гр. Л. Толстаго,—пойметъ, о чемъ я говорю. Воспѣвать можно только безсмертныхъ обитателей Елисейскихъ полей: царей, героевъ и поэтовъ. Сюда же, конечно, относятся и классическіе образцы женской красоты, какъ Елена, Леда, Алцеста, Эвридика и т. д. Надо быть окончательно нравственно убогимъ, чтобы не понимать, что такое отношеніе вытекаетъ не изъ поэтической гордыни, а изъ природы самаго дѣла. Мы только что указали на героическія пѣсни кровавой битвы, но попробуйте воспѣть изобрѣтеніе пороха, компаса или лекцію о рефлексахъ, и вы убѣдитесь, что это даже немыслимо. Но можемъ утѣшиться: на какомъ бы умственномъ уровнѣ ни стояли мы въ настоящее время, — вѣковѣчный примѣръ защитниковъ Севастополя, почіющихъ на брат-

скомъ кладбищѣ, никогда для насъ не пропадетъ, и Россія не перестанетъ рождать сыновъ, готовыхъ умереть за общую матерь.

Въ Ялту мы отправились изъ Севастополя на прекрасномъ пароходѣ при самой очаровательной погодѣ; и классическія волны Тавриды словно пожелали встрѣтить меня всѣми знакомыми поэзіи атрибутами Ни въ Балтійскомъ, ни въ Средиземномъ морѣ я не видалъ спасителя Оріона,—игриваго дельфина; а здѣсь, точно нарочно, они отъ самой Сѣверной бухты и до Ялты безпрерывно подымались изъ моря вокругъ нашего парохода и, вырѣзаясь на нѣкоторое время изъ волнъ черной спиною, вооруженной саблевиднымъ, назадъ загибающимся, перомъ, снова погружались въ бездну. Съ парохода они казались не превышающими размѣромъ средняго осетра, а между тѣмъ мнѣ говорили, что эти громадныя животныя бываютъ вѣсомъ свыше 60-ти пудовъ.

Въ Ялтѣ всѣ номера въ гостинницахъ были набиты посѣтителями, и мы рады были, что отыскали двѣ комнаты у татарина, недалеко отъ кипарисной рощицы, у русской церкви. Насколько я недавно чувствовалъ себя въ праздничномъ расположеніи духа на сѣверной сторонѣ Севастопольской бухты и—

«Среди зеленыхъ волнъ, лобзающихъ Тавриду»...

—настолько Ялта, не взирая на живописно возносящіеся надъ нею горные утесы, производила на меня удручающее впечатлѣніе. Такъ какъ весь городъ очень невеликъ, то моимъ спутникамъ не трудно было принудить меня обойти его весь. Но затѣмъ я положительно объявилъ, что болѣе однихъ сутокъ не въ силахъ вынести этого ничѣмъ не оправдываемаго бездѣйствія. Такимъ образомъ, не дождавшись прибытія парохода, мы наняли коляску въ Севастополь съ ночлегомъ на половинѣ дороги.

Когда на третій день мы поднимались въ коляскѣ по живописной горной дорогѣ, открывающей виды съ птичьяго полета на великолѣпныя приморскія дачи, начиная съ Ливадіи, за нами раздался поспѣшный конскій топотъ, и казакъ, приблизясь къ коляскѣ, торопливо сказалъ: „господа, потрудитесь дать дорогу: Царь ѣдетъ“. Къ счастію, дорога представ-

ляла на этомъ мѣстѣ нѣкоторое подобіе платформы, и коляска наша, по настоянію моему, сдвинулась къ краю, очищая путь. Вылѣзши изъ экипажа, мы стали ожидать Царя, тотчасъ же выѣхавшаго на вороной казачьей лошади и въ казачьемъ мундирѣ изъ за скалы на поворотѣ дороги. Какъ ни старались мы дать мѣсто Ему и проѣзжавшей за нимъ коляскѣ, въ которой между прочимъ сидѣлъ прелестный рыжій сетеръ,—Государь проѣхалъ мимо насъ на разстояніи трехъ или четырехъ шаговъ. Лицо Его было блѣдно и уныло, и Онъ милостиво отвѣтилъ на наши поклоны.

Но вотъ мы на высотѣ горнаго хребта и медленно въѣзжаемъ въ знаменитыя Байдарскія ворота, откуда путнику, ѣдущему изъ Севастополя на южный берегъ, вдругъ, какъ со вскрытіемъ театральнаго занавѣса, впервые представляется величественная картина необъятнаго моря. Прощай, море!

«Прощай свободная стихія!
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты катишь волны голубыя
И блещешь гордою красой».

Грустно видѣть, какъ знаменитая Байдарская долина, благодаря непріятельскому пребыванію, все болѣе и болѣе, по мѣрѣ приближенія къ Севастополю, теряетъ свою лѣсную одежду и связанное съ нею орошеніе.

Узнавши отъ госпожи Ребилліоти, что въ Крыму нѣтъ малины, жена моя, по пріѣздѣ въ Воробьевку, послала въ Актачи пудъ малины, приготовленной во всѣхъ видахъ. Но никакого извѣстія о полученіи посылки не послѣдовало, и я, напрасно написавши два письма къ Ребилліоти, спросилъ стараго Тази о причинѣ такого молчанія. На это Александръ Андреевичъ лаконически отвѣчалъ мнѣ, что извѣстія нѣтъ потому, что съ того свѣта письма къ намъ не доходятъ, а Ребилліоти черезъ двѣ недѣли послѣ нашего отъѣзда скончался. Съ тѣхъ поръ всякія сношенія мои съ Крымомъ прекратились.

Во время краткаго зимняго пребыванія моего въ Москвѣ, отыскался покупатель и на Борисовское Фатьяново, и съ тѣмъ вмѣстѣ къ Петрушѣ Борисову пришло формальное извѣщеніе о смерти единственной родной его тетки, оставившей ему

тысячъ семь наслѣдства. Такимъ образомъ въ рукахъ Борисова появлялось тысячъ 80 капиталу, который я настоятельно просилъ его превратить въ государственныя бумаги, чтобы избѣгнуть всякихъ треволненій, сопряженныхъ съ управленіемъ недвижимой собственностью и въ особенности земледѣльческимъ хозяйствомъ.

Со мною Петруша, при обсужденіи этого вопроса, соглашался вполнѣ, но, уходя въ комнату Ивана Алекс., предавался самымъ розовымъ мечтамъ по отношенію къ покупкѣ земли гдѣ-либо неподалеку отъ насъ. Въ непродолжительномъ времени Иванъ Алекс. разыскалъ весьма хорошее имѣніе Щигровскаго уѣзда, принадлежавшее графу де-Бальмену, корреспонденту Моск. Вѣдом. и сыну графа де-Бальмена, находившагося съ русской стороны при Наполеонѣ I на островѣ Св. Елены.

Тутъ началась ожесточенная война между желаніями: сохранить деньги и купить имѣніе. Нѣмка, жена графа, тѣснила мужа продажей, порываясь уѣхать въ Германію, гдѣ въ скорости оба умерли.

Наши покупатели предлагали цѣну, на которую графъ, очевидно, согласиться не могъ. Когда Петруша, предложивши послѣднюю цѣну, уѣхалъ въ Москву, графъ пріѣхалъ ко мнѣ съ объясненіями невозможности согласиться на предлагаемую цѣну.

— Позвольте, сказалъ я, взять на себя отвѣтственность въ чужомъ дѣлѣ и предложить за племянника грѣхъ пополамъ.

Когда я увѣдомилъ Борисова о такомъ окончаніи дѣла, онъ прискакалъ въ совершенномъ восторгѣ.

Вечеромъ 1-го марта, получивши со станціи письма и газеты, я вышелъ въ переднюю спросить кучера Аѳанасія,— хорошо ли шла молодая лошадь, на которой онъ ѣздилъ. Когда я отворилъ дверь, то, при взглядѣ на его лицо, предположилъ, что съ нимъ случилось что-либо недоброе. Онъ былъ блѣденъ, какъ мертвецъ, такъ что я невольно крикнулъ:

— Аѳанасій! что съ тобою?

— Сегодня царя убили, проговорилъ онъ какимъ-то глухимъ голосомъ.

— Какъ можно разсказывать такое вранье!

— На станцію пришла депеша, и всѣ объ этомъ говорятъ.
На другой день слухъ все разростался, а на третій день явились печатныя подтвержденія громовой вѣсти.

Л. Толстой писалъ:

12 мая 1881 г.

„Помню, когда получилъ ваше письмо, дорогой Аѳанасій Аѳанасьевичъ, какъ мнѣ удивительно показалось, что вы такъ далеко заглядываете,—12 мая. Показалось особенно странно, потому что въ этотъ-же день я узналъ о смерти Достоевскаго. А вотъ и 12 мая, и мы живы. Пожалуйста простите меня за мое молчаніе и не накажите меня и жену тѣмъ, чтобы отмѣнить вашъ пріѣздъ къ намъ. Пожалуйста не сердитесь на меня. Я очень заработался и очень постарѣлъ нынѣшній годъ; но не виноватъ въ перемѣнѣ моей привязанности къ вамъ.

Вашъ *Л. Толстой*.

Въ іюнѣ пришло письмо, на адресѣ котораго я съ восторгомъ узналъ руку брата. Гдѣ онъ и что онъ?—Братъ писалъ изъ Америки изъ штата Огіо: „проживаю у хозяина древеснаго питомника (Nurseryman). Это добрѣйшіе и прекраснѣйшіе люди. Полиція притѣсняетъ изъ-за паспорта. Нельзя ли возобновить его? Здоровье плохо. Нельзя ли сколько нибудь денегъ?“

Конечно, первѣйшимъ моимъ дѣломъ было написать Nurseryman'у, что въ скорости за этимъ письмомъ онъ получитъ деньги, и что я удивляюсь словамъ брата, касательно затрудненій съ паспортомъ въ странѣ, гдѣ паспортная система не существуетъ. Единовременно съ этимъ письмомъ я обратился въ контору Боткиныхъ съ просьбою о переводѣ денегъ черезъ ихъ лондонскаго агента. Черезъ полтора мѣсяца Nurseryman писалъ черезъ своего знакомаго по французски, что деньги онъ черезъ банкирскую контору получилъ въ двойномъ количествѣ противъ должныхъ ему Шеншинымъ, который, на другой день послѣ отправки ко мнѣ письма, неизвѣстно куда скрылся, оставивъ свой небольшой

чемоданъ и золотыя очки. Что этотъ господинъ, поступившій въ работники въ саду, заслужилъ общую любовь, но по нездоровью не могъ постоянно работать и велъ себя въ этомъ отношеніи очень странно. Такъ напр., онъ не только не доѣдалъ пищи, но и ночевалъ на сѣнѣ подъ открытымъ небомъ, говоря, что не заработалъ этихъ удобствъ, и никакія наши просьбы не могли убѣдить его въ противномъ. О паспортахъ въ Америкѣ и рѣчи быть не можетъ. „Мой сынъ, писалъ содержатель питомника, изъѣздилъ на одноколкѣ всѣ окрестности, а объявленіе, коего экземпляръ присемъ прилагаю, съ просьбою указать за вознагражденіе мѣстожительство Шеншина было разослано во всѣ концы Америки. Позвольте спросить, какъ поступить съ излишними деньгами и куда ихъ отправить?“

Въ отвѣтъ на это письмо, я просилъ любезнаго хозяина оставить деньги у себя, на случай появленія брата.

Съ той поры я о братѣ не слыхалъ ни слова.

XIV.

Покупка дома.—Переводъ Горація.—М. Г. Киндлеръ.—Пріѣздъ П. Борисова изъ заграницы.—Духовное завѣщаніе.— Серебряная свадьба.—П. Борисовъ поступаетъ въ полкъ.—Странныя его выходки.—Чиновникъ.—Смерть Тургенева.—Болѣзнь Пети.—Мое послѣднее свиданіе съ нимъ.—Смерть Киндлера.—Мое примиреніе съ Полонскимъ.—Смерть Пети Борисова.

Въ половинѣ лѣта намъ предстояла поѣздка въ Москву на свадьбу, и по предварительному уговору мы должны были остановиться въ Кунцевѣ на великолѣпной дачѣ у Боткиныхъ. При этомъ припоминаю обстоятельство самое будничное, не могшее даже удержаться въ памяти и только заднимъ числомъ возбудившее вниманіе своею неожиданностью.

Милая и крайне внимательная ко мнѣ старушка Тереза Петровна однажды, когда я послѣ завтрака раскладывалъ пасьянсъ, пришла изъ другой комнаты съ Моск. Вѣд. въ рукахъ и сказала: „посмотрите Аѳ. Аѳ., какой чудесный и недорогой домъ продается въ Москвѣ на Плющихѣ!"

Если подумать, что я никогда никому не говорилъ о желаніи купить въ городѣ домъ, что въ высшей степени сдержанная и осторожная старушка никогда ни о какихъ газетныхъ объявленіяхъ мнѣ не говорила, то придется настоящую ея выходку счесть крайне странной. Еще болѣе странно то, что этими словами она мгновенно пришпилила къ моему сердцу домъ, подобно тому, какъ къ пробкѣ пришпиливаютъ разноцвѣтную бабочку.

Помню, что и въ Москвѣ и въ Кунцевѣ я ходилъ раненый домомъ. Я отправился на Плющиху, согласно объявленію,

и продажный домъ мнѣ понравился. Чтобы избѣжать въ собственныхъ глазахъ вида маніака, я обратился въ адресную контору и по указанію ея пересмотрѣлъ довольно много продажныхъ домовъ приблизительно въ ту же цѣну, по которой предлагался домъ на Плющихѣ. Главною задачей моей при осмотрѣ деревянныхъ домовъ было избѣжать старыхъ, а потому ненадежныхъ построекъ. Стѣна отвѣсно пряма, думалъ я,—слѣдовательно исправна; а крива—значитъ дѣло плохо. Словомъ,—изъ видѣнныхъ мною домовъ, продававшійся на Плющихѣ нравился мнѣ болѣе всѣхъ. Его хозяева оказались весьма красивой молодой четой, и я объявилъ имъ, что до рѣшенія жены моей, на имя которой я желаю купить домъ, я сказать ничего не могу и постараюсь на другой день пріѣхать съ нею.

Жена моя была видимо смущена извѣстіемъ, что я отыскалъ домъ для покупки, причемъ выразила опасеніе обычной съ моей стороны торопливости и рѣшительности. Тѣмъ не менѣе на другой день, отправлявшаяся въ каретѣ изъ Кунцева въ Москву за какими то покупками, она согласилась заѣхать со мною взглянуть на домъ, въ которомъ быть можетъ ей придется жить. Когда француженка горничная отперла намъ двери, хозяинъ и хозяйка приняли насъ въ столовой. Обойдя наскоро съ женою комнаты, я тихонько спросилъ ее: „ну что, какъ ты находишь?"

— Ничего, недурно, отвѣчала она.

— Ты можешь ѣхать по своимъ дѣламъ, а черезъ часъ заѣзжай за мною, сказалъ я ей. Когда карета загремѣла по мостовой, я обратился къ хозяину съ такою рѣчью: „я желалъ бы покончить съ двухъ словъ. Не прибавлю ни копѣйки сверхъ того, что считаю возможнымъ для себя. Вы просите 35 тысячъ, 3 тысячи за мебель и купчую пополамъ. А я предлаю за все 35 тысячъ и купчая ваша".

Онъ взглянулъ на жену и, поднявши руку, чтобы ударить по моей, воскликнулъ: „извольте".

— Теперь, когда дѣло кончено, сказалъ я, позвольте обратиться къ вамъ съ покорнѣйшей просьбой: умолчимъ о состоявшейся покупкѣ передъ моею женой, во избѣжаніе преждевременнаго съ ея стороны волненія.

Дѣйствительно, при появленіи жены моей, мы не сказали ей ни слова о дѣлѣ, и я сталъ торопить ее въ Кунцево подъ предлогомъ, что мы можемъ опоздать къ обѣду.

— Ну что? спросила меня шепотомъ жена, сходя по лѣстницѣ къ подъѣзду.

— Ничего.

— Ну слава Богу, сказала она, видимо облегченная.

Но едва только усѣлась она въ карету, какъ я, войдя въ свою очередь, захлопнулъ за собою дверку и, крикнувъ кучеру: „домой!“—сказалъ женѣ:

— Поздравляю.

— Съ чѣмъ? спросила она.

— Съ покупкою дома.

— Боже! безъ архитектора, не спрося ни у кого совѣта и такъ скоро!

Она заплакала.

— Въ первый разъ въ жизни, сказалъ я, вижу человѣка, плачущаго о томъ, что ему подарили домъ.

Черезъ три дня купчая была совершена. Справедливость требуетъ прибавить, что, по мѣрѣ открывавшихся неисправностей, пришлось потратить немало денегъ на ихъ исправленіе.

Петрушу Борисова, упросившаго Ивана Ал. еще во время покупки Ольховатки заняться ею, мы съ тѣхъ поръ не видали, такъ какъ, окончивъ курсъ вторымъ кандидатомъ, онъ, съ разрѣшенія Министерства Народнаго Просвѣщенія, уѣхалъ въ Германію для филологическихъ изученій вообще и санскрита въ частности. Знаменитый Вестфаль рекомендовалъ его своимъ пріятелямъ въ Іенскомъ университетѣ.

Начиная съ 1-го октября 81 г., мы ежегодно стали проводить зиму въ Москвѣ на Плющихѣ, и для насъ великою отрадою былъ переѣздъ семьи Толстыхъ на зиму въ Москву.

Тургеневъ писалъ:

30 декабря 1881 г.
Парижъ.

„Любезнѣйшій Аѳанасій Аѳанасьевичъ! Вчера утромъ получилъ я ваше письмо, а къ вечеру пришелъ и Фаустъ.

Сердечно благодарю васъ, что вспомнили обо мнѣ. Вы не можете сомнѣваться въ томъ великомъ интересѣ, съ которымъ я прочту вашъ переводъ. Что же касается до личныхъ моихъ отношеній къ вамъ, то они никогда не измѣнялись, не смотря на нѣкоторыя недоразумѣнія. Да къ тому же, и вы и я, мы оба на склонѣ нашихъ лѣтъ, и что бы мы были за люди. если бы старость не научила насъ уваженію свободы мнѣній, чувствъ и т. п.? Я въ апрѣлѣ мѣсяцѣ буду въ Москвѣ и надѣюсь застать еще васъ тамъ, такъ же какъ и Толстыхъ. Поклонитесь имъ всѣмъ отъ меня, а также и вашей супругѣ, которую благодарю за память. Съ Новымъ Годомъ, съ новымъ... (или со старымъ?) счастьемъ!!

Преданный вамъ *Ив. Тургеневъ.*

Давнымъ давно, въ разговорахъ со мною о Гораціи, Тургеневъ, упоминая, что я его перевелъ, полу-укоризненно прибавлялъ: „не всего". Это словечко было для меня тѣмъ непріятнѣе, что я самъ давно чувствовалъ этотъ изъянъ. Еще въ 60-хъ годахъ мною переведено было посланіе къ Пизонамъ. Оно, въ то время просмотрѣнное П. М. Леонтьевымъ, было набрано для Русск. Вѣстника; но издатели не рѣшились напечатать такую классическую вещь, страха ради іудейскаго. Каковъ былъ уровень общественнаго мнѣнія по сравненію хотя бы съ англійскимъ за 50 лѣтъ тому назадъ, когда Вальтеръ-Скоттъ говорилъ, что готовъ бы отдать половину своей славы за знаніе греческаго языка, недостатокъ котораго онъ болѣзненно чувствуетъ всю жизнь.

Въ мартѣ, по возвращеніи въ Воробьевку, я усердно задался мыслью завершить полный переводъ Горація и представить его на общій судъ.

Зная по опыту трудность, встрѣчаемую при переводахъ классиковъ, я просилъ моего добраго московскаго знакомаго поискать для меня на лѣто послѣ экзаменовъ за извѣстное вознагражденіе хорошаго студента филолога, способнаго дѣлать справки по мѣрѣ надобности и моему указанію. На это мой пріятель отвѣтилъ, что такого студента онъ не знаетъ, но что, когда онъ сталъ объ этомъ говорить между своими товарищами учителями гимназіи, одинъ изъ нихъ, препода-

ватель латинской словесности, нѣмецъ Максимъ Германовичъ Киндлеръ вызвался безъ всякаго вознагражденія пріѣхать ко мнѣ по окончаніи экзаменовъ, чтобы работать вмѣстѣ надъ Гораціемъ.

„Боже, подумалъ я, какой примѣръ для нашихъ спеціалистовъ!"

Добродушный, трудолюбивый, одноцентренный Максимъ Германовичъ оказался идеаломъ спеціалиста. При 2-хъ мѣсячномъ, ежедневномъ, совмѣстномъ трудѣ, поневолѣ пришлось близко ознакомиться съ этимъ, у насъ почти несуществующимъ, типомъ.

Не встрѣчая въ мірѣ ничего видимо выступающаго изъ вѣковѣчныхъ границъ причинности, онъ считалъ всякую мысль о невещественномъ для себя неподсудной и безплодной, и потому прямо говорилъ: „я этого совершенно не знаю и навсегда оставилъ объ этомъ думать". Будучи своею спеціальностью указанъ на мастерскую форму древнихъ писателей, у которыхъ она, какъ у черепокожныхъ, выставляетъ свой костякъ наружу, какъ основную и существеннѣйшую свою часть,—Киндлеръ тонко понималъ виртуозный выборъ древними отдѣльныхъ выраженій. Но о томъ, чего не встрѣчается въ древнихъ поэтахъ, онъ тоже не имѣлъ никакого понятія. Того тайнаго смятенія, того неопредѣленнаго подъёма и стремленія къ невѣдомому, которымъ полны корифеи христіанскаго міра, начиная съ Шекспира и Байрона и самого Гете и кончая Гейне и Лермонтовымъ, — у древнихъ не существовало, и надо быть на этотъ счетъ весьма чувствительнымъ, чтобы почувствовать зародышъ этого вѣянія (романтизма) у Проперція. Нельзя не замѣтить, что по отношенію къ нашему русскому умственному вертограду такъ и хочется примѣнить замѣчаніе, что самый сладкій плодъ съ червоточиной. Оглянитесь на знакомыхъ русскихъ служителей Аполлона, и вы убѣдитесь въ справедливости моего замѣчанія: но у Максима Германовича не было никакой червоточины; для него Прусское государство, т. е. Германская имперія была верхомъ совершенства: она вся состоитъ изъ превосходно обученныхъ и вооруженныхъ солдатъ и переплетена подземными телеграфными линіями, дающими при

желѣзныхъ дорогахъ возможность задавить перваго врага массой вооруженной защиты. Тамъ люди изучаютъ древнихъ ради ихъ образцоваго совершенства, а не ради чиновъ. Словомъ, съ этихъ сторонъ Максимъ Германовичъ былъ неуязвимъ, и я старался избѣгать съ нимъ разговоровъ о несравненномъ величіи Германской имперіи.

Зато наши занятія, съ самаго дня пріѣзда Киндлера, установились наилучшимъ образомъ. Комнату онъ занялъ наверху въ одномъ корридорѣ, напротивъ входа въ мою половину. Послѣ утренняго кофе мы расходились по своимъ комнатамъ знакомиться съ данной сатирой Горація, причемъ онъ старался въ подробностяхъ приготовиться и къ слѣдующей. Часамъ къ 10-ти онъ приходилъ ко мнѣ съ Гораціемъ въ рукѣ, а я начиналъ сдавать ему экзаменъ по сатирѣ, которую собирался переводить. Не взирая на сильный нѣмецкій акцентъ, Киндлеръ ознакомился съ русскимъ языкомъ до полнаго пониманія всѣхъ его оттѣнковъ. Конечно, сдавая свой экзаменъ, я старался о возможной близости моего перевода къ подлиннику и, не находя въ данную минуту русскаго слова, вставлялъ нѣмецкое. Выслушавъ мой переводъ, Киндлеръ снова уходилъ къ себѣ и работалъ до 12-ти часовъ, т. е. до завтрака. Послѣ часовой прогулки онъ снова уходилъ работать до 4 часовъ, ревностно готовя слѣдующую сатиру. Къ 4 часамъ я обыкновенно поджидалъ его прихода, чтобы прочесть ему тѣ 30, 40 и даже 50 стиховъ, которые успѣлъ перевести за утро. Вотъ тутъ-то начиналась бѣда. Максимъ Германовичъ не признавалъ по отношенію къ нашему брату никакой поэтической вольности. Licentia поэтика существуетъ для древнихъ писателей; такъ она ужь тамъ въ учебникахъ и прозывается, а про русскихъ стихотворцевъ тамъ ничего не сказано. А потому въ переводѣ надо искать не приблизительнаго, а самаго несомнѣннаго русскаго выраженія. Иногда отыскиваніе этихъ точныхъ выраженій доходило до зеленыхъ круговъ въ глазахъ. Однажды, въ минуту невыносимаго мученія, я не выдержалъ и сказалъ:

— Э, Максимъ Германовичъ! право это все равно!

Киндлеръ замолчалъ, но зато весь обѣдъ дулся и отворачивался отъ меня, какъ отъ unartigen Buben. Когда передъ

вечернимъ чаемъ онъ снова зашелъ ко мнѣ, я просилъ его извинить меня за необдуманныя слова. „То-то, отвѣчалъ Киндлеръ,—я изумился: какъ можетъ быть вамъ все равно то, что выходитъ изъ подъ вашихъ рукъ“.

Тѣмъ не менѣе добросовѣстная критика Киндлера въ отдѣльныхъ случаяхъ переступала надлежащую границу. Мои друзья знаютъ, до какой степени я дорожу всѣми указаніями на мои промахи и несовершенства; но на извѣстной степени я остаюсь при своемъ мнѣніи. Вотъ на этой то точкѣ Киндлеръ иногда вступалъ со мною въ споръ и, что замѣчательно, никогда ни разу по поводу латинскихъ выраженій, а по поводу русскихъ. Изучивши литературную рѣчь, онъ незнакомъ былъ съ народною и вдругъ при какомъ-либо оборотѣ утверждалъ, что такъ нельзя сказать по-русски. Какъ бы то ни было, мы тщательно пересмотрѣли съ Киндлеромъ всего Горація и разстались наилучшими друзьями.

Ко второй половинѣ іюня Петя Борисовъ, пользуясь вакаціоннымъ временемъ при Іенскомъ университетѣ, пріѣхалъ въ Воробьевку. Онъ былъ неистощимъ въ разсказахъ о любезности профессоровъ и ихъ женъ, умѣющихъ вести съ посѣтителемъ самый интересный разговоръ, продолжая развѣшивать на веревкѣ вымытое бѣлье, о воинственномъ настроеніи гражданъ университетскаго города, не пропускающихъ ни одного проходящаго съ музыкой взвода, чтобы въ видѣ мальчишекъ и лавочной прислуги не пристроиться въ хвостѣ колонны и, попавъ въ лѣвую ногу, не промаршировать вслѣдъ за войсками; о знакомой всему городу парѣ соловыхъ герцога Веймарскаго, причемъ весь городъ говоритъ: „das sind die Isabellen des Herzogs“.

Съ неменьшимъ энтузіазмомъ Борисовъ на собственной тройкѣ и въ собственной пролеткѣ навѣщалъ свою Ольховатку. Но какъ вопреки моимъ совѣтамъ онъ затратилъ нѣсколько тысячъ капитала, остававшагося за покупкой имѣнія, а послѣдній урожай оказался неудовлетворительнымъ, то Борисову пришлось просить Ивана Ал. взять имѣніе въ аренду.

Однажды, когда самъ Петруша вызвалъ меня на разговоръ о его матеріальныхъ дѣлахъ, я, упрекнувъ его въ настой-

чивомъ желаніи купить имѣніе, которымъ онъ лично управлять не будетъ, обратилъ его вниманіе и на другой вопросъ.

— Ты читалъ—сказалъ я—новый законъ, по которому выморочныя дворянскія имѣнія становятся достояніемъ мѣстнаго дворянства? Не забудь, что хотя у тебя есть двоюродная сестра Шеншина, но какъ Борисовъ—ты послѣдній въ родѣ Твоя Ольховатка не наслѣдственна, какъ Новоселки и Фатьяново, а имѣніе благопріобрѣтенное, которымъ ты можешь или заживо распорядиться по волѣ, или же предоставить его судьбѣ, какой бы ты не желалъ.

На другой день послѣ этого разговора Борисовъ, не сказавъ мнѣ ни слова, поѣхалъ въ Курскъ, написавши духовное завѣщаніе, и сдалъ его на храненіе натаріусу. Въ чемъ оно состояло—я никогда ни у кого не спрашивалъ.

16-го августа текущаго 82-го года исполнилось 25-лѣтіе нашей свадьбы; но такъ какъ съ одной стороны у молодаго поколѣнія нашихъ племянниковъ и племянницъ къ этому времени кончались каникулы, а у насъ въ деревнѣ начиналась страда, во время которой всѣ матеріальныя силы обращаются въ поле и на гумно, мы рѣшили назначить нашъ семейный праздникъ на 29 іюня. Къ этому же дню моя племянница Оля Шеншина, давшая слово Г—ву, просила пріѣхать къ намъ съ тѣмъ, чтобы я благословилъ ее образомъ.

Такъ какъ все на свѣтѣ относительно, то я воздерживаюсь отъ описанія подробностей нашего сельскаго праздника, начавшагося съ 10-ти часовъ утра угощеніемъ всей деревни пирогами, мясомъ и водкою. Что такого рода юбилеи не въ духѣ русскомъ—можно заключить изъ того, что никакія разъясненія не могли измѣнить убѣжденія крестьянъ, будто въ этотъ день мы рѣшили обвѣнчаться.

Такъ какъ гостей наѣхало много и преимущественно изъ Москвы, то, кромѣ заботы всѣхъ принять и устроить, слѣдовало и намъ озаботиться о возможной полнотѣ праздника. Такъ изъ Курска были привезены музыканты, наводившіе своею игрою постоянный страхъ, что собьются своими инструментами окончательно съ дороги и завязнутъ. На вечеръ Борисовымъ и Иваномъ Ал. сообща былъ приготовленъ сюрпризъ въ видѣ иллюминаціи партера передъ домомъ раз

ноцвѣтными фонарями; а затѣмъ все общество попросили спуститься по темнымъ сходамъ на лужайку къ рѣкѣ, гдѣ по обѣимъ сторонамъ плещущаго фонтана были разстановлены ряды скамеекъ. На противоположномъ берегу рѣки сталъ загораться весьма недурной фейерверкъ; а такъ какъ его наготовлено было много, то все общество не безъ удовольствія послѣ душныхъ комнатъ провело часа два подъ открытымъ небомъ.

Пріѣхавшая утромъ племянница встрѣтила меня словами: „дядя, мы проѣзжали черезъ Орелъ, и пересказать невозможно, что̀ тамъ дѣлается. Это—тотъ ливень, о которомъ говорится по случаю Ноева потопа".

Подъ конецъ нашего фейерверка, какъ бы вторя ему, на юго-востокѣ заиграли зарницы; но мало по малу синеватый блескъ ихъ перешелъ въ сплошное, дрожащее, багровое зарево, быстро передвигавшееся по восточной окраинѣ неба съ юга на сѣверъ. Пошелъ дождикъ.

На другой день мы узнали, что, быть можетъ, въ самую минуту нашего фейерверка произошла печальная Кукуевская катастрофа.

Хотя, при дальнѣйшихъ моихъ переводахъ древнихъ поэтовъ, судьба не посылала мнѣ снова такого спеціальнаго сотрудника, какимъ былъ Киндлеръ, тѣмъ не менѣе мнѣ приходится усердно благодарить людей, радовавшихъ меня своимъ посѣщеніемъ Воробьевки, или же протягивавшихъ руку помощи въ моихъ работахъ. Въ самомъ дѣлѣ, не удивительно ли, что, начиная съ Аполлона Григорьева, я постоянно находилъ людей, безкорыстно жертвовавшихъ въ мою пользу своими досугами? Такими являлись: Ѳедоръ Евгеньевичъ Коршъ, съ которымъ мы прослѣдили всего Ювенала, Овидіевы Превращенія, Катулла и половину Проперція; Ник. Ник. Страховъ, съ которымъ я перечитывалъ Тибулла и Проперція; Влад. Серг. Соловьевъ, исполнившій переводъ 7-й, 9-й и 10-й книгъ Энеиды Вергилія; Д. И. Нагуевскій, снабдившій этотъ переводъ введеніемъ и примѣчаніями; и наконецъ гр. Ал. В. Олсуфьевъ, съ которымъ мы просматривали 2-ю часть Проперція и въ настоящее время усердно трудимся надъ переводомъ такого талантливаго капризника, какъ Мар-

ціалъ. Развѣ возможно безъ глубокой признательности помянуть всѣ эти имена?

Зимой, въ день Новаго Года, почтенный Максимъ Германовичъ не забылъ насъ на Плющихѣ и явился въ мундирѣ инспектора серпуховской прогимназіи. На мой вопросъ: какъ справляется онъ съ новой должностью и связанною съ ней канцелярской работой?—онъ отвѣчалъ, что нимало не тяготился бы дѣло́мъ, если бы родители учениковъ не терзали его.

— Чѣмъ и какимъ родомъ? спросилъ я.

— Своимъ дикимъ отношеніемъ къ дѣлу воспитанія. Станешь говорить объ отсталости мальчика въ наукѣ и просить къ нему репетитора—говорятъ: „Боже сохрани, это дорого, а вы его построже“. Говоришь, что строгость только увеличитъ тупость мальчика — отвѣчаютъ: „а вы всетаки его построже“. На дняхъ, говоря съ однимъ евреемъ объ его сынѣ, я спросилъ: „неужели всѣмъ нужно идти въ классическую прогимназію? Вѣдь вотъ вы торговый человѣкъ. Ну что̀ бы вамъ сына приспособить къ своему дѣлу?“ „Пробовалъ—былъ отвѣтъ—глупъ больно. А тутъ курсъ кончитъ, всетаки докторишкой будетъ“. И такъ будетъ всегда, пока знаніе будетъ давать чинъ.

На слѣдующую весну въ февралѣ мѣсяцѣ, бывшій въ мое время мценскимъ предводителемъ, Ал. Арк. Тимирязевъ заѣхалъ въ Воробьевку съ братомъ своимъ Н. А., командиромъ Казанскаго драгунскаго полка.

Послѣдній искалъ себѣ подъѣздка; но имѣвшаяся въ Воробьевкѣ верховая ему не понравилась, что не помѣшало нашему пріятному знакомству. Когда затѣмъ вернувшемуся изъ заграницы Борисову пришло время отбывать воинскую повинность, то и онъ въ свою очередь нашелъ, что ему всего удобнѣе поступить въ полкъ Николая Аркадьевича, куда онъ и отправился, снабженный рекомендательными письмами Ал. Арк. и моимъ. Справедливость требуетъ сказать, что, не смотря на восторгъ, съ какимъ Петя говорилъ о своемъ поступленіи въ кавалерію, онъ до глубокой осени оттягивалъ свое окончательное отправленіе въ Ромны —штабъ-квартиру Казанскаго полка.

Въ это время, въ виду его праздношатанія по парку и

усадьбѣ, мнѣ удавалось только на весьма короткій срокъ усаживать его за переписываніе набѣло подъ мою диктовку, помнится, Ювенала; и однажды я былъ пораженъ тонкостью и вѣрностью объясненія латинскаго стиха, къ которому мальчикъ совсѣмъ не готовился. Такое солидное образованіе, преимущественно въ дѣлѣ исторіи, нисколько не мѣшало мнѣ съ нѣкотораго времени замѣчать въ Петѣ странности, могшія ускользнуть отъ равнодушныхъ глазъ. Такъ, напримѣръ, онъ подходилъ къ одному изъ скребковъ у четырехъ входныхъ дверей въ домъ и долго и тщательно оскребалъ совершенно сухія подошвы, на которыхъ кромѣ крупинокъ песку ничего быть не могло, и вдругъ рѣшительно отворялъ дверь террасы и, спѣшно проходя черезъ гостиную, столовую, переднюю и сѣни, выбѣгалъ снова на дворъ и оттуда снова въ садъ. Когда его спрашивали, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, онъ отвѣчалъ, что онъ постоянно наблюдаетъ за собственною волей и, выходя на распутье въ паркѣ, заранѣе знаетъ, что ему предстоитъ идти направо; „но при этомъ, говорилъ онъ, мнѣ приходитъ въ голову вся нелѣпость такого малодушнаго предопредѣленія. Такъ вотъ же, говорю, докажу, что нѣтъ воли кромѣ моей собственной, и положительно пойду налѣво. Но не такое же ли это рабство, какъ и первое? Не хочу продолжать рабское раздумье и, глядь—иду уже направо“.

Пуще всѣхъ отъ его эксцентричностей доставалось Ивану Ал., къ которому онъ имѣлъ безграничное довѣріе и привязанность. Едва бывало Остъ уляжется послѣ трудоваго дня на отдыхъ, какъ Борисовъ являеся къ нему и, усѣвшись около его постели, начинаетъ предаваться всевозможнымъ планамъ и химерамъ, такъ что Иванъ Ал. сталъ уже на ночь отъ него запираться на ключъ. А такъ какъ Остъ вставалъ весьма рано, то однажды засталъ Борисова у своихъ дверей лежащимъ въ одной сорочкѣ на голомъ полу корридора, гдѣ вѣроятно заснулъ вслѣдствіе истомившей его безсонницы. Какъ бы то ни было, по настоятельному требованію моему онъ въ концѣ августа уѣхалъ въ полкъ, и полковой командиръ въ письмѣ ко мнѣ расточалъ вольноопредѣляющемуся Борисову самыя лестныя похвалы.

Однажды утромъ слуга доложилъ мнѣ о пріѣздѣ чиновника

изъ губернскаго правленія, котораго ввелъ затѣмъ въ кабинетъ.

— Я имѣю порученіе собрать статистическія свѣдѣнія на мѣстѣ и явился къ вамъ исполнить свое порученіе, сказалъ чиновникъ, указывая на портфель.

— Не угодно ли вамъ присѣсть къ столу и предлагать ваши вопросы.

— Позвольте мнѣ спрашивать по порядку росписанія, сказалъ молодой человѣкъ, выкладывая свои бумаги. — Сколько въ вашемъ имѣніи земли?

— Не знаю и не откуда мнѣ это знать.

— Помилуйте, какъ это такъ?

— Если бы вы спросили: сколько по купчей значится земли, я бы справился и тотчасъ вамъ отвѣтилъ. Но таково-ли въ дѣйствительности это количество—никто не знаетъ.

— Сколько у васъ лѣсу?

— Не знаю. Никто не мѣрилъ, и въ купчей не сказано. Кто говоритъ 300 десятинъ, а можетъ быть и меньше.

— Сколько у васъ лошадей?

— Не знаю. Описи составлены давно; перемѣны въ числѣ происходятъ чуть не ежедневно; и лишь бы лошади были цѣлы, а точное ихъ число никого не интересуетъ.

— Много-ли рогатаго скота?

— Не знаю по той-же причинѣ. Если-же вамъ угодно выставить приблизительныя цифры, то я согласенъ вамъ ихъ подсказать.

Пришлось по необходимости довольствоваться послѣднею мѣрой, и результатомъ вышло статистическое свѣдѣніе хотя и безтенденціозное, но зато близко подходящее къ дѣйствительности. Но черезъ нѣкоторое время оказалось что и отъ статистическихъ цифръ требуется извѣстная по'азность и красота, совершенно независимыя отъ дѣйствите ьнаго положенія вещей.

Является становой приставъ съ просьбою о статистическихъ показаніяхъ урожая въ настоящемъ году. Такъ какъ, независимо отъ конторскихъ книгъ, я въ своей кабинетной книгѣ постоянно записывалъ число копенъ и количество обмолоченнаго зерна, то и послалъ принести эту книжку.

— Почемъ у васъ стала рожь? спрашиваетъ приставъ.

— Вотъ видите, моей рукой написано: по 11-ти копенъ кругомъ.

— Это ужь какъ-то очень мало.

— Я то же думаю, но что же дѣлать.

— Ужь очень маловато такъ записывать.

— А сколько бы вы желали записать?

— Да хоть-бы копенъ по 14-ти.

— Сдѣлайте милость, пишите по 14-ти.

— А сколько стало кругомъ овса?

— По восьми копенъ.

— Помилуйте! больно мало; хоть-бы по 12-ти.

— Пишите по 12-ти.

— А пшеницы?

— Видите, у меня записано по 12-ти копенъ.

— Ужь очень обидно! надо бы хоть копенъ по 18-ти.

— Пишите по 18-ти.

Такъ какъ я означенныхъ справокъ не подписывалъ, то и не мѣшалъ приставу выставлять цифры, болѣе соотвѣтственныя неизвѣстнымъ мнѣ цѣлямъ.

Зимою, отпросившись въ кратковременный отпускъ, Петруша въ драгунскомъ мундирѣ пріѣхалъ къ намъ въ Москву, но увы! съ отчаянно отмороженными ушами, такъ что изъ опасенія антонова огня нужно было послать за медикомъ.

— Гдѣ это ты такъ отморозилъ уши? спросилъ я.

— Да на дворѣ 25 градусовъ морозу, а я, ѣхавши сюда, вышелъ постоять въ фуражкѣ на платформѣ поѣзда. Когда стало щипать уши, я сказалъ себѣ, что солдатъ не долженъ обращать вниманія на морозъ. Да такъ ихъ и обморозилъ.

Въ августѣ того же 1883 года мы узнали о смерти долго томившагося Тургенева. Хотя посѣщавшіе его передъ смертью люди разсказывали о стѣснительныхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ находился въ послѣднее время, но такъ какъ всѣ эти свѣдѣнія получались изъ вторыхъ рукъ, а я говорю только о несомнѣнно мнѣ извѣстномъ, то скажу только, что высказываемая имъ когда то мечта о женскомъ каблукѣ, нагнетающемъ его затылокъ лицомъ въ грязь, сбы-

лась въ переносномъ значеніи въ самомъ блистательномъ видѣ.

Чтобы спасти для Россіи хотя клочокъ значительнаго достоянія Тургенева, ушедшаго заграницу, я не преминулъ объяснить моей племянницѣ Г...й ея наслѣдственныхъ правъ на Спасское.

Когда лѣтомъ 84 г. Петруша снова прибылъ въ отпускъ, я спросилъ его, почему онъ, прослуживши вмѣсто полугодичнаго срока почти годъ, — не выходитъ въ отставку? Онъ отвѣчалъ, что готовится изъ военныхъ наукъ, для того чтобы въ Петербургѣ держать экзаменъ на офицера. Выше я говорилъ объ отношеніяхъ покойнаго И. П. Борисова, а черезъ него и Петруши къ нашему общему земляку И. П. Н—у. Когда въ послѣднее наше свиданіе я сталъ жаловаться Н—ву на странныя выходки Петруши, заставляющія опасаться душевнаго разстройства,—Иванъ Петровичъ воскликнулъ: „какой вздоръ! пришли его ко мнѣ, я его разбраню и подтяну хорошенько, и все пойдетъ прекрасно“.

Мнимо готовясь къ офицерскому экзамену, Борисовъ бывалъ въ Петербургѣ у Н—ва, который былъ къ нему безконечно добръ и любезенъ. Въ обществѣ Борисовъ держалъ себя безукоризненно; но я въ душѣ мало довѣрялъ этой сдержанности.

Однажды, вначалѣ 1885 года я получилъ изъ Петербурга слѣдующую телеграмму:

„Петя боленъ; разбилъ у меня окно. Что дѣлать? Н—овъ“.

Я отвѣчалъ: „отправить къ доктору“. Такимъ образомъ онъ былъ помѣщенъ въ лѣчебницу св. Николая, а я назначенъ опекуномъ къ нему и къ его имѣнію.

Два года затѣмъ я томился мыслью, что быть можетъ несчастный больной не пользуется удобствами, на акія могъ бы разсчитывать по своимъ средствамъ.

Вслѣдствіе этого я искалъ, распрашивалъ подходящаго частнаго заведенія, и выборъ мой остановился на прекрасной частной лѣчебницѣ, по сосѣдству отъ нашего дома на Плющихѣ, на хорошо знакомомъ мнѣ мѣстѣ дома покойнаго М. П. Погодина. Оставалось только перевезти больнаго изъ Петербурга въ Москву, добившись формальнаго увольненія

его изъ больницы. Въ Петербургѣ я обратился за совѣтомъ къ тамошнему старожилу шурину своему М. П. Боткину, который тотчасъ же объявилъ, что состоитъ попечителемъ больницы св. Николая и немедля готовъ исполнить мое желаніе, хотя не можетъ уяснить себѣ, съ какою цѣлью я задумалъ перемѣщеніе больнаго, матеріальныя условія жизни котораго не оставляютъ желать ничего лучшаго. Въ этомъ Боткинъ предложилъ мнѣ лично удостовѣриться тотчасъ же, переѣхавъ съ нимъ въ лодкѣ черезъ Неву, на лѣвомъ берегу которой, прямо противъ его дома, стоитъ больница св. Николая. Въ конторѣ больницы старшій докторъ, услыхавъ о моемъ желаніи видѣть больнаго, провелъ насъ въ большую, свѣтлую и прекрасную комнату, занимаемую Борисовымъ. На кровати, стоящей посреди комнаты, я увидалъ больнаго въ прекрасномъ сѣромъ халатѣ, сидящимъ съ опущенною на руки и понуренною головой. Когда докторъ остановился противъ больнаго, имѣя Боткина по правую, а меня по лѣвую руку, Борисовъ не обратилъ на насъ ни малѣйшаго вниманія и что-то бормоталъ, причемъ докторъ сказалъ: „читаетъ наизусть латинскіе стихи".

— Петръ Ивановичъ, сказалъ докторъ, посмотрите, кто къ вамъ пришелъ.

При этихъ словахъ больной повернулъ голову налѣво и, узнавъ Боткина, слегка улыбнулся и снова понурилъ голову.

— Петръ Ивановичъ, да вы посмотрите направо, сказалъ докторъ.

Больной поднялъ голову, и глаза его вспыхнули огнемъ восторга.

— Дядя Аѳоня! крикнулъ онъ. Но это былъ одинъ моментъ: лучъ восторга, засіявшій въ глазахъ его, видимо погасалъ, и, понуря голову, онъ снова сѣлъ на прежнее мѣсто, съ котораго было порывисто вскочилъ.

Убѣдившись въ превосходномъ уходѣ за моимъ больнымъ, я отказался отъ мысли перевозить его въ Москву.

Въ январѣ 1886 года Киндлеръ пріѣхалъ насъ поздравить съ новымъ годомъ въ качествѣ уже окружнаго инспектора, а когда вначалѣ марта мы собрались въ деревню, то услыхали, что онъ захворалъ, какъ оказалось впослѣд-

ствіи, черною оспой, отъ которой и умеръ въ полномъ расцвѣтѣ силъ.

Только на дняхъ изъ несомнѣннаго источника я услыхалъ подробности его смерти. Узнавши, что заболѣлъ черною оспой, онъ перерѣзалъ себѣ горло бритвой; но въ госпиталѣ, куда его отправили, черная оспа прошла, а между тѣмъ онъ умеръ отъ нанесенной себѣ раны. Психическій мотивъ этого поступка остался для меня тайной.

Въ декабрѣ 1887 г. я ѣздилъ въ Петербургъ по весьма непріятной тяжбѣ, свалившейся на меня, какъ снѣгъ на голову, какъ бы въ подтвержденіе французской пословицы: „qui terre a, guerre a“.

И на этотъ разъ нашъ общій съ Полонскимъ пріятель, Н. Н. Страховъ, снова сталъ передавать мнѣ сѣтованія Полонскаго на то, что я, бывая въ Петербургѣ, не только попрежнему не навѣщаю его, но даже не бываю по пятницамъ, на которыхъ бываютъ всѣ его пріятели. Передавъ Страхову о черной кошкѣ между мною и Тургеневымъ, пробѣжавшей по поводу письма Полонскаго, я просилъ Ник. Ник. объяснить Полонскому, что мнѣ неловко съ оскорбленіемъ въ душѣ попрежнему чистосердечно жать ему руку. Послѣдовало со стороны Полонскаго объясненіе, что никогда онъ не писалъ словъ въ приписанномъ имъ Тургеневымъ смыслѣ. При этомъ Яковъ Петровичъ сказалъ: „впрочемъ я могъ бы много съ своей стороны выставить такихъ Тургеневскихъ выходокъ“.

Я не полюбопытствовалъ спросить, — какихъ; и сердечно радуюсь возстановленію дружескихъ отношеній съ человѣкомъ, на котораго съ университетской скамьи привыкъ смотрѣть, какъ на брата.

Между тѣмъ въ Борисовской Ольховаткѣ пришлось энергически приступить къ перестройкѣ усадьбы, которая по причинѣ ветхости не могла служить своимъ цѣлямъ, а 25 марта 1888 г. пришла телеграмма о кончинѣ Пети.

Мих. Петр. Боткинъ, взявшій на себя хлопоты похоронъ Борисова, писалъ:

„Смерть сняла съ него все, наложенное на его черты недугомъ: въ гробу лежалъ прекрасный интеллигентный юноша“.

Приходилось развязывать узелъ опеки, и по вскрытіи ду-

ховной Борисова оказалось, что онъ все свое состояніе завѣщалъ мнѣ.

Мнѣ бы слѣдовало закончить свои воспоминанія юбилейными днями 28 и 29 января 1889 года. Но объ этомъ такъ много было говорено въ разныхъ изданіяхъ, что я не надѣюсь сообщить по этому случаю что либо новое читателю, который и безъ того можетъ счесть мои воспоминанія слишкомъ подробными.

Оглавленіе.

Находятся въ продажѣ:

Стихотворенія А. Фета. 2 части. Москва, 1863 г. Ц. 2 р.

Фаустъ. Трагедія Гёте. Часть I. Переводъ А. Фета. Москва, 1882 г. Ц. 1 р.

Фаустъ. Часть II. Переводъ, предисловіе и примѣчанія А. Фета. Изданіе второе. Москва, 1888 г. Ц. 2 р.

Вечерніе огни. Собраніе неизданныхъ стихотвореній А. Фета. Москва, 1883 г. Ц. 2 р.

Вечерніе огни. Выпускъ второй неизданныхъ стихотвореній А. Фета. Москва, 1885 г. Ц. 1 р.

К. Горацій Флаккъ. Въ переводѣ и съ объясненіями А. Фета. Москва, 1883 г. Ц. 3 р.

Сатиры Ювенала. Въ переводѣ и съ объясненіями А. Фета. Москва, 1885 г. Ц. 3 р.

Стихотворенія Катулла. Въ переводѣ и съ объясненіями А. Фета. Москва, 1886 г. Ц. 1 р. 50 к.

Элегіи Тибулла. Въ переводѣ и съ объясненіями А. Фета. Москва, 1886 г. Ц. 1 р.

Артуръ Шопенгауэръ. Міръ какъ воля и представленіе. Переводъ А. Фета. Изданіе второе. Москва, 1888 г. Ц. 3 р.

Артуръ Шопенгауэръ. 1) О четверномъ корнѣ закона достаточнаго основанія. 2) О волѣ въ природѣ. Переводъ А. Фета. Москва, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

Публія Овидія Назона XV кн. Превращеній. Въ переводѣ и съ объясненіями А. Фета. Москва, 1887 г. Ц. 3 р.

Энеида Вергилія. Часть первая (I–VI). Въ переводѣ А. Фета и съ объясненіями Д. Нагуевскаго. Москва, 1888 г. Ц. 1 р. 50 к.

Энеида Вергилія. Часть вторая (VII–XII). Въ переводѣ А. Фета и съ объясненіями Д. Нагуевскаго. Москва, 1888 г. Ц. 1 р. 50 к.

Элегіи Секста Проперція. Въ переводѣ и съ объясненіями А. Фета. Петербургъ, 1888 г. Ц. 1 р. 50 к.

Сатиры Персія. Въ переводѣ и съ объясненіями А. Фета. Петербургъ, 1889 г. Ц. 1 р.

Цѣна за обѣ части 4 руб.